

Александр Зорич
Беглый огонь
STALKER –

Текст книги предоставлен автором <http://www.litres.ru>
«Зорич А. Беглый огонь: роман»: Астрель; М.; 2009
ISBN 5-17-037998-6, 5-17-037999-4

Аннотация

Беглые сталкеры Комбат и Тополь исходили Зону вдоль и поперек. Но и между ними пробежала кошка. Тополь подался в военные сталкеры и служит на Речном Кордоне – опаснейшем уровне Зоны, который протянулся вдоль нового русла Припяти. Ну а Комбат по-прежнему на вольных хлебах, добывает хабар в одиночку... За ценным хабаром Комбат готов идти куда угодно, даже к Монолиту, но в одном уверен твердо: никогда и ни за что не сунется он за Янтарное озеро. Однако иногда Судьба делает такие предложения, от которых нельзя отказаться. И тогда Комбат отправляется за своим бывшим напарником, Тополем, на Речной Кордон...

Александр Зорич
БЕГЛЫЙ ОГОНЬ

*Посвящаю эту книгу экономическому кризису и писателю
Василию Орехову*

ПРОЛОГ

Пятеро военных сталкеров пересекали реку Припять в ботинках-мокроступах. Час был ранний, лица у всех пятерых были бледными и припухшими от недавнего сна. Командир отряда Константин Уткин, в кругах вольных сталкеров более известный как Тополь, вел свой отряд на юг, к Серой Лощине, откуда еще ночью был получен сигнал бедствия от трех румынских разведчиков из состава ооновских сил. Кто и зачем занес румынских вояк в глубь Зоны, Тополь понятия не имел.

Идти в мокроступах было тяжело – эти экспериментальные ботинки, чье действие обеспечивалось редкими артефактами Зоны, требовали напряжения почти всех мышц человеческого тела.

Но ботинки-мокроступы были в том выходе совершенно незаменимы. На пути военсталкеров поджидали еще несколько водных преград, да и сама Серая Лощина в последние месяцы была окаймлена болотами и топями.

Тополь остановился первым. Вытер пот со лба тыльной стороной ладони. Перенес вес тела с левой ноги на правую и набрал полные легкие воздуха. Выдохнул. Выругался.

Они только вышли, а он уже чувствовал себя уставшим. Проклятый Речной Кордон! Кто бы мог подумать, что служба военного сталкера хуже каторги! Рейды, засады, пикеты, спасательные выходы чуть не по три в неделю...

Вслед за командиром остановились и его бойцы.

Не сговариваясь, все пятеро обернулись в сторону левого берега, откуда они начали свой путь. Низкие грозовые тучи нависали над укреплениями Речного Кордона – форпоста сил порядка и справедливости в Чернобыльской Зоне Отчуждения.

– А казармы-то совсем игрушечными кажутся, – сказал один боец. – Вроде там не люди, а кролики живут...

– Как по мне, наши французы не слишком далеко от кроликов ушли. Жрут все время и о случаях мечтают, – критически заметил другой.

– Отставить национальную рознь! – скомандовал Тополь, хотя в глубине души был согласен. Служба в интернациональном гарнизоне давалась ему нелегко.

– А новый ДОТ отсюда очень даже смотрится, – с одобрением протянул третий боец, прихлебывая воду из фляги. – Недаром строители пять месяцев мордовались...

– Даром или недаром – время покажет, – проворчал широкоплечий военсталкер с пулеметом «Печенег». – В Зоне ни в чем уверенным быть нельзя. Сегодня ДОТ есть и для использования пригоден. А завтра в нем свора каких-нибудь полтергейстов заведется – и никто из нас туда уже не sunется ни за какие деньги!

Рокот двух вертолетов ударил из-за верхушек деревьев внезапно, как бывает только в Зоне из-за ее блуждающих акустических стен.

Тополь задрал голову, ожидая увидеть пару «Скайфоксов», которую мог выслать Главный Штаб Периметра на подмогу незадачливым румынам, дублируя выход их военсталкерской группы. Но вместо узкобедрых красавцев «Скайфоксов» над ними неспешно проползли разъевшиеся на сытных еврохарчах многоцелевые ЕН-101 «Корморан».

– Это кто к нам пожаловал, интересно?

– Почему к нам-то? Не к нам. Это не иначе как на Янтарь полетели, в лаборатории.

– На Янтарь европейцы таким пузаном не полетели бы. Европейцы на Янтарь вообще не полетели бы. Нечего им там делать, – веско сказал Тополь. – Я не я буду, это на «Объект 2106».

– А что это за объект, товарищ командир? – спросил тот из бойцов, кто был самым младшим. Будь он обычным вольным сталкером, ходить бы ему по малоопытности в отмычках.

– Говорят, тоже лаборатория. Но с виду больше на ракетную базу похоже. Охраняется покруче Пентагона.

– Шутите? Что-то я на карте этого вашего объекта не видел!

– Какие тут шутки. На официальных картах его и нет. Я один раз в километре от их периметра костер развел, замерз сильно. Так через минуту на огонек дрон прилетел. И начал как попугай на десяти языках требовать, чтобы я убирался.

– А вы бы в него из автомата шмальнули!

– Так я и шмальнул.

– И что?

– Ну сбил, – сказал Тополь с легким смущением. – Но приятного мало все равно в такой атмосфере... Ладно, нашли тоже место разговоры говорить. А если водянка-сварщик

выскочит? Или рак-гороскоп? Видали таких? Не видали? Вот лучше бы и дальше вам в счастливом неведении оставаться...

Константин «Тополь» Уткин не соврал. На большинстве карт Зоны «Объекта 2106» действительно не было.

Не было его и во всеобъемлющем ооновском реестре научных учреждений мира.

Однако его хозяина, доктора Севарена, это нисколько не смущало. Гостей доктор Севарен не любил. Да и сам в гости не ходил.

Неприступности «Объекта 2106» позавидовал бы и Форт-Нокс. Он был окружен бетонированным рвом, который при необходимости заполнялся напалмом. Перед рвом тянулась цепочка глубоковакуумных фугасов, каждый из которых был способен отправить в небытие танковый взвод.

Между рвом и проволочным забором объекта была проложена дорога, по которой с двухминутным интервалом двигались патрульные джипы и пешие дозоры.

Обслуживал все это великолепие интернациональный коллектив из ста человек. Были здесь и русские, и поляки, и марокканцы, и даже уроженцы далекой Новой Зеландии. Доктор Севарен был уверен: чем пестрее коллектив, тем труднее врагу будет найти с ним общий язык.

О врагах доктор Севарен последние тридцать лет думал часто. Благо их у него, простого канадского миллиардера, хватало.

Когда-то доктор Севарен был подающим надежды ученым – двуногим лабораторным хомячком в очках с толстыми линзами, обладателем шикарной научной библиотеки и чемпионом Квебека по эротическому тетрису.

Во время всемирного финансового кризиса 2008 года беднягу выгнали из отдела биологической защиты Европейского центра ядерных исследований – того самого центра, который, как известно, позднее довел-таки андронный коллайдер до закукливания в карманную черную дыру. Два месяца Севарен с горя резался в тетрис, чуть не помер от нервного истощения, но инстинкт самосохранения взял верх, и тогда он решил основать собственную фирму. Занял у мачехи, Фионы Морган, наследницы одного из крупнейших состояний Канады, несколько миллионов и взялся за дело.

Севарен создал фирму «Фиона-Криотех». Фирма специализировалась на покойниках, точнее, на почти покойниках. А именно – на длительной заморозке неизлечимо больных. Конечно, больных морозили и до Севарена. Но лишь пронырливому доктору удалось привлечь гигантские инвестиции со стороны производителей жидкого гелия, сделать эту услугу доступной среднему классу «золотого миллиарда» и даже включить заморозку в базовый пакет социального страхования. Со временем имя «Фиона» из названия как-то незаметно исчезло.

«Криотех: в будущее на ледяной машине времени!» – обещал рекламный слоган компании.

Севарен был сказочно богат. Его имя не покидало «горячей сотни» журнала «Forbes».

Но честолубие Севарена оставалось таким же неудовлетворенным, как и в молодости. Он верил в одну лишь науку. И единственная слава, которой он жаждал, была славой ученого.

На доктора Севарена уже работали сотни светлых голов. Но Нобелевская премия каждый раз ускользала из его холодных рук.

Когда научные издания мира наполнились статьями о новообращенных чудесах Зоны, доктор Севарен понял: его место там.

Заработанные «Криотехом» миллиарды пришлось как нельзя кстати. Одних взяток на уровне правительств Украины, России и Евросоюза пришлось раздать под четыре десятка миллионов. Не говоря уже о стоимости работ посреди Зоны! Чтобы построить подземный комплекс лабораторий, стройматериалы пришлось доставлять в Зону вертолетами. А чтобы

заманить в эти лаборатории перспективных сотрудников, их прежние зарплаты приходилось утрясать, а то и упятерять.

Но Севарен легко переносил все эти сногшибательные траты. Его вел азарт. Он чуял – перед ним простирается Небывалое собственной персоной. Еще немного – и ему будут устраивать стоячие овации на всемирных научных конгрессах, его именем назовут престижные гимназии для детей олигархов, а сам он напишет первый в мире учебник по психифизике...

Шли годы. Персонал «Объекта 2106» – или «Наутилуса», как его называл сам Севарен, – проедал свою зарплату. Открытия и патенты сыпались как из рога изобилия. Случались среди них и первоклассные. Но Нобелевская премия была по-прежнему недостижима, как любимая наложница саудовского короля...

– Так что там с этими проходимцами из «Свободы», Фишер? – спросил доктор Севарен у своего секретаря.

– Они требуют поднять оплату вдвое!

– Вдвое? Вот так наглость! Библейского масштаба!

– Я того же мнения, господин доктор!

– Вот что: подними на четверть, и пусть убираются к дьяволу.

– Будет исполнено, господин доктор! – Фишер сделал пометку в своем электронном блокноте.

– Следующий вопрос.

– К вам обратился с официальной просьбой здравствующий князь Лихтенштейнский Бертран Адам Третий. Красивое такое письмо прислал, на гербовой бумаге...

– Я безмерно тронут, – проворчал Севарен, взгромождая на свой письменный стол ноги в стоптанных кроссовках за девять евро девяносто девять евроцентов. – И что ему надобно, этому венценосному вырожденцу?

– Хочет, чтобы вы проконсультировали его дочь. Пишет, что слышал ваш доклад на всемирном конгрессе физиологов в Оттаве, где вы утверждаете, что облучение установкой «Цирцея» приводит к устойчивой ремиссии болезни Милна...

– А что, его дочь болеет Милном? – спросил Севарен равнодушно.

– Да.

– Скажи этому князю, чтобы катился. Переводить на очередную аристократическую вырожденку «черепаший панцирь» – это чересчур. Все королевские дома Европы не стоят этого редчайшего артефакта! Мужчина, который хочет здоровых детей, должен жениться на официантке, а не на своей двоюродной сестре-герцогине, как это у них, у европейских монархов, водится...

– Но, доктор... Он пишет, она очень сильно страдает физически...

– Да мало ли, кто что пишет! – вспыхнул доктор. – Следующий вопрос.

– Капитан охраны господин де Врийе сообщает, что, по его данным, деятельность враждебного нам Ордена в последние месяцы резко активизировалась. В связи с чем господин де Врийе просит вас сдать на хранение по стандартной процедуре наш Камень. Говорит, что нельзя быть уверенным в его безопасности, когда он лежит в ящике вашего письменного стола.

– Что значит нельзя быть уверенным в его безопасности? – взвился доктор Севарен. – Я плачу этому отставному дуболому-парашютисту, убийце сербских сирот, за то, чтобы он обеспечивал неприкосновенность каждого спичечного коробка на каждом квадратном метре моего «Наутилуса»! Вне зависимости от того, активизировался этот чертов Орден или провалился в ад!

– Так ему и передать?

– Так и передайте. Кстати, эти аномалисты из Китая уже прибыли?

– Пока нет. Самолет задержался на промежуточной посадке в Мумбаи из-за погодных условий.

– Жаль. Я рассчитывал, Люй Гун наконец поможет нам настроить установку «Хром»

так, чтобы она предсказывала появление Каменного Неба с точностью до четверти часа... Кстати, с нашим «Хромом» не стыдно и в Нобелевский комитет подаваться...

– Подавайся, не подавайся, а пока существует это проклятое «лобби Старого Света»...

– Лицо секретаря было исполнено скепсиса. – Уверен, без протекции венценосных особ Швеции наше предприятие и на этот раз обречено.

В этот миг доктора осенило.

– Как ты сказал? Без протекции? Венценосных особ? – спросил он, и его глаза хищной птицы озарились желтым огнем.

– Да, я так сказал.

– А до этого ты о каком таком князе говорил? Дочка у него... Письмо...

– О князе Лихтенштейнском.

– А проверь-ка, не является ли князь Лихтенштейнский родственником короля Швеции?

Секретарь шустро набрал в своем электронном блокноте поисковый запрос. И через несколько секунд, сияя, сообщил:

– Является. Бертран Адам Третий – двоюродный брат короля по материнской линии.

– Чудесно! Лучше и быть не может! Сейчас же напиши этому князю, что я беру его дочку на лечение! Но за это он должен пообещать мне свою помощь в установлении кое-каких плодотворных контактов. Улавливаешь, к чему я клоню, Фишер?

– Разумеется, – с иезуитской улыбкой отозвался секретарь. – Пожалуй, самое время заказывать в Лондоне смокинг для Нобелевской церемонии. Они там, на Олд-Брик-роуд, всегда чертовски медлительны, когда речь заходит о смокингах!

Глава 1. Мисс-86

Oh my god that's the funky shit.

«Funky shit», Prodigy

Ребята зовут меня Комбатом, хотя по паспорту я Владимир, Вова.

Меня называли так в честь деда, летчика ВТА – военно-транспортной авиации. Он пилотировал самолеты Ан-12 и Ан-22 «Антей» и, говорят, был самым отчаянным картежником во всем авиаотряде.

Дедушку назвали Владимиром в честь вождя мирового пролетариата Владимира Ленина его родители, заядлые коммунисты.

Не могу сказать, чтобы мне не нравилось мое имя. Нормальное вполне. Хотя и намекает на обременительную необходимость овладеть миром, на какой-то комплекс завоевателя, Наполеона.

Я не люблю завоевывать. И, если уж быть откровенным, считаю, что лучшее место для наполеона – на новогоднем столе, среди оливье и бутербродов с икрой. Ну а если не на столе, то в сумасшедшем доме, в палате для тех, кто страдает манией величия. Я не велик, нет. Я хожу по Зоне, добываю артефакты и коплю денежки на собственную яхту.

В общем, я сталкер по имени Володя. Но лучше бы вам называть меня Комбатом.

Я давно заметил: когда кто-нибудь в Зоне или по дороге к ней зовет меня Вовой, Вованом, Вовиком, случаются очень странные вещи.

Так было и в тот раз.

– Вовик!

Я вздрогнул.

– Вовичек! – прокричала мне в спину официантка Мариша, когда я уже стоял на пороге бара «Лейка».

– Что, родная? – С девушками я обычно ласков и терпелив.

– У меня в комнате электрочайник сломался. – Пухлые губки Мариши вызывающе

блестели розовой помадой. – Посмотришь потом? Ну, когда вернешься?

– Посмотрю, милая.

– А то как же мне это... без чая?

– Без чая приличной девушке жизни нету, – согласился я.

Мариша послала мне уже четвертый за то пасмурное утро воздушный поцелуй и, вилля бедрами, удалилась на кухню под устрашающим взглядом злого по утрам Хуареса.

Хозяин «Лейки», скупщик хабара по кличке Хуарес, держал своих дамочек в черном теле. Сексуальные связи с постоянными клиентами еще дозволялись, а вот щелканье клювом во время рабочего дня – никак нет.

У нас с Маришей, что называется, «было». Причем уже четыре раза.

Уже четыре раза, возвращаясь в «Лейку» с отменной добычей, я предпочитал «новенькую» Маришу ее товаркам – таким же, как она, бездумным прожигательницам молодости.

Я даже удостоился немереной чести ночевать в Маришиной комнате (имея между тем невдалеке от «Лейки» собственное бунгало, купленное у того же Хуареса). Эта самая комната поразила меня до самых глубин моей сталкерской души. Она была под потолок набита вазочками, розочками, статуэтками, плюшевыми медведиками и куколками, постерами со слащавыми рожами поп-певцов, подушечками с розовыми рюшами и прочим девчачьим хламом. Все это Мариша привезла с собой в двух чемоданах из родного Луцка, когда приняла решение перейти из категории «школьницы» в категорию «шлюхи».

По крутому крыльцу «Лейки» я сошел бодрой походкой человека, которому дозволено дергать за бороду Хозяев Зоны.

Однако на душе у меня скребли кошки.

Подумать только: она употребила табуированную среди сталкеров формулу «когда вернешься». Врезать бы ей по розовой попе!

«Электрочайник у нее сломался... Мне бы ваши проблемы, Марьиванна, то есть Мариша Батьковна», – злился я.

В шутку я размышлял о том, не подарить ли дурочке на замену сломавшегося электрочайника «клюковку» – малоценный артефакт в виде налитой красным цветом бусины.

Каждая такая бусина, будучи помещена в стакан с водой, ровно через две секунды вызывает закипание, а где-то через минуту – полное испарение содержимого.

Жаль только, воду из стакана, где побывала «клюковка», пить нельзя категорически. Мы как-то для смеху одной псине, что к Тополю приبلудилась, такой воды дали. Псина вначале облезла догола, потом всю ночь бесновалась, выла жутко, а к утру, когда мы уже пристрелить ее решили, врезала дуба. Мы нашли ее – оскаленную, тощую, голую – возле миски с сухим кормом. Тополь, сентиментальный черт, даже заплакал. Все приговаривал: «Джек, Джек, извини меня».

Ясное дело, «извини». Это его идея была Джеку той воды «клюквенной» дать...

Дарить «клюковку» Марише я, конечно, не собирался.

Девушка она была глупая, своекорыстная и бесстыдная. Но не вредная. И красивая, с тонкой талией, наливным задом и мягкой белой грудью. За последние два качества многое можно простить.

Наш брат сталкер любит хвалиться – я, мол, равнодушен к бабам. Мол, без них легко проживу.

Я тоже без них проживу. Но вот только про равнодушие заливать не стану. Я люблю женщин, даже слишком.

И в тот раз, между прочим, все началось с женщины – Мариши – и продолжилось тоже женщиной. Эту, другую, я назвал Мисс-86.

Я пересек Периметр в районе Лишайников – так сталкеры называли березняк, деревья в

котором обильно поросли диковинными серебристо-серыми наростами.

Это было «мое» место. «Мое» и моих старинных друзей-приятелей – Кабула, Ватсона, Богомола и, конечно, Тополя. Больше никто из сталкеров эти места не жаловал и этим входом в Зону не пользовался – опасно, но, главное, от всего важного-интересного далековато.

Скептики были по-своему правы. И далеко, и опасно.

Но к здешним опасностям я лично привык. Завел даже специальный маскхалат под цвет лишайных берез и кочек, который делал меня, когда я залегал под деревьями, практически невидимым. Однажды в считанных метрах от меня прошло звено военсталкеров, изучавших Периметр на предмет свежих прорывов. И ни один в мою сторону не поглядел!

А расстояния до важного-интересного меня никогда не пугали. Даром, что ли, я когда-то был чемпионом универа по бегу на сверхдлинные дистанции?

Сразу за березовым лесом начинались места, которые на старой топографической карте звались Касьяновыми топиями.

Кто такой этот Касьян и почему топи в его честь назвали, мне, конечно, было неизвестно. Но я представлял себе этого Касьяна чем-то вроде Черного Сталкера, таким развоплощенным, но могущественным стильным чувачком, одетым в черную кожу со стальными заклепками и расположенным лично ко мне. Чем-то вроде Деда Мороза для взрослых... И когда случалась в топах какая-нибудь херня, я всегда поминал этого самого Касьяна. Чтобы помог.

Я уже говорил вам, что суеверен? Нет? Тогда говорю.

А вот мой дружок Тополь, у него была страсть всегда все переименовывать, и желательно как-нибудь этак глумливо, со снижением, называл Касьяновы топи «канализацией». Из-за специфического сероводородного запаха, который исходил от тамошней воды.

Через топи мы, сталкеры, проложили тропу.

Нет, мы не делали насечек на стволах хилых сосенок и не обвешивали кусты красными тряпочками. Но специалисту – вроде меня – всегда было ясно: ступать сначала сюда, а потом туда. А во-он туда – туда не ступать. Там разбросан пяток раскрытых шишек. Это значит, рядом птичья карусель. А вон там вообще можно отдать Богу душу, там – гравиконцентрат. О чем свидетельствует скрученная буквой «С» молодая осинка.

В отличие от большинства сталкеров, которые те места презирали, я обычно покидал Лишайники и вступал на зыбкие почвы Касьяновых топей с чувством глубокого морального удовлетворения.

Я знал: военсталкеров с Периметра более бояться незачем. Ни один, даже самый ретивый армейский, сюда не сунется.

Что же до гниленькой сероводородной вони, так против нее у меня имелся новомодный противогаз «Циклон-10». Который, по единодушному признанию всех моих друзей, служил также и лучшей защитой от жгучего пуха, ядовитой пыли и радона – тяжелого, очень радиоактивного инертного газа. Радон этот паскудный то и дело на Касьяновых топах выделялся, прямо струями бил – хорошо различимыми в сумерках и ночью из-за природной флюоресценции.

А противогаз этот, «Циклон-10», я месяца три назад снял с пояса мертвого сержанта.

Да-да, хочешь быть сталкером – забудь о брезгливости. Снял, хорошенько прокрутил в стиральной машине, посушил – и включил в состав своей экипировки. Что же добру пропадать?

Одутловатый сержантский труп лежал на опушке березовой рощи. В левой, остывшей уже руке сипло надрывалась рация. Я бегло осмотрел тело и не обнаружил ни ран, ни ожогов, ни следов зубов. Вообще ничего.

Может, тот сержант от инфаркта умер? Или от прободения язвы желудка? Вот это номер – сканать от такого в Зоне!

Я бодро шагал через топи, опираясь на длинный, вырезанный из дуба посох (обычно я, выходя из Зоны, оставлял его в тайнике между двух сросшихся берез).

Утро было пригожим – где-то там, вдалеке, в дымке, вставало, неохотно вызолачивая серые вершины деревьев, солнце – нечастый гость в небе над Зоной.

Роса искрилась на мху, которым обильно поросли кочки.

Чу! Вдруг я услышал птичью трель. Пичужка, сидя на ветке молодой осины, радостно запела, запрокидывая свою неумную головку. Как видно, залетела сюда из-за Периметра по ошибке и теперь будет жестоко за это наказана.

«А грибов-то...» – вдруг заметил я. Мне даже начало казаться, что я в обычном лесу, возле дачи моих родителей под Витебском, среди милого белорусского захолустья.

Над ухом моим зудел комарик, которого почему-то не отпугнул запах репеллента – я втер его в щеки и затылок еще с той стороны Периметра.

Шелестела пожухлая листва (я уже говорил, что в Зоне всегда осень, каким бы ни было время года вокруг нее?).

Вот справа от моей ноги, обутой в высокий шнурованный армейский ботинок, чванится выводок подберезовиков с толстыми, как бы штрихованными ножками.

А здесь маслята, один другого крепче, вот их бы на сковородочку, да с лучком...

Если бы в Зоне допускалось подобное поведение, я бы, ей-богу, начал насвистывать что-нибудь жизнеутверждающее из репертуара старого доброго «Раммштайна».

На всякий случай, чтобы не терять бдительность, я сверился со своим наручным ПДА – до Поляны оставалось минут десять.

На Поляне у меня был намечен привал – с кофейком, с баранками.

На часах было ровно 8:30, когда я заметил девушку.

Да-да. Девушку.

Она сидела на нашей с Тополем Поляне – так мы называли твердый, по счастью, лишенный аномалий участок в форме подвыпившего круга в самом центре Касьяновых топей.

Девушку в белом халатике до колена. В таких, если верить старым фильмам, ходят не только медсестры, но и лаборантки, что помогают гениальным ученым проводить их смертоносные эксперименты на благо Человечества.

Девушка сидела в самом центре Поляны на поваленной сосне, которую мы с Тополем использовали в качестве лавки.

В правой руке она держала... бутерброд. От которого то и дело с аппетитом откусывала. Затем откушенное этак по-кошачьи, с жеманством, пережевывала. Глотала. И откусывала вновь.

А на широком дубовом пне, что возвышался в центре поляны – обычно он служил нам с Тополем столом, – лежала коричневого цвета кожаная сумочка с блестящей хромированной пряжкой и... еще один бутерброд. С вареной колбасой (колбасу я, конечно, разглядел уже потом). Рядом с бутербродом желтело худосочное яблочко.

Ветка под моим ботинком предательски хрустнула. Но девушка и ухом не повела.

Она меня попросту не замечала. Жевала свой бутерброд с безмятежностью совершенно никак не объяснимой.

По моему хребту поползли мурашки. Что за наваждение?

Сжимая за пазухой рукоять «стечкина», я подошел поближе.

Зябко поводя плечом, девушка продолжала уничтожать съестное...

Страх вдруг нахлынул на меня, как холодное, все сносящее на своем пути цунами. Несколько секунд я стоял остоленелый.

Наконец первая волна ужаса откатилась назад. Я обрел обычно присущую мне

способность размышлять здраво.

«Зомби? Не похожа... Где сморщенная кожа, оголенные десны?.. Аномалия? Определенно! Но что за странная аномалия в виде мирно жующей девушки?»

А когда страх ушел совсем, в мой мозг неохотно поперли конструктивные мысли.

Первой мыслью было идти своей дорогой. Как будто ничего не произошло. Вот просто идти – и все.

Увы, проблема была в том, что я, ваш Комбат, ваш рыцарь без страха и упрека, в буквальном смысле не мог сделать ни шагу. Я словно окаменел. Мне стало совершенно ясно: я не смогу продолжать путь, если буду знать, что оставил за спиной нечто настолько непонятное. И оттого настолько пугающее.

Второй мыслью, то есть идеей, было... ну да, пошить девушку из АК-47.

Да-да, из архаичного, тяжелого, страшного автомата калибра 7,62 – вот эту худенькую, с прической, напоминающей прически средневековых пажей, деваху. Брюнеточку. С тонкими, обутыми в летние туфельки-балетки, без каблучков, ножками тридцать шестого размера. Обладательницу коралловых губок и загнутых обольстительной дугой черных ресниц!

Ну или пошить из «стечкина». Из архаичного, тяжелого, страшного автоматического пистолета калибра 9 миллиметров. Тоже дело.

Потому что она хоть и не зомби, но и не девушка тоже. Не может этот девушкообразный объект быть девушкой. Не может. Что неясно?

Впрочем, «не может» – несовременная постановка вопроса. Ведь все возможности и невозможности в мире можно рассматривать под углом статистических вероятностей.

Поэтому третья мысль была, как сказал бы сталкер Ватсон, мой шибко головастый друг, «гуманистической».

Есть вероятность, что девушка – обычная девушка? Есть.

Она большая? Нет, маленькая.

Но все же есть такая вероятность? Есть! Ведь залетела же в этот проклятый лес случайная пичуга!

Тогда надо что? Правильно. Подойти к ней. Спросить, что случилось. Разобраться. Может быть, помочь. Или сказать, что помочь не можешь. А потом уже идти по своим делам.

В общем, я выбрал этот, последний вариант. Наверное, потому что бабник.

Держа автомат наготове, я выступил из кустов бересклета навстречу прекрасной незнакомке (противогаз я снял еще в кустах).

– Здравия желаю! – зачем-то сказал я.

– Ой... Здравствуйте! – Девушка вся вспыхнула радостью и вскочила со своего бревна, приветственно распахнув руки. – Как я рада, что вас встретила! Вы милиционер?

– Что?

– Вы – милиционер? – Лицо девушки, узкое, худенькое, встревоженное, прямо-таки лучилось любопытством. Похоже, она и в самом деле была рада.

Я сделал три шага ей навстречу.

Надо сказать, вблизи она выглядела все так же, красоткой – фигуристой, с претензией, одетой этак в стиле ретро: часики как бы допотопные... какой-то странный песочного цвета свитер с горлом... припоминаю, такие во времена моего детства назывались почему-то водолазками, будто водолазы и впрямь такие носят, в ушах какие-то крупные, дурацкие пластмассовые серьги.

– Я не милиционер, – ответил я.

– А кто? Просто военный? Лесник?

– Я... хм... местный. А вот вы, вы кто?

– Меня зовут Лида Ротова. Я из лаборатории средств оперативной диагностики имени академика Качалина, проспект Ленина? восемьдесят шесть! – бодро отрапортовала девушка. – Я, между прочим, лаборантка. Научный руководитель нашей исследовательской

группы – профессор Гурария Евгений Евгеньевич...

– А город... какой город? – едва ворочая пересохшим языком, спросил я.

– Припять, – отвечала назвавшаяся Лидой. – Так вы все-таки милиционер?

– Нет же! Не милиционер я! – Костлявая рука страха уже почти отпустила мои нежные сталкерские внутренности. Девушка оказалась обычной. Ну, почти обычной. Насколько это возможно для девушки из Припяти. («И что? Там где-то все еще есть лаборатории? Нормальные лаборатории? Ну? допустим».) Теперь бы еще узнать, как ее сюда занесло. – Ну а здесь-то вы как оказались? Припять ведь далековато! И почему вы одна?

– Тут вот такая история. – Девушка сделала два шага навстречу мне, но я жестом остановил ее, ни к чему все эти сближения. – Я расскажу, если вы опустите свой пулемет. Меня он пугает.

– Это не пулемет. Автомат Калашникова. – Сдержанную улыбку я, признаться, не сумел.

– Ну автомат, какая разница? – Девушка сердито наморщила лобик. – Тут вот такая история. Вчера, то есть двадцать пятого числа, у нашего заводеца Алешки Матвеева был день рождения. Мы с ребятами – с Аллочкой Поповой, Валерой Зиновьевым и Бобой Гусятиным – решили именинника поздравить. Накрыли стол прямо в лаборатории. С вневедомственной охраной договорились – наш Пал Палыч за бутылку «Посольской» обещал нас хоть до утра терпеть. Ну, посидели. Выпили. Поздравили Алешу. Уже расходиться пора было, когда Алла вдруг сказала: «А давайте в лес съездим, такая погода хорошая, воздухом подышим, на звезды посмотрим!» А мы ей: «Ночь на дворе, ты с ума сошла! Лучше уже после первомайской демонстрации в лес рванем, как и собирались!» А она говорит, что на первое мая народу всегда в лесу полно, сесть негде, все шашлыки делают, на гитарах бренчат, дети орут. Никакой романтики! А я ей: «Ты с ума сошла? Что делать в лесу ночью?» Но всем, кроме меня, идея понравилась. Народ заорал: «В лес! В лес!» Я так думаю, им, наверное, шампанское в голову ударило. Я-то не пью, мне врачи не разрешают... Из-за антибиотиков. Что они все пьяные, я поняла еще, когда они чуть не подрались, споря, справедливо ли, что каунасский «Жальгирис» повторно стал чемпионом... Но я же не думала, что они до такой степени пьяные! В общем, я зачем-то согласилась с ними ехать, тем более что Валера Зиновьев обещал на отцовской «Волге» всех свозить, он тоже непьющий по здоровью. Вот я и подумала: с Валерой не страшно. Если что, он защитит. В общем, приехали мы сюда, машину оставили. Алла достала из пакета бутылку «Арабата», мы ее начали пить. Мужчины развели костер, было так тепло! Говорили про всякое – Алка начала всякую чушь нести про то, что хочет выйти замуж за гениального шахматиста вроде Каспарова, Боба Гусятин принялся всех наших коллег по очереди изображать... Он вообще пародист прирожденный, хоть в «Вокруг смеха» выступай! В общем, было симпатично, но тут, уже почти час ночи было, мне захотелось в туалет. Я пошла... Старалась подальше уйти, стеснялась, что меня от костра увидят. А потом, когда решила вернуться, – тут широко посаженные карие глаза девушки наполнились неподдельными слезами, – я поняла, что заблудилась. На часах было как раз один час ночи двадцать минут...

Пока Лидочка Ротова тарыхтела свою бесконечную тарыхтелку, мне все больше делалось не по себе.

Первым, что меня насторожило, была «первомайская демонстрация». Сколько лет мы не празднуем Первое мая? Правильно. Тридцать с чем-то.

Вторым был «Жальгирис» – баскетбольная (или хоккейная?) команда времен молодости моих родителей.

Наконец, третий звоночек раздался в районе «гениального шахматиста вроде Каспарова».

А когда Лидочка добралась до «одного часа двадцати минут» я... в общем, я... совершенно потерял контроль над своим страхом и разрядил в любительницу ночных прогулок по лесу полный магазин, тридцать патронов.

При этом я кричал что-то вроде «Вот тебе, сука!». А может и не кричал, это ж дело такое.

Однако вместо того, чтобы, будучи прошитой десятком хищных пуль, завалиться в смертельных корчах на спину, вместо того, чтобы орать благим матом, во все стороны фонтанируя кровью или хотя бы что-нибудь еще в таком же духе изобразить, Лидочка лишь заслонила рукой, словно мои пули были чем-то вроде ветерка, несущего пыль ей в глаза, и таким визгливо-обиженным тоном стервы-самоучки спросила:

– Что вы делаете, мужчина?

И вот тут я по-настоящему испугался. И по-настоящему охренел.

Потому что ни одна пуля не достигла цели. Я тридцать раз промахнулся в идеальной ситуации, в которой промахнуться было невозможно. Словно бы Лидочку окружало неведомое защитное поле мощности неопишуемой.

Чтобы полностью оценить мое охренение, надо понимать, что среди нашего брата-сталкера циркулируют сотни легенд и быличек об опасных тварях Зоны, о тварях-имитаторах. Эти мутанты прикидываются ранеными людьми, умело подражают звукам человеческой речи, а некоторые не просто подражают, но и обладают достаточным интеллектом, чтобы вести подобие связного общения.

Есть, например, легенды об изломе. Излом – это редкий мутант с длиннющей хватательной рукой, которая имеет несколько «лишних» суставов, как лапа паука. И вот он, пряча до времени эту свою руку в складках одежды, превосходно притворяется неопытным сталкером и просит помощи. А потом – вжик! – и в один взмах своей боевой конечности отрывает тебе голову.

Или вспомнить наводящие жуть рассказы о контролерах, которые, забавляясь, внушают встречному обманные зрительные образы... Ну, к примеру, что перед ним стоит его горячо любимая девушка или не менее горячо любимая мама.

Или вот был один сталкер по прозвищу Шашлык – очень мясо любил, всякие там кебабы, – так ему контролер внушил, что перед ним – чебуречная. И отправился Шашлык прямехонько в жарку, которая на месте «чебуречной» расположилась... Точнее, отправился бы, не будь с ним опытного Ватсона.

В общем, если кто не понял, объясняю: так называемая Лидочка Ротова, якобы лаборантка, представляющая собой ходячий советский журнал середины восьмидесятых годов прошлого века, больше всего смахивала на неизвестного разумного мутанта, который этим самым журналом обчитался. А что? С Радара или из подвалов самой ЧАЭС мои знакомые несколько раз всякие там «Огоньки» и «Здоровья» приносили...

Однако любого мутанта тридцать пуль из «калаша» поразили бы. Пусть не насмерть. Но стервозненько вопрошать «Что вы делаете, мужчина?» он бы, мутант паскудный, уже не стал. А орал бы он благим матом, ага.

Лидочка же Ротова была жива и невредима. Феномен!

Тут я понял, что в любом случае надо что-то решать. Пусть передо мной не мутант, а, скажем так, аномалия, но стоять столбом и смотреть на *это* я уже не мог.

– Какое, вы думаете, сегодня число? – поинтересовался я, убирая со лба мокрые от пота волосы.

– Двадцать пятое... нет, двадцать шестое апреля. А что?

– На моем календаре – пятнадцатое сентября, Лида, – отчетливо проговаривая каждый слог, отчеканил я. Я очень старался, чтобы мой голос не дрожал.

Едва я успел успокоиться, как меня вновь пробило на псих. И я высадил в нее еще один магазин. На этот раз я никаких гнусностей не кричал. Подошел к процессу со всем сталкерским хладнокровием.

Глава 2. Вдвоем через Касьяновы топи

*Die, die, die my darling
Just shut your pretty eyes
I'll be seeing you again*

Yeah, I'll be seeing you, in hell.
«Die Die My Darling», Metallica

Умноженный эхом грохот стих. Да-да, эхом – там, оказывается, было сочное, смачное эхо; Зона – она такая, брат.

Позади девушки с противным скрипом рухнула наземь подкошенная пулями тощая сосенка. Из дубовой колоды – нашего импровизированного стола – пули вырвали огромный кусок трухлявой древесины. Можно сказать, отломали ножку...

А вот девушка в песочного цвета водолазке была по-прежнему невредима.

И испуганной совершенно не выглядела. Сказать по правде, она и бровью не повела. Точнее, только бровью она и повела. Этак обиженно. Будто я ее снова сукой назвал. Она прикусила губку и, широко раздувая ноздри, уселась на «лавку» снова, скрестив руки на груди. Отвернулась.

Я опустил ствол. Это были шах и мат.

В смысле ваш Комбат, то есть я, понятия не имел, что делать дальше.

Патроны на дороге не валяются. За них, между прочим, деньги платить надо.

Патронов на Лидочку Ротову ушло много. Толку – ноль. Не то чтобы я скупердй, но...

В какой-то момент мне показалось, что лучшее решение проблемы по имени «лаборантка Ротова» – граната объемного взрыва «Wiper». Но потом бережливость все же взяла верх. Точнее, даже не бережливость, а добрые чувства к нашей Поляне. Ведь я понимал: если наваждение не берут пули, скорее всего не возьмет его и эта мощнейшая граната. А вот нашему излюбленному привальному месту в центре Касьяновых топей можно будет сказать «ауфвидерзеен».

– Ну а год? Какой, по-вашему, сейчас год? – спросил я, опуская свой «калаш».

– Тысяча девятьсот восемьдесят шестой! – язвительно провозгласила девушка, глядя на меня, как на конченого идиота.

И тут на меня снизошло озарение.

Клиническая картина наконец прояснилась.

– Скажите, Лидочка... А что вы сделали, когда поняли, что в лесу заблудились? Что потеряли костер своих товарищей? – спросил я как ни в чем не бывало.

«Ничего себе светский разговорчик... после двух магазинов из «калашникова!» – ухмыльнулся я про себя. Мысленно я уже пересказывал всю эту пиэсу бармену Любомиру и прочим завсегдатаям «Лейки».

Лидочка тем временем отвечала:

– Тогда я начала искать выход из леса. Кричала. Звала. Пыталась дорогу назад отыскать. Слава богу, хоть туфли у меня на низком каблуке, – девушка взглядом указала мне на свои балетки, – не то бы ноги себе переломала... А ведь вчера с утра думала по случаю дня рождения Алешеньки на высоком каблуке надеть, мне мама из Югославии красивые такие шпильки привезла, ее туда от Союза журналистов посылали... Она мне, кстати, еще и джинсы подарила «Монтана». Алка когда их увидела, чуть в обморок не упала. Только и пробормотала «Отпад!». У нее все время этот «отпад» – дело не в дело... В общем, дура она, эта Алка. Неглубокая... Потом я устала, да и светать потихонечку начало. И мне спать захотелось. Я села вот на это бревно, в халат закуталась – мы даже халаты снять забыли, дурачье, – положила руки и голову на этот столик и сразу заснула. А когда проснулась, было уже утро. Я еще походила тут немного, по полянке... Поудивлялась... Я думала, в лесу уже весна, цветы, а тут никаких цветов, как будто осень... Деревья голые стоят... Но на этой поляне еще ничего. Видно, тут люди часто бывают, ухаживают, мусор не валяется... Короче, пока я природой любовалась, вспомнила, что у меня же в сумочке бутерброд со вчерашнего обеда остался! И яблоко! Повезло так повезло! Вот и решила их съесть. А тут – вы из кустов, как медведь, вышли...

– Испугались?

– Не успела. Потом у вас на груди этот противогаз... Разве плохой человек станет носить противогаз?

Аргумент был неотразимый. Я кивнул.

Сомнений больше не было никаких – я, Владимир Сергеевич Пушкарев, открыл еще один феномен Зоны: женщину-из-прошлого. Я назвал этот феномен Мисс-86.

Фактов, которые я почерпнул из ее довольно бессвязного, но все же в чем-то трогательного и занимательного рассказа, вполне хватало, чтобы реконструировать происшедшее. Девушка «заблудилась», то есть потеряла из виду костер, возле которого, как двенадцать месяцев из сказки, пили портвейн ее и до портвейна пьяные товарищи, двадцать шестого апреля 1986 года в один час двадцать минут... Я знал, со школы знал, что это время, час двадцать три – время Первой Катастрофы.

Как видно, девушка «всплыла» у нас из своих идиотских восьмидесятых в каком-то защитном коконе. Этот кокон имеет неизвестную природу и предохраняет ее от местных физических воздействий. Иначе объяснить ее неуязвимость никак невозможно. Кстати, как и морозостойкость.

Было, однако, совершенно неясно, является ли этот кокон непроницаемым всецело. Или он непроницаем только лишь для опасных воздействий вроде пуль и низкой температуры? А для неопасных – проницаем?

Вот взять, например, меня... Могу я, Комбат, пожать ей руку? А поцеловать ее – поцеловать могу?

Но главное, оставалось неясным, опасен ли для меня этот новообращенный феномен. И если опасен, то чем?

Пьет ли лаборантка Ротова человеческую кровь? Или, может, высасывает жизненную силу? А что, если она радиоактивна? Или вдруг она – что-то вроде индикатора, указывающего на близость другой, невиданной подлости аномалии? И если так, то караул, пора делать ноги!

Переваривая все это, мой незатейливый сталкерский мозг разогрелся до критических температур.

С одной стороны, мне было безумно интересно. Хотелось кое о чем Лидочку расспросить. Подойти к ней поближе.

Но, с другой стороны, было совершенно ясно, что в холодном высшем смысле я напрасно теряю время. Которого у меня, кстати сказать, не так уж много.

В общем, не говоря барышне ни слова, я развернулся на девяносто градусов и пошел своей дорогой.

Похоже, обычного привала на Поляне с кофейком из термоса и свежими баранками у меня в этот раз не будет...

– Постойте, вы куда?! – обескураженно воскликнула Лидочка.

Я не оборачивался. За спиной зашуршала промасленная, с каким-то архаичным чертежом на обороте бумага (в нее был завернут бутерброд). Девушка сложила недоеденный бутерброд в сумочку, накинула ее на плечо и опрометью бросилась за мной.

Я ускорил шаг.

Однако она тоже не отставала, бодро перепрыгивая с кочки на кочку, где надо – хватаясь за деревца, а где надо – отважно опускаясь на четвереньки.

Странное это было зрелище: одетый в стильную старинную камуфляжку сталкер Комбат с автоматом наперевес, а за ним на четвереньках – призрачно-реальная девчонка из шизанутых восьмидесятых, в белом халатике, из-под которого торчит бедная клетчатая юбка.

Первое время Лидочка Ротова шла за мной молча. Но потом молчать ей надоело, и она зашебетала:

– Вот так вот – ну надо же! Заблудилась... Со мной, знаете, часто такие истории случаются... Вот, например, в прошлом году, когда происходили похороны Черненко, у нас в лаборатории был траурный митинг. Назначили его в актовом зале, он у нас такой

небольшой, с узкой сценой. А мне было поручено, как самой фигуристой, возложить цветы от имени трудового коллектива лаборатории. И вот решили, что, когда прозвучат слова про то, что товарищ Черненко всегда в наших сердцах, а значит, он вечно живой, я должна буду вынести букет и положить его возле большого портрета генсека. Короче, я караулила в технической камере за сценой. Стояла у стены, уперевшись рукой в стену с каким-то щитком. Дожидалась, так сказать, условленного знака. Слов «вечно живой» долго не было. А когда они вдруг прозвучали, я так рванулась вперед, что случайно зацепила плечом рубильник – камера-то была узкая. И свет во всем зале сразу же погас. На словах «Наши мертвые – всегда с нами. И товарищ Черненко – вечно живой!» в зале стало темно и тихо. Кто-то крикнул: «А вот и конец света, предсказанный классиками марксизма-ленинизма!» Некоторые начали смеяться. Кто-то вообще от страха завизжал. А меня потом чуть из комсомола не выгнали. И выгнали бы, если бы не дядя, он у меня ответственную должность занимает. Он справку предоставил, что я обращалась в неврологию с каким-то отклонением. В общем, выговором отделалась. Но наша парторг – если бы вы слышали, как она орала! Говорила, что таких, как я, заклеил недавно Съезд КПСС! Называла меня вертихвосткой и даже пособницей буржуазных спецслужб! Но если с «вертихвосткой» я согласна, то уж с «пособницей» – никогда! Я даже за границей никогда не была. Как я могу быть пособницей?

Я шел молча, вслушиваясь в диковинную речь лаборантки Ротовой. И вроде бы говорила она на том же самом русском языке, что и я. И вроде бы одета была... ну почти так же, как одеваются современные мне женщины. Но ее речь была речью Пришелецовой Из Другой Галактики.

Кто такой, например, «парторг»? По звучанию кажется, какой-то монстр-мутант, сильный, но неопасный.

Что за зверь «комсомол»? Кажется, тоже что-то зоологическое, вроде моллюска, патологически крупного...

А кто такой генсек Черненко? И зачем во время его похорон устраивать траурный митинг?

И главное, кого именно съест КПСС?

Лидочка Ротова говорила без умолку. За тот час, что она пробиравась за мной между кочек, утыканных голыми кустиками багульника, я, казалось, узнал все о ее молодой и бестолковой жизни. О том, что один из ее кавалеров, Петюня, «вернулся из Афгана», что ее любимый актер – Янковский, что ее отец – один из инженеров газопровода «Уренгой—Помары—Ужгород» и что это он устроил ее на работу в лабораторию. Что живет она в новом панельном доме с лифтом возле магазина «Радиотехника», на втором этаже. И что ее старший брат Гена слушает Высоцкого и коллекционирует кассеты с его записями, которые он покупает у моряков, привозящих эти кассеты из-за рубежа. Причем покупает за какие-то «чеки». И что она знает наизусть все песни Юрия Антонова (мне показалось, я смутно припоминаю такого певца) и по субботам ходит на дискотеку в Дом офицеров. В Доме офицеров хорошая дискотека, там всегда интересные мужчины. А у них в лаборатории мужчины так себе. Либо женатики, либо хлюпики.

– Ну а вас, кстати, как зовут? – вдруг спросила меня Лидочка Ротова.

Кажется, это был первый вопрос, обращенный ко мне лично.

– Комбат, – без выражения сказал я.

– Комбат – это имя или фамилия?

– Фамилия.

– А вот есть такое животное... кажется в Африке... вомбат! Это в честь него вас назвали?

Я улыбнулся. Лидочка была глупая, но милая. Мой любимый тип.

Она стояла в десяти метрах от меня – халат белый, чистый, никакой болотной жижей не забрызган. Только личико блестит – вспотело, что ли?

Теперь, когда солнце поднялось повыше, я почти видел ее, так сказать, защитный кокон – тот самый, что не дал моим пулям отведать ее нежной лаборантской плоти.

Кокон по-особому преломлял свет, из-за чего казалось, что фигура Лидочки влита в некий кристалл. Кристалл прозрачайший, чистейший и все же вносящий некоторую неуверенность в очертания предметов, которые находились внутри него или за ним.

– А вообще вы не обижайтесь на меня. Комбат – хорошее имя! – извинительно пролепетала Лидочка. – Я в школе с одним парнем дружила, так его вообще Калистратом звали. По паспорту! Он мне еще пластинку подарил, «Оркестр Поля Мориа». Дружить хотел...

Я прохлопал момент, когда именно совсем перестал слушать ее рассказы.

Как говорится, не обязательно есть всю кучу говна, чтобы понять, что она однородна.

Теперь мне было не до ухажеров лаборантки Ротовой.

Мало-помалу мы подошли к краю Касьяновых топей. А значит, относительно спокойной жизни – знай себе держись тропы да надейся на милости выдуманного деда Касьяна – можно было сказать «до свидания».

Теперь понадобится вся моя бдительность.

Я слишком хорошо помнил, сколько человек погибло на так называемых Огородах, которые отделяли Касьяновы топи от окрестностей Армейских складов. Я, лично я, своими мозолистыми руками, похоронил нахального Барбитурата и шутника по кличке Шизик.

Шизику оторвало башку трамплином – сначала подбросило, потом оторвало.

А вот Барбитурата, корешка моего скупщика Хуареса, закрутило роковым вихрем птичьей карусели.

Мы с Тополем были свидетелями того, как он летел – что твой ёкарный орел – у самых вершин деревьев! А затем со страшным, вынимающим кишки воплем рухнул на землю – уже безногий и безрукий.

Огородами мы прозвали эту местность за – да, это не оригинально – за ее сходство со вскопанным, всецело готовым к посадке картофеля, огородом. Коричневые ломти глинозема, бурые комья земли, местами что-то вроде борозд... Кто копал этот безжизненный огородик и зачем, я, конечно, не знал. И узнать не особенно стремился. Меньше знаешь – крепче спишь. Но росли на Огородах не фасоль и помидоры, а развесистые аномалии...

– ...А между прочим, благодаря этому Калистрату, замечательному такому человечку, я как-то выиграла в лото. Раз гуляем с ним по парку. Кушаем мороженое. Как вдруг глядим – киоск, там лотерейные билеты продаются. А он и говорит: «Давай я куплю тебе билетик!» А я ему и говорю «Давай!» Купил он, значит. А билетик-то и выиграл! Сто рублей! Я на них себе пальто пошила с рукавом реглан, на хорошем импортном ватине.

И тут меня словно за краешек души кто-то ногтем потрогал.

Раньше я пугался, думал – Безносая. А теперь знаю: таковы явления моей интуиции.

Я остановился.

Медленно выдохнул. Вдохнул.

Огляделся.

Ничего и никого. Разве что солнце за тучи спряталось, не желая, видимо, устраивать нам тут бабье лето.

Я снял с пояса и включил детектор аномалий. И увидел впереди... ну да, все правильно, как и неделю назад, как и месяц тому, впереди, между двух приметных глиняных отвалов, затаилась мясорубка, чреватая смертоносным электрическим разрядом.

Я обернулся и посмотрел на Лидочку хитрым глазком. Я-то мясорубку обойду. А вот с ней что будет?!

Лидочка тем временем в очередной раз призналась в любви певцу Юрию Антонову и, подкрепляя свои слова, запела:

Мо-о-ре, море! Мир бездонный!
Пе-е-енный шелест волн прибрежных!
Над тобой встают, как зори,
Над тобой встают, как зори,

Нашей юности надежды...

Надо сказать, голос у Лидочки был неплохим – высоким, чистым, и кажется, что тренированным. Такие голоса, если я ничего не путаю, специалисты зовут «сопрано».

Пела она так искусно, что ваш Комбат, которому еще в детстве медведь наступил на ухо, невольно заслушался. И отпрыгнул в сторону от мясорубки на несколько секунд позже, чем приличествует опытному сталкеру.

Заскучавшая мясорубка – как видно, давно никто не хаживал мимо, – ожила.

И за неимением лучшего впилась в оказавшуюся совсем близко Лидочку раскаленными шнурами сразу десятка голубых молний! Десятка! А ведь и одной хватит, чтобы насмерть изжарить средней упитанности носорога!

Молнии – как щупальца – окружили, обвинили кокон Мисс-86. Щедро засыпали его искрами и, покорячившись в диковинном танце с полминуты, с шипением иссякли, не причинив Лидочке видимого вреда! Кокон, противостоящий этому смертельно опасному безобразию, мерцал перемежающимися рубиновыми и синими вспышками, так что со стороны казалось, будто включилась мигалка милицейской машины.

Что за на фиг?!

Вывалив от удивления челюсть, я наблюдал за этим странным физическим процессом из удаленной на десяток метров и, к счастью, вполне безопасной глубокой борозды.

Наконец мясорубка разрядилась, и местность вновь приобрела более-менее безопасный среднерусский вид.

Кокон прекратил мерцать, а его счастливая обладательница стала похожей на заблудившуюся девчонку. На Красную Шапочку, которая десять лет спустя после истории с бабушкой и волком решила сходить в тот самый лес.

Она посмотрела на меня озорно и даже, я бы сказал, игриво и прокричала:

– Девчонка-комсомолка не боится волка!

– Не боится? Вот и славненько...

– Ну а вы чего спрятались, Комбат? – спросила Лидочка с недоуменным выражением лица. – Идите сюда! Без вас скучно!

– Все в порядке. Я сейчас, – выдавил я из пересохшей гортани.

И мы – как ни в чем не бывало – пошли дальше.

Время от времени я метал в Лидочку подозрительные естествоиспытательские взгляды.

Мне показалось, после мясорубки лаборантка Ротова стала поменьше ростом. Не намного меньше. Сантиметров на десять. Но, конечно, дать руку на отсечение, что так и было, я не могу – линейку-то я к ней не прикладывал!

А вот в том, что тембр голоса у нее изменился, я готов поклясться!

Когда она дошла до припева своей милой сентиментальной песни, я понял, что теперь ее голос никакой не сопрано, а вовсе даже альт или как там это зовут музыканты?

Мечта сбывается
И не сбывается,
Любовь приходит к нам
Порой не та-а-а...
Но все хорошее
Не забывается,
А все хорошее
И е-есть мечта... —

сипловато горланила Лидочка Ротова, размахивая своей наманикюренной ручкой в лад музыкальным фразам.

– А эту песню кто поет? – спросил я минут через пятнадцать, чтобы не молчать.

– А вы что, действительно не знаете? – неподдельно удивилась Лидочка.

– Откуда мне... У нас даже радио нету.

– Так вы все-таки из милиции! – Лидочка обрадованно всплеснула руками.

А минут через десять я своими глазами наблюдал, как Лидочка совершенно бесп проблемно миновала жарку.

Жарку!

И даром что температура в фокусе горения жарки тысяча пятьсот по Кельвину. Моей Мисс-86 все эти кельвины были до фени.

На этот раз на тембре ее голоса все это нисколько не сказалось. Даже прическу не повредило! Разве что кокон приобрел неустрашимое изумрудное свечение. Еще по нему время от времени пробегали малиновые искры и какие-то резвые, похожие на ожившую спираль лампы накаливания, ослепительно желтые червячки.

Когда я уже мысленно смирился с тем, что эта музыка будет вечной, в смысле, что Лидочка будет идти за мной до самого Стеклянного Дуба, оглашая угрюмые леса, с обеих сторон окружающие Огороды, хитами певца Антонова, Лидочка угодила в воронку.

Я, спасибо моему продвинутому датчику аномалий едрической цены, обнаружил ее метров за семьдесят. Приблизившись, заметил я также ошметки кабанчика. А через пару шагов и само темное пятно, которое всегда выдает центр этой гнусной аномалии.

К этому времени датчик аномалий выдал еще три воронки, которые располагались левее первой. Как говорится, «видно, там у них гнездо»...

Гаечки я решил не бросать. Дескать, суду все ясно.

– Вы, Лидочка, идите вперед, а мне надо... отстать! – сказал я, внезапно сворачивая.

– А зачем? – с какой-то странной печалью во взгляде поинтересовалась Лидочка.

– Надо связаться по рации с начальством! Передать секретную информацию! Да вы идите, идите вперед! Не бойтесь! Я догоню!

Я и впрямь был уверен, что догоню.

Я уже привык, что из всех передряг моя Мисс-86 выходит невредимой и вроде как даже посвежевшей.

Откуда мне было знать, что стоит Лидочкиной ножке ступить на край воронки, как... В общем, почуяв Лидочку, воронка словно взбесилась. Втянула воздух с такой силой, что, я был готов поклясться, к ней подались вершины самых дальних осин!

И, представьте себе, мощь, которая легко ломает даже самые толстые человеческие кости и спрессовывает человеческие тела в этикие окровавленные болванки, сумела сладить и со странным кросстемпоральным сгустком, который являла собой моя новая знакомая. По крайней мере Лидочкин кокон скукожился и, помедлив секунду, точно пытался оказать сопротивление, провалился под землю.

Все это было бы похоже на то, как труба пылесоса засасывает облачко дыма, если бы не крик.

Да, из-под земли послышался девичий крик, от которого кровь стыла в жилах.

И в какой-то миг мне даже стало совестно – как я мог... почему не предупредил... и все такое.

Затем случилось неожиданное – воронка вдруг выплюнула кокон с Лидочкой, как малыш выплевывает невкусную кашу. Но отнюдь не та воронка, в которую Лидочка угодила! А соседняя, вторая по счету.

Несколько секунд Мисс-86 парила над эпицентром соседней воронки, глядя на меня своими карими, исполненными доисторического ужаса глазами.

– Комбат, там внутри... Жуть какая-то! Непонятные вихри! – кричала растрепанная Лидочка, промакивая платочком щеки и лоб. Она отбивалась от какого-то невидимого врага при помощи своей коричневой сумочки на длинном ремешке и, по-видимому, вспотела.

Еще мгновение – и теперь уже эта, вторая воронка повторила свое засасывающее усилие, которое на научном языке именуется взрывным гравитационным коллапсом.

Раздалось громкое шипение, и соблазнительная большегрудая фигурка лаборантки Ротовой вновь провалилась под землю.

Стало тихо.

Еще минут пять я стоял недвижимый, в надежде, что Лидочка вот-вот вернется. Небось из третьей воронки вылетит... Ракетой... Черный Сталкер милостив. А вдруг он помогает не только людям, но и блуждающим человекоподобным аномалиям?

Но Лидочки не было.

Пожалуй, я даже расстроился.

Если бы мне сказали, что каких-то полтора часа назад в сердце Касьяновых топей я разрядил в эту же самую девушку два магазина «калашникова», я бы не поверил.

Вот что делают с мужчинами печальные женские песни!

Глава 3. Стекланный Дуб

*I'm a wildcat
A shotgun blast
Madman
Strong as steel
Overkill
No more deals.
«Danger», Motley Crue*

Огороды остались позади.

Теперь я шел к Стекланному Дубу, где планировал добыть артефакт «ведьмина коса». Каковой артефакт и являлся главной целью моего путешествия.

Было около четырех часов дня. Из-за Лидочки я сильно выбился из графика!

Я брел, кое-как переставляя свинцовые от усталости ноги, и размышлял вот о чем. А что, если я встретил своеобразную небиологическую копию, снятую природой с некоего вполне биологического оригинала? Так сказать, призрак Лидочки, дублирующий Лидочку обычную?

А что, если оригинал жив и по сей день?

Жив и прозывается, например, Лидией Федоровной. Да, она теперь старенькая. Да, бабушка уже, у нее внук или, допустим, внучка с двумя крысиными косичками. Да, ее красивое узкое лицо уже не такое красивое, а кожа покрыта морщинами и старческими пятнами. Но ведь может же быть, что она, настоящая Лидочка, жива?

Почему бы тогда не отыскать ее?

Выпили бы с бабушкой кофе, поболтали. Рассказал бы ей про эту странную встречу в сердце Касьяновых топей. А может, лучше и не рассказывать, к чему это еще, а просто разузнать, чем там кончился тот давний «день рождения Алеши Матвеева» с ночным костром посреди леса, усыпанного первоцветами. Успели-то их вместе с лабораторией какой-то там диагностики эвакуировать, когда реактор в первый раз рванул? А в тот день двадцать пятого апреля чем все кончилось? Ведь наверняка допили портвейн и благополучненько вернулись из лесу в свою Припять на «Волге» Валеры Зиновьева все вместе.

А вдруг *не* вернулись? Или не «все вместе»? А что, если Мисс-86 с той ночи больше никто не видел? А вдруг это и был истинный конец пропавшей тогда, в 1986 году, миловидной девушки с прической «паж», чьей-то невесты, чьей-то дочери и сестры, чьей-то несостоявшейся матери?

Но потом думать об этом мне надоело. И я выбросил воспоминания о прелестных ножках и загнутых ресницах Мисс-86, как выбрасывают надоевший и потерявший вкус катышек жевательной резинки.

Впереди серела поросшая мхом обрушенная кирпичная кладка. Это значило, совсем близко моя цель – Стекланный Дуб, где ждет меня «ведьмина коса» ценою в киль от Яхты Моей Мечты.

Стеклянный Дуб – это достопримечательность, к которой наш брат-сталкер водит особенно богатых туристов.

Посмотреть тут и впрямь есть на что.

Посреди пустоши, покрытой мягкой белой субстанцией, на ощупь напоминающей горячий асфальт, стоит могучий раскидистый дуб. Точнее, объект, который раньше был дубом, древесина и листья которого превратилась в нечто вроде стекла. Не стекла, конечно. Но чего-то столь же прозрачного и хрупкого.

Дуб из нормального превратился в стеклянный уже на моей памяти – лет пять назад. Одна из ноябрьских ночей выдалась особенно бурной – с вечерних сумерек и до самого утра над Зоной сверкали зеленые молнии, сталкивались черные тучи и земля ходила ходуном.

Разумеется, вся сетка аномалий поползла, где-то стало безопасно, а где-то, наоборот, натоптанные тропы покрылись мясорубками и зыбями. Ночевавшие на Армейских складах сталкеры видели, как над одиноко стоящим дубом прошел диковинный светящийся снег. Наутро они обнаружили, что дуб стал стеклянным. Трое из четверых обнаруживших, к слову, там же и умерли, под дубом.

Понятное дело, подобная антиреклама надолго отватила от Стеклянного Дуба всех благоразумных сталкеров. Но потом народ в то недоброе место постепенно повадился – артефакты там порою заводились знатные.

Несчастливого Штекера я увидел сразу же – он лежал у самых корней, широко раскинув руки.

На нем был защитный костюм «Берилл». Хороший костюм – надежный, крепкий, не особо тяжелый. И, кстати, великолепно защищает от стрелкового оружия. Вот от аномальных воздействий – посредственно.

Рядом со Штекером валялась английская штурмовая винтовка L-85. Я лично не понимаю, какой смысл вооружаться таким дорогим импортным оружием – сам я прекрасно обхожусь «калашниковым». Но Штекер был новичком в самостоятельном хождении по Зоне и, я думаю, хотел производить неизгладимое впечатление. В первую голову, как обычно, на самого себя. А во вторую, я думаю, на бандитов и мародеров.

Рюкзака Штекера я с такого расстояния разглядеть не мог, но был уверен, что Штекер лежит на нем. Этот-то рюкзак и был мне нужен. Точнее, не сам рюкзак, а контейнер для артефактов, который находился в нем.

Когда я сказал, что иду добывать «ведьмину косу», я немножечко слукавил. Добывать – это значит находить и собирать артефакты в Зоне. А я собирался лишь забрать «ведьмину косу» из контейнера погибшего сталкера. Это другим словом называется – не знаю точно каким. Может, «экспроприация». А может, «мародерство».

Не спрашивайте, собирался ли я хоронить погибшего Штекера. Потому что не собирался.

За этой «ведьминой косой» я пришел не просто так. А потому, что меня попросил Хуарес – авторитетный человек в тусовке, владелец бара «Лейка», скупщик хабара, а заодно и мой приятель.

Не далее как вчера он поставил мне бокал отменного «мексиканского ерша» и, дождавшись, пока я вылакаю его весь и приду в веселое расположение духа, нашептал мне в ухо такую вот историю:

– Тут, Комбат, дело секретное есть... Касается Штекера. Помнишь такого? Хорошо, что помнишь. Ему приятно будет. Гробанулся он сегодня под Стеклянным Дубом. Откуда знаю? Не спрашивай. Не твоего ума дело. А почему гробанулся – я сам без понятия. Знаю только, что при нем «ведьмина коса». Отменная. Витков на сто двадцать, а то и все сто пятьдесят. Ого? Вот именно, что «ого»! И Штекер, видать, думал, что «ого». От радости совсем бдительность потерял... В общем, лежит теперь Штекер возле Стеклянного Дуба. А в контейнере у него «коса». И было бы жутко мило с твоей стороны, если бы ты мне эту цацу

принес. Сколько-сколько? Да ты охренел, Комбат! Охренел! Режешь без ножа! Ну да ладно. Хорошо, что согласен. Пусть будет по-твоему. Только отправляйся завтра же. Время дорого. А то сожрет Штекера какая-нибудь загульная плоть вместе со всем хабаром.

И я отправился. Меня не смутило, что я так и не дознался у Хуареса, откуда он спустя всего несколько часов узнал о смерти Штекера. Я подумал, что кто-то из шедших мимо снял со Штекера ПДА и отнес Хуаресу (а тот, уже расшифровав последние логи и видеозаписи, понял, что за счет покойничка можно неплохо пожить). Однако оставалось неясным, отчего этот кто-то поленился осмотреть контейнер для артефактов. Может, был о Штекере такого низкого мнения, что и представить себе не мог, что в контейнере у того может лежать нечто ценное?

Ступая по мягкой белесой массе, окружавшей Стекланный Дуб, я приблизился к труп шагов на шестьдесят. Я готовился сократить расстояние до пятидесяти девяти шагов и уже занес ногу, как из-за необхватного ствола дуба появился... припять-кабан, наглое и опасное животное килограммов восемьсот весом.

Мазнув по мне тяжелым равнодушным взглядом нелюбимого сына природы, припять-кабан деловито направился к телу Штекера и, даже не дав себе труда обнюхать его, отхватил сразу несколько пальцев с правой руки трупа – прямо вместе с перчаткой.

Такое поведение мутанта шокировало даже выдавшего виды Комбата.

Совсем стыд потеряли! Скоро от голода пули в полете хватать начнут!

– Пошел вон! – гаркнул я и притопнул ногой.

Не смейтесь, зачастую этого хватает. Животина тоже не дура или, скажем, не всегда дура. Иногда, бывает, и прислушается к голосу разума. А у меня патроны тоже не казенные, на всякую мелочь я их тратить не люблю.

Кабан и ухом не повел. Быстро проглотив пальцы вместе с перчаткой, кабан подобрался к голове павшего сталкера. Он широко раззявил свою бородавчатую пасть с желтыми клыками и вцепился в лицо покойного.

Это было последней каплей. Хоронить Штекера я, конечно, не собирался. Но надругаться над телом коллеги в моем присутствии – это уже слишком.

Я снял «калашников» с предохранителя и полоснул очередью по нижнему ярусу ветвей Стекланного Дуба.

Почему я не выстрелил в кабана? Очень просто. Если его ранить, пути назад уже точно не будет – придется воевать с подранком до победного (а припять-кабаны феноменально живучи, и чем тяжелее нанесенная им рана, тем яростнее они атакуют обидчика).

Во все стороны со звоном брызнуло стеклянное крошево. На спину кабана упали несколько острых сколов, похожих на сосульки.

Голову даю на отсечение, девять из десяти мутантов испугались бы и дали деру.

Но этот бродяга, как видно, был серьезно настроен поест.

Вместо того чтобы ускакать в кусты, он энергично перемахнул через труп и на рысях направился ко мне!

– Ах ты сучка! – в сердцах воскликнул я.

Проявив легкомысленную самоуверенность, я выстрелил в него от бедра не целясь. Отчего-то я был уверен, что теперь-то он точно испугается.

Куда там!

За несколько секунд монстру удалось сократить расстояние между нами до тридцати шагов.

Прицелившись уже как следует, я нажал на спусковой крючок.

Я был уверен, что хлесткая очередь положит конец этому затянувшемуся эпизоду, достойному комедийного сериала «Идиоты на охоте». Но мой автомат дернулся лишь дважды и умолк.

Что за напасть?

Наработанным за годы движением отделив магазин, я наградил его недоуменным взглядом. Магазин был пуст! Трах-тибидох! Здорово же заморочила мне башку эта Мисс-86!

Кабан тем временем приблизился на расстояние броска.

Я уже видел себя разорванным от паха до сонной артерии мощными серпами смертоносных клыков твари, когда моя левая рука, гюрзой метнувшись под мышку, выхватила пистолет «хай пауэр» – отменное оружие с мощнейшим боеприпасом, полностью отвечающим названию ствола. «Хай пауэр» я ношу с собой на самый крайний случай, в повседневности обходясь старым добрым «стечкиным» и бессменным «калашниковым» нормального калибра 7,62. Однако же вот он – самый крайний случай.

Кабан уже со свистом рассекал воздух, вытянув перед собой свои покрытые радиоактивной грязью мохнатые ноги и злобно сузив глаза, когда из «хай пауэра» одна за одной выпорхнули девять самодельных разрывных пуль.

Восемь из них встретились с целью, снеся мутанту половину черепа.

Белая асфальтоподобная масса под Стеклянным Дубом окрасилась бурым и алым.

Да и сам я стал похож на ходячую рекламу кетчупа «Синьор Помидор».

Практически обезглавленная туша плюхнулась наземь лишь в метре от моих ног. Но сердце мутанта продолжало биться, выталкивая из шейной артерии последние литры дурной крови.

И лишь когда этот адский фонтан заглох, у меня на душе полегчало.

– Ну вот, Штекер, теперь можешь лежать спокойно, – сказал я в пространство.

Любопытство меня когда-нибудь погубит.

На попытки установить причину смерти бедняги Штекера я потратил добрых десять минут.

Огнестрельных или колотых ранений на сталкере не было. Следов зубов и когтей – не считая свежих кабаньих – тоже.

Совсем не похоже было, чтобы его хотя бы зацепила какая-нибудь птичья карусель (которые любят сползаться к Стеклянному Дубу), да и гравиконцентрат тут был явно ни при чем...

Поражение внутренних органов жгучим пухом, большой дозой радона или радиоактивной пыли? Химическое отравление?

Чтобы доискаться до истины, я даже не побрезговал раздеть Штекера до пояса (тут мне очень пригодился мой верный противогаз «Циклон-10», без него возиться с двухдневным трупом – то еще удовольствие).

И не зря: по спине Штекера вдоль позвоночника шли синие пятна.

Что мне это дало?

Откровенно говоря, ни-че-го. Что за аномалия оставляет синие пятна, я не знал.

Меж тем, когда я раздевал труп, из нагрудного кармана выпал ПДА бедолаги.

Вот это был натурально сюрприз. Потому что я, как уже говорилось, был уверен, что о «ведьминой косе», добытой Штекером, Хуарес узнал, расшифровав записи ПДА погибшего.

А ПДА этот ему принес некто, обнаруживший труп, тот самый некто, который поленился посмотреть в контейнер для хабара, проявив тем самым чудеса нелогичности...

Ну а так, с оставшимся на теле Штекера ПДА, эта нелогичность снималась, конечно. Зато появлялась другая. Откуда Хуарес знал?

Кругом одни загадки, понимаешь... Но думать мне о них пока было недосуг, потому что меня кровно интересовал хабар покойного.

Хабар лежал в контейнере, а крышка контейнера так плотно притерлась, что ни в какую не хотела открываться.

Наконец я ее нагрел и открыл. О да, «ведьминая коса», возжеленная цель моего путешествия, была на месте. Причем Штекер запеленал ее по всем правилам сталкерского искусства – в два слоя изоляции – и поместил в фарфоровый стакан. Чтобы она не начала разряжаться раньше времени.

Я видел в своей жизни немало артефактов данного класса, и удивить меня было трудно.

Но эта «ведьмина коса» была в своем роде выдающейся. Витков на сто восемьдесят, не меньше. И каждая ее проволочка источала свое собственное золотистое сияние!

Я переложил «косу» к себе и с интересом поглядел в контейнер Штекера. Что ж, последний день несчастного был, похоже, урожайным. Помимо «косы» бедолага добыл два «каменных цветка», «золотую рыбку» и даже «бенгальский огонь».

Все это я тоже беззастенчиво присвоил.

Пора было уносить от Стеклянного Дуба ноги – что-то уж больно долго я топтался на этой аморфной белой лепешке.

Ступая в свои собственные следы, я думал вот о чем: а вдруг ПДА Штекера сам стучал на своего хозяина? Вдруг кто-то подсадил ему такого «червя»? И ПДА в фоновом режиме потихоньку сообщал внешнему абоненту о перемещениях Штекера и о его хабаре? А что, если этот кто-то – мой приятель Хуарес? И главное: а что, если в моем собственном ПДА сидит такой же точно «червь»?

Поразмыслив, кого бы привлечь в качестве независимого эксперта, я остановился на Лодочнике. Это был сумасшедший сукин сын, промышлявший особо дерзкими и, само собой, совершенно противозаконными пересечениями Периметра. Я лично его услугами пользовался редко – душила жаба. Но по научно-технической части всегда ходил к нему советоваться. Головастый он – страсть.

Отойдя от дуба на полсотни шагов, я обернулся.

Тело Штекера резко выделялось на фоне ровной белой поверхности. Дальше, метрах в трехстах, я заметил движение. Присмотревшись, увидел стаю слепых собак, которая направлялась к Стеклянному Дубу, – они явно почуяли сталкерский труп. А может – и это скорее, – свежую кровь кабана. Что, впрочем, не отменяло того факта, что съеден будет не только кабан, но и Штекер.

«Ну вот... Только с кабаном разобрался, как теперь эти собаки... Впрочем, что тут подделаешь? Такая в Зоне жизнь. Или смерть. Хрен разберешь».

Глава 4. Утро сталкера

*I don't need nobody.
Don't need no-one,
That's no good for me.
You're no good for me.
«No Good», Prodigy*

Вертолеты я услышал в четыре тридцать пять утра. Подбитые кевларом стены моего схрона исказили характерный рокот «вертушек», и в первую секунду мне почудилось, что я слышу бормотание блуждающей псевдоплоти.

Я вскинулся, сжимая влажную сталь своего верного «калаша».

Нет, не псевдоплоть, точно.

Два борта – судя по звуку, не меньше двух, – шли где-то к северо-западу от моего схрона, сквозь ночь. Высота? Высота, я бы сказал, не больше пятисот метров. То есть, согласно нормативам, минимально допустимая.

Тип машины? Тут возможны варианты, но скорее всего – боевые вертолеты, «Аллигаторы» или «Скайфоксы».

Конечно, похожий звук могла издавать и снявшаяся с места особо крупная птичья карусель. И возможно, при выполнении ряда условий, даже дрейфующая воронка.

Но вот чтобы именно особо крупная птичья карусель... Да и воронка... Если верить вчерашнему прогнозу аномалий, разосланному на ПДА Синоптиком, они должны были спокойно сидеть на своих местах, а не гастролировать по Зоне с мюзиклом «Припятские аллигаторы».

«Странно, – подумал я, – и более чем странно. Ночью? Над Зоной? Вертолеты? Это кто

тут у нас такой смелый?»

Какой-то армейской или научной шишке не спалось до такой степени, что на ночь глядя были подняты две машины и как минимум пятерка военных сталкеров для эскорта? Это как же надо себя не любить! Как верить в карты Зоны! В детекторы аномалий! В свою счастливую звезду, в конце-то концов!

Ну предположим, хорошо, вам не страшно. И что? Куда вы направляетесь? В Шестую Лабораторию? В Т-Лагерь? А днем проделать то же самое – уже никак?

Впрочем, меня так вымотала Мисс-86, что сил и настроения по-настоящему удивляться у меня не было.

Я проверил детектор движения – вроде все чисто. Ни припять-кабан не шатался поблизости, ни кровосос меня не учуял.

Ну а если бы учуял? Ничего, нашлись бы у меня для него аргументы, ой нашлись!

Проверил, перевернулся на другой бок, устроил поудобнее под головой рюкзак и сразу же отключился.

Что мне до вертолетов? Лишь бы им не было дела до меня.

Сталкер – он как крестьянин. Если не встал за полчаса до восхода солнца, то день, считай, пропал. Да и в земле подчас нашему брату поковыряться приходится – мама не горюй! В каждом схроне у меня по саперной лопатке хранится. Есть такой артефакт достаточно ценный – «бесов корень», – так он только под землей и встречается.

Вот и тем утром в пять пятнадцать я был уже на ногах.

Первым делом – быстрый взгляд на автомат и на детектор движения. Вторым делом – проверка ПДА.

А под чтение электронной почты – что? Правильно! Кофеек хорошо идет!

Вообще-то горелку я из рюкзака никогда не выкладываю. Как и баллончик к ней, само собой. Но приготовление пищи на горелке имеет свои минусы – например, давно подмечено, что даже крошечный огонек привлекает крыс. Здешних крыс, мутантов, разумеется. Те-то крысы, которые за Периметром, в нормальном (пока?) мире, открытым пламенем не интересуются.

Но подобранная вчера за Огородами пригоршня «вертячек» обещала мне приготовление кофе без всякой горелки. То есть крысы – что? Крысы – отдыхают. Вплоть до особых, как говорится, распоряжений.

«Вертячки» это почти те же «клюковки», только безопасные. Воду после них пить можно. Иногда она даже вкуснее делается.

Я достал стальную кружку с трафаретным логотипом клана «Долг». (Никакого отношения к «Долгу» я не имею, просто сувенир, друзья подарили.) Положил в нее три ложки молотого кофе, три ложки сахара. Из фляжки налил воды – до середины, поставил кружку у ног.

Потом полез в карман брюк, достал пластмассовый цилиндр из-под аспирина, вытащил пробку, заглянул внутрь – там, как и следовало ожидать, перекачивались синие кристаллики «вертячек». Многие сталкеры – и я в том числе – используют флакончики из-под лекарств для безопасного и малоценного хабара. «Вертячки», несомненно, были и малоценны, и безопасны.

Как сказал бы Тополь – потому и малоценны, что безопасны. Зависимость тут простая: чем артефакты зловредней и смертоносней – тем с большей легкостью агенты оружейных корпораций готовы платить за них шестизначные суммы.

Я подцепил одну «вертячку» ногтем, вытащил ее из цилиндрика...

Полюбовался идеальной осевой симметрией темно-си-него блестящего восьмигранника размером с пшеничное зернышко – и отпустил артефакту щелбан.

С первого раза инициировать «вертячку» не удалось, пришлось щелкнуть по ней еще пару раз. Наконец раздалось тихое шипение, и по поверхности кристаллического артефакта

побежали красные и белые полосы. (Поэтому, кстати сказать, второе название «вертячек» – «триколор», в честь российского флага.)

Я бросил «вертячку» в кружку с логотипом «Долга». Артефакт сразу же ушел на дно, затем стремительно всплыл и принялся носиться по поверхности воды как угорелый. Ни дать ни взять – блестящий жучок-вертячка.

Спустя несколько секунд вода в кружке закипела.

За полминуты мой кофе был готов. Оставалось выловить и выбросить отработавшую «вертячку».

Подобным расточительством я наказал себя на пять единиц, но ни капли не жалел об этом. Зона не любит жмотов. Хозяева Зоны не любят жмотов.

А уж я как их не люблю!

Итак, кофе, электронная почта на ПДА, баночка «Завтрака туриста», ежевичный джем...

А вы что думали? У хорошего сталкера – только так! Это плохой сталкер встречает утро, вцепившись обеими руками в штурмовой карабин М-4 с расстрелянным магазином, лежа на брюхе посреди вонючей жижи, обложенный со всех сторон мясорубками, прихваченный за штанину жадинкой, трижды обделавшийся от страха, выслеженный слепыми псами и бандюками из клана «Слизни». А хороший сталкер – он всегда в комфорте, потому что головой думает и в такие передраги не попадает...

Пока позволяют условия, конечно.

Допивая остатки кофе, я выбрался из схрона на свежий воздух. Оглядеться и прислушаться.

Огляделся. Прислушался.

Сыро, туманно, холодно. И тихо, как в желудке у псевдоплоти. Там и правда тихо, кстати – мне один знакомый некробиотик по имени Трофим говорил и даже объяснял почему.

В левой руке я держал, ясное дело, кружку. В правой – надкушенную грушу. Вот так, совершенно беспарочно и негероически.

И если бы за мной сейчас следил шибко борзой следопыт из «Монолита», то он бы наверняка прошипел себе под нос «совсем радиоактивное мясо сдурело».

Под «радиоактивным мясом» он, само собой, разумел бы меня. Стоять вот так, с чашечкой кофию, без оружия, посреди кишачего кровососами и припятскими кабанами Ёлкиного Леса – это надо быть либо очень глупым, либо очень сильным... Ну, как сильным? Например, как Хозяева Зоны... Либо... либо очень умным!

Очень умный – это про меня, если что.

За поясом у меня был заткнут и курткой сверху прикрыт мой фаворит – автоматический пистолет Стечкина. Он же – АПС.

В «лифчике»-разгрузке, тоже укрывшемся под курткой, я имел две гранаты РГД – как привык, одну в осколочной рубашке, другую без.

Наконец, при мне был американский траншейный нож образца 1917 года. Да-да, тот самый, который «Мак-Нэри», с рукоятью-кастетом и неподражаемой формой лезвия.

Между прочим, у меня этих траншейных ножей когда-то два было. Но один я сломал при весьма неромантических обстоятельствах, так что осталась у меня от него только рукоять-кастет. Которую я, кстати, и использую как кастет, если что.

А вот автомата да, автомата при мне в ту минуту не было. Не в последнюю очередь потому, что, если бы за ночь перед выходом из схрона успела сгуститься необнаружимая детекторами аномалий электра-прима, такой массивный кусок железа, как АК-47, в моих руках мог вызвать стекание разряда... ну и в общем-то всё. То есть совсем всё.

– Утро туманное, утро седое... – промышал я, переводя взгляд с одной мины на другую.

Мины, конечно, были мною вчера вечером при установке замаскированы, но не

идеально. Я старался ставить мины так, чтобы подходящие объекты на местности закрывали их от наблюдения извне, но чтобы мне, от входа в схрон, мины оставались заметны по тому или иному признаку. Это существенно ускоряло и упрощало их деактивацию.

Итак, северная мина-сенсор – вот она. Стоит, голубушка, под трухлявым пнем, как стойкий оловянный солдатик на посту. Восточная мина где? Вот восточная мина. Я ее с трех сторон аккуратно обложил лапником и сверху хвоей присыпал.

А южная мина? Южная... Южная... Ага, вот и южная.

Ну а западная?

А вот западная мина, похоже, того.

Там, где я вчера на ночь глядя выставил западную мину, было пусто. Абсолютно пусто! Разве только пара пригоршней черной земли поверх бледного листовенного перегноя – там, где, по моему разумению, никакой земли быть не должно бы...

Я прострелил директрису на место исчезновения западной мины парой гаечек. Вроде как чисто.

Не забывая откусывать от груши, пошел туда, на место загадочной пропажи.

Исчезла не только мина, но и огромный мутантный подосиновик, покрытый густой рыжей шерстью. Когда я вчера устанавливал под ним мину, он глухо зарычал и попробовал укусить меня за руку, но я не придал этому особого значения – редко ли в зыбь-воронках растения перемешиваются с животными? И мало ли после этого спор и семян с двойным, а то и тройным коктейлем геномов разлетаются по Зоне после истощения этих короткоживущих аномалий?

Надо было, конечно, сообразить, что мне попался гриб с генами лисицы, а лисицы – они ведь норы роют... Учитывая размеры гриба-мутанта, ему, пожалуй, по силам было утащить мою мину с собой под землю...

Оставался, конечно, вопрос, почему, так сказать, не работает радио? То есть почему моя мина не заверещала о том, что ее крадут? А ведь должна была! И уж тем более почему она, на худой конец, не взорвалась?

Ладно, не взорвалась и не взорвалась. Может, оно и к лучшему, зачем добро портить. Схожу вот сейчас за саперной лопаткой, есть еще все шансы лисогриб догнать. Все-таки это в основном гриб, а не лиса, – думаю, метра на полтора он уйти успел, не больше...

Но какой же я все-таки балбес! Не о том надо было думать, как мину разыскать! А о кое-чем другом: если гриб украл мину, значит, в моем персональном охранном периметре образовалась дыра – заходи всяк, кто хочет!

Ведь четыре мины – это четыре всевидящих глаза, четыре всеслышащих уха, четыре искусственных носа-газоана-лизатора, которым позавидует собака-ищейка!

Даже кровосос, вдоволь насосавшись энергии из пятен радиоактивного заражения и сделавшись невидимым, не пройдет мимо них. В оптическом спектре он, конечно, невидим, но сенсоры на минах ох какие хорошие!

Но теперь западной мины не было... И если она исчезла ночью, значит, перед рассветом этой дыркой мог воспользоваться...

Тычок в плечо, которому позавидовал бы и Валуев-сын, сбил меня с ног. Я еще ничего не сообразил, мой мозг не успел обработать хлынувшую бурным потоком информацию, а рефлексy сработали четко.

Я швырнул в том направлении, откуда получил удар, кружку с логотипом «Долга». Ну а правая моя рука, распрощавшись с надкушенной грушей, метнулась за пояс, к «стечкину».

Итак, я атакован кровососом, спрыгнувшим на меня с моей любимой желтой опоры ЛЭП, – это я, конечно, сообразил мгновенно. Еще до того, как бросил взгляд через плечо.

Я атакован кровососом, но почему-то еще жив. Значит, с мутантом что-то сильно не в порядке – это я тоже сообразил.

Нападение кровососа – хороший стимулятор и для мышц, и для аналитических способностей мозга. А потому мне в момент стало ясно еще кое-что: именно гриб-мутант, похитив южную мину, открыл кровососу дверь в моем охранном контуре. Вопрос лишь:

случайность то была или часть чьего-то плана?

С этими минами вот какое дело. Называются они МОН-5МС, что, как вы уже догадались, означает «мины осколочные направленного действия пятикилограммовые, многоцелевые, сенсорные».

Конкретно эти «монки», с маркировкой МС, имеют двойное назначение. Это не только мины, но и весьма изощренные датчики движения, работающие на четырех независимых физических принципах. У каждой мины есть интерфейс обмена информацией с внешним абонентом. Грубо говоря, она может автоматически позвонить своему хозяину на ПДА и сказать: «Привет, я твоя «монка»! Тут мимо козел какой-то идет! На зомби похожий! Мне взрываться? Да? Нет? Когда? Сейчас? Потом? О'кей? Отмена?»

Это, конечно, если ее запрограммировать на общение. Можно программировать проще – взрываться по датчику, и никаких гвоздей. Тогда подрыв полутора килограммов пентрита отправит в гиперзвуковой полет два вида убойных элементов общим весом три кило.

Это будут, во-первых, оперенные стрелки из карбида вольфрама. Их энергии достаточно, чтобы прошить борт любой модной бронемашины. Хоть американского «Дира», хоть немецкой «Лухс-3». И уж подавно прыти карбидвольфрамовых стрелок хватает на то, чтобы вскрыть панцирь любого монстра Зоны, не исключая и химеры, искупавшейся в аномалии «свинцовое колесо».

Второй тип осколков – насечка стальных прутков, имеющих чудовищное останавливающее действие. Про такие говорят, что они не только бегемота на жопу посадят, но и слона на спину опрокинут. На монстров Зоны такие осколки воздействуют душевно: разрывают пополам, отрывают конечности, вбивают голову в тазовую кость и все прочее в таком духе.

При этом все убойные элементы летят строго в конусе шестьдесят градусов.

Что это означает? Что мина взрывается вовсе не так, как привыкли видеть в кино гражданские – словно бочка с бензином и с разбросом осколков куда придется, – а срабатывает она скорее как гигантский сверхмощный дробовик (вроде любимого многими сталкерами «Чейзера-13»).

Чтобы оборудовать безопасный ночлег, требуются не меньше четырех «монок». Желательно, конечно, пять, и я сейчас объясню почему.

Каждую «монку» программируем на сенсорно-охранный режим – чтобы она первым делом подняла тревогу, а вторым делом запросила разрешение на подрыв.

Четыре мины мы ставим в вершинах квадрата, в центре которого будет мирно поспавывать наше радиоактивное мясо, то есть сталкер.

Наконец, пятую мину ставим тыльной стороной ко входу в свое убежище. И спим спокойно, потому что эта, пятая, мина гарантирует нам, что даже если химеры нападут парой, то вторая будет разорвана карбидвольфрамовым смерчем прямо у входа в наше человеческое логово.

Пятая мина, увы, не захотела просыпаться вчера при активации, и ее пришлось сунуть в рюкзак. Поташу ее к нашему бармену Любомиру, пусть полечит. Дорогая, зараза, жалко просто так выбрасывать.

Ладно, так вот кровосос...

Уверен, что все заинтересованные лица видели кровососа хотя бы на фотографии. Видели? Ну и отлично. Потому что, если кто-то не видел, его бледный словесный портрет моего кустарного изготовления вряд ли будет полезен.

Скажу лишь, что кровосос – это прямоходящий мутант человеческого роста с удлинненными верхними конечностями и отвратительно переродившимся ротовым аппаратом. Щеки, губы, подбородок кровососа превращены в четыре щупальца, при помощи которых он и осуществляет свое фирменное кровососание. Сталкера средней упитанности он может высосать до донца, до последних капель крови и лимфы секунд за семь. Вот такой умелец.

А еще кровосос умеет становиться невидимым. В прямом физическом смысле. Правда,

это если ему энергии хватает, а хватает ее далеко не всегда.

Но атаковавшему меня кровососу энергии как раз хватало, и был он, гаденыш, совершенно невидим.

Ну, это он думает, что невидим. Я-то его хотя и не видел воочию, но, к счастью, имел возможность взять пеленг на тварь по шевелению лиственно-хвойной подложки Ёлкина Леса.

Понимая, что второго шанса может не представиться, я выпустил в кровососа всю обойму «стечкина» – двадцать патронов.

Увы, «стечкин» это «стечкин».

У него много сильных сторон, но есть и слабые – останавливающее действие пуль невелико, не позавидует и «макаров».

Стрелял я, естественно, с рук, не пристегивая кобуру-приклад. Поэтому кровосос получил хорошо если треть очереди. Этого, впрочем, оказалось достаточно, чтобы секунды на полторы его придержать, а я, само собой, увеличил расстояние с тварью на два прыжка.

Естественно, я спасался от острых, как мой траншейный нож, когтей кровососа. И не особо заботился о том, что попадаю в поле зрения датчиков моей западной мины.

Мина меня обнаружила и немедленно звякнула на ПДА. ПДА мелко затрясся и издал противный громкий скрип. Это у меня такой рингтон «минная тревога». Стилизован под скрип дерева в лесу или, если угодно, половой доски в заброшенном доме. В целях, так сказать, звуковой маскировки.

ПДА я, дочитав почту, машинально положил в карман куртки, когда пошел на улицу допивать кофе. Как показали события дальнейшей минуты, сделал я это очень предусмотрительно.

Итак, мина меня обнаружила и, наблюдая меня строго по оси разлета осколков, спросила: «А не взорваться ли мне?»

Я, конечно же, предпочел не искушать судьбу и убрался из поля зрения датчиков мины, на бегу извлекая ПДА из кармана левой рукой. В правой я по-прежнему держал «стечкин» – увы, теперь уже без патронов.

Чтобы оказаться на том месте, где я стоял только что, кровососу хватило одного прыжка. Спасибо, он хоть левитировать не умеет. Всем своим нешуточным весом мутант ударил оземь, выбросив черный фонтан почвы.

«Ну сейчас взорвусь ваще! Не отвечаю за себя ваще!» – забилась в истерике мина, приняв сообщение от сейсмодатчика.

– А и пожалуйста, – сказал я вслух и дважды тюкнул рукоятью пистолета по кнопке «Ввод» своего ПДА, отвечая «Да» и «Я уверен, да».

Мина ахнула.

Поток осколков отшвырнул кровососа на дюжину шагов, оторвал ему левую ногу, перебил обе руки, вскрыл череп. Теперь он стал видим. Только где-то в том месте, где у нормальных людей бронхи, а у кровососов, так сказать, «генератор невидимости», пульсировала полупрозрачная юла размером с два кулака. Энергетический сгусток постепенно замедлял обороты, тускнел, таял...

Все это я разглядел, подойдя к твари поближе.

Я был так рад, что начисто забыл об осторожности. Крошечная мясорубка шваркнула в меня бледной голубой молнией. Фигня, вольт шестьдесят, не больше. Бодрящий такой электрошок. Но нельзя, ох нельзя в Зоне так забываться...

Меня шатало. Капля никотина убивает лошадь, капля сталкерского адреналина – валит табун.

– Смотри у меня, – бессмысленно пробормотал я, отирая кровь тыльной стороной ладони. – Смотри у меня, паразит.

Помимо мутанта, осколки мины посекали много чего – в том числе безнадежно мертвые деревья, чьи стволы брызнули щепками. Твердыми, что твой карбид вольфрама. Одна из них разодрала мне кожу на лбу, две другие застряли в нагруднике-разгрузке.

Конечно, кровососу досталось не в пример сильнее. Но сдаваться он не собирался. Из всей силы оттолкнувшись уцелевшей ногой, мутант бросился ко мне. Стелясь над землей, он размашисто хлестнул верхней конечностью. Его алмазные когти даже на перебитой руке представляли страшную опасность, так что я едва не заработал глубокую рваную рану икры.

Благо с реакцией в то утро у меня все было в порядке. Я успел отскочить, разминувшись с когтями живучей твари в сантиметре.

Я попятился, перезарядил «стечкина» и, переместив предохранитель (который в АПС заодно и переключатель режимов) в положение одиночной стрельбы, принялся методично, прицельно, одну за другой всаживать пули в уродливую голову кровососа.

У человека от первой же пули голова лопнула бы, и на том все закончилось.

Но это у человека. Кровосос даже после десятой пули держался молодцом и обещал в старости порадовать мир пухленькими мемуарами «Мои встречи с Комбатом». А вот попасть в его действительно уязвимое место, в мозговое вздутие, мне никак не удавалось – сказывались нервные условия стрельбы.

В конце концов я не выдержал. Даже у моего сталкерского хладнокровия есть границы!

Я извлек траншейный нож, в несколько выверенных шагов зашел на кровососа со спины (слабый удар левой конечности я проигнорировал) и вогнал почтенный столетний металл в мозг мутанта по самую гарду.

– Аривидерчи, говнюк, – сказал я, безглаголиво отпихивая затихшую тварь носком ботинка.

Глава 5. «Колокол»

*What you see, you can't get,
Nothing's free, nothing's set,
Don't be fooled, by the signs,
Don't read in between the lines.*
«Silly Thing», Sex Pistols

И вот имеем: мертвый кровосос – одна штука; живой Комбат – другая штука.

Ну а что такое кровосос? Это ведь не только мутант, но и три-четыре ценных приротовых щупальца!

За них можно получить денег...

Много? Умеренно. Но как раз на растроченные патроны и, главное, на одну «монку» – хватит.

Однако же у трупа моего клиента приротовых щупальцев не оказалось вовсе. Следовало ли предположить, что все четыре были срезаны осколками мины? Конечно, странновато: все щупальца срезало, а морда более-менее целая оставалась, пока в нее сталкер Комбат десять пуль не всадил. Но с другой-то стороны, чудеса – они разные бывают...

И пошел я щупальца искать.

Два нашел. Два – как сквозь землю провалились.

Но главное, помимо щупальцев обнаружил я ошейник. Широкий ошейник из толстой многослойной кожи, который осколки сорвали с кровососа.

Эге, да не ошейник... А пояс!

Что из этого следовало? Что кровосос был чей-то. Вроде как ручной.

Уж не знаю, какие выводы тут можно было сделать. Но я сделал только один – зато уж точно правильный. Если кровосос был чей-то, значит, с ним производились некие манипуляции, и именно эти манипуляции объясняют обе странности. Первую – что он меня не убил при первом же прыжке первым же ударом. И вторую – что у него не хватает двух приротовых щупальцев.

– КПИ – кровосос повышенно интеллигентный, – глубокомысленно изрек я, возвращаясь к своему схрону.

– А вот, кстати, о прыжке, – продолжил я размышлять вслух; в Зоне так нельзя вообще-то, но мне, да поутру, да завалив гигантского кровососа – можно. – Прыгнул он на меня отсюда...

Я поднял глаза и посмотрел на свою любимую желтую опору ЛЭП.

Моя любимая желтая опора ЛЭП появилась в Ёлкином Лесу в позапрошлом году. Когда взорвался Бак. Она, голубушка, описала в небе красивую километровую дугу – очевидцы оценили и воспели ее полет в сагах – и воткнулась острой верхушкой ровно в редкую аномалию «рыбий пузырь». Аномалия «рыбий пузырь» при этом сдулась, предварительно засосав опору на треть длины. Со стороны это выглядело так, будто ажурная опора ЛЭП ушла глубоко в почву, хотя на самом деле там, внизу, металлических конструкций не было. Они исчезли вместе с «рыбьим пузырем». Что, однако, не мешало опоре прочно стоять вверх тормашками так, как будто там, в земле, ее верхушка все-таки была.

Это ясно?

Это совершенно не ясно, но в Зоне такие ясные неясности – сплошь и рядом.

Потом был очередной Выброс. И опора в одну ночь обросла чем-то вроде известки. Только не известкой, конечно... А песочно-желтого цвета накипью, очень крепкой, вроде зубного камня.

Благодаря этому «зубному камню» на опоре не заводятся ржавые волосы. Спасибо тебе за это, аномальный как-бы-зубной-камень! Потому что вообще-то большинство железяк в Зоне ржавыми волосами регулярно обрастает. А они вредны для хрупкого сталкерского здоровья.

Еще эта желтая опора тем хороша, что ее боятся все сталкеры.

Оно и понятно, здоровые сталкерские инстинкты требуют держаться подальше от всего металлического, что возвышается над местностью больше, чем на два метра.

А я вот конкретно этой опоры не боюсь.

Подружился я с ней.

А подружившись, устроил под ней свой лучший на всю Зону схрон. Там от лопнувшего «рыбьего пузыря» в земле несколько глубоких ям оставалось. Полтора года назад, Тополь как раз в отпуск поехал, я выбрал одну из них, на склоне небольшого пригорка, расширил, углубил – получилась землянка.

Всю лишнюю землю я скормил ближайшей воронке, чтобы убрать демаскирующие признаки. Потом перекрыл яму жердями, а главное – и поверху, и по стенам обшил листами кевларового подбоя от погибшей на одном из кордонов немолодой дамы, бээмпэхи «Брэдли» американского производства.

Такой подбой используется, чтобы защищать экипаж боевых машин от опасных сколов с внутренней поверхности брони при подрывах на фугасах. Достался он мне, считай, за бесценок. Я отдал за ничейный кевлар знакомым армейцам одну «танцующую пустышку» и шесть «вертячек».

В общем, получился у меня отличный уютный схрон, в котором мы с Тополем много пива выпили. В сторонке от него я держу прорезиненный мешок с минами – никакой возможности таскать их на своем горбу нет.

То есть принципиальные возможности увеличить вес носимого барахла на лишних пятнадцать кэгэ существуют, конечно. Связаны они с использованием ряда гравитационных артефактов, «крадущих» вес у вещей, к которым они подложены. Но вот уже регулярно пользоваться этими возможностями точно нельзя, можно двинуть кони от избыточной радиации. А стало быть, и хрен с ними.

Раз в два месяца в Ёлкином Лесу поднимается густая белесая трава неведомой породы. Спустя пару недель – то есть очень быстро – она отмирает, распадается на ветхие волокна, опадает на землю, смешиваясь со здешней нехорошей хвоей и столь же нехорошей листвой.

Благодаря этой травке земля над моим схроном зарубцевалась так надежно, что я сам нахожу его, только нащупав непосредственно люк.

Вру? Да, вру. Но разыскать мой схрон в самом деле нелегко.

Короче говоря, надежная у меня берлога. Завидуйте.

И вот поднял я глаза и смотрю на раскоряченные стойки своей опоры ЛЭП. Каждая из стоек увенчана серым бетонным кубом – да, вот так ее взрывом из земли выворотило, вместе с опорными фундаментами-противовесами.

Все-таки туман над Ёлкиным Лесом был в то утро очень густым... Но по земле тот туман не шел, понизу видимость была хорошая. А вот чем выше – тем хуже и хуже...

Бетонные кубы на опоре я различал так смутно, что, не зная я о самом факте их существования, не на шутку струхнул бы, приняв за неведомых мне бесформенных мутантов. Мутантов, которых злые гении наполнили легкими газами и пустили летать над Зоной. А потом летящие воздушными шарами мутанты обсели стойки опоры, чтобы понаблюдать за обреченным сталкером-козьявкой там, внизу...

Нет, все-таки туман туманом, миражи миражами, но один из бетонных кубов действительно какой-то не такой. Что-то с ним нехорошо. Что?

Форма изменилась... Но как она изменилась?

Как? Что там добавилось, а? Что за объект?

Когда возникают такие вопросы, в Зоне надо реагировать оперативно. И срочно что-то предпринимать.

А именно: либо – собраться и топать дальше по маршруту. Потому что новый объект может быть смертельно опасен.

Либо – проявить здоровое любопытство и разобраться, как сказали бы в мелодраматическом сериале, со своими чувствами.

Я решил разбираться с чувствами. Не поленился слазить в схрон за биноклем.

Поднес его к глазам.

Навелся на ближайшую стойку ЛЭП, сваренную из внушительного железного уголка, вскрытого желтоватой «известкой».

Пополз взглядом вверх...

На бетонном кубе висел «колокол». Настоящий «колокол».

Вот это удача!

Я богат!

Был полдень. Я пер через Ёлкин Лес напролом, прямо по россыпям жгучего пуха. В контейнере у меня лежала знатная добыча: вчерашняя «ведьмина коса» и сегодняшний «колокол».

Душа пела.

Очень мне хотелось выйти в тот же день.

Очень-очень.

Потому что одно везение – хорошо. Два везения – отлично. Но на большее не надейся и большего от Зоны не проси.

А потому топай ножками за Периметр, в нормальную жизнь! Да поживее, сталкер!

Я взял из тайника возле своего схрона комбез СПП-100, подцепил на АК-47 кустарно адаптированный гранатомет-подствольник и сказал себе: гуляем!

Отличный комбинезон СПП, разработанный специально для парирования аномальных воздействий Зоны, позволял мне многие вольности. Слабые мясорубки и электры, жгучий пух и ржавые волосы – все эти неприятности малого калибра я мог смело игнорировать.

Оптимальный маршрут с учетом оставшихся серьезных неприятностей мой мозг прокладывал машинально. Маршрут этот учитывал аномалии визуально различимые, аномалии, вскрытые датчиком, и, наконец, просто разные недобрые места, на которые указывал острый нюх моей подозрительности.

Оставшиеся мощности мозга – процентов целых тридцать – были заняты разгадыванием ребуса, который я назвал для себя «Кровосос и колокол». В разгадке ребуса

маячил хозяин кровососа – ни много ни мало.

Почему я был так уверен?

Ну а вот если подумать. Кровосос атаковал меня в прыжке, а прыгал он с желтой опоры ЛЭП. Это бесспорно. Только поэтому он и промахнулся – похоже, твари не удалось точно рассчитать прыжок. А не удалось это именно потому, что прыгал кровосос с чего-то для себя непривычного. То есть с желтой опоры ЛЭП, повторяюсь.

А зачем он туда полез?

Вариант «просто так» не годился совсем. Оставалось: «снять колокол» и «повесить колокол». Между прочим, второй вариант я тоже принимал в рассмотрение, хотя на первый взгляд он выглядел абсурдно.

Но почему бы и нет? С точки зрения человека «колокол» – это ценный хабар, за который можно получить много денег. Но это с точки зрения обычного человека. Или почти обычного – скажем, сталкера. Но здесь, в Зоне, люди бывают очень необычные... Такие необычные! Караул!

И кто знает, какие цели можно преследовать, развешивая «колокола» по опорам ЛЭП?

Скажем, была такая громкая история. Кто-то в «Долге» решил, что лучший способ организовать в Зоне предельно безопасный маршрут – обозначить тропу алюминиевыми вешками со «свиными хвостами». «Свиной хвост» это такой тяжелый завиток белого цвета, который ярко светится ночью, отлично виден на детекторах и вроде как (вроде как!) отгоняет блуждающие аномалии. Скажем, если горячее пятно идет, то оно «свиной хвост» обогнет по широкой дуге. Или если птичья карусель с места снимется – тоже, говорят, сторонится она «свиного хвоста». И жгучий пух «свиной хвост» облетает якобы.

То есть по-всякому выходило, что «свиными хвостами» действительно очень удобно провесить дорожку и по ней топтать.

Сталкеры-«долговцы» порядком со своей магистралью навозились, «хвостов» сорок ухлопали... Все вольные бродяги пахали на эту тему две недели, «хвосты» искали и за приличный кусок «Долгу» сдавали.

Закончилось, конечно, смешно – почти все «хвосты» сперли в одну ночь наглые мародеры. Их ловили всей оравой, кого-то даже сгоряча хлопнули, большинство «свиных хвостов» удалось вернуть... Но в конце концов «Долг» от своей затеи отказался.

Или вот, скажем, такой случай. Кажется, Паганель рассказывал, но возможно, то был и Никчему – они так похожи, что в памяти моей для обоих отведена одна общая ячейка.

Одному небедному парню из туристов нагадала какая-то будто бы цыганка, что его любимая девушка вернется к нему, если он развесит в Зоне двенадцать «маминых бус». В четко обозначенных местах – цыганка даже схемку парню набросала, основываясь якобы на линиях его левой ладони.

Ну и вот парень нанял в проводники Батона, закупился у Хуареса «бусами» и ходил, развешивал. Денег угробил – без счета...

Девушка, кстати, к этому лопуху вернулась. Хотя и сама «цыганка», и гадание были откровенно липовыми, это все Батон с Хуаресом придумали, чтобы влегкую заработать.

Так что бывает, бывает такое: ходит человек по Зоне, артефакты развешивает.

Если же говорить о нечеловеке... Кому и зачем из нечеловеков может потребоваться повесить «колокол» на опоре ЛЭП в Ёлкином Лесу? О, да тут вариантов вообще столько, что держись!

Тем более что свойства «колокола» изучены плохо... Но это они нами изучены плохо, а что об этих свойствах известно тварям Зоны? Темным? Болотному Доктору? «О-Сознанию»?

Могло быть и по-другому: кровосос полез на опору ЛЭП не для того, чтобы «колокол» повесить, а чтобы его снять. Странно, конечно, что подобный знатный артефакт возник в таком неподходящем месте. Но мало ли... Вот был же случай, когда Кир после одной ночевки нашел свежего «морского ежа» прямо у себя в рюкзаке! И было это в совершенно безопасных – и с виду, и по детекторам – руинах на Агропроме!

Ну и вот если допустить, что сегодня ночью «колокол» родился прямо у меня над головой, на моей любимой желтой опоре ЛЭП...

И, стало быть, некто приказал кровососу этот артефакт достать...

Кто этот некто? Сталкер?..

Додумать мне не удалось.

На трупы я напоролся так неожиданно, что даже не успел испугаться.

Они лежали на южном скате бугра – три мутанта. Мертвые, как сама смерть.

Этот уродливый бугор с лысой, лоснящейся какой-то салатовой дрянью верхушкой я видел первый раз в жизни – хотя Ёлкин Лес знаю отлично. Он явно был порожден аномальным воздействием, причем недавним. Вчера, позавчера, максимум неделю назад.

Контролер и два кровососа. Все трое – мертвы. Убиты, вероятно, одновременно – потому что всполошиться и разбежаться в стороны не успели.

Датчик аномалий не показывал ничего опасного.

Счетчик Гейгера молчал.

Но картинка мне все равно не нравилась. Ох не нравилась!

В кои-то веки контролеры повадились в Ёлкин Лес?

Пока я решал, стоит ли пойти осмотреть трупы мутантов (в надежде поживиться щупальцами кровососов) или махнуть рукой и идти своей дорогой (что было бы мудрее), на вершине бугра внезапно вырос человек с бесшумной снайперской винтовкой ВСС – смертоносным «Винторезом» – наперевес.

Глаза человека были спрятаны под мощными пылезащитными очками, нижняя часть лица закрыта респиратором. Верхней одеждой незнакомцу служил черный плащ с капюшоном.

Это мог быть темный сталкер, и только он. Безумец, полумутант, добровольно избравший пожизненное заточение на территории Зоны. Такие, как он, образуют особый клан, живущий в заброшенных деревнях, на очень опасных уровнях. Клан темных преследует свои, непонятные нам, простым смертным, цели. Для достижения которых использует все доступные средства – а доступно им многое.

Впрочем, темные не беспредельничают. Или почти не беспредельничают. Поэтому я отношусь к ним все-таки лучше, чем к бандитам или отморозкам из «Свободы». Но – откровенно признаюсь – был бы очень рад, если бы Зона однажды разрешила их всех завалить. Это непросто, но, думаю, объединив усилия нескольких кланов и всех вольных ходоков, мы бы справились.

– Ты убил моего кровососа, – сказал темный, спускаясь с бугра ко мне. Винтовку он держал на предохранителе, но не могу сказать, что я был в восторге от встречи.

Сомнений не было: темный имел в виду того кровососа, который подорвался на моей mine и которого я вспоминал минуту назад, рассуждая о его связи с «колоколом».

– Извини. Я не знал, что кровосос – твой. – Я следил за тем, чтобы голос мой звучал твердо и уверенно.

– Того кровососа должен был убить я, – сказал темный. Он не стал подходить ко мне совсем близко, остановился метрах в семи.

Голос темного сталкера звучал глухо, но я прекрасно разбирал каждое слово. По моему, он дублировал каждую фразу телепатически, чтобы до меня лучше доходило. Они, темные, так умеют.

– Он первым напал на меня. Спрыгнул с опоры ЛЭП.

– Я видел...

«Даже так? Впрочем, если он устроил себе огневую позицию где-то на верхушке подходящего дерева – почему бы и нет? Мог видеть и колокол, и кровососа. Туман, правда, должен был помешать... Но кто их, темных, знает? Видят же они, например, «волчьи слезы» метров за десять сквозь любые преграды... Может, туман им вообще не помеха».

– Ты застрелил контролера? – спросил я, решив перехватить инициативу в разговоре.

– Да.

«Ну тогда понятно. Кровосос управлялся контролером. Иначе черта с два он полез бы куда-то с рассветом. Контролер получил пулю из «Винтореза». После этого кровосос был предоставлен сам себе. Включились инстинкты, он понял, что голоден, – взял, да и прыгнул на меня».

– Я могу задать тебе еще вопросы?

Но вместо ответа темный достаточно бесцеремонно (что для этих полумутантов – норма) сообщил:

– Мне нужен пояс, который был на кровососе. Ты подобрал его.

Я молча достал из кармана рюкзака маленький продолговатый контейнер для всякого потенциально опасного, малоизученного, но некрупного хабара. Там лежал пояс, о котором говорил темный.

Я достал его. Пояс как пояс... Из грубой брезентовой ткани. Такие пожарники носят, что ли?

– Возьмешь? – Я протянул его темному. – Он осколками весь иссечен, не обессудь.

– Положи на землю, – попросил темный сталкер, и не подумав сдвинуться с места.

Я без всякого сожаления расстался с этой вещью.

– Ты ведь знаешь, что я взял «колокол»? – спросил я.

Сталкер утвердительно кивнул.

– Кровосос лез за ним? По указанию контролера?

– Нет. По указанию контролера кровосос повесил «колокол».

«Ага! Все-таки повесил!»

– А зачем он это сделал? – Я никогда не упускаю случая обогатить свои знания о Зоне. Даже если ради этого приходится вести разговоры с темным сталкером.

Для нашего брата сталкера знание – действительно сила. Сила колоссальная, которая помогает одолеть любого врага – подчас и саму смерть.

Удивительно, что еще находятся люди, которые этого не понимают!

– Я не знаю, – ответил темный сталкер.

Никогда не думал, что темные сталкеры могут чего-то не знать о Зоне!

– Ладно, извини тогда. Не буду надоедать расспросами. Я пойду, да?

– Если я узнаю, зачем кровосос повесил «колокол», тебе сообщить?

Невероятная любезность! Стоит ли соглашаться?

– Что я буду тебе должен?

– Думаешь, мне так сложно написать тебе короткую записку на ПДА? – Я был готов поклясться, что там, под респиратором, темный сталкер улыбнулся!

– Ну тогда заранее спасибо. Люблю, чтобы во всем была ясность! И – удачи!

– Удачи, сталкер.

Глава 6. «Лейка»

*I took a heavenly ride through our silence
I knew the waiting had begun
And headed straight... into the shining sun.
«Coming Back To Life», Pink Floyd*

Когда я, небритый и хромой, с двумя рваными дорогами запекшейся крови на скуле, вошел в «Лейку», было за полдень.

Зеркало напротив входа с отвращением отразило мою некрасивую сталкерскую фигуру. Короткие ноги, длинное поджарое туловище, руки-плети с широкими грязными ладонями, сутулая спина человека, слишком много видевшего в этой жизни, мощная шея, а над ней – голова, небольшая, хотя и не слишком глупая. Длинные волосы собраны в конский хвост.

Лицо я сейчас описывать не стану. Пусть каждый нарисует себе обыкновенное мужское

лицо на свой вкус.

Это я? Это я.

В «Лейке» я был единственным клиентом, что, учитывая время суток, совсем неудивительно.

Лишь три официантки (фартуки в горошек, декольте, каблуки) в компании моей Мариши о чем-то вяло сплетничали у дальнего окна. Бармен Любомир лениво инспектировал свое ликероводочное хозяйство с блокнотом в руках.

– Боже мой! Володька! Вернулся! – радостно воскликнула Мариша, заметив меня. Она вывернулась из-за столика, где ее товарки нехотя «наводили на резкость» (так на их языке назывался томный взгляд на самца), и, трагически сдвинув брови, бросилась мне на шею.

Глаза у Мариши были припухшими, а мордашка бледной.

– А я уже думала... Мало ли что... Волновалась!

«Не иначе, как и в самом деле волновалась», – подумал я, глядя на тщательно запудренные синяки под ее глазами.

– Мне даже ночью всякие ужасы снились. Будто зомби эти бросили тебя в сырую могилу и закопали. – Мариша хлюпнула носиком.

«Этак она сейчас заплачет!» – испугался я.

Бармен Любомир поймал мой ошарашенный взгляд и иронически улыбнулся в седые усы.

– Я ей говорил, чего волноваться? – сказал он. – Комбат, говорил, мужик тертый. Им смерть побрезгует, потому что он ей донесхочу глаза замозолил!

Улыбнувшись вполрта, я кивнул. Мол, замозолил, еще как.

– Мне бы перцовочки сто грамм... Замерз, как цуцик, – взмолился я, кое-как снимая с себя Маришеньку – расчувствовавшуюся, с красным от назревающего рева носом.

– Перцовочки? Можно! – ответил Любомир. – А как насчет поесть?

– А поесть потом. Когда нервы распрямятся. – Я влез на высокий барный стул.

Мариша, не переставая пожирать меня влюбленными глазами, уселась рядом, крепко вцепившись в мое камуфлированное плечо своими длинными алыми коготками.

Официантки – с двумя из них у меня точно «было» – громко прыснули со смеху. Мариша считала, что они завидуют ее счастью. А я ничего по этому поводу не считал. Есть вещи, по поводу которых легче ничего не считать.

– И колу. Со льдом.

Любомир понимающе кивнул мне и полез в холодильник за перцовкой и льдом – он знал, что изредка меня пробивает на странную привычку пить перцовку с колой, да еще и льдом ее закидав.

– На закуску чего-нибудь хочешь? Оливки? Огурчик? Лимон?

– Ананасы есть? Ананасу хочется!

– Слегка!

Я помнил, конечно, что «слегка» у Любомира означает «легко».

Любомир был сербом из деревни Млявица – это возле Белграда, ежели что. Он происходил из зажиточной семьи. Вначале отучился на инженера, но затем черти позвали в дорогу... Бросил Любомир свою евросоюзную Сербию, приехал к нам и сделался сталкером, к тому же неплохим. А уж удачливым был – легенды ходили!

Говорили, сам Вадюха Пряник звал его в напарники, а Мерлин с Одноглазым – те по молодости брали у него уроки. Рассказывали, с этим-то Пряником Любомир сорвал не один хороший куш...

Как-то раз, провалявшись три ночи у края птичьей карусели со сквозным ранением груди, Любомир серьезно прихворал. Врачи сказали: надо тебе, парень, что-то менять, пока твои почки тебя в гроб не запечатали...

Любомир послушался, уехал в свою Сербию. И на скопленные деньги открыл дело в родном Белграде – магазин специализированной электроники. А сам стал его директором или вроде того.

В свободное же время чинил проданные им самим, да и другими магазинами, прилады и прибуды, руки у него и впрямь золотые. Но прошло два года, и дело его прогорело – не то клиент в Сербии слишком жадный, не то Любомир слишком бескорыстный.

В общем, он был вынужден переквалифицироваться в управдомы, то есть, извините, в бармены. Так мне рассказывали. Но я лично считаю, что он специально свое дело утробил, чтобы к нам сюда, к Зоне поближе, вернуться. Потому что кто по Зоне погулял, тот нормальным гражданином уже никогда не станет – ни на родине у себя, ни в Америке, ни где еще.

Такое мое мнение, и я его не изменю, пока примеров обратного не увижу. И между прочим, Любомир, с которым мы, понятно, тысячу раз на эту тему говорили, мою теорию разделяет.

По-русски Любомир говорил отменно, почти совсем без акцента. Лишь иногда проскакивали в его репликах какие-то непонятные словечки вроде этого «донесхочу» или своеобразные обороты вроде «слегка» (вместо «легко»). Меня умиляли его «мешанки» (так Любомир называл наши коктейли). Я часто просил его починить мне какую-нибудь ерунду.

Даже непонятно, почему Мариша не озадачила его сломавшимся электрочайником. Почему ей так важно, чтобы именно я его починил? Не хватает внимания? Хочет показать, что воспринимает меня всерьез, как потенциального мужа-чинильщика?

– А что Хуарес, на месте? – громко спросил я у Любомира, залпом опрокидывая стакан колы.

– Да на закупки поехал. К вечеру должен быть, – ответил Любомир, выставя на лакированную доску барной стойки мою желтую стограммовочку.

Мариша глядела на меня с материнской нежностью. Мол, пей, деточка, пей. Это вкусно и полезно!

Я охотно дернул. Перцовка горячим ручейком скатилась в пищевод.

В мозгу тут же просветлело, а шум в ушах стал потише. Растреклятая «правда Зоны» вместе с ее ручными кровососами и электрическими девушками отступила от меня еще на три шага.

Я посидел секунд сорок с закрытыми глазами. Затем открыл их и внятно, с чувством произнес:

– Иманарот!

А потом еще раз, громче:

– И-ма-на-рот!

Тепло разлилось по телу. Ясность оседлала мозг. Я просиял.

– Кушать что-нибудь будешь? – деловито спросила Мариша.

– Не могу понять... Мне бы повторить пока!

Повторили.

– А зачем тебе, братка, нужен Хуарес? Добыл чего? – поинтересовался Любомир, который, помимо прочего, исполнял обязанности уполномоченного секретаря Хуареса по общению с «несущими». В смысле, несущими хабар сталкерами.

Именно Любомир осуществлял, так сказать, первичный осмотр товара, сбивал цены, пугал новичков «неликвидом» и все в таком духе. Хуарес лишь расплачивался, да и то не за всякий хабар, а только за самый ценный или редкий. Когда суммы были внушительными. Случалось, Хуарес хотел своими глазами посмотреть на новичка – что за пацан, на многое ли способен, не слишком ли горяч. Тогда Любомир забивал для него стрелку.

– Добыл то, что он просил. Так что пусть готовит наличность.

– И много наличности?

– Много. Во-первых, за «колокол»...

Любомир присвистнул, и в карих его глазах заплясали алчные искорки.

Я уже не в первый раз подумал о том, что Любомир, должно быть, у Хуареса на проценте. Иначе откуда эти алчные искорки? Да и потом, говоря со мной о Хуаресе, Любомир все чаще употреблял местоимение «мы».

– А во-вторых?
– Во-вторых, за «ведьмину косу». Хуарес ее давеча заказывал.
– Если заказывал, значит, возьмет, будь спокоен, – заверил меня Любомир. – Но только...

– Только что? – Я посмотрел на Любомира своим самым нешутейным взглядом.
– Столько денег у нас сейчас не будет... Сегодня ведь закупки. А у тебя уж больно суммы крупные. Вот к вечеру – может быть, и наскребем. Часикам этак к семи.

– С пониманием. Потому и зашел, чтобы вы морально готовились! Ты думаешь, мне так выпить хочется, что даже в душ зайти лень? – Я провел пятерней по своей заляпанной грязью куртке. Не то чтобы в жизни я был каким щеголем. Но и как бродяга – оборванным и грязным – отродясь не ходил. Всегда старался соответствовать.

Отвечая на мою тираду, Любомир, с привычной монотонностью протиравший в продолжение всего разговора бокал за бокалом, лишь пожал плечами. Дескать, мало ли.

Он, конечно, знал жизнь не по книгам. Случалось, наш брат сталкер заявлялся в «Лейку» с кровоточащими ранами и даже со свежоторванными конечностями. И на этом при-фронтовом фоне Любомиру было трудно удивляться несвежести воротничка и некоторой... хм... романтической небритости какого-то там Комбата.

– Короче, я сейчас в свою берлогу двину. Помоюсь, отосплюсь... А к семи буду – как штык! Надеюсь, здесь меня будут ждать как минимум мои денежки.

– Хуарес подтянется, не переживай.

– А можно я с тобой? – Мариша просительно сложила ладошки. – Любомир меня отпустит. Правда же, Любомир?

– Нет. Что бы ни сказал Любомир, со мной тебе все равно нельзя, милая. Когда я говорю «отосплюсь», я имею в виду сон, а не что-нибудь еще!

Мариша разочарованно примолкла.

Девчонки за дальним столом – они, конечно, все слышали – снова громко прыснули. Ох и задаст же мне Мариша трепку этим вечером!

А впрочем, пусть. Чем больше злится, тем горячее страсть.

Да и вообще с бабами надо строго. Не то сядут тебе на шею и будут ездить, я говорю.

Возле покосившейся калитки, что обозначала начало моих владений, я оглянулся и в последний раз просканировал ближайшие, уже кое-где пожелтевшие кусты, чтобы убедиться, что погони за мной нет. Погони не было. По трухлявым ступеням взшел на крылечко своего бунгало, стоящего на четырех бетонных сваях.

Во время припадков хорошего настроения (у меня они обычно совпадают с состоянием алкогольного опьянения) я называл свое место жительства избушкой на курьих ножках.

Не столько из-за свай, сколько из-за общей inferнальности, которой, несомненно, дышало на посторонних мое жилище.

Ох и страшной же на вид была моя скромная избушечка!

Крытая выпцветшим толем низкая крыша. Старые, разошедшиеся рамы. Глухие жалюзи изнутри окон. Темно-бурая, обросшая грибком печная труба, из которой иногда все же вьется сизый дымок. Покосившиеся стены, отделанные некачественным сайдингом в годы моего счастливого детства (пришедшегося на второе десятилетие первичного накопления капитала по Марксу). Сайдинг счастливо оброс мхом и еще какой-то дрянью, похожей на беспризорную «крупку», что водилась в Зоне. Названия этой дряни я не знал, но относительно нее не без оснований подозревал, что родом она прямехонько из окрестностей Милитари и что занес я ее на своих многое выдавших ботинках.

В общем, если кто не понял, жилище вашего Комбата имело жуткий, отвратительный внешний вид.

Картину довершали окрестности моего бунгало – оно стояло на пустыре позади «Лейки», а вокруг колосились чертополохи и лопухи в человеческий рост и лишь позади

дома росло несколько кустиков смородины.

Единственная дорога, которая вела к бунгалу, во время дождей раскисала и делалась совершенно непроезжей. В остальное же время она производила не многим лучшее впечатление...

«Боже мой! У тебя же есть деньги! Как ты можешь жить в таком вот... доме?!» – обычно говорили мне женщины, которых я волок к себе «на первую чашку чая».

Однако, попав внутрь, мои женщины обычно замолкали.

Иные даже восхищенно ахали.

А иные настолько обуревали от увиденного, что проявляли ко мне благосклонность прямо в прихожей, на низкой обувной тумбочке, даже не дотерпев до гостиной.

Да, внутри мое жуткое бунгало имело отличный ремонт. Стены были ровными, потолок – натяжным, а пол – мраморным и вдобавок «теплым», с нагревательными элементами.

Справа от камина стояло мое любимое кресло-качалка, то самое, где так хорошо тупить, закутавшись в клетчатый плед. Слева от камина – книжный шкаф, где квартировала моя военно-историческая библиотека.

В ванной комнате пенилась послушная джакузи.

Ну и на кухне, понятно, имело место идеальное сочетание вещей, необходимых повару, – простым народом вроде меня называемое емким словосочетанием «полный фарш».

Я уже говорил, что люблю готовить? Нет? Так вот говорю.

Пароварка, духовка, тостер, соковыжималка, мясорубка, шейкер, центрифуга для кремов и, конечно, наборы кастрюлек, ножей, шумовок, плошек и много, много чего еще.

Бывает, меня спрашивают, отчего я прикипел к этой захудалой, расположенной вдали от торных путей «Лейке»?

Отчего не еду искать счастья в другие местечки, прилепившиеся там-сям к Периметру Зоны?

А ведь мог бы – таких, как я, тертых перцев ждут везде. Да хотя бы в поселении Белая Жаба, где мой кореш Одеколон что-то вроде старосты. Или в возрожденном Чернобыле-4. Или вот в Красноармейске, где такая компания сталкеров подобралась, загляденье!

Да потому и не еду я в Красноармейск, что комфорт люблю. А комфорт у меня уже есть.

Однажды сталкер по прозвищу Шар бросал мне укор, что, мол, «кефир, чефир и теплый сортир» – вот мои идеалы. И что, мол, старпер я, для Зоны уже непригодный.

Это было три года назад.

Шар погиб прошлой весной – сгорел в разломе.

А я до сих пор бегаю, несмотря на свои тридцать, да простит мне мое бахвальство Черный Сталкер.

И, думаю, не в последнюю очередь благодаря пароварочке моей, которая заряжает меня хорошим настроением и энергией на целый, мляха, день...

Первым делом, однако, я пошел в ванную, а не к пароварочке.

Бросил ком грязного шмотья в стиральную машину и включил ее на «интенсив».

В этот момент я услышал телефонный звонок.

Мне звонят очень редко. Наверное, поэтому трубку я обычно беру.

Звонил Синоптик. Один из самых компетентных товарищей в нашем околотке. По этой же причине и один из самых богатых.

– Здоров, Вован! – бодрым голосом сказал Синоптик. В миру его звали нежным именем Алеша.

– И тебе не болеть. Есть для меня новости? – спросил я.

Синоптик приторговывал самой разной информацией – в особенности же информацией о том, где и какой артефакт обнаружен. Обычно его клиентами были всякие начинающие идиотики, только-только открывшие Америку и вдулившие, что Зона – это золотое дно. Однако случалось пользоваться его услугами и опытным сталкерам. Случалось это тогда, когда Синоптик давал наводку на особенно редкие артефакты. Про себя скажу: не реже двух

раз в год я добывал то, на что меня наводил Синоптик. И потом честно отдавал ему его двадцать процентов.

– Новости есть. Но не знаю, для тебя ли... Скорее уж для твоего друга Тополя. С которым вы, как всем известно, поссорились... В общем, будь готов, мало я за такую информацию не попрошу...

– Краткость – сестра таланта, – сурово намекнул я. – Что за артефакт?

– «Звезда Полынь».

И вот тут, господа, я подлинно охренел.

Потому что много лет кряду мой бывший друг Тополь больше жизни мечтал о том, чтобы эту диковину добыть. Уж чего мы только не делали, чтобы хотя бы одну «звезду» разыскать. И все без толку. Я даже начал подозревать, что никакой «звезды» в природе нет. И является она чистейшей выдумкой. И тут – на тебе...

– Ты чего молчишь, Вован? У тебя все в порядке? – встревоженно спросил Синоптик на том конце провода.

– Да в порядке, в порядке, я просто тут в туалете как раз... На унитаже сижу, – соврал я.

– А-а... Ну извини, я не знал.

– Да пустяки!

– Ну так что насчет «звезды»? Тебе первому предлагаю. Помня наши давние договоренности. Тебе это интересно? Пойдешь за ней? Или кому другому информацию предложить?

– Не наседай, Алеша, – попросил я. – Давай вот что. Я до вечера подумаю – а вечером тебе перезвоню и скажу свой окончательный ответ. Идет, да?

– Ну... – недовольно засопел Синоптик. – Только помня нашу долгую и плодотворную дружбу. Но учти: если ты вечером не перезвонишь, я «звезду» с утра другим чувачкам предлагать буду. Это же бизнес, не обессудь.

– Да бизнес, бизнес, я все понимаю, – сказал я устало.

Синоптик повесил трубку.

«И где он только эту информацию берет? Не иначе как сам черт ему на ухо шепчет!» – зло подумал я.

Мое сознание разрывала тягостная дилемма. С одной стороны, «звезда Полынь» – это, объективно, невероятно редкая и довольно-таки дорогая вещь из чистой платины. С другой стороны, меня лично эта «звезда» никогда особенно не заводила. Да, она дорогая. Ну и что? Сумму, которую дают за «звезду», можно запросто заработать, подогнав Хуаресу три-четыре «колокола» или десяток артефактов поплотнее... Вот если бы со мной был мой друг Тополь, тогда я, не задумываясь, согласился бы купить информацию о «звезде». Но так как с Тополем меня угораздило поссориться...

Простояв десять минут перед зеркалом с задумчивым выражением лица и телефонной трубкой в руках, я наконец принял мудрое решение: протормозить до вечера, а вечером решить.

За «звезду Полынь» агитировала моя жадность. Всех денег, конечно, не заработаешь. Но это не значит, что к этому не надо стремиться!

Короче, наплевав на рассуждения и начисто забыв про Синоптика, я нырнул под душ.

Этот самый душ, кстати, стоил мне очень много денег. Особенно же фильтры к нему, которые Хуарес каждый месяц возит для меня из самого Красноармейска (а без фильтров воду из нашего артезиана для душа использовать нельзя, только для смыва). Стоя под теплыми, упругими струйками воды, я чувствовал себя если и не счастливым, то почти счастливым.

А почему бы и нет?

Я вернулся. Я добыл артефакты. Я здоров. И у меня есть женщина по имени Мариша. В моем доме тепло и чисто, в холодильнике меня ожидает форель (я поджарю ее на гриле с индийскими специями), а на десерт запланирован мой любимый торт «Вечерний Киев».

Сейчас я отодвину штору с зелеными дельфинами-эквilibристами, ступлю на массажный коврик, вытрусь и выйду в гостиную. Включу музыку. Налью себе «Ессентуки», полный бокал, с кусающими язык и щеки пузырьками. И посижу так минут десять в кресле-качалке, совершенно голый, не закутываясь даже в плед, среди своих уютных владений, размышляя о том, чего бы мне еще такого захотеть...

Размышляя так, я уселся на пол ванной, как бы невзначай прислонился к стене и... заснул.

Глава 7. Некто в штатском

Reise, reise, Seemann, reise!

«Reise, reise», Rammstein

Когда я проснулся, на часах было уже шесть пятнадцать.

Ёкалэмэнэ!

Это означало, что никакой форели я поджарить не успею, если, конечно, желаю продемонстрировать Хуаресу точность, которая вежливость королей.

Шустро растирая хаер полотенцем (а у меня длинный хаер, если кто не в курсе), я запустил кофе-машину и, не бросая первого занятия, пальцами правой ноги выдвинул нижний ящик комода, где хранился мой могучий фен, а затем и средний ящик комода, где лежал уют. Да-да, мне предстояло погладить клетчатую ковбойку, а гладить я со времен университетской общаги ненавижу.

Пока я предавался этим трогательным житейским попечениям, на улице пошел косой серый дождь. Кто и зачем придумал эту осень? Растолкуйте мне кто-нибудь.

Кофе оказался несладким (в кофе-машине кончился сахар).

Ковбойку пришлось заменить свитером. Даже от идеи по-быстренькому съесть с кофе масляно-безешный клин «Вечернего Киева» пришлось отказаться, время поджимало, а бриться меж тем было необходимо.

Однако ровно в семь – как и договаривались – я сидел за своим любимым столиком возле окна, глядящего на автостоянку, с бокалом пшеничного пива в левой руке и с кожаной книжкой меню в правой.

Я был голоден, как десять самых отъявленных псов Зоны.

Я знал: перед тем, как вынести Черный Пакет (почему деньги так любят носить в этих самых черных пакетах для мусора?), Хуарес захочет пропустить со мной стаканчик-другой, затоптать чего-нибудь питательного и поговорить о том о сем. Хуарес называет это «покалякать».

Мы со скупщиком хабара Хуаресом хорошие друзья. Ведь он один из немногих в окрестностях Зоны, кто помнит меня молодым романтическим балбесом с претенциозной кличкой Сэнсэй.

Ну а я, соответственно, один из немногих счастливицов, которые помнят его веснушчатым очкариком, окончившим три курса консерватории по классу скрипки...

В двадцать Хуарес сбежал от родителей – а заодно из консерватории и от молодой жены (все это добро находилось в стольном граде Киеве) – и устроился работать диджеем на одной из модных дискотек в Чернобыле-12.

Тонкий он был, вертлявый, смешливый... чуть что, смеется, остановиться не может! Это, наверное, из-за травки, которую он в те дни курил, как иные курят сигареты. И одевался Хуарес всегда этак стильно, с вызовом, в яркое, узкое, блестящее. Иные даже судачили, а не гей ли наш Хуарес...

Нет, Хуарес был не гей, ответственно заявляю. И симпатичные девчонки вокруг него вились целыми стаями! Мы даже познакомились на этой почве. Фактически я подбирал за Хуаресом девочек, на которых у Хуареса банально не хватало рук, языка и прочего...

Я помню Хуареса красившим волосы в цвет «платиновый блонд». Я помню, он носил кольца и серебряный браслет...

Потом Хуарес решил ходить в Зону простым сталкером – денег больше, да и разнообразие. Но быстро это дело бросил. И правильно. Координация движений у него так себе была (я думаю, из-за таблеток), труслив он был как баба, трепался без умолку, а на каждом привале в зеркало на себя смотрел – не попал ли какой-нибудь жгучий пух ему на волосы и не подпортила ли какая другая дрянь чувствительной кожи его красивого лица. Тот еще герой, да.

В общем, на того, давнего Хуареса этот, сегодняшний Хуарес, лысый, упитанный и угрюмый, с бородавкой на толстом носу, был похож, как свинья на коня.

Девчонки за ним больше не вьются. Наверное, поэтому он и держит в официантках целую банду шлюх – Анжел, Илон и Ленок – для поддержания бывшего статус-кво.

Я посмотрел на часы. На часах было семь пятнадцать. А Хуарес все не шел.

Обернувшись к барной стойке, я поймал озабоченный взгляд Любомира, бесстрастно цедившего пиво в детские трехсотграммовые бокалы для группы заплутавших туристов из Польши. Мой взгляд вопрошал: «Ну и? Где твой босс?» Любомир сделал недоумевающее лицо. Мол, сам в непонятках.

А Хуареса все не было...

Когда я уже решился сделать заказ в одиночестве и принялся листать меню, за мой столик ровно напротив меня – на то место, которое предназначалось Хуаресу, – плюхнулся человек, о котором лучше всего было бы сказать при помощи детективного клише «некто в штатском».

– Место занято, – проворчал я, не отрываясь от цветных картинок меню.

– Господин Комбат? – вкрадчивым ровным тоном спросил некто в штатском.

Я поднял на него свои равнодушные глаза.

Серый пиджак. Розовый галстук. Выглаженная белая рубашка. Волосы с проседью пострижены. Разобраны на правый пробор. Да еще и уложены гелем! Обрамляют бесцветное лицо с серыми без выражения глазами садиста.

«Крутой пацан», – подумал я, пока мои губы, искривляясь в вымученно-вежливой улыбке, спрашивали:

– Чем могу служить?

– Господин Хуарес сегодня не сможет с вами повидаться.

– Какого хе... то есть я хотел сказать, по какой причине? – Я решил, что с этим, в галстук, нужно быть поделикатнее.

– Причину я открывать не уполномочен. Но господин Хуарес... сильно занят, – ответил некто в штатском, пристально глядя на меня.

Он был худосочен, костист, и в лице его было что-то крысиное. В его правом ухе нахально блестел поддельный бриллиант, вделанный в платиновое колечко.

– Занят? Но у нас с ним была назначена встреча!

– Господин Хуарес просил вас извинить его. И уделить мне то время, которое вы планировали уделить ему.

– Вот оно как... Ну выкладывайте. Признаюсь честно, я не собирался уделять Хуаресу больше десяти минут.

– Я постараюсь уложиться, – заверил меня некто в штатском, нетерпеливо ерзая на своих упитанных кабинетных ягодицах.

Подошла официантка. Это была коровистая девица откуда-то из-под Тюмени с грудью четвертого размера, а звали ее – только не падайте в обморок! – Черри.

– Чего кушать будете? – спросила Черри, рывком распахивая блокнот.

– Блинчики с икрой есть?

– Есть.

– Несите.

– И всё? – Черри, которой была известна моя слава хорошего едока, выкатила на меня

свои черные с влажной поволокой очи.

– Да, всё. Что-то аппетита нет.

Да что там Черри. Такого заказа я сам, сам от себя не ожидал! Я был уверен, что закажу как минимум цыпленка табака с гарниром из зеленой фасоли. А как максимум – фаршированные томаты, сырную тарелку и бифштекс по-камчатски. А заказал что? Блинчики с икрой. Ужин содержанки!

Здорово же деморализовал меня некто в штатском. Причем деморализовал одним своим присутствием! Вот что приходилось с неудовольствием признать.

– Моя фамилия Рыбин, – представился наконец некто в штатском, замком складывая на столе холеные руки с коротко подстриженными ногтями.

«Наверняка врет!» – подумал я, согласно кивая собеседнику.

– И я представляю здесь одну очень могущественную организацию. Организацию с большой буквы.

Я снова кивнул. Дескать, Организация – это хорошо. Всякий уважает организации с большой буквы! Особенно те, которые хорошо и вовремя платят.

– Организация узнала о вас как об одном из... мнэ...

– Лучших? – подсказал я. Выпитое неожиданно сильно ударило мне в голову (голодную голову!), и мне ужасно захотелось немножечко пошалить.

– Да. Лучших. Но мне больше нравится слово «результативный». Так вот, Организация знает, что вы, Владимир Сергеевич, один из самых результативных сталкеров данного региона.

У меня в животе похолодело. «Данного региона». Вона как!

И, кстати, давненько меня никто не называл «Владимир Сергеевич». Уверен, ни одна собака в «Лейке» и ее окрестностях не знает моего отчества. Мое уважение к неназванной Организации возросло еще на несколько пунктов.

– Но ваша результативность в данном случае интересует нас, вы уж извините, не слишком. Нам важна ваша «безаварийность», если я понятно выразился... Вы понимаете, что я имею в виду?

– Я думаю, вы имеете в виду, что я чертовски удачливый сукин сын, – перевел я с официального языка чиновников «данного региона» на интернациональный язык проходимцев.

– Именно так, – улыбнулся кроткой улыбкой изверга Рыбин.

– И вы хотите, чтобы я кого-нибудь сводил в Зону поглазеть. Правильно?

Мой излишне богатый личный опыт свидетельствовал: такие проникновенные вступительные слова, какие произнес Рыбин, обычно говорят те, кто собирается небескорыстно повесить мне на шею туриста или туристочку, а скорее несколько туристов и несколько туристочек. То есть скучных идиотов, которым надоело жить и позарез хочется новых впечатлений в «этой вашей Зоне, где все такое опасное!».

– Нет, неправильно. Я хочу, чтобы вы доставили из Зоны одну вещь.

– И эта вещь... па-ба-ба-бам... – Я сделал азартную паузу, как ведущий телевикторины «Глазей и богатей». – И вещь эта... Да! «Мамины бусы»! Нет? Ну тогда «батарейка». Или, на худой конец, ведро студня!

– Нам не нужны артефакты, уважаемый Владимир Сергеевич. Все артефакты, что интересовали Организацию, уже были нами приобретены. И изучены. Хорошо изучены. – При этих словах господин Рыбин как-то странно мне подмигнул.

– Что же вам нужно? Грибы? Ягоды? Призраки? В Зоне немало интересного помимо собственно аномалий с артефактами. Все, что порождено микрокосмом Зоны, является в некоторой степени...

У меня всегда наготове развернутая лирическая читка, многократно апробированная на туристах.

О, Зона! Зона – это чужой мир внутри нашего мира, остров смертельно опасного хаоса в океане скучного обывательского космоса. Зона? Вы хотите знать, что такое Зона? Я дам вам ответ на этот вопрос. Зона – это неродные реалии на нашей родной планете, лишь в Зоне мы начинаем понимать смысл слова «уникальный»...

Но циник Рыбин бессовестно перебил меня:

– Нам не нужны предметы, принадлежащие миру Зоны. Нам нужен обычный КМПЗ – контейнер многоцелевой повышенной защищенности. Интересующий нас КМПЗ внешне выглядит как чемодан аквамаринового цвета с желтыми литерами ОМТ на боку.

– «О эм тэ»? Литерами русскими или латинскими? – зачем-то спросил я.

– А есть разница?

Я на секунду замолк. Ну я и дурак! Изображаю тут из себя бывалого...

Ладно, не будем прогибаться под изменчивый мир. Не поведя бровью, я задал следующий вопрос:

– А что в контейнере?

– Шишки, семечки... Каштаны. Хвоя.

– Дескать, кто же вам проболтается, что там в контейнере. Вы это хотите сказать?

– Именно. В самом деле, что содержит контейнер, вас волновать не должно. Вас должно волновать другое...

– А именно? – насторожился я.

– Размер гонорара.

Вслед за тем Рыбин назвал (а точнее, написал карандашом на салфетке) сумму, вдесятеро большую, чем гонорар, который мне должен был сегодня Хуарес за блистательную пару артефактов – «ведьмину косу» и «колокол». Не стану заливать – хоть и был я опытным радиоактивным мясом, но после слов Рыбина неподдельно охренел. За какой-то сраный чемоданчик... ну пусть даже называется он умным словом КМПЗ... такие суммы!

Пожалуй, тут и впрямь можно будет купить яхту, невесту разума моего!

– И что мне пришлось бы делать, чтобы получить такой гонорар? – подозрительно сощурившись, спросил я. Я напирал на «бы», потому что решения – братья или нет – я еще не принял.

– Вам придется всего лишь найти в Зоне упомянутый контейнер, принести его сюда, набрать мой номер и... получить деньги в любой валюте, которая вам более всего по вкусу. Хотите – это будет наличность. Несколько черных «дипломатов» наличности. Как в приключенческом кино прошлого века. А нет – пусть будет банковский перевод. У нашей Организации все легально. И оперативно!

«Да ладно, учи жизни... – подумал я. – Знаем мы ваше «легально»... Можно подумать, от того, что деньги имеют вид не мешка бумажек, а выражены цифирьками банковского счета, они становятся более или менее «легальными»...»

Но заговорил я, конечно, о другом. Нанес удар ниже пояса, как мне тогда казалось:

– Насчет валюты – мне по вкусу банковское золото. Но главное, чтобы понять, много денег вы предложили или мало, мне надо знать, где лежит тот КМПЗ, который я должен вам притащить.

– Вы узнаете, где лежит контейнер, когда дадите мне свое устное согласие на то, чтобы взяться за это дело.

Рыбин умолк – официантка Черри, эффектно устроив над столом свое внушительное вымя, поставила передо мной тарелку с двумя икросными блинчиками. Блинчики были свернуты в трубочки, а не сложены конвертом, как обычно. От блинчиков пахло... маслом, бабушкиным домом, детством! Я сглотнул слюну.

Перед Рыбиным же Черри поставила стакан... красного чая из суданской розы!

Вот это человек из кремня и стали! Даже находясь в питейном заведении с предложением из девятиности шести разновидностей спиртных напитков, он заказывает чай! Да еще и чай «без кофеина»!

– Но, – сказал я раздраженно, когда Черри уползла, – мне, чтобы решить что-то насчет этого дела, надо все-таки знать, где лежит контейнер! Есть места, в которые я не сунусь ни за какие деньги мира!

– Например?

– Например, подземелья ЧАЭС.

– Логично, – кивнул Рыбин и как-то даже погрузился, словно ему во что бы то ни стало хотелось заслать меня именно на ЧАЭС. – Но контейнер лежит не там.

– А где?

– Я вам скажу, если вы дадите согласие, – щеки Рыбина порозовели от раздражения.

– А я, в свою очередь, дам согласие, если вы скажете...

В этот момент рука Рыбина нырнула под стол. В его ухе блеснул бриллиант (теперь я уже не был так безапелляционно уверен в том, что он поддельный). Мгновением позже рука Рыбина вынырнула и я увидел пистолет.

Я сразу узнал красавицу «беретту». Она смотрела на меня своим единственным немигающим глазом, склоняя к форсированию мозговой активности.

К такой аргументации я готов не был.

Размахивать пушкой в «Лейке»? Немыслимо! Наш брат сталкер ни за что до такого не опустился бы. Впрочем, что их загадочной Организации до наших комильфо?

– Эй, эй... Спрячьте пушку, гражданин. Намек я уже понял, – быстро заверил я Рыбина.

Честно говоря, за жизнь и здоровье этого излишне напористого человека я боялся в ту минуту куда больше, чем за свои. Если вдруг в «Лейку» зайдет подвыпивший Ватсон и увидит, что кто-то угрожает мне стволом!..

Ватсон – он только в древних советских фильмах такой жеманный душка. Наш Ватсон выхватывает пушку и валит носителей угрозы куда быстрее, чем думает. А ведь и думает он тоже ох как шустро...

«Беретта» вернулась под стол (как видно, господин Рыбин теперь держал ее на коленях). Мой визави посмотрел на меня с отеческим беспокойством. Типа «ну и?»

– Я... хм... я уже почти согласен. Только вы хоть приблизительно назовите район...

– Район Янтарного озера, предположительно – Заозерье. Ничего точнее я сказать не могу. Потому что точного места не знает даже Организация.

– Ага... – угрюмо протянул я, соображая, чем конкретно мне это грозит. С одной стороны, я ненавидел Заозерье. Но с другой – в Зоне было по меньшей мере три места, которые я ненавидел сильнее. Взять хоть Темную Долину.

– Где-то там пропал вертолет. «Пропал» скорее всего означает «разбился», хотя кто его знает... – Рыбин неожиданно разоткровенничался. – Никто не выжил. По крайней мере такова рабочая гипотеза. В вертолете находился упомянутый контейнер, который по праву принадлежит нам. А значит, мы должны получить его назад. Вы найдете место катастрофы. Затем отыщете контейнер среди обломков. И принесете его мне. Как видите, все элементарно.

– Что ж, постараюсь... Сколько времени на сборы?

– Отправляйтесь завтра утром. Если, конечно, это вам удобно.

«Неудобно, – мысленно ответил я. – Завтра раньше полудня я даже едва ли проснусь».

– Удобно... Неудобно... Какая разница?

Про себя же отметил, что со спиртным сегодня надо поаккуратней. Что называется, «во избежание».

А потом Рыбин ушел, хотя правильнее было бы употребить слово «ускользнул», а ко мне подседа Мариша, у которой как раз окончился рабочий день.

Я доел-таки свои разнесчастные блинчики. И мы с Маришей заказали человеческую пищу – стейки с картошкой фри и по кружке темного пива.

Пока мы ели, девушка по кличке Торпеда на небольшой сцене в углу зала пела куплеты про любовь под электрическое пианино.

Мы охотники за хабаром —
«Слизью» цвета ультрамарин.

Торпеда была соблазнительная брюнеточка с родинкой над правой губой. Мариша ее ненавидела и нашептывала мне на ухо всякие гадости про то, кому и какие эта самая Торпеда... оказывает знаки внимания. Было весело. Я смеялся. Кажется, мы что-то там такое с Маришей танцевали...

А когда я заказал у Любомира «на посошок», Любомир наклонился ко мне и шепотом сказал, что позвонил Хуарес, который вывихнул плечо. Что, мол, Хуарес очень извиняется, но деньги за принесенные артефакты он отдаст мне не ранее, чем через неделю. Мол, с деньгами у него туго.

Я, конечно, не поверил ни одному слову душики Любомира. Ни про вывихнутое плечо. Ни про отсутствие у Хуареса денег. Но я понимал: Хуарес, как и Любомир, в данном случае персоны подневольные. Просто Организация – в лице скользкого и холодноглазого Рыбина – настоятельно попросила их обоих денег сталкеру Комбату покамест не давать. А то кто же его знает – еще откажется за этим проклятым контейнером идти!

А потом мы с Маришей шли ко мне в избушку, размахивая бутылками с пивом и горланя в холодное сентябрьское небо «Охотников за хабаром».

Я же, между куплетами, размышлял о том, почему бы Организации господина Рыбина, если она и впрямь такая могущественная, не отправить за своим сверхценным контейнером кого-нибудь из своих. Чего им? У них небось защитные костюмы на любой вкус, экзоскелеты и людей немерено. Десять погибнут – десять новых пришлют! Так нет же: соблазняют Комбата, у которого жизнь одна.

Эх-х...

Глава 8. О том, как мы с Тополем поссорились

*Oh, nobody's fault but mine
Nobody's fault but mine, yeah
Trying to save my soul in line
Oh, it's nobody's fault but mine.
«Nobody's Fault But Mine», Led Zeppelin*

Чем больше я думал о предложении этого мутного Рыбина, тем лучше понимал: мне одному не справиться.

Уж больно сложный рисуется маршрут. Уж больно заё... я хотел сказать хлопотный. Впрочем, будь он нехлопотным, стал бы этот Рыбин Комбата звать? Попросил бы кого попроще. И, замечу в скобках, подешевле.

А если мне самому не справиться, значит, мне нужен кто? Правильно. Кто-то еще. Напарник. Партнер. Называйте как хотите.

Но не всякий партнер мне нужен. А опытный, как я. И хладнокровный, как два меня.

И чтобы спину мне прикрывал. Чтобы подмеченное мною проверял. И неподмеченное сам подмечал, а мне докладывал.

А просто партнер – пусть даже такой душка, как Ватсон, такой молодчага, как Барбитурат, или такой счастливчик, как Овца или Кабул, – мне не надобен.

И что прикажете, дать в газету объявление:

СТАЛКЕРУ КОМБАТУ
СРОЧНО ТРЕБУЕТСЯ НАПАРНИК
ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ
МЕГАМИССИИ
ОПЛАТА НАЛИЧНЫМИ ПО ДОГОВОРЕННОСТИ

Так, да?

Кстати, насчет газеты не так уж глупо. Если бы не секретность, на которой настаивал Рыбин, я бы прибегнул к нашему, сталкерскому списку рассылки – раз не знаешь, где искать партнера, пусть партнер ищет тебя.

Но тут имелась одна загвоздка. Я-то знал, где искать партнера.

Я даже знал, как зовут этого партнера!

Под все мои требования тот, кого я знал, подходил идеально – Зону топтал почти столько же, сколько я, а его психической устойчивости, я уверен, позавидовала бы половина санитаров психбольниц. Сильный он был, как бык, а уж какой находчивый...

Я даже знал, что зовут его Тополь. Даром, что ли, мы ходили с ним в Зону свыше семидесяти раз?

«Так почему бы тебе, Комбат, не позвать с собой этого Тополя?» – спросит меня какой-нибудь наивный человек.

Да потому что с Тополем мы поссорились. Насмерть. Четыре месяца назад. Причем поссорились, как это обычно и бывает, из-за сущего пустяка.

...Май у нас с Тополем выдался особенно нажористым.

Артефакт пер косяком. Деньги косили косой и сбивали в стога.

Трат же, наоборот, особых не было и не предвиделось. Бунгало я свое год как выкупил. Все нужное в экспедициях уже давно нагрел. Ну а виски с содовой по-любому стоит ерунду!

Всю выручку мы честно делили пополам. Пятьдесят процентов – ему, пятьдесят – мне. А выручки было много.

Поэтому я совсем не удивился, когда Тополь подъехал к «Лейке» на новом «Руссо-Балте» мерцающего синего цвета.

Мне всегда нравилась модель «Малинка-Пафос». За плавные обводы корпуса. За хищность капота. За мощь, за изысканную отделку салона и общую, так сказать, «люксовость».

Неудивительно, что нравилась она и Тополю. Но я собирал на яхту. А Тополь не собирал. Поэтому-то он и купил себе «Малинку-Пафос», а я не купил!

– Дай порулить, – попросил я, когда мы как следует обмыли покупку литровой бутылкой «Джонни Уокера».

– Не дам. Даже не проси, – сказал Тополь меланхолически.

Мы стояли на высоком крыльце бара. Его вызывающе прекрасный «Руссо-Балт» синел в свете единственного фонаря чуть левее входа, там, где начиналось то, что мы зовем улицей Контейнерной.

– Ну дай порулить... Жалко тебе для друга? – не отставал я.

– Для друга мне ничего не жалко. Но – не дам. – Тополь развел руками.

– Но почему? Почему?

– Да потому, Комбат, что ты в стельку пьян! – гаркнул Тополь, еле-еле удерживая равновесие.

– Ну и что? Ты ведь тоже в стельку пьян! Но все-таки поедешь домой! – Я обиженно икнул.

Тогда Тополь жил у Женечки, которая работала в местном и оттого достаточно вшивом продуктовом магазине продавщицей.

Женечка снимала контейнер, примыкающий к заднему двору бара «Лейка», то есть, по местным спартанским меркам, жила практически элитно.

Чтобы попасть к Женечке за рулем, надо было сесть в машину и объехать «Лейку» по кольцом обхватывающей наш поселочек грунтовке. Все это дело заняло бы минут пять. А пешком попасть к Женечке можно было минуты за три.

– Да. Ты прав. Сам я домой *поеду*. Но это ведь моя машина. Я могу делать с ней что угодно. Хочу – пьяным ее буду водить. Хочу – вообще на запчасти ее распотрошу! И так вот по винтику продам!

– Слушай, но я же не собираюсь разбирать ее на запчасти! – Я укоряюще поглядел на Тополя. – Или ты думаешь, что собираюсь?

– Нет, я всего лишь пьян, а не глуп. Поэтому я так не думаю! Но я, мой дорогой Комбат, хорошо помню, что стало в позапрошлом году с моим «Доджем-Эксцельсиором» под воздействием твоих чутких водительских рук!

– Вспомнила бабка, как девкой была! – огрызнулся я.

Мне было неприятно, что Тополь вытащил на свет тот давний случай. Он не делал мне чести – тогда я по пьяному делу всадил в придорожный столб его новенький «Эксцельсиор» цвета «спелый баклажан».

И пусть виноват в этом был не я, а лысая резина и гололед, нехстати сковавший трассу Москва—Киев двадцатого октября, но... в общем...

Тополь почему-то был уверен, что, будь я трезв, его «Эксцельсиор» остался бы невредим. О чем он и напомнил мне в скупых, но точных выражениях, стоя на крыльце бара «Лейка».

Как обычно и бывает, когда Тополь на сто процентов прав, я взвился как ужаленный.

– Мало ли что было! Что было – былшем поросло! Главное, что сейчас!

– А сейчас мой друг Комбат опять мертвецки пьян! Причем значительно пьянее, чем тогда! – ядовито подытожил Тополь.

И нет бы согласиться с товарищем и уйти в свое бунгало спатоньки под мерное тиканье часов с пучеглазой кукушкой. Нет же! Словно сам дьявол тянул меня за язык.

– Если ты не доверяешь мне пьяному, значит, ты не доверяешь и мне трезвому. А это очень обидно! И практически оскорбительно! – начал заводиться я.

– Кто тебе сказал, что я тебе не доверяю? Я просто не разрешаю тебе ездить пьяным на моей новой машине! – Широкое лицо Тополя стало озабоченным и красным. – Между прочим, это совсем разные вещи – доверять и разрешать ездить на машине пьяным!

– Нет, ничего не разные! – почти орал я. – Машина – это ерунда. Если бы у меня была машина, я бы доверял ее кому угодно!

– Но у тебя ее нет!

– Да, у меня ее нет, – согласился я. – Но если бы она у меня была, уж будь уверен, пьян ты или трезв, я бы тебе ее доверил!

– Если бы у бабушки были яйца, она была бы дедушкой, – мрачно проворчал Тополь.

– Вот интересно, а свой кошелек ты бы мне пьяному доверил? – не унимался я.

– Нет! Не доверил бы!

– А Женьке?

– Что Женьке? – настороженно переспросил Тополь.

– Женьке доверил бы?

– Что? Кошелек?

– Да! Кошелек! А лучше – корешок! Свой корешок! Доверил бы? Вот представь, приходишь ты к Женьке, она вся к тебе со своими ласками, такая-растакая... А ты ей говоришь: «Шалишь! Ку-уда?! Ну-ка сначала дыхни!» Она дышит тебе в лицо. И если ты чувствуешь, что от нее пахнет спиртным, ну хотя бы чуточку, ты ей говоришь: «Спокойно! Руки за голову! Не двигаться!» И отношения с собой иметь запрещаешь! Она же пьяная! Разве можно доверить ей самое дорогое, что есть у сталкера?

– Тьфу ты! Да при чем тут это! – Тополь сердито топнул ногой.

– Да при том! Что выпившей Женьке ты бы спокойно доверил самое дорогое, что есть у Тополя. А вот лучшему другу и партнеру Комбату ты, видите ли, не можешь доверить какую-то сраную тачку! А ведь Женька – это просто шлюха, каких в твоей жизни будет еще много. А со мной тебе завтра, возможно, придется кататься на птичьей карусельке или орать от боли, напоровшись на симбионта!

Я, конечно, передергивал. Но хмель, помутивший мой разум, внушил мне, что передергиваю я не так уж сильно. А насчет Женьки проклятый алкоголь шептал мне, что я все еще «в рамках», когда на самом деле я уже был далеко за ними... Поэтому когда

внушительный, с поросшими белесой шерстью пальцами кулак Тополя врезался в мою скулу, ваш Комбат был очень, очень удивлен. А когда второй кулак Тополя врезался в мой розовый от выпитого нос, удивление мое достигло максимума.

– За что? – спросил я с интонацией обреченной собачки Му-Му, которую ее хозяин, немой крестьянин Герасим, уже поднял за шкуру над своей утло покачивающейся на речных волнах лодчонкой, чтобы бросить в холодные волны. – За что?

– Никогда не называй Женьку шлюхой. Ты меня понял? – Рот Тополя был перекошен ненавистью. Глаза сияли черным огнем гнева.

В то время как правильная, честная часть Комбата уже практически набралась смелости прокрипеть что-то вроде «извини, дружище, дал маху», вторая, нечестная и неправильная часть Комбата, которая-то обычно и перехватывает управление после того, как Комбат выпивает триста грамм вискарика, цедила в лицо Тополю:

– А ты меня не учи... Учитель еще нашелся... Помнишь, как я тебя в первый раз за «ночными звездами» и «золотыми рыбками» в Зону повел? Помнишь, как «кристальную колючку» добывать научил? А как я тебя из воронки вытащил, чуть было пальца из-за тебя не лишившись? Знал бы, что ты такой мудака жадный, что тебе для друга машины какой-то жалко, я бы тебя в той воронке навсегда оставил!

Я был готов к тому, что вот сейчас Тополь со всей дури ударит меня под дых. Угостит своим фирменным апперкотом.

Но вместо этого Тополь лишь посмотрел на меня презрительно, сплюнул мне под ноги и пошел прочь, ни слова больше не говоря. Весь его вид свидетельствовал о том, что он смертельно обиделся.

– Эй, Тополь! – крикнул я ему в спину, стремительно трезвея.

Но его спина была равнодушной спиной совершенно равнодушного ко мне человека.

Многажды я возвращался в памяти к тому эпизоду.

Бывало, мне он даже снился.

Сколько раз я казнил себя за настырность, за язвительность, за неумение сдерживать свой болтливый язык. Сколько раз я мысленно извинялся перед Тополем – за то, что назвал его Женьку, с которой-то и знаком, считай, не был, шлюхой. Что угораздило меня ляпнуть про ту воронку, в которой я бы его якобы оставил, если бы не мое врожденное благородство... Не оставил бы. И если надо было бы, отдал бы руку ради того, чтобы Тополь остался жив.

Почему я не пошел к Тополю на следующее же утро? Почему не извинился?

Тут мне нечего сказать, кроме «так получилось». Навалились какие-то дела и делишки, что-то очень «срочное», очень «неотложное», мышья беготня жизни закружила, заморочила...

Потом я думал, Тополь сам остынет. Сам вернется. Он-то, Тополь, должен знать, что я, его дружан Комбат, знающий сто девяносто пять анекдотов про поручика Ржевского, просто пошутил. По-шу-тил. Ну, то есть сморозил лишнего. В конце концов, зачем было меня провоцировать? Сказал бы, что ключи от машины у своей Женьки забыл. Или еще что-нибудь столь же изящное соврал. Я бы поверил. Я когда пьяный, всему верю. Даже в аиста, даже в демократию, даже в то, что пиво полезно для здоровья.

В общем, Тополь не пришел мириться ни через три дня, ни через неделю.

А когда через десять дней я сам, наступив на горло собственной спеси, решил его навестить («Куда же это он подевался – в «Лейке» не появляется, машины его понтовой в околоте не видать»), то оказалось, что у продавщицы Женьки он больше не живет. А где живет?

Навел справки. Выяснилось, что из вольных сталкеров наш Тополь ушел. И работает теперь на Речном Кордоне. Кем работает? Да уж наверняка не пильщиком дров и не удильщиком рыбы...

В общем, поговорив с Рыбиным в «Лейке», я понял: пора нам с Тополем мириться.

Тем более кстати был звонок Синоптика, соблазняющего меня на «звезду Полюнь»,

мечту Тополя.

Вот приду я к Тополлю и скажу: «А пойдем-ка за «звездой Полынью», как в старые добрые времена!»

А пока мы будем за ней идти, сделаем небольшой крюк к упавшему вертолету. Подберем там контейнер – и дело в шляпе.

Итого: мир, дружба, жвачка... и порядочная куча наличности! Если, конечно, доживем.

Глава 9. Лодочник

*Here comes the razors edge
Here comes the razors edge
Well here it comes to cut to shreds
The razors edge.
«The Razors Edge», AC/DC*

С тех пор как в Зоне произошел очередной Выброс и погиб старый добрый Чернобыль-4, со многими прежними картами и привычками пришлось распрощаться.

Провалились внутрь самих себя и заболотились испокон веку сухие, песчаные пригорки. Высокие, торжествующе нормальные с виду метровые одуванчики взметнулись над стеклянными такырами – есть такие в Зоне, жженные-пережженные жарками многометровые плечи. Никогда на них ничего не росло, а тут вот на тебе, пожалуйста, – одуванчики.

Короткие маршруты сделались длинными. Длинные, но безопасные, – короткими, зато смертельно опасными. Некоторые засиженные аномалиями места – страшные, как американская внешняя политика, – стали проходимыми.

Наконец, открылись новые уровни – вспомнить хоть тот же Теневой Лиманск.

А уж что с поймой Припяти страшно!.. Песня!

Счастливые обладатели такого раритета, как топографическая карта Генштаба, выполненная еще до Первой Катастрофы, знают, что в прошлом веке река Припять при взгляде сверху выглядела как диковинная аквариумная водоросль. Вокруг главного русла распушались пышными лапками-листочками протоки, старицы, заводи.

Когда образовалась Зона, когда аномалии изуродовали ландшафт и поставили с ног на голову гидрологический режим местности, Припять поначалу подсохла, часть стариц и протоков обмелели. На их месте остались балки, овраги, ямы самых причудливых форм.

Однако бурление пространственных пузырей и Большой Выброс полностью «переписали» русло Припяти вдоль восточного фаса Периметра. Новое русло прошло через цепочку высохших было стариц, а старое, наоборот, превратилось в прерывистую линию малопривлекательных, гиблых озер с черной водой.

Из многих озер вода потом ушла, остались одни котловины – подозрительно сухие, со звонкой и твердой спекшейся супесью на дне. Как-то слышал от одного чокнутого сталкера, что вода не ушла – выкипела. Кто знает, может, и выкипела...

Вот из-за всего этого безобразия и возник Речной Кордон.

Раньше Периметр проходил ровно по реке. Минные поля, бронеколпаки, ДОТы с пулеметами и огнеметами, прожектора, детекторы движения, ПСОЗ – поля сплошного огневого заграждения...

Когда у мутантов случались «весенние обострения» (эх, если бы они случались только весной!), когда зомби окончательно теряли страх, в общем, когда Зона переходила в наступление – солдаты ооновского контингента по тревоге занимали подготовленные позиции и встречали непрощенных гостей стеной огня.

Но это был еще не Речной Кордон.

А вот когда аномальные возмущения перетаскивали русло Припяти западнее, когда потекла черная вода через овраги и старицы – тогда до господ в Главштабе Периметра

дошло, что случилось нечто очень и очень плохое. И что раньше были еще добрые славные деньки, а нынче деньки становятся недобрыми.

Ибо по всем канонам военной науки выходило, что монстры Зоны получили дармовой плацдарм на левом берегу Припяти. И теперь могут с этого плацдарма при соответствующем энергетическом климате совершить бросок в восточном направлении. На Киев!

Это раньше весь речной укрепрайон Периметра имел перед фронтом превосходный ров в виде реки Припяти. А теперь рва больше нет – он прошел в двух километрах от границы Зоны.

И словно подтверждая худшие опасения военных, уже через две недели с плацдарма был нанесен удар сокрушительной силы. По официальной версии, три амбициозных и очень пси-могущественных контролера сговорились и сосредоточили на плацдарме более сотни отборных монстров. Которые на рассвете, 22 июня, в сомкнутых боевых порядках атаковали укрепрайон через один из обмелевших участков бывшего русла Припяти.

Атаковали.

Прорвали тонкую нитку небрежно подновленных минных заграждений при помощи брошенных на эти самые заграждения псевдоплотей.

Уничтожили четыре ДОТа.

Взяли в качестве трофеев три пулемета «Утес».

Угнали грузовичок медикаментов.

И были таковы!

Хорошо еще там не было псов-призраков, которые, говорят, научились длительно пребывать за пределами Зоны без подпитки ее темной энергией. А то – шутили французы, стоявшие в соседнем, неатакованном укрепрайоне Периметра, – мутанты так и до Москвы дошли бы.

Что характерно – удар мутантов приняла на себя рота из немецкого батальона сил ООН. И хотя им, немцам, было, в сущности, плевать (мутанты до Москвы дойдут? да хоть до Волги!), но многим шутникам из числа французов они пересчитали зубы. Я тоже участвовал, кстати, в этом воспитательном мероприятии. Хотя и русский. Но это отдельная история.

Но вернемся к Речному Кордону. После позорной пощечины, полученной от контролеров, Главштаб Периметра принял решение, не имеющее прецедентов: вынести на этом участке передний край обороны в глубь Зоны.

Его-то и назвали Речным Кордоном.

Вы, наверное, не поняли еще, в чем юмор?

Я тоже, если честно, этого не понимал, потому что в те края никогда не заходил. Мне казалось, нормальному вольному сталкеру делать там совершенно нечего. А наниматься в военные сталкеры я не собирался.

Я видел пять способов попасть на Речной Кордон.

Первый: вертолетом.

Второй: приехать по проложенной военными бетонке от КПП на мосту через старое русло Припяти.

Третий: приплыть по Припяти на моторном катере.

Четвертый: прикинуться контролером или бюрером и подойти к правому берегу Припяти с поднятыми руками – то есть сдаться парням из Речного Кордона в плен.

Пятый: прийти туда через Зону пешком, как делают все нормальные сталкеры.

Замечу, что все пять способов не давали ответа на вопросы «Как попасть на Речной Кордон незамеченным и невредимым?» и «Как попасть на Речной Кордон и повстречать там Тополя?».

Я принялся за чтение последних сводок на своем ПДА. Потом предался размышлениям над самодельной картой Зоны, закадычной подружкой моей. На все это у меня ушло с четверть часа.

Приставив болт к носу, я пришел к выводу, что придется воспользоваться услугами Лодочника. Без него – никак.

Пересечь Периметр не такая и проблема. Проблема – добраться от точки прорыва Периметра до Речного Кордона. При этом добраться быстро и без проблем с патрулями, мутантами, аномалиями.

Так что через час я уже загнал взятый у Ватсона напрокат «патриот» в трехметровый бурьян, окружавший уединенный коттедж Лодочника. Вытащил из машины рюкзак и баул с защитным костюмом. И, прокручивая в голове варианты разговора, отправился на поклон к нашему светочу научно-технической мысли.

– Тысяча? Мало, – отрицательно покачал головой Лодочник.

– Полторушка. Для тебя – полторушка. Был бы кто другой, и пятихатки не дал бы!

– Ты пей, пей. – Лодочник кивнул на свое фирменное крепкобезалкогольное пойло, налитое в огромную вертикальную чашку с отбитой ручкой и поблекшей от времени надписью WORLD UNIX CONGRESS 2020. – А меня на бабки не опускай. Я быстро все компилирую, Комбат. Делись четырьмя процентами прибыли или проваливай.

Пойло Лодочника – крепкое, как мадагаскарский кофе, – имело цвет пятна ракетного топлива на Болоте и, насколько я помнил, недурно чистило мозги. Как от всяческого мусора, так и от мыслей.

Я вздохнул. «Компилирую»... И работал бы по своей программистской линии дальше! Чего ты в нашу грубую и стремную зона-индустрию подался?

Лодочник не был сталкером в обычном смысле. Он был техническим гением. Причем вовсе не компьютерным – хотя от человека, первую половину жизни проработавшего программистом, все мы ожидаем в первую очередь виртуозного взлома чужих ПДА и банковских серверов.

Вот и Лодочник, появившись в окрестностях Чернобыля-12, ожидал от себя чего-то подобного. Но после ряда неудачных экспериментов со взломом чужих ПДА (которые едва не закончились для Лодочника взломом его драгоценной черепашки) ему пришлось заподозрить, что его призвание в другом.

В чем именно – ответила сама жизнь.

Оказалось, у Лодочника просто-таки сверхъестественные способности к сопряжению артефактов Зоны с обычной техникой.

Я не говорю о таких простых вещах, как артефакты вроде «грави», встроенные в «макар» или другой подобный пистолет с незавидной мощностью родного боеприпаса, для увеличения дульной энергии. Это все видели, этим никого не удивишь.

А вот пушку, стреляющую маленькими «жарками», не хотели?

А двухсотлитровое ведро размером с консервную банку из одной «пустышки» и двух «свиных хвостов» в качестве краников-переходников?

– Лодочник, пойми, мне очень нужно на Речной Кордон. На Кордоне я надеюсь встретить Тополя. Хочу поговорить с ним. Будет ли с этого хоть какая-то прибыль и когда она будет – я не знаю. Соглашайся на фиксированную сумму, пока я добрый.

Лодочник посмотрел на меня неодобрительно.

– Один сталкер, – сказал он, – назовем его для удобства Комбат, – бледное, вампирячье лицо Лодочника было лишено и тени улыбки, – вышел вчера из Зоны. При Комбате имелся хабар. В основном мусор, но две единицы имеют немалую ценность. Одна единица хабара, который именуется на местном сленге «ведьмина коса», представляет собой мощный генератор тока сверхвысокой частоты и может использоваться для питания не только различных транспортных средств, но также ручных лазерных и МКВ-винтовок. Последнее обстоятельство делает «ведьмину косу» недешевой вещью. Вторая единица хабара называется «колокол»...

Я открыл рот, но Лодочник сделал предостерегающий жест рукой.

— ...Называется «колокол», — повторил он вкрадчиво. — Возможности артефакта до конца не изучены, но уже сейчас ясно, что его можно использовать как экранирующий шлем. А именно: будучи надет на голову, «колокол» делает нормального stalkера внешне похожим на идиота. Но зато предохраняет от воздействия Радара, а это само по себе очень и очень немало. Кроме этого, «колокол» скорее всего может быть сопряжен при помощи паранейронного адаптера с хроматогенными ганглиями кровососа. Что в конечном итоге обещает превратить его в самую настоящую шапку-невидимку.

Я размеренно кивал с самой постной физиономией. В том духе, что давай-давай, Лодочник, выгружай уже свою программу побыстрее, ехать пора. Касательно того, откуда у Лодочника столь исчерпывающе полная информация о моем крайнем хабаре, я версий строить даже не пытался. Почему? Потому что.

Лодочник, в отличие от меня, никуда не спешил. И продолжил сообщать мне все то, что я забыть пока не успел.

— Обе единицы хабара Комбат может легко и просто сдать за наличные гражданину Хуаресу. И на какое-то время жажду злата утолить. После чего — уйти в заслуженный пятидневный загул. Однако не проходит и суток, как stalkер Комбат заявляется к Лодочнику с просьбой переправить его в Зону, а конкретнее — на Речной Кордон. Вопрос: так какие же должны рисоваться чудеса на этот раз, чтобы stalkер Комбат, известный своей респектабельной ленью, срывался с места, как молодой салажонок, и снова бежал в Зону? Или скажем по-другому: так какие же деньжищи Комбат намерен заработать на этот раз?

— Твоя взяла. Две тысячи.

— Две тысячи сейчас и два процента от прибыли потом.

— А ты не допускаешь, что я иду в Зону не ради денег?

— Нет.

— Ты меня без ножа режешь, но — по рукам.

У Лодочника есть все (кроме такой яхты, какая будет у меня, но о святом — ни слова). А среди этого всего главное его достояние — летающая лодка.

Именно так. Только раньше летающими лодками вообще-то называли гидросамолеты. А у нашего перевозчика не самолет. У него — моторная лодка на воздушной подушке. Она может лететь над водной гладью, над болотом, над лугом. И очень быстро, если потребуется.

Но может и плыть по воде, как обычная моторка. Это уж как будет угодно хозяину.

Похожие катера — но покрупнее — используются на болотах Флориды, Сибири, Индокитая и производятся в последние пятнадцать лет по преимуществу корпорацией «Сухой». Но свою летающую моторку Лодочник сделал сам. И по праву тем гордится.

Потому что какая у катеров на воздушной подушке главная проблема? Шумность. Такой катер ревет, как батарея бензопил. А вот кустарный шедевр нашего доморощенного гения не было слышно уже с двадцати шагов!

Как он этого добивался? О, у каждого гения свои тайны.

— Посмотри вон туда. — Лодочник протянул руку и повернул мой бинокль на три румба вправо.

Убедившись в том, что теперь я смотрю куда надо, Лодочник снова припал к окулярам своего бинокля.

— Видишь этот одинокий столб?

— Вижу.

— Под ним — старый фермерский пруд. В нем рыбу разводили.

— Пруда не вижу.

— Его ты и не можешь отсюда видеть. Столб — ориентир.

— Понял.

— Уровень воды в пруду когда-то регулировался при помощи бетонной трубы и железных задвижек. Труба длинная, проложена под дамбой. Открывается — на затопленный

луг. Идеальное место для проникновений. Начинаем мы с пруда. Проходим трубу, выходим на луг...

– А в прошлый раз ты меня как-то иначе возил, – заметил я подозрительно.

– Прошлый раз когда был.

– А где тут Периметр?

– Периметр идет ближе к тому краю луга. Я думаю, что... Впрочем, промолчу, чтобы не сглазить. Поехали.

Итак, мы начали.

Катер был спущен на воду в заброшенном рыбоводческом пруду. Лодочник ориентировался по каким-то своим особым датчикам, чьи показания интегрировались на паре ПДА, закрепленных стальными скобами на приборной доске. Идя на самых малых оборотах, Лодочник ввел катер в едва намеченную протоку между частокколами сухих стеблей осоки.

Складная колонка с воздушным винтом пока что находилась в лежащем положении, катер плыл в обычном водоизмещающем режиме. Тихонечко бормотал водометный движитель.

Как и следовало ожидать, в трубе премерзко воняло.

Для прогулки на Речной Кордон я облачился во все тот же дорогой комбез СПП-100, в котором вышел из Зоны намерднн. Поверх него я надел бронежилет.

На голову Лодочник заставил меня нацепить нелепую шляпу – с обвисшими полями и ремешком, который застегивался под горлом. При этом, судя по весу, шляпа была отлита из железа. А на вид – обычная материя... Еттицкая сила!

– Не снимай ее. Не надо, – велел Лодочник.

Из-за этой шляпы я был лишен удовольствия натянуть на голову противогаз – комплектный от комбеза СПП – и тем отгородиться от внешнего мира. В первую очередь – от вони, царящей в трубе.

Себе на голову Лодочник нахлобучил такую же шляпу. Что же касается защитного комбинезона, то им Лодочник пренебрег, оставшись в своем неромантичном спортивном костюме и куртке из дерьмового кождама – ни дать ни взять ломщик валюты с провинциального вокзала.

Я все прикидывал, как Лодочник намерен себя вести, если выяснится, что в этой идиотской трубе ржавой каракатицей раскорячился каркас какой-нибудь сеялки-веялки и мы глупейшим образом застрянем. Или если на том конце трубы обнаружится задвижка. Или если...

Но катер наш без малейших преткновений выскользнул из утробной тьмы во тьму подлунную и пополз по водной глади, из которой то здесь, то там торчали враскоряку мертвые яблони. Шепотом Лодочник пояснил, что когда-то здесь был фермерский сад. А я-то думал – ракетодром...

Мы были еще не в Зоне, а лишь на краю нейтральной полосы перед Периметром, но сердце уже сжала иррациональная тоска. Пресловутый внутренний голос нашептывал: «Уходи, беги, нечего тебе там делать».

Вредно, конечно, в Зону так часто ходить. Нельзя. Жадность до добра не доводит.

Но если честно, не в деньгах было дело и даже не в Яхте Моей Мечты. А в том, что я видел в предстоящем сложном деле прекрасный повод предпринять попытку к примирению с Тополем. А вдруг получится?

– Сядь на дно. Уцепись за что-нибудь, – приказал Лодочник. – И держись за шляпу. Потеряешь шляпу – станешь овощем на всю жизнь.

– А что, если?..

Сам я ненавижу, когда мне задают подобные вопросы. В духе «А что сейчас будет?» или «А что может случиться?».

Поэтому ничего удивительного не было в том, что Лодочник бесцеремонно меня перебил, прошипев:

– Заткнись и делай как я сказал.

От кого другого он мог бы и по зубам за такие заявления получить, между прочим. И от меня получил бы! Но я направлялся к своему лучшему – пусть и бывшему – другу, а потому мое настроение можно было назвать благодушным.

В последующие минуты события развивались стремительно. И кое-какие детали этих событий оказались даже для меня, бывшего скитальца, неясны.

Лодочник поднял колонку с маршевым воздушным винтом и сразу же дал на винт максимум оборотов. Второй двигатель, работавший до этого на турбинку водометной установки, был переключен им на винты—нагнетатели воздушной подушки.

Катер оторвался от поверхности воды и, пьяновато качнувшись, рванул вдруг вперед со скоростью хорошего мотоцикла.

Я не знал толком, как именно устроена система его акустического глушения, но одно мне было ясно: Лодочник ее не включил. Ревели мы что твой самолет.

Отчего так? – недоумевал я. Но все-таки к чести своей сообразил, что все дело в артефактах.

Лодочник использует в своих стелс-системах артефакты Зоны, причем не абы какие, но лишь редкие и опасные «цветы зла», которые нуждаются в подпитке темными энергиями. Пока не попадем в Зону – эти стелс-артефакты бессильны.

Разумеется, на Периметре сразу же зажглись прожекторы: два где-то слева, один – справа. Световые дубины рухнули на гладь заливного луга и понеслись по ней, нащупывая наглого нарушителя.

Залаял громкоговоритель, но рев наших двигателей перекрывал его, мы слышали только что-то вроде «...бую!.. иться... нно!.. яю!...».

Периметр быстро приближался.

Впереди стал различим трехметровый проволочный забор. По верху забора шла колючка «концертино». Вбок на штырях с изоляторами были вынесены оголенные провода под напряжением.

Даже сам по себе такой забор преодолеть было нелегко. Но на самом деле он был скорее формальным указанием на наличие Периметра, а вовсе не самим Периметром.

Самые важные компоненты Периметра так вызывающе в глаза не лезли. Малозаметные противопехотные препятствия – в основном спираль Бруно, но и не только, – образовывали две сплошные полосы по обе стороны забора. Здесь, на заливном лугу, их дополнительно скрывала вода, в других местах они прятались в траве.

Минные поля из гуманных соображений были выставлены только за забором, внутри Зоны. Я с опаской думал, достаточно ли надежно Лодочник подавляет физические поля своего катера. Потому как мины – они сейчас умные, даже когда дешевые. Даже располагая катером, который умеет летать, надо крепко потрудиться, чтобы сбить с толку их неконтактные взрыватели.

Наконец, пулеметы и автоматические пушки. Они расставлены на вышках, упрятаны в ДОТы, ими же обязательно вооружены патрульные джипы и бронеавтомобили.

Южнее, ближе к Чернобылю-4, Периметр сейчас вообще сделался абсолютно непроходимым. Там через каждые двадцать пять метров (двадцать пять – это, считай, вплотную!) стоит по ажурной железной башне, обвешанной четырьмя (четырьмя!) пулеметами с компьютерной автонаводкой.

Контрольная полоса вокруг главной линии обороны с железными башнями – двести метров с каждой стороны. Все живое, зачем-то пролезшее через предупредительный заборчик из концертино на кольях, расстреливается без предупреждения.

В это завалили столько бюджетных денег, что, кажется, дешевле было всю Зону закатать бетоном.

Может, и дешевле, кстати – другое дело, что бетон пролежал бы в лучшем случае до ближайшего Выброса.

А Периметр все же какое-то время постоит... Может, даже года три.

Периметр перед нами, к счастью, и близко не имел такой плотности огневых точек, как на юге. В противном случае нас бы уже раскрошили в мелкий мякиш вместе с чудо-катером.

Но мы все равно, конечно, находились сейчас в зоне досягаемости двух пулеметов. И оба ствола заговорили одновременно.

Две длинные очереди, скрестившись почти строго по нашему курсу, выбили высокие фонтанчики, напоминая о бренности бытия.

Лодочник, однако, сохранял ледяное спокойствие.

Спокойствие спокойствием, но лично я отказывался понимать, как он намерен преодолеть проволоочный забор.

Что – где-то впереди по курсу есть дыра? Дыра достаточно маленькая, чтобы не быть заметной с пятидесяти метров, но достаточно большая, чтобы в нее прошел катер вместе с маршевым воздушным винтом? (А это больше человеческого роста, друзья.)

Или Лодочник намерен подорвать секцию забора? Испепелить? Завалить при помощи управляемой аномалии?

А не жирно это будет? Даже для нашего технического гения?

Пули защелкали по носу катера. До забора оставалось всего ничего. Гибель представлялась неотвратимой.

– Бросай дымовые! – закричал Лодочник.

У нас была договоренность – по его команде я задействую дымовые гранаты. Причем Лодочник дал мне пять штук каких-то особенных, его собственного изготовления. Эти, по его уверениям, были самыми-самыми правильными.

Я бросил одну гранату за корму, другую – за правый борт.

Собирался швырнуть третью, когда...

Под правой рукой Лодочника из приборной панели торчали четыре рычага. Два зеленых, желтый и красный. Лодочник рванул на себя первый зеленый рычаг, за ним – второй.

Где-то под днищем катера на миг полыхнула яркая молния – настолько яркая, что свет прожекторов померк.

Катер, будто влетев на невидимый трамплин, подпрыгнул в воздух. Нос чудо-кораблика задрался, полностью перекрыв мне обзор вперед по курсу.

Но мне хватило и обзора вправо.

Мы летели!

Невысоко, метрах в четырех-пяти над землей.

Но – летели.

Подозреваю, офицеры-операторы компьютеризированных пулеметных комплексов обогатили в ту минуту лексикон своего родного словацкого языка парой новых идиоматических выражений или хотя бы междометий. Ну где бы они в своей скучной Словакии увидели катер, летящий на бреющем полете и в прыжке преодолевающий трехметровые заборы? Стало быть, и подходящего «иманарота» у них для такого случая не было. А теперь вот появится, какой-нибудь там «летацки курац моторны», хыхы.

Да-да, на этом участке Периметра стояла словацкая рота. А там, куда мы направлялись, на Речном Кордоне, сейчас дежурили французы. Не считая спецгруппы военных сталкеров, которую возглавлял мой дорогой друг Тополь ака Константин Уткин.

Конечно, летел катер постольку, поскольку неизвестное устройство придало ему разовый импульс. При этом катер оставался катером – он не превратился в самолет или вертолет.

Так что, перемахнув через забор, катер полого спикировал вниз.

Воздушная подушка демпфировала удар, но асимметричной «отдачей» от водной поверхности нас развернуло почти на сто восемьдесят градусов. Может, это непредвиденное аэродинамическое событие нас и спасло: следующие очереди опомнившиеся пулеметчики положили с грамотным упреждением – туда, куда катер должен был бы попасть, если бы продолжил двигаться по прямой.

Но вместо этого катер рыскнул назад, к забору. Я увидел, кстати, что дымовые гранаты сработали отлично, все видимое пространство стремительно заполнялось непроницаемыми клубами дыма.

Лодочник, прорывав «бар-ран», положил катер в крутой вираж.

– Бросай остальные, чего спишь?! – это он уже мне. А «баран», надо полагать, катеру.

Я поспешно употребил три дымовые гранаты, которые у меня остались.

Едва не сорвавшись с виража и не полетев вверх тормашками, мы вернулись на курс.

По краю затопленного луга рос высокий густой кустарник, который обещал скрыть нас от прямого наблюдения.

Секунды, которые катер преодолевал расстояние до этих зарослей, длились долго.

К счастью, на нас начала работать специфика Зоны. Одну за другой две длинные очереди поймали жарки. Пули, основательно подплавившись, изменили геометрию, и этого хватило, чтобы они сошли с линии прицеливания по чисто аэродинамическим причинам.

За кормой с оглушительным хлопком что-то взорвалось, сверкнули несколько вспышек, похожих на фотоблицы. Пиротехнический магний, что ли... Это, как я догадался, сработали «сюрпризы» в первой из брошенных мною дымовых гранат.

«Тоже верно, – мысленно согласился я с логикой Лодочника. – Лучше хоть такие помехи создавать их приборам наблюдения, чем никакие. В конце концов, тут каждая секунда на счету – одну отыграл, и, возможно, этой секунды хватило, чтобы жизнь свою молодую спасти».

Лодочник рванул третий – желтый – рычаг.

На этот раз удара молнии не случилось. Только раздался где-то в корме катера хруст – будто наступили на гигантский вафельный корж. Но весь мир – аномальный мир, напомним, поскольку мы уже находились в Зоне, – вдруг преобразился.

Во-первых, рев наших двигателей сразу же стал заметно тише и изменил тон, став как-то ворчливее, басовитее.

Во-вторых, на окружающий нас ландшафт снизошел призрачный розовый свет. Будто включилась над Зоной гигантская неоновая реклама.

Нет, точнее, даже не так...

Все знают, что приборы ночного видения дают монохромное изображение – оно либо зеленоватое, либо голубовато-серое. Ну а мы с Лодочником словно смотрели на Зону через такой гламурный прибор ночного видения, который все красит в розовый цвет. Непривычно, но терпимо.

Ну и в-третьих, я почувствовал ощутимое покалывание в затылке. Не на поверхности кожи, а где-то в глубине, по ощущениям – глубоко в мозгу. Эту боль тоже можно было вытерпеть, тревожило лишь то, что сам по себе симптом мне никогда в Зоне не встречался.

Не успел я как следует насладиться порозовевшим ландшафтом и подивиться непрошеному буравчику в затылке, как мы покинули затопленный луг.

– Ну, как мы их?! А?! Так-то! Будут знать! – Лодочник повернул ко мне вполоборота свое некрасивое лицо мелкого пакостника. Оно сияло мрачным торжеством.

Уж чего-чего, а такой непосредственной, детской восторженности я от него не ожидал.

– Хорошо. Но не говори «гоп»... – проворчал я. – Как бы не гробануться. Это Зона.

– Худшее – позади... Поверь! Зона нам поможет. «Цветы зла» – очень редкие артефакты... Я сам придумал, как... использовать их... в конструкции катера...

Лодочник говорил отрывисто, делая паузы всякий раз, как ему требовалось совершить маневр, чтобы обойти очередное препятствие. Чувствовалось, ему вдруг очень захотелось выговориться.

Я мрачно подумал, что при всех своих понтах суперспециалиста он ведет себя в Зоне немногим разумнее, чем сопливый новичок-«отмычка». Но и перебивать его нельзя. Лодочник типичный псих с блуждающей самооценкой, если его грубо перебить – может вдруг резко потерять веру в свои силы. И тогда жди беды...

Не гробануться бы, ч-черт.

– «Цветы» уже набирают силу. Наливаются энергией, – продолжал вещать Лодочник. – Скоро. Мы полетим совсем беззвучно. Приобретем оптическую невидимость. Любой кровосос позавидует.

– Чудно, – сухо сказал я.

Ну наконец-то – река!

Здесь весь комплект стелс-артефактов на борту катера вошел в полную силу. И чудо-катер заскользил над рекой – бесшумный, как призрак.

– Здравствуй, Припять, – прошептал я.

Нам требовалось пройти по водной глади почти полтора километра. Это много или мало? На милой лесной речуге или на могучей сибирской реке в нормальную погоду это – тьфу.

Но мы же были в Зоне!

Левее нас, где-то за хаосом прибрежных зарослей, начиналась Темная Долина. Справа лежал перепаханный буераками новый уровень, который даже общепринятого названия пока не получил. Одни говорили «Оранжевые Пески», другие – «Пылающий Остров».

Водная гладь Припяти таила здесь, в пределах Зоны, ряд таких опасностей, которым позавидовала бы и напигованная смертью твердь ее берегов.

Однако аномально-технический прогресс в лице отдельно взятого Лодочника шагнул действительно далеко. Так что я даже начал отчасти разделять его самонадеянность.

Уж не знаю, как были устроены бортовые детекторы аномалий его катера, но показывали они абсолютно все. И – загодя. Так что, ведя катер с более чем приличной для Зоны скоростью десять кмэ в час, Лодочник нормально вписывался в безопасные коридоры между ансамблями аномалий, не сбрасывая оборотов.

Да-да, десять километров в час. А вы что думали – если катер способен развивать семьдесят, так по Зоне и надо гонять семьдесят?

Семьдесят – это и для вертолета, идущего над Зоной, довольно много.

И для джипа, едущего по свежей военной бетонке.

А мы ведь находились на реке!

Под нами лежали несколько метров непросматриваемой черной воды, а под нею ржавели остовы утонувшей техники, нерестились мутировавшие рыбы, копошились плавунцы-мозгоеды, хищно шевелили ротовыми кубышками плотоядные водоросли...

Но в те минуты Зона любила Лодочника. Полтора километра мы прошли без всяких приключений, чинно-благо-родно, затратив меньше, чем четверть часа.

Да нам бы, сталкерам, всегда такие скорости передвижения, мы Зону насквозь проходили бы за день!

Дальше вверх по реке начинались стационарные укрепления Речного Кордона.

Лодочник выключил винт и воздушную подушку, катер плюхнулся в воду. Теперь второй двигатель снова заработал на водомет.

Затем Лодочник вернул желтый рычаг в исходное положение, выключив все стелс-системы. Он повернул к берегу и ловко, но весьма опасно пристал – почти впритирку к птичьей карусели.

По крайней мере так определили аномалию его чудо-детекторы. Мой личный детектор эту карусель почему-то не брал. Я во все глаза вглядывался в темноту, пытаюсь увидеть там хоть какие-то признаки аномалии. Странно...

– Всё. Дальше сам, – сказал Лодочник.

– Ясное дело. – С этими словами я ступил на берег и обернулся, принимая от Лодочника свой рюкзак.

– Стоять! – властный голос раздался совсем близко за моей спиной. – Именем Анфора, вы арестованы!

«Анфор» это UNFOR, United Nations Forces. Вообще-то полное название ооновского

контингента – UNFORFOZIS, United Nations Forces for Zone Isolation. Но так – «анфорфозис» – никто не говорит, разве только самые замшелые ооновские комиссары.

– Спасибо, – сказал я Лодочнику. – Ловко ты меня сдал.

– Я ни при чем, – ответил мой проводник. – Сам видишь. Засада военсталкеров.

– Р-разговорчики! – весело прикрикнули на Лодочника из темноты.

Глава 10. Речной Кордон

This is dangerous.

Open up your head feel the shell shock.

This is dangerous.

I walk the minefields so watch your head rock.

«Minefields», Prodigy

Вот так вляпались...

Впервые за свою карьеру я попался в лапы злющим военсталкерам в охранной зоне режимного объекта и притом – с абсолютно пустым контейнером для хабара. Это означало, что откупиться мне нечем, зато им, мерзавцам, есть что мне инкриминировать.

Но с Тополем я все-таки повстречался! Чего уж там, цель была достигнута...

Нас с Лодочником отконвоировали на опорный пункт Речного Кордона. И теперь мы находились внутри штабного капонира, собранного из типовых железобетонных блоков.

Константин свет Алексеевич сидел за раскидистым столом, изготовленным, насколько позволяли судить мои познания в технике, из бортового листа бронеавтобуса. Такие столы некогда вошли в моду в воюющем Ираке, а потом расплозились по всему миру вместе с демократией и ее зубастыми ценностями.

Так вот, похоже, бронеавтобусу не повезло, его крепко зацепило где-то в Зоне. Однако левый борт машины частично уцелел и теперь, будучи водружен на две тумбы из сложенных один поверх другого деревянных ящиков, исправно служил моему бывшему лучшему другу для самых разнообразных надобностей.

Вся левая половина стола была занята тремя крупными мониторами, на которых чего-то там мониторилось невероятно важное для жизни и деятельности Речного Кордона. Рядом с ними лежал автомат «Гроза».

Правую половину стола занимала разложенная карта и стопка грязных тарелок.

Имелись также оружейные шкафы и страховидный диванчик.

Ну и стулья, само собой. Аж целых четыре штуки. Будь я в настроении, схватил бы соседний стул, ахнул бы своего дознавателя по черепу, а дальше действовал по обстоятельствам.

Если бы только это был не Тополь...

На что капонир не мог пожаловаться – это на темноту. Здесь горело с полдюжины разнокалиберных ламп дневного света. Похоже, питались они от «вечной батарейки», а может, и вовсе от термопары, один конец которой иные умельцы ловко забрасывают в самый центр подходящей жарки или в недра разлома. Но несмотря на столь необычные источники питания, светло здесь было как в операционной.

– Фамилия, имя, отчество, – повторил Тополь без выражения, пялясь в формуляр, над которым был занесен огрызок карандаша.

– Не смейся мои яйца, Костя, – повторил я.

Тополь скосил глаза в монитор, покрутил карандаш в пальцах. На меня он смотреть упорно избегал. Ну это игра такая, будто мы не знакомы!

– Задержанный, – гундосо сказал он, – хочу вам напомнить, что пребывание на территории Зоны без пропуска одного из установленных образцов категорически запрещено. Учитывая отягчающие обстоятельства – «а», проникновение групповое, «бэ», ношение оружия, в том числе автоматического, «вэ», использование незарегистрированных

транспортных средств, – вы подлежите не только административной, но и уголовной ответственности. В рамках действующего законодательства...

– Костя, я иду на Янтарное озеро, – сказал я, по возможности проникновенно глядя на моего бывшего лучшего друга. – Там вертолет гробанулся. Ты, кстати, ничего не слышал об этом?

– Здесь вопросы задаю я... – как-то не очень уверенно напомнил Тополь.

Ну молодец! Ай, брависсимо! Это называется «если бы камни заговорили»!

– ...И закончу свою мысль, задержанный, – продолжал Тополь, кое-как справившись с неуверенностью. – От того, насколько охотно и полно вы ответите сейчас на мои вопросы, в конечном итоге зависит отношение к вам коллегии суда. Можем начать с главного: с какой целью вы направлялись в распоряжение 2-го опорного пункта UNFORFOZIS?

«О-го-го! UNFORFOZIS! Как язык не сломал-то? Да он стал хуже самого замшелого ооновского комиссара! Переродился как, а?! А ведь только четыре месяца прошло!»

– Я направлялся на Речной Кордон. Чтобы поговорить с тобой, Костя. Ибо, повторюсь, я иду в район Янтарного озера. Если правда все то, о чем сообщает Синоптик, один я могу туда и не дойти. Поэтому мне нужен ты.

– То есть вы утверждаете, что вашей ближайшей целью являлась встреча с Константином Алексеевичем Уткиным?

– Да. И хватит. – Я неожиданно разозлился. – Устал я от тебя, Костя. Если охота языком чесать, вызови лучше Лодочника. В Зоне он становится таким болтливым, что вы с ним прекрасно проведете время до самого утра!

Тополь, однако, был полон решимости развивать бюрократическую оперу в направлении второго, еще более абсурдного акта. Он даже успел сказать что-то вроде «Эта информация принята к сведению, задержанный», когда картинка на мониторе отвлекла его внимание, и он осекся.

Тополь всмотрелся в монитор. Потом потянулся к маленькому джойстику, примостившемуся у приклада автомата «Гроза»... Пошуровал джойстиком туда-сюда...

Мне не составило труда догадаться, что таким образом он управлял одной из внешних камер наблюдения.

На физиономии моего бывшего лучшего друга выражение застенчивой подозрительности вдруг сменилось крайней озабоченностью, если не сказать испугом.

– Ворота не открывать! – гаркнул он в рацию, висевшую у него на плече. – Здесь Уткин! Не открывать ворота! А-ах, м-мать... Портэ... Тьфу... Нот опенинг зе дорз! Оглохли, что ли?! Нот! Нот! Дорз ноу!

Я поморщился. Английский, конечно, язык утилитарный... но зачем же так ужасно его насиловать?

В следующий миг Тополь преобразился. Он вскочил, хватая «Грозу». Со стола с грохотом сверзился на пол джойстик.

А потом он швырнул «Грозу» мне! Мне! Задержанному!

– Держи!

Я поймал пятикилограммовую дуру исключительно на рефлексе и чуть не завалился на спину вместе с хлипким стулом. Едва удержав равновесие, я вскочил на ноги.

– Что за на хер, Костя?! – заорал я, сразу же перепугавшись не на шутку.

Костя был уже у двери, в противоположном конце штабной комнаты. Он распахнул оружейный шкаф, вырвал из его недр сразу две «Грозы». Одну он ловко забросил на левое плечо, освободившейся рукой торопливо нагреб гранат к подствольнику и магазинов. Прихватил он и пару пистолетов, засунув их за пояс.

– Это прорыв, Володя, – бросил Тополь через плечо. – Действуй на усмотрение. Увидимся, если что.

– Э, погоди! Так ты что, меня отпускаешь?! Меня, задержанного?! – Но Константина уже и след простыл. – Тополь! Тополь, черт бешеный!

Вот так. Ни приветов, ни ответов.

Вообще-то, если Тополь действительно намеревался исполнить свой долбаный долг долбаного военного сталкера и сдать меня комендатуре Анфора, я без вариантов оказывался за решеткой. Надолго ли – другой вопрос, но удовольствие в любом случае рисовалось ниже среднего.

Так что другой на моем месте обрадовался бы. И еще как! Ведь отпустили! Но я – я крепко перепугался.

И не зря.

Когда я, довооружившись как следует за счет запасов щедрого Тополя, а также возвратив себе конфискованный «хай пауэр» и «стечкин» и прихватив свой монструозный рюкзак, выбежал на двор из штабного капонира, бой уже гремел всюду.

На вышках, расположенных в углах опорного пункта, заливались пулеметы. Где-то ближе к воротам – я не видел их, мешала бетонная призма капонира, чей выход смотрел строго на запад, – захлопали разрывы гранат. С леденящим душу воем, который оборвался омерзительным чавканьем, разлетелся на куски кто-то очень обширный и нехороший.

Все мои чувства вопили: «Бежать! Бежать немедленно!»

Но холодный разум сталкера велел: «Стоять, радиоактивное мясо! Без Тополя ты отсюда не уйдешь. Потому что без Тополя нечего и думать о том, чтобы дойти до Янтарного озера и найти КМПЗ этого Рыбина. И тем более вернуться».

Ну и где этот Тополь?

Взяв «Грозу» наизготовку, я робко выглянул из-за бетонного угла.

В двух шагах от меня начиналась стационарная железная лестница, ведущая наверх, – крыша капонира была отлично оборудована для кругового наблюдения и обороны.

Оттуда, сверху, мне открылась безрадостная картина серьезного ЧП.

Ворота опорного пункта (выполненные, между прочим, из семимиллиметровых броневых листов!) были полуоткрыты. Заклинив их так, что оставался проход, достаточный не только для человека, но и для любого мутанта, в воротах торчала бронемашина «Лухс-3». Производство ФРГ, три моста, полный привод, изменяемый клиренс, 30-миллиметровая дрына в башне, автоматический гранатомет на крыше.

Сомнений не было – машина принадлежала ооновцам, соседнему батальону. Здесь, в центре Речного Кордона, стояли французы, и матчасть у них была другая. Немцы служили севернее.

Бронемашина нехотя горела.

Видимых повреждений я не заметил, но это не значило, что их нет. Бронебойная пуля 12,7 или, тем более, 15-милли-метровой снайперки уделает «Лухс-3» в борт или корму запросто. Не потому, что «Лухс-3» – такая уж плохая бронемашина, а потому, что крупнокалиберные снайперки слишком хорошие.

Помимо бронемашины, наблюдались также тела... Прямо скажем – трупы.

Два трупа принадлежали французам (их полевое камуфлю ни с чем не спутать). В третьем опознавался снарок – мутант зловердный и опасный. В четвертом и пятом... не французы... не военсталкеры... немцы? Да, точно, бундесы!

А раскуроченные останки у правого заднего колеса «Лухса» принадлежали, похоже, кровососу.

Картина, в общем, восстанавливалась без особых затруднений. К воротам подъехала немецкая бронемашина. Посигналила, чтобы открыли. Охрана на воротах гостей не ждала, но и подозрений особых немцы не вызвали – по бетонке тут ехать недолго, мало ли что у них стряслось? Охрана нажала на кнопку, ворота начали открываться.

В ту секунду Тополь, поглядывающий на экран монитора, заметил что-то подозрительное. Заорал, чтобы ворота не открывали. Услышали его или нет, поняли или нет – не важно, потому что было уже поздно.

«Лухс-3» сорвался с места, его бронированное рыло вклинилось в уже наметившийся зазор между створками ворот.

Из бронемашины вместо ожидаемых бундесов повалили мутанты. В том числе,

вероятно, зомби, наскоро переодетые в снятую с убитых немцев форму.

Есть, конечно, некоторые вопросы – только ли зомби и мутанты? И как вообще этим тварям удастся откалывать такие штуки фактически в нашем тылу?! Ведь Пылающий Остров, лежащий к востоку от Речного Кордона, контролируется армейцами лучше любого другого уровня Зоны. По крайней мере вольные сталкеры через него не ходят, боятся за решетку загромоздить.

Ладно, допустим, даже контролер...

Это очень плохо, это невероятно опасно, но здесь, на опорном пункте, минимум взвод бойцов. Причем это ведь не просто вертухай с обычного Периметра! Это бойцы Речного Кордона, которым придано звено военных сталкеров! Здесь обязательно должны использоваться самые изощренные штучки, в том числе артефакты «кристальная колючка» и «морской еж», в разы поднимающие пси-сопротивляемость! Но даже без них ни один контролер не потянет тридцать человек, да еще на такой площади...

Короче, вопрос: отчего Тополь так разволновался?

Подумаешь, попробовали мутанты провернуть диверсию, проникнув на территорию опорного пункта при помощи трофейной бронемашины. Да только раскрыли себя раньше времени, и вот нет у них больше бронемашины, а сами они...

Рассуждая подобным образом, я поднялся по железной лестнице на крышу капонира.

Поглядел я сверху на опорный пункт, бросил взгляд на Пылающий Остров – и обомлел. Мне открылась картина стремительно назревающего разгрома.

Оправдывая свое название, местность за воротами сколько хватал глаз купалась в потоках холодного, призрачного огня.

Малиновые, оранжевые, лиловые полосы неслись по песчаным всхолмьям, будто некто – Хозяин Зоны? – взялся испытывать здесь гигантскую установку для адского светового шоу.

На фоне этих потоков фонтанирующего холодного света темными подвижными пятнами выделялись крысиные стаи. Каждая стая шла в собственном строю – четко очерченным клином. В голове клина двигался вожак – крысиный волк. По два «заместителя» вожака – тоже крысиные волки – трусили позади клиньев, словно подгоняя их.

Всего крысиных клиньев я насчитал семь штук... Много, ч-черт!

Кроме крыс, я заметил две стаи собак, несколько плотных групп кровососов и, ближе к реке, четырех химер. За всем этим воинством Ада, где-то в тылу, наверняка находились несколько контролеров, которые и дирижировали оркестром.

Можно было бы, конечно, подумать, что случился обычный *гон* – перемещение крупных масс мутантов, спровоцированное смертельной опасностью. Но бронемашина в воротах и трупы мутантов вокруг нее указывали, что Речной Кордон намечен в жертву весьма тонко спланированной акции.

И грянул бой.

Французы дрались в лучших традициях старой гвардии Наполеона – только здесь соотношение сил было похуже, чем при Ватерлоо.

Эх, если бы не эти проклятые ворота, не этот долбаный «Лухс»... Может, и выстояли бы!

«Лухс» горел-горел – да и рванул! Башня, подлетев на десяток метров, описала дугу и, как назло, прихлопнула пулеметчика на вышке справа от ворот.

Тут же, по горячим обломкам броневедомости, внутрь опорного пункта ворвались мутанты.

– Уходим! – прокричал я в ухо Тополю.

– Сам уходи! – Он поливал мутантов из «Утеса», ствол которого разогрелся до малинового каления. Пулемет хрипел и плевался, пора было менять ствол... Да только куда там! Враг не давал нам ни секунды передышки.

«Ну герой... Защитник Брестской крепости... Во славу Анфора... Тьфу!»

Тут я заметил, что один из трех приметных грузовиков-кунгов, стоявших в юго-западном углу опорного пункта, завелся и стронулся с места.

Кунг – это герметично закрытый контейнер, который устанавливается на грузовике вместо кузова. Внутри кунга может быть что угодно – от рабочих мест операторов дальнбойной радиостанции до атомной бомбы. Я не шучу.

Раз грузовик тронулся – значит кто-то в нем сидел. А это в свою очередь значит: кто-то что-то знал.

– Костя, родной, надо валить!

– Ленту! – рявкнул он.

– Нету!

– Врррешь!

– Да нет же! Не вру!

Тополь обернулся ко мне. Перед моим лицом блеснули белки его яростных глаз. Он припал на колено над патронными коробами.

Вскочил.

И сказал вдруг удивительно спокойным голосом:

– Тогда идем.

– Идем! Родной! Золотой мой! Конечно же, идем!

Но, как обычно, легче было это сказать, чем сделать.

Железная лестница была занята двумя подбирающимися к нам зомби. Туда были отправлены две гранаты РГД.

Когда отгремели взрывы, мы с Тополем выглянули из-за бетонного парапета, чтобы поинтересоваться результатами. Но туда, где еще слабо шевелились раскуроченные зомби, вдруг со скрежетом въехал сдающий назад грузовик с кунгом.

– Прыгаем к нему на крышу! – крикнул я и первым подал пример, предварительно бросив вперед себя рюкзак.

Тополь последовал за мной. Кто находится за рулем – сейчас не имело значения. Даже если там сидит бюрер – нас это устраивало, поехали! Поехали, а с бюрером потом разберемся!

Стоило нам оказаться на гладкой крыше кунга, грузовик газанул с места, и мы едва не свалились вниз – к счастью, в углах кунга торчали антенны, за которые мы и ухватились.

Сбив подвернувшегося снарка, грузовик протаранил забор.

Забор здесь был основательный, из бетонных плит. Я при ударе упал с кунга на крышу водительской кабины, а оттуда соскользнул грузовику на капот. Спасибо, он там вообще имелся, этот капот, – будь грузовик чем-то вроде «шишиги» с ее сплюснутым рылом, я бы полетел прямиком под бампер.

Более везучий Тополь, свалившись с кунга вслед за мной, остался на крыше кабины – ему удалось вцепиться двумя руками в выведенную повыше выхлопную трубу.

Но при всех этих акробатических трюках ни он, ни я не выпустили из рук автоматов!

Более того: лично я, лежа на капоте, сохранил способность оценивать обстановку и вести огонь. Так, без долгих раздумий я выпустил очередь в черную тень, метнувшуюся к нам вдоль аккуратной изгороди из колючей проволоки, которая ограждала контрольную полосу.

Грузовик зарычал и пополз вперед по влажной жирной земле. Прочь от опорного пункта, поближе к реке. Не знаю, что думал водитель, но я лично не думал вообще ни о чем. К реке – так к реке.

Понимая, что капот грузовика – худшее место из возможных, я уж расстарался, чтобы оказаться на подножке кабины со стороны пассажира. То есть справа, если у кого-то возникли вопросы.

В следующий миг мы подорвались на mine – наехали на нее правым задним колесом.

Грузовик заглох. Но... завелся!

К счастью, мины здесь были выставлены легкие противопехотные, так что нам по крайней мере не оторвало задний мост. Через «не могу» грузовик продолжил двигаться и спустя пару секунд поймал еще две мины дуплетом.

Мы снова заглохли...

Но это что! То были, считай, не мины, так – хлопущки... Серьезные неприятности обещали МОН – мои любимицы, мины направленного действия – а они здесь, конечно же, имелись...

– Тополь, мочи «монки» слева! – заорал я так, что казалось – лопну. – Понял?! «Монки»!

– Понял! – крикнул он.

Давно я не выполнял это огневое упражнение... Ох давненько... Я бил короткими очередями, а то и одиночными, по всему, что напоминало коробочки «монок», и по любым кочкам, которые напоминали то, под чем могут быть эти коробочки спрятаны.

Благо, хоть света хватало – в небе колыхались «люстры» осветительных ракет.

Трудно сказать, какая эффективность была у нашей стрельбы. Ни одна «монка» от нашей стрельбы не сдетонировала (слава Богу, на самом деле).

А грузовику снова удалось завестись! Невероятно!

Из пробитых баков хлестала горючка. Протекторы были измочалены. Мой бронежилет поймал с дюжину осколков – спасибо, малопредставительных.

Но мы ехали! Мы вырвались! Ну по крайней мере – ползли!

И, главное, ни одна «монка» не взорвалась, пока мы преодолевали последние метры полосы отчуждения.

На крыше кунга затарахтела «Гроза». Это означало, что Тополь видит врага, которого не вижу я. Давай, брат, давай! Вали супостата, в капусту его, в грязь, в бога мать душу!

Бампер с треском обрушился на кустарник. Поганые метлы веток покуражились надо мной всюду, но смахнуть меня, жизнелюбиво вцепившегося и в ручку двери, и в стойку зеркала заднего вида, не смогли.

На закуску грузовик влетел в «трамплин». И вот это оказалось куда круче каких-то несчастных противопехотных мин! Удар гравитационного молота сломал передний мост машины, как спичку, грузовик конвульсивно содрогнулся – точно кровосос, добитый контрольным в голову из РПГ-7.

Я с любопытством естествоиспытателя осознал, что лежу на спине, сжимая в побелевших пальцах ручку от двери кабины и разбитое зеркальце заднего вида.

Тополь, давясь матюжком, свалился куда-то в траву справа от меня.

Два салабона...

Точнее, три салабона...

Ну кто так по Зоне ходит? На грузовике! Кто?!!

А вот мы сейчас узнаем, кто...

Сплеывая кровь и утирая расквашенный нос рукавом куртки, я поднялся. Руки сами, помимо сознания, сорвали с плеча автомат, щелкнули предохранителем, заметались по кармашкам разгрузки в поисках гранаты для подствольника.

А вот ноги – тоже помимо сознания – понесли меня в обход грузовика, полюбопытствовать, кто же все-таки был водителем.

Когда выяснилось, что третьим «салабоном» был Лодочник, я даже не очень удивился.

Вряд ли хоть один француз или военсталкер, зная о минных полях, отважился бы кататься по ним на грузовике. Это только нам, русским, в капонирах не сидится!

В ту ночь было полнолуние.

Ночное светило, желтое, как эдамский сыр, поднялось над верхушками деревьев и раскатало на зыбкой поверхности реки лунную дорожку.

Запыхавшиеся и мокрые от пота мы выбежали на пристань.

К счастью, катер Лодочника покачивался на воде целый и невредимый. Рядом с ним были припаркованы два гидроцикла и крупный глассер, покрытый камуфляжными разводами, поверх которых шла надпись рублеными буквами: UNFOR.

Лодочник шустро вскочил на водительское сиденье и жестом пригласил меня и Тополя присоединяться.

Нас просить два раза не надо было.

– И куда теперь? – спросил я Лодочника.

– Как куда? – удивился тот. – Тем же маршрутом назад, если вы не против!

– Я против! И притом – категорически! – рявкнул Тополь. – Сейчас весь Периметр поднят по тревоге. Одних «Скайфоксов» вышлют полную эскадрилью! У всех установка – и комара из Зоны не выпускать. Не говоря уже о катерах. Мочить будут так, что наших костей потом с лупой не найдут...

– Да ну прямо, – недоверчиво процедил Лодочник.

– Костя дело говорит, – поддержал я Тополя. – Ты его слушай. И мне тоже эта идея не по душе. Давайте лучше на тот берег переправимся и в старом схроне Кабула до утра пересидим. Кабул, конечно, потом выступать будет. Но как-нибудь уладим. «Деньги не Бог, а милуют», как говорили наши славянские предки.

– Убедили, – легко согласился Лодочник, и наш катер, взревев мотором, отвалил от пристани.

– Куда к схрону-то плыть? – спросил он. – Вверх или вниз?

– Вниз.

Я с нетерпением ожидал, когда же Лодочник включит свой хваленый стелс-режим. Очень уж хотелось показать Тополю чудеса техники, настоянные на «цветах зла». Однако вместо того, чтобы бесшумно воспарить над водами Припяти, наш катер закашлялся, пробормотал что-то невнятное и позорно заглох.

Нас сразу же начало разворачивать и сносить течением.

– Йопэрэсэтэ, – пробормотал я, выглядывая за борт. – Что случилось?

– Да какая-то падла бензин слила, – зло прошипел Лодочник, глядя на приборную панель.

– Я даже знаю, что падлу эту зовут сержант Огюст Трюшон, – сообщил Тополь. – Самый видный клептоман Речного Кордона. Он у меня однажды списанный костюм химзащиты украл... Что он с ним делать собирался – ума не приложу! Впрочем, этот дегенерат даже колья для палаток ворует. У него в тайнике их полсотни нашли.

– И как вы это терпите? Точнее, терпели?

– Как терпели? Плохо. Били в основном. Аккуратно так, чтобы следов не оставалось... Да только не помогало.

– А перевести этого Трюшона куда-нибудь в другое место слабо?

– В том-то и юмор, что перевести его некуда было. Его нигде уже терпеть не могли. Поэтому на Речной Кордон и сослали... Дальше плыть-то некуда французскому солдату, продолжателю славных традиций д'Артаньяна и Луи Детуша. Только в тюрьму. А в тюрьму жалко идиота сажать из-за спичечного коробка, у них же во Франции либерализм, социальная защита христианских меньшинств...

– Ну тогда в дурку! – взволнованно предложил Лодочник, как будто у нас не было более актуальных тем.

– В дурку дорого. В армии его держать значительно дешевле. Тем более что боец он нормальный. Стрелок – так просто один из лучших.

– Эй, братва, кончайте ток-шоу, – вклинился я. – Лучше скажите, есть у нас весла или что?

– Одно где-то было... Если ваш Трюшон его не прибрал.

Весло нашлось. И даже два. Правда, поганые, крошечные. Но кое-как мы все же догребли до западного берега. Какое счастье, что Припять – не Днепр!

Тополь, поскольку был в высоких сапогах, прыгнул в воду первым и подтащил катер к берегу. Когда я прыгнул, было максимум по щиколотку. Бр-р. Ненавижу холодную воду!

А вот Лодочнику, похоже, холодная вода была в кайф. Вовсе не спеша выбираться на берег, он остался у борта катера и принялся рыться в своей спортивной сумке, которую

поставил на пассажирское сиденье.

Я так понял, эту сумку анфоровцы забрали с борта катера как ценный вещдок, но Лодочник, убегая из опорного пункта, умудрился и ее в суматохе вызволить точно так же, как я вызволил свои пожитки. Что ж, парень не промах!

– Эй, Лодочник, ты чего там возишься? – спросил я, опасливо озираясь. Ночь, черный лес, зловеще шепчет сухой камыш... Стрельба на Речном Кордоне вдруг оборвалась, как отрезало, и от этого над всей Припятью начала расползаться совсем уж запредельная жуть...

– Да надо тут одну гипотезу проверить...

– Что еще за гипотеза?

Но Лодочник не ответил.

Он был полностью поглощен своим делом. В руках у него теперь была «пирамида» – малоценный, но эстетичный артефакт, состоящий из полупрозрачного вещества, по консистенции напоминающего слюду.

Лодочник вытянул руки вперед, подставляя «пирамиду» лунному свету.

– Что он делает, ты не знаешь? – спросил меня шепотом Тополь.

– Проверяет, заряжен артефакт или нет, – ответил я. – Заряженный должен давать свечение. Или что-то вроде.

– Вон оно что. – Тополь цокнул языком, сраженный моей компетентностью.

Артефакт, похоже, был заряжен. И еще как! В недрах «пирамиды» зародилось пульсирующее пламя фиолетово-красного оттенка. Пламя внезапно вырвалось наружу и расплескалось по воде. Лодочник восхищенно ахнул.

– Эй! Проверил? Кончай уже. Идти надо. Из-за твоей светомузыки нас могут со «Скайфоксов» засечь.

Но Лодочник, похоже, меня не слышал. Он был полностью загипнотизирован «пирамидой», которая щедро фонтанировала разноцветным сиянием. Оранжевые сполохи, ритмично пульсируя, сменяли голубые, красные огоньки, помигивая, уступали место желтым. Ну чистая дискотека!

Тем временем неугомонный Лодочник наклонился и опустил «пирамиду» в воду. Теперь сияние распространилось в толщу воды, хотя и стало гораздо менее интенсивным.

– Вот клоун, мля, – зло сказал Тополь и закурил сигарету. – Тут сматываться надо, а он...

– И не говори.

Мне самому хотелось засветить Лодочнику в табло. Но не ссориться же с ценным специалистом, который только что спас нам с Костей жизнь! Да и уйти, бросив Лодочника в одиночестве, было, мягко говоря, не по-сталкерски.

Когда я уже мысленно решил, что вот сейчас, сейчас Тополь докурит свою отраву и я силой выволоку горе-экспериментатора на берег, случилось нечто из ряда вон.

Из толщи воды к Лодочнику метнулись толстые живые канаты, покрытые мириадами шевелящихся ресничек. Они шустро обвили его запястья – словно хотели отобрать «пирамиду», но немного промахнулись. Лодочник сдавленно вскрикнул и обернулся к нам, как бы умоляя о помощи.

Однако какая могла быть помощь, когда его фигура заслоняла подводного монстра от наших пуль!

Я не успел даже сбросить свой «хай пауэр» с предохранителя, как резкий рывок опрокинул Лодочника плашмя в реку. Из глотки бедняги вырвался леденящий душу крик.

Еще мгновение – и крик затих, а его тело, осиянное разноцветными сполохами, скрылось в толще воды.

Спустя секунду Припять вновь стала непроницаемо темной.

– Интересно девки пляшут, – дрожащим голосом выговорил Тополь.

– Пойдем-ка отсюда, – предложил я, натягивая на плечи свой громоздкий рюкзак.

Удаляясь, я с тоской глядел на стелс-катер Лодочника. В сумке погибшего наверняка было много интересного – и пистолет, и патроны, и артефакты в контейнере. Но сама мысль

о том, чтобы подойти к реке ближе чем на десять метров, наполняла мою душу липким доисторическим ужасом.

Глава 11. Дом на деревьях

*If you believe the western sun
Is falling down on everyone.
You're breaking free and the morning's come.
If you would know your time has come.*
«Narayan», Prodigy

За воротник моего комбинезона проникла шустрая ледяная струйка.

Ой! Еще одна!

Вода растекалась по груди, бежала по кубикам пресса, скапливалась в ликерной рюмочке пупа, чтобы оттуда продолжить свое увлекательное путешествие в гущу паховых зарослей, где притаился страшный зверь ху-ху, бойтесь этого зверя, рано созревшие красные шапочки, беспечно идущие к своим бабушкам через лесные чащобы...

ТЬфу ты! Струек стало две! И вторая течет по лбу, по скулам и тоже норовит за шиворот.

Я выругался в голос и окончательно проснулся.

Уселся. Шею ломило – как всегда бывает, когда мне приходится спать на чем-либо, помимо моего ортопедического матраса, набитого перегородками грецкого ореха, который я выменял у Самогона на редкий артефакт «снежинка».

Так-так... Где это мы?

На спальном мешке с эмблемой «Справедливости», давно почившего клана, к которому я много-много лет назад принадлежал, растеклась холодная лужа в форме озера Байкал. Волосы мокрые. Шея мокрая. Я поднял глаза.

По крыше, которая находилась в метре от меня, неистово барабанил дождь. Крышей последний раз занимались, как видно, довольно давно. Она успела прохудиться, причем по закону подлости – сразу в нескольких местах надо мной...

Какое счастье, что дождь пошел лишь под утро! Хрен поспишь под такую барабанную дробь. И ладно бы снились тонущие красные шапочки с бюстом не меньше третьего размера, но ведь вместо них всякие мысли в голову лезут. А с ними ненужные сожаления, страхи, воспоминания о Лодочнике!

Грянул гром. Затем еще раз, да так близко, что у меня заложило уши.

Я поморщился – болела голова.

Просачиваясь в комнатку, струи воды барабанили по половым доскам и, когда им это надоедало, споро ускользали в щели между ними, устремляясь к обътой ненастьем земле.

Земля находилась в десяти метрах под нами.

Да, в десяти метрах.

Потому что остаток той памятной ночи, когда пал Речной Кордон, мы с Тополем провели в доме на деревьях, некогда принадлежавшем сталкеру по прозвищу Нашатырь.

Я просидел не менее двадцати минут, флегматично вслушиваясь в осенний дождь.

Дождь был вездесущ – тарабанил в крохотное стеклянное окошко, швырял горсти капель в дверь, атаковал старую крышу.

Меж тем в моем мозгу медленно всплывали многочисленные подробности вчерашнего дня. Вот мы с Лодочником мчимся на чудо-лодке, паря над черными водами Припяти. Вот нас сцапали военсталкеры. Вот мы в капонире, стены которого плесень исписала причудливыми узорами. Наконец, бойня, кровь, мясо, истошные крики нечеловеческой боли и неутоленной ярости...

Помню, как, бросив разрушенный трамплином грузовик, мы бежали к пристани, как нелепо и страшно в сиянии ожившей «пирамиды» погиб Лодочник...

Потом мы с Тополем обнаружили, что пройти к схрону Кабула, как я собирался, никак не получится. И что идти надо дальше.

Самым тяжелым оказался последний участок маршрута – окрестности мертвого города Припять, где кишмя кишели зомби. Пришлось уложить с полдюжины, хотя мы и уклонялись от столкновений как могли. Ситуация осложнялась тем, что мне, и без того теряющему сознание от усталости, приходилось не только нести рюкзак, где имелись запасы на двоих и два спальника, но и понукать Тополя, которому досталось побольше моего – он получил касательное ранение головы.

Но мы все же добрались до рощи великанских грабов. И даже нашли То Самое Дерево – граб, чья феноменально густая крона, дополненная переродившимися, пышными паразитами-омелами, скрывала дом, о самом существовании которого в Зоне знали человек пять, не больше. Дом, который построил Нашатырь.

Я выстрелил в едва заметную мишень на первом ярусе ветвей. С третьего раза попал. Повинуясь немудрящей автоматике, нам на голову свалилась веревочная лестница. Я попробовал ее рукой. И, убедившись, что за прошедший год она осталась такой же крепкой, полез первым. Я знал наверняка, мой пример заставит обмирающего от боли Тополя шевелиться...

– Ну как ты, Костя? – спросил я, когда Тополь наконец проснулся.

Левый глаз моего боевого товарища напух и стал похож на пельмень. Его левый висок украшала плотная нашлапка из спекшейся крови шириной с ладонь. Волосы на голове были всклокочены и спутаны, а на затылке – так и вовсе обожжены.

– Как? Да бывало и хуже, – задумчиво процедил Тополь.

– Это когда еще? – недоверчиво спросил я.

Какая бы ни случилась передрыга, она каждый раз кажется мне единственной и неповторимой. Небывало трудной. И беспрецедентно опасной! Такое свойство характера, наверное. А вот у Тополя такого свойства нет.

– Когда? Да хотя бы помнишь, возле Госпиталя, когда мародеры нас на дыбах над канализационным коллектором подвесили... Что-то им нужно было... А, чтобы мы их к своему схрону отвели... У меня потом суставы два месяца крутило. Никакие пилюли боль не брали. Вылечился, только когда к Болотному Доктору ходил. И голову Михая, предателя, ему пообещал...

История, о которой вспомнил Тополь, имела место пять лет назад. Тогда мы были победнее и, соответственно, понахальнее. Не один раз алчность бесплатно закидывала нас в такие мрачные дыры, куда мы теперь и за большие деньги-то не сунемся...

– А я думал, – сказал я, – ты имеешь в виду тот раз, когда Слон на минах анфоровских по неосторожности подорвался. А ты в старинный капкан угодил...

– А-а... Я тогда был уверен – точно кони двину... Оказалось, ерунда. А вот тебя тогда здорово приложило.

Я покачал головой – после того случая я полгода не смотрелся в зеркало. Ждал, когда ожоги подзаживут.

Как ни крути, у нас с Тополем была богатая совместная история. Которая однажды чуть не закончилась. Но вчера вроде бы началась вновь.

– Лечиться будешь? – Я потряс в воздухе флягой.

– Буду... Ч-черт, до чего же мне этот дождь на нервы действует...

В обычном своем состоянии я считал бы остро необходимым подковырнуть Тополя за дождебоязнь.

Ведь сталкеры делятся на две категории. Первая – те, которые ходят по Зоне в дождь, научились это делать виртуозно и получают от этого удовольствие. И вторые, которые дождь ненавидит, а все его преимущества (в виде четко оконтуренных аномалий и относительного безлюдья) считают несущественными.

Такие ни за что не пойдут по Зоне сквозь плотную завесу водяных струй, будь они даже в самом расчудесном защитном экзоскелете. Их, видите ли, одолевают дурные предчувствия.

Обычно сталкеры первой категории не выносят сталкеров второй. Но у нас с Тополем все было мирно. Хотя я был из «категории один», а он – из «категории два».

Несколько раз мне даже удавалось заставить упрямого Тополя наплевать на свои «предчувствия». Но куда чаще Тополь брал верх.

Тополь вернул мне флягу и достал аптечку. Наморщив свой высокий лоб, он принялся накладывать едко пахнущую мазь на неглубокую рану над виском. Рядом с порезом красовался синяк немалого размера.

Тополь казался таким несчастным... В общем, я решил, что дальше тянуть некуда.

– Костян... Я, собственно... Зачем к тебе вчера пришел-то?

– И зачем? – Тополь оторвал взгляд от раны и посмотрел на меня своими большими глазами старого сенбернара.

– Чтобы... хм... Извиниться.

– Извиниться?

– Да. За тот случай. Ну, в мае. Когда я, ну... твою Женьку шлюхой назвал.

– А, вот оно как...

– И за то, что машину твою требовал... Пьяный... И за то, что жлобом тебя называл. В общем, – тут мой голос предательски дрогнул, – я не очень знаю, как это нужно делать. Потому что никогда и ни за что обычно не извиняюсь, оно как-то и без этого прокатывается. Но... в общем... прости меня за все, дружище! И пусть меня накажут Хозяева Зоны, если я сейчас тебе вру!

Тополь отвел глаза и вперился в затянутый паутиной (нормальной паучьей паутиной, не «паутинкой»!) угол нашего двухместного гроба на деревьях.

Он думал о чем-то. Что-то решал.

«Вот выхватит сейчас пистолет, всадит в меня обойму со злости – и прав будет!» – идиотские мысли так и лезли в мою голову.

Наконец Тополь посмотрел на меня в упор. Его глаза были сухими, воспаленными.

– Ты это... насчет Женьки прав оказался. Она помимо меня с Кашей и его братом жила. Так что я за это на тебя уже не злюсь. А вот насчет машины ты и впрямь тогда немного перебрал. Думаю, все дело в том, что тот вискарь, который мы с тобой пили, был немножечко того. Вот у тебя крыша и поехала.

– «Того» – в смысле поддельный?

– Ну да. Ряженный. Но это классно, – видно было, что каждое слово дается Тополю с трудом, как и мне, – что ты счел нужным передо мной извиниться. И даже на Речной Кордон за мной приехал. Но только...

– Что только?

– В общем, я тебя уже простил. По большому счету, мы оба виноваты были.

– Вот как? – Я, не скрою, офигел.

– Ну да... Не нужно было так нажираться. В нашем возрасте глупо это – нажираться, как пацанам. Вот, соответственно, и результаты...

«А ведь Речной Кордон что-то в нем и впрямь изменил», – подумал я.

На самом деле по части «нажираться» Тополь всегда был профессором. И вот же – какие песни запел! Не хуже моей школьной учительницы Людмилы Ильиничны по прозвищу Моралистка! Впрочем, если посмотреть на эту тему отстраненно, Костя был прав – с загулами до бессознательного состояния и впрямь надо бы заканчивать. Ибо...

– А можно спросить? – робко произнес я.

– Спрашивай.

– Почему ты, если давно меня простил, четыре месяца в «Лейке» не показывался? В военсталкеры ушел?

Тополь наморщил лоб, сдвинул брови и замолчал. Я бы употребил литературное клише «повисла пауза», если бы не уверенность, что Тополь намеренно ее «повесил».

Минуты три мы сидели в тишине. Дождь, уже обессиленный, лениво колотил по дряхлой крыше нашего скворечника.

Я думал о Нашатыре, хозяине скворечника. Нашатырь любил промышлять именно в этом районе. Причем охотился он почти исключительно за «каменными цветками», которых в здешних местах было хоть задницей ешь.

Работал Нашатырь в одиночестве. В свободное же время писал – не то художественную книгу, не то мемуары в толстой тетради с клеенчатой обложкой. Бывало, зачитывал мне из этой тетради, были там даже стихи...

Вспомнил я и о том, как Нашатырь пропал без вести три года назад.

Это было зимой, в канун Нового года. Мы дважды ходили его искать в окрестностях ЧАЭС, откуда его ПДА в последний раз посылал сигнал подтверждения. И оба раза – с нулевым результатом.

Кто-то из «монолитовцев», с которыми общался на тему Нашатыря по нашей просьбе Любомир, сказал, что и впрямь видел его тело у северного входа на территорию АЭС. И что следы насилия на теле явственно указывали на то, что сталкером собиралась отобедать оголодавшая псевдоплоть. Эх, Нашатырь-Нашатырь... Какой сталкер был! А пропал как заяц.

Впрочем, кто как, а я лично никогда «монолитовцам» не верил. С чего бы мне верить про псевдоплоть и Нашатыря? Уж больно Нашатырь опытный был, чтобы стать добычей переродившейся свиньи...

– Я в «Лейку» к тебе не приходил, потому что хотел понять, какая она, другая жизнь, – наконец ответил Тополь.

– Как ты думал это понять, брат?

– Ну, «Лейка» и все наше шевеление вокруг нее – это как бы и есть моя «основная жизнь». Ходишь за хабаром, продаешь его Хуаресу, потом пивцо потягиваешь, знакомишься с барышнями... В Ялту отдыхать едешь, там гудишь в казино или на катере рассекаешь... Это и есть «основная жизнь». Так вот к тому моменту, как мы с тобой поссорились, у меня такое чувство вышло, что меня от этой основной жизни уже порядком тошнит, просто выворачивает! Упаси Черный Сталкер, меня тошнило не от тебя конкретно. И не от Женьки, хоть она и дрянь. И не от «мохито», который смешивает Любомир, хотя в нем, как на мой вкус, слишком много мяты. И даже не от необходимости все время пересекать Периметр, трястись за свою шкуру, выцеливать обнаглевших бюреров и воевать со случайными снайками...

– От чего тогда?

– Да от всего этого вместе! Это как коктейль из рома с колой. Тебе может до смерти осточертеть ром с колой. И ты даже смотреть на эту коричневую жидкость в стакане не сможешь без отвращения. Но к самой коле или к самому рому у тебя, возможно, никаких претензий и не будет.

– И ты решил найти другую жизнь, которая была бы не похожа на эту самую «основную жизнь», и поэтому устроился служить на Речной Кордон? – проявил догадливость я.

– Ну, если бы я действительно хотел устроить себе Другую Жизнь, я бы уехал в Магадан, пошел пахать на золотые рудники, женился на учительнице младших классов по имени Зина, она родила бы мне двух деток – мальчика и девочку, – и жил бы я себе поживал в двухкомнатной квартире посреди спального района этого самого Магадана. А так, на Речном Кордоне, это была лишь «в чем-то другая жизнь», а не сама «другая жизнь». Понимаешь?

– В общих чертах, – кивнул я. – Ну и как, успешно это ты... на Речном Кордоне?

– С одной стороны, вроде да. Я хотел перемен – я перемены получил. Но с другой стороны, на Речном Кордоне оказалось скучновато.

– Французы заманали?

– Они, родимые. Лягушатнички... Бонжур-тужур, мерси-вуаси... В шары свои как начнут играть – хоть святых выноси. Я тупее игры в жизни не видел! Или вот вино пили все время – за завтраком, за обедом, за ужином. А мне лично – что от этого вина? Оно мне не

впирает, между прочим. Так, пустая трата времени... Все равно что компот хлебать! Или вот, бывало, как примутся губу катать, кто и что себе купит, когда из армии уволится! А я слушаю все эти губозакатайки и думаю: вы сначала доживите до увольнения, а потом уже и будете онанизмом заниматься, так ведь и сглазить можно... Но молчал, конечно. А ведь прав был, как теперь выясняется.

– Приставали? – спросил я встревоженно, припоминая читаную в газете статистику, согласно которой двадцать процентов мужчин Франции во время социального опроса признались в том, что хотя бы один раз имели гомосексуальный контакт. «А сколько же процентов не признались, промолчали?» – ужасался по этому поводу я.

– Да нет. Они нормальные были. Только скучные очень...

– А наши?

– Да и наши занудами оказались – в карты разве что неплохо играли. Но самое мерзкое – это ощущение, что ты просто занимаешь чье-то место. Что на твоей должности должен работать какой-нибудь Петя Сидоренко, Олесь Прохорчук или Джамаль Абдуллаев, молодой честный парень, который хочет добра, которому характер свой ковать надо... А мне чего характер ковать? У меня он уже и так... чугунный! – Тополь посмотрел на меня не без самодовольства.

– Что есть, то есть, – согласился я с «чугунным» характером. – Но, кстати, заметь, будь на твоём месте тот самый молодой парень, условный Петя Сидоренко, он бы вчерашнюю ночь вряд ли пережил. Так и остался бы там лежать на крыше капонира. Навсегда.

– С этим я спорить не буду. – Тополь степенно кивнул.

– То есть я очень вовремя явился. Потому что ты и сам уже собрался уходить, верно?

– Думаю, еще пару месяцев я на чистом мазохизме протянул бы... А кстати, что тебя-то, кроме мук совести и желания мириться, ко мне привело? Ты что-то там про озеро упомянул во время допроса. Это правда была? Или так?

На какие-то доли секунды мне захотелось рассказать Тополю все. Про визит Рыбина-в-штатском, про контейнер КМПЗ, затерянный невзвешенный где на берегах Янтарного озера, про секретность и про мегагонорар, обещанный мне за то, что контейнер этот в «Лейку» невредимым доставлю.

Но потом маленькое благоразумие взяло верх.

Мне вдруг показалось: если я скажу всю правду, Тополь точно откажется. Придумает какой-нибудь предлог, разведет философию вроде этой, про «основную жизнь» и «другую жизнь», и... откажется. В конце концов, он ранен, он устал, имеет право. И я решил, что пора вытаскивать из рукава главный козырь.

– Повод был, конечно. Мне тут Синоптик на одну штуку наводочку дал. Незабесплатно, как обычно. И я подумал, что... ты мне не простишь, если я тебе о ней ничего не скажу.

Я посмотрел на Тополя со значением.

Мне хотелось, чтобы он сам догадался, что я имею в виду.

В наступившей ошеломляющей тишине – дождь прекратился, в воздухе пахло отсыревшим деревом и шампиньонами – я услышал, как в большой голове Тополя скрипят от натуги его большие мозги.

– Про «звезду», что ли? – наконец спросил Тополь. Его глаза лучились неподдельной детской надеждой.

– Про «звезду»! – радостно подтвердил я.

– И где она?

– Да за Янтарным озером. В районе скважины номер девять.

– Серьезно, что ли? Два раза там был и никакой «звезды» не видел!

– Видел... Не видел... Ты же знаешь, Синоптик – надежная фирма.

– «Звезда Полынь»... Круто! Вот это круто, да! – всплеснул руками Тополь и улыбнулся глупо-счастливой улыбкой школьника, которому пообещали на день рождения железную дорогу самой дорогой модели.

– Так что, если хочешь, можешь туда хоть сейчас отправляться.

– Отправляться... Ты имеешь в виду – одному отправляться? – недоуменно спросил Тополь.

– Ну да. – Я сделал лицо скромняги.

– Ну уж нет. Я если пойду, то только с тобой. Один – один не пойду. Тем более за озеро.

– Если так, то я с удовольствием! Я был уверен, что ты так скажешь. Готов идти практически когда угодно.

– А точнее? Когда? – спросил Тополь, нетерпеливо потирая руки.

– Да вот сейчас позавтракаем – и пойдем. Если ты не против.

– Что ж... – причмокнул Тополь, как бы пробуя мое предложение на вкус. – Как говорили древние римляне, кто дает скоро, тот дает вдвойне! Но только подожди... – вдруг опомнился он. – Ты говоришь, это возле Янтарного. Значит, нам еще дня два туда топать. И дня три потом выходить. А это в свою очередь означает, что еды нам надо много...

– Не переживай, провианта я нагреб с запасом. – Взглядом я указал на свой необъятный рюкзак. – В основном концентраты, конечно... Но есть и неплохое вяленое мясо! Воды нафильтруем – и будем живы.

– То-то я думаю, чего ты вчера волочился, как беременная самка бегемота? А оно вон что... Вяленое мясо мешало!

Я ухмыльнулся. Не впервой мне было страдать за свое комфорталюбие и встречать грудью иронические выпады в адрес своей запасливости.

Пока Тополь заклеивал лейкопластырем стертые до мозолей ноги, я сообразил нам горячий завтрак: две чашки наваристого горохового супа с булочками, гуляш и крепкий черный кофе с лимоном. Все это мы с аппетитом умяли, а кофе выпили.

Мы сидели друг напротив друга возле низенького столика, который был намертво прикручен к полу в центре дома – как видно, Нашатырь тоже был не против поесть культурно.

– А можно вопрос, Костя?

– Ну.

– Что за польза от этой «звезды Польшы»? Ты мне уже сто раз обещал рассказать.

– Стоит дорого. Для начала.

– Что стоит дорого – я знаю. Это и мне тоже нравится. А еще?

– А еще – про нее всякое говорят. Как-то она там изменяет физические свойства пространства-времени... Что-то с метрикой там...

– С метрикой? Ты ничего не путаешь?

– Ну да. То есть нет, не путаю. Еще легенды ходят, что «звезда» как-то с воронками связана.

– Ну, эти легенды я тоже слышал.

– Вот и все. Да разве тебе мало, что это один из самых редких артефактов Зоны? – Костины глаза блестели полоумным блеском.

– Почему мало? Мне – достаточно. Главное, чтобы тебе мало не было!

Затем мы долго и нудно перепакывали вещи (я достал еще один рюкзак, взятый специально для Тополя, и переложил в него часть поклажи).

Через полчаса мы, сбросив вниз веревочную лестницу, спустились из тайного убежища. Отовсюду капало, грабы зловеще постанывали, стылые травы распространяли тревогу и неуют.

Тополь, наш дождефоб, зябко поежился.

Я сориентировался. Бросил на Тополя ободряющий взгляд, и, взяв курс на юго-восточную опушку Рыжего Леса, мы пошли.

Глава 12. Рыжий Лес

*Johnny was a weirdo
So what did you expect?
I ain't no fucking hero
I'm just trying to survive myself.*
«No Hero», Offspring

Как сталкеры относятся к Рыжему Лесу?

Правильно. Они его ненавидят.

За что сталкеры ненавидят Рыжий Лес?

За его непредсказуемость.

Людям, оказавшимся в Рыжем Лесу впервые (а уж я таких знаю, я туристов в Зону сотни три завел!), кажется, что он создан высшими силами исключительно для того, чтобы изумлять своей своеобразной мрачноватой красотой.

И что ничего особо страшного в этом самом Рыжем Лесу произойти не может.

То ли дело Свалка с ее ржавыми остовами и громоздящимися до неба кучами. Или какой-нибудь Агропром... Один беглый взгляд на разрушенные здания со зловеще играющими всеми оттенками тьмы оконными проемами без стекол – и у чувствительных туристочек уже бежит по ногам газировка, а у туристиков седеют волосы на висках. Потому что ясно: тут живет Заяц Пц.

А вот в Рыжем Лесу все время кажется, что ты внутри передачи «Мир кинопутешествий». И находишься в экзотическом, но абсолютно безопасном месте. Что из-за кустов вот-вот выйдет на тропу как следует обросший к зиме шерстью красавец-вепрь. Он посмотрит на тебя своим равнодушным ореховым глазом, хрюкнет, взроет копытом землю и понесется к своим деткам и женушке, которые как раз дружно лопают желуди под ближайшим дубом...

Все это было бы именно так, если бы Рыжий Лес находился за пределами Зоны.

А он – внутри.

Зона же портит не только людей, но и флору с фауной.

Из-за ржаво-коричневого дуба на тебя выйдет свирепый припятский кабан разновидности «вульгарис», облысевший, с выцветшими глазами. С его желтых клыков будет капать чья-то свежая кровь. Завидев тебя, дитя природы разбежится как следует и попытует сбить тебя с ног, чтобы потом, когда ты распластаться на земле, распороть твой живот и попировать твоими бурыми кишочками. И хорошо, если в твоих руках будет снятый с предохранителя «калашников» или хотя бы граната...

По части аномалий в Рыжем Лесу тоже все в порядке. В смысле, некий злой гений насовал их туда щедрою рукой в числе немереном.

Что ни шаг – жарка. Что ни овражек – карусель. Что ни поваленное дерево – трамплин...

В общем, срань, а не уровень. Адреналин один.

Неудивительно, что Рыжий Лес я лично всегда обминаю десятой дорогой. Но в тот раз у нас с Тополем альтернатив Рыжему Лесу не было – не через Радар же идти. А попытка обойти Радар с юга стоила бы нам лишних суток.

В общем, мы решили, пусть будет Рыжий Лес.

Не успели мы как следует углубиться в Рыжий Лес, как на тропу перед нами выступили два сталкера из группировки «Свобода», звезданутые анархисты, много возомнившие о себе и Зоне.

Первого звали Баранов – косая сажень в плечах, короткая шея, дегенеративный узкий лоб с длинным шрамом, выраженные надбровные дуги и свернутый набок нос. Красавчик!

У второго была кличка Молоток. К слову, что за молоток имелся в виду, было неясно – не то синоним к слову «молодец», не то хозяйственный инструмент.

Молоток был отмороженным сукиным сыном. А еще – дальним родственником предателя Михая – не то двоюродным братом, не то сводным. Многие Молотка презирали и не думали скрывать свое презрение.

Что, впрочем, не мешало торговцам брать у Молотка хабар за нормальную цену, а хабара он таскал много. А что еще надо сталкеру? Да больше ничего. Зона – то еще место для выковыивания нравственной оси индивида.

Баранов был не лучше. Его лоб, как уже говорилось, рассекал шрам.

Поговаривали, что шрамы эти нанесли Баранову его же коллеги «свободовцы» на так называемой «правилке», где мерзавца воспитывали коллективно.

Воспитывали за воровство – сталкеры жаловались, что во время совместных ночевки Баранов таскает у них из контейнеров артефакты.

Еще говорили, что на самом деле фамилия Баранова по паспорту Берзоев и что он находится в розыске Республики Чечня. Уголовник, в общем. Ну, так или нет, я не знаю.

Вот таких граждан встретили мы с Тополем на тропе, ведущей к заброшенной овощебазе.

Сворачивать было поздно. Да и некуда. Датчик аномалий показывал: справа изрядная мясорубка, слева жарка. Лучше не рисковать.

Мы с Тополем переглянулись. Без слов было ясно, что общение с Молотком и Барановым надо свести к минимуму. Если, конечно, получится. Я взглядом показал Тополю, что переговоры беру на себя – как более языкатый и менее вспыльчивый.

– Здорово, мужики! – сказал я миролюбиво. – Как дела?

– Еще не родила, – с презрительной миной сказал Молоток, пристально оглядывая с ног до головы сначала меня, а затем и Тополя. Рука его, и это я заметил сразу, лежала на кобуре.

– Далеко намылились?

– Да в Мертвый город, – сказал я, не видя смысла врать. – А вы-то сами куда?

– На Кудыкину гору, воровать помидоры, – скривился Молоток.

– Ну, не хочешь говорить, не говори. Это же такое дело. – Я улыбнулся. – Добровольное!

– Побазарить бы надо, – сказал Молоток.

– О чем это еще? – как можно спокойнее поинтересовался я.

– Мне тут братва написала, – с этими словами Молоток постучал ногтем заскорузлого указательного пальца по своему наручному ПДА, – что ты, дескать, с фраерком одним знаешься. Из очень плохой организации!

– Что еще за фраер? – о Рыбине я в тот момент не думал ни секунды. Поэтому мое удивление получилось весьма натуральным. Думаю, Баранов, который внимательно следил за моими реакциями, это оценил.

– Да Рыбин его фамилия. Сука порядочная! Четверых наших положил! – сказал Молоток.

– Ну так положите вы его – и вся недолга! – предложил я. К слову, я очень старался, чтобы в моих словах не звенел ледяной сарказм.

– Ты не понимаеш-ш-шь... – змеей прошипел Молоток и его глаза злобно сузились. – Ты не понимаешь, какие силы стоят за этой сукой!

– Я действительно не понимаю, тут ты прав, брат. Я вообще лицо частное. И интересы у меня сам знаешь какие – бабос, бухло и художественная гребля.

Молоток и Баранов ослабились, обнажая желтые кариесные зубы, – очевидно, им понравилось про «художественную греблю».

– Да мы знаем, что ты по этому делу спец, – с улыбкой детдомовского старосты сказал Молоток. – Попа-рот, все дела...

– Так что я этих ваших терок не понимаю – долг, свобода, честь... А Тополь вон, – я указал на своего друга, который тем временем закурил, имитируя непринужденность, – вообще четыре класса только окончил. Читает и то с трудом! У него вообще никаких идеалов нет. Мы на вас, на пацанов из «Свободы», смотрим как на небожителей. Потому что сами-то

мы не выше скотины. А у вас цели есть в жизни, идеалы... Короче, респекты, уважуха и удачи всяческой!

– Что-то уж больно складно заливаешь, – с недоверием процедил Молоток, критически глядя на Тополя.

– Зуб даю! – Я сделал характерный прикусывающий жест.

«Тот, кто не боится показаться дураком, одурачит кого угодно», – помнил я наставления одного из моих учителей, великого, и тут без всяких преувеличений, сталкера по кличке Дед Иван, с которым познакомил меня мой наставник Дайвер, ныне, увы, покойный.

Вдруг ветер в голове у Молотка резко переменился. И он, забыв о благодушном презрении, с которым смотрел на меня секунду назад, вновь начал наезжать.

– Хорош трындеть, Комбат. Говори, что у тебя с этим чуваком? Вас в «Лейке» видели. И зафотали.

– Да чего-чего... – задумчиво пробормотал я. – Хабара ему, как обычно, надо. И не простого, а золотого! «Чипсов» просил, да таких особых, кварцитовых, если знаешь. – Я посмотрел на Молотка взглядом рассеянного полудурка.

– Слышал, не пальцем деланный. Еще что?

– «Свинцовый иней» ему нужен. Причем в количествах немереных. Такое ощущение, что он его планирует автогенном растапливать и в бензобак заливать..

– Но это все дешевка. А на самом деле что ему нужно? – проявил проницательность Баранов.

– А на самом деле ему нужна «звезда Полынь»! – выпалил Тополь, будто бы «взятый на понт».

– Ч-чего? – спросил Баранов, тараща глаза.

– П-полынь? – Брови Молотка взлетели на лоб.

– Да. «Полынь». Нужна этому козлу. Как его фамилия...

– Типа я помню! – Я скроил презрительную гримасу.

– Рыбин, – напомнил Молоток.

– Да. Рыбину!

– И вы за ней идете? За «звездой»?

– Ну вроде. Если получится.

– Ладно. До «звезды» вашей мне дела нет. Добывайте, если знаете где. – Молоток издал гнусный смешок. – Но вы оба запомните хорошенько. Если отдадите «звезду» этому Рыбину, мало вам не покажется. Найду и на вот это дерево ваши кишки намотаю. Сначала твои, Комбат... А потом и твои, Тополь... Хорошо слышали, мясо радиоактивное?

– И вообще вашему клану трындец придет. Быстрый и мокрый, – пообещал Баранов, и его восточные глаза устрашающе сузились. – Это понятно?

Мы с Тополем для приличия помолчали. Посопели в тряпочку. Не борзели. Изображали крайний испуг.

Потом я проблеял:

– Да чего уж тут непонятного? Если этот тип... как его?

– Рыбин, – подсказал Баранов.

– Да... Рыбин... Если он сунется, сказать, чтобы шел к монахам. И «звезду» ему не отдавать.

– Так мы и не отдадим! – поддержал меня Тополь. – Мало, что ли, покупателей на местности?

– И вообще. Держитесь от этой ихней Организации подальше. А то разведут вам педали – не мы, так кто-нибудь еще.

– Не вопрос, пацаны! Нет так нет! Но вы хоть скажите, откуда он, этот ваш... Раков. Из какой организации?

– Рыбин, – поправил Баранов.

– А этого тебе, Комбат, знать не положено. Не тот у тебя, братан, уровень, – развел руками Молоток.

«У тебя только, мля, настоящий уровень. До первой жарки», – подумал я, но, конечно, сдержался. Я это умею, когда надо.

– Мы поняли, братва, – заверил их Тополь. – Можно мы пойдем? А то спешим сильно...

– Свободны.

И мы с Тополем, втянув головы в плечи, пошли своей дорогой, шурша ржавой листвой Рыжего Леса.

– Что-то вы больно сговорчивые сегодня, – бросил нам в спину Молоток, обернувшись через плечо.

Мы с Тополем не ответили. Согласно сценарию, мы были ужас как напуганы! Напуганы до чертиков! Встретили таких олдových старшаков – самого Молотка и самого Баранова!

На самом деле крутизна Молотка и Баранова существовала в основном у них в головах (и некролог на Баранова, свалившийся нам с Тополем на ПДА спустя три дня, был тому лучшим подтверждением; впрочем, я сейчас явно забегаю вперед).

Тогда, если Молотков и Баранов не столь уж круты, какого же черта сталкеры Тополь и Комбат, которые топчут Зону не один год, которые видели все возможные виды аномалий, которые добывали почти все известные науке артефакты, а также несколько науке совсем не известных, отчего же они, эти Тополь с Комбатом, уступили первым встречным понтырщикам?

А потому что понтырщики эти принадлежали к группировке «Свобода». То есть были анархистами. Идейными. Воинственными и лихими сорвиголовами. Иначе говоря, пацанами с наглухо сорванными башнями. И ладно бы они сами – весь клан у них был безбашенный. Мстительный, злобный, никогда не думающий о завтрашнем дне, о безопасности своих членов. Иногда казалось, они вообще ни о чем не думали! Поэтому-то и вели бесконечную войну против всех. Они чехлились и с военными, и со штатскими, и с другими кланами, и между собой...

Жизнь у среднего «свободовца» была куда насыщеннее, чем жизнь, к примеру, среднего сталкера из клана «Чистое небо». Но в то же время она была значительно короче.

В общем, если кто не понял, мы не стали ссориться с Молотком и Барановым – хотя могли бы, очень даже могли зарезать их, как двух свиней, – лишь потому, что не захотели связываться с их шибанутым в голову кланом. И не хотели, чтобы наш клан сталкивался лбами с их кланом. Мы не хотели вообще ничего, что связывало бы нас или наших с неуправляемыми детьми «Свободы». Вот поэтому-то нам и пришлось вести себя как двум обоссанным енотам.

В то же время я знал, я был совершенно уверен – Зона не любит таких, как Молоток и Баранов.

Она не любит трусов, потому что трусы ей отвратительны.

Но и крутых, уже оставивших страх позади, обретших некую ясность и этой ясностью полностью ослепленных, она не любит тоже.

Эту ясность тоже надо забыть, как и страх. Ни в чем нельзя быть уверенным на сто процентов. Всему надо удивляться. И оказывать респекты, хотя бы внутренне.

Вот правильное поведение в Зоне. Этому учил меня мой наставник. И если у меня когда-либо будут ученики, я тоже научу их тому, что страх – первый враг сталкера, а ясность и крутизна, которая в этой ясности коренится, – второй.

Как-то так, да.

До западной опушки Рыжего Леса оставался какой-то разнесчастный километр. Мы с Тополем повеселели, ослабили бдительность и даже начали вести ни к чему не обязывающие разговоры.

– А кто такой этот Рыбин? – спросил меня Тополь.

– Так это же мужик, который хотел у нас «звезду» купить! – сказал я, намекая на то, как он ловко подыграл мне при Молотке и Баранове.

– Нет, ну а если серьезно?

– А если серьезно, это тип один, который просил, если я в Зоне одну штуку увижу, эту штуку ему принести. Мол, ехали цыгане, кошку потеряли, кошка сдохла, хвост облез, кто найдет ее тушку, тот получит лавэ.

– А что за кошка? Ну или... что за тушка?

– Да чемодан один... Бронированный. Аквамаринового цвета.

– А что внутри?

– Да кто же мне скажет... – пожал плечами я.

– С пониманием относимся, – кивнул Тополь. Что за сволочь средний клиент с его подозрительностью, враньем и в лучшем случае недоговорками, он сам знал не понаслышке. – А где ты планируешь этот чемодан искать?

– Да где-где... Если сам найдется по дороге – хорошо. А не найдется, так и хрен с ним...

– А что ты думаешь, этот твой Рыбин – он еще кого-нибудь за чемоданом посылал?

Вопрос Тополя был не праздным. Потому что так обычно и поступали клиенты из различных «организаций», подобных рыбинской – делали заказ сразу нескольким сталкерам. Так сказать, бросали сочный кусок на собачью драку. Кто первый нашел (вариант: отобрал у других) – тому и приз. В общем, вовлечение в дело других сталкеров, особенно же сталкеров из конкурирующих кланов, означало резкое усиление геморройности данного дела.

– Думаю, да.

– И что тогда?

– Да что... Как всегда. По принципу «мы делили апельсин, много наших полегло»...

Развить свой прогноз я не успел. Потому что кусты впереди зашевелились, и на тропинку выскочил... бюрер.

Точнее, это я чуть позже понял, что бюрер. А в ту секунду я подумал: «Что за мелкая сволочь?» Ну а Тополь, вместо того чтобы думать, вскинул «Грозу» к плечу и, шустро прицелившись, выстрелил одиночным.

И самое удивительное, что ведь попал!

Существо хрипло вскрикнуло и упало.

Затем оно как-то неуклюже извернулось и посмотрело на нас исподлобья.

В следующее мгновение мой автомат (он висел на плече) рванула вниз неодолимая сила. Оружие брякнулось на землю. Та же участь постигла и «Грозу» Тополя.

Телекинез!

Тут-то я и опознал наконец в раненом существе бюрера.

Вот уж кого не ожидал я здесь!..

Бюрер, завсегдатай мрачных подземелий, подвалов, канализационных сетей, был редким гостем в Рыжем Лесу. Я боялся даже строить предположения, какая напасть выгнала скрытного бюрера из его естественных мест обитания в эти звонкие рощи, где...

Но не успел я додумать эту глубокую мысль до конца, как все извилины моего мозга запылали от сильного пси-удара.

Мой язык онемел.

Словно огненным бичом хлестнуло по лобным долям.

Глаза на несколько секунд ослепли...

Слава Богу, я не рухнул наземь, смог удержаться на ногах. Но передо мной все плыло, я находился в состоянии, которое боксеры называют грогги...

Однако пришел я в себя сравнительно быстро. И все это потому, что мой дорогой Тополь выдержал удар куда лучше меня и не терял времени даром.

Поняв, что пистолет или автомат – слишком легкие предметы, которые бюрер, даже раненный, без проблем выбьет у него из рук телекинетическим ударом, – он в несколько прыжков сблизился с мутантом и принялся что было дури молотить его ногами.

Пребывая в прострации, я все же выделил две секунды на то, чтобы насладиться техникой Тополя. Приходилось признать, что мой напарник, в прошлом профессиональный боксер-фристайлер, в прекрасной физической форме! А почему бы и не в прекрасной? Ведь они там, на Речном Кордоне, дрючили тренажеры каждый день, поедали здоровое питание и витамины, а по вечерам играли в шары – французскую игру, полезную для нервной системы...

Бюрер, конечно же, пытался угостить Тополя своим особенно зловредным ударом обеими руками одновременно, но пока что ему это не удавалось – он лишь молотил в воздухе конечностями, издавая маловнятные, хотя и яростные звуки. Точно так же не удавалось ему и сконцентрироваться, чтобы поразить обидчика телекинезом или пси-воздействием.

Я достал свой «хай пауэр» и принялся ловить на мушку голову бюрера.

Какой мерзкий толстяк! Оплывшие черты лица... Гнилые зубы... На теле изношенный комбез... Боже мой, это форма заправщика бензоколонки с потертой, но все же читабельной эмблемой «Лукойл» на груди...

Хм, а ведь бюрер – не зомби. Но, как принято считать, результат военных экспериментов. Как прикажете понимать увиденное? Наш бюрер убил заправщика бензоколонки и снял с него форму? Где, когда?

Увы, нажать на спусковой крючок я не успел.

Телекинетический удар невиданной силы повалил на нас с Тополем молодой дубок, росший в шаге от тропинки, а последовавший за этим пси-удар отзывался жгучей болью в основании черепа.

Я ничего не мог с собой поделать.

Я сел на задницу... и... заплакал!

Сейчас я не могу вспомнить, о чем именно я плакал в ту минуту – о том, что жизнь несправедлива, или об отсутствии мира во всем мире, но слезы по моим щекам катились размером с виноградину, и они были натуральными, эти слезы.

Вот чего я не мог бы сделать, так это выстрелить. Единственное, что мне в тот миг казалось важным, – это моя печаль.

Оказывается, бюреры бывают не только сильными телекинетиками, но и сильными пси-агрессорами! Они способны наводить на сталкерские мозги деконструирующие эти самые мозги эмоции! Ну или это называется не пси-агрес-сор?... В общем, пси-мастером тот бюрер был сильным, да.

Вся надежда была на психически устойчивого Тополя.

Однако... с горем пополам наведя на резкость – смотреть тоже было больно, глаза слезились, – я заметил, что... не может быть... что Тополь лежит на животе и... придавлен к земле этим самым рыжего цвета дубком! Мои надежды на его психическую неуязвимость не оправдались!

– Костя... Костя, твою мать! – позвал я.

Но Костя не шелохнулся. Даже рукой не пошевелил.

Отчего-то я подумал самое страшное: Костя погиб. Вмиг представил себе его похороны – на кладбище возле Хорошево, где у меня, кстати сказать, давно куплен участок на чужую фамилию...

Похороны самого близкого человека в этом мире! Похороны Тополя! С которым мы снова помирились! Ну уж не-е-ет!!!

И такое возмущение вдруг мое сердце сжало, такая ненависть наэлектризовала мои мускулы, что я вскочил, бодрый, словно берсерк, подхватывая с земли свой «хай пауэр», и засадил бюреру между глаз всю обойму. Одну пулю к одной.

И никакая защитная аура бюрерская не подействовала. И никакая адская хитрость ему не помогла.

Потому что в тот миг я его реально ненавидел. И хотел сжить со свету как можно скорее.

Мое намерение было несокрушимым.

Наблюдая агонию жирного монстра, исчадия неприятных подземелий, я думал вот о чем. Если бюреры и впрямь появились на белом свете как результаты генетических экспериментов спецслужб над преступниками, значит, встреченный нами в тот день Баранов, он же Берзоев, он же уголовник в бегах, родился он на двадцать лет раньше, вполне мог бы угодить в лапы к тем самым спецслужбистам и стать... одним из таких вот бюреров! Вот это был бы номер, да.

А когда бюрер издох, я бросился с Константину.

Первым делом стащил с его спины тяжелый ствол.

Потом перевернул друга на спину – лицо его было мертвенно-бледным, губы сухими, бескровными.

– Тополь... Ау! – Я похлопал его по щекам. – В школу пора, Костя!

Реакции – ноль.

Приложил ухо к его груди. Хвала Черному Сталкеру – я услышал хорошо знакомое мне «тук-тук-тук».

Я снова похлопал Костю по щекам. Полил ему на лицо из фляги.

И лишь удостоверившись, что он в глубокой отключке, полез за стимулятором.

Длинная толстая игла прошила одежду Тополя, пронзила кожу, и вот уже кровь разнесла по организму моего товарища вещества, способные поставить на ноги и быка. Спасибо некробиотику Трофиму – снабжает меня новейшими лекарствами. Бесплатно, конечно.

– Что здесь происходит, нах? – спросил Тополь.

– Широко простирает химия руки свои в дела человеческие, – ответил я, облегченно откидываясь назад.

– Что ты сказал?

– Это не я сказал. Это химик Менделеев.

К Мертвому городу мы подошли уже в сумерках, усталые, голодные и злые.

Тополь прихрамывал – от усталости это с ним бывало.

Я думал над тем, что с бюрером-то, в сущности, нехорошо получилось. Шел себе бюрер по своим делам... Может, его Хозяева Зоны куда-то послали... Или темные сталкеры...

Шел он, значит. А Тополь в него зачем-то выстрелил.

В такой юридической оптике все дальнейшие действия мутанта представляются самообороной. А все наши действия... хм... с формулировками я затруднялся, но на душе было как-то нехорошо.

Еще у меня голова болела. Так, что туши свет. Боль пульсировала в голове, мигала, как праздничная гирлянда. Глазам было больно глядеть. Во рту стояла такая сухость, словно я дня три не брал в рот ни капли воды. В общем, типичная радость под названием «остаточная акклиматизация».

– Где ночевать будем? – спросил Тополь, не отрывая взгляда со своего датчика аномалий.

– А что, варианты есть? – удивился я.

– Есть. Мне тут наследство привалило.

– Что еще за наследство?

– Помнишь Нелиня?

– Какого Нелиня?.. А, друга этого ловчили Шустрого из «Чистого неба»?

– Ну да, его. Он еще в Анапу к дяде уехать собирался. И денег у меня занимал.

– А что с ним?

– Представь себе, ничего. Сказал, что со сталкерством завязывает. Все продал. А что не смог продать, раздарил. Короче, уехал в свою Анапу две недели назад...

– Можно уже делать ставки, когда назад вернется – через месяц или к Новому году?
– Экий ты пессимист...
– Пессимист – это хорошо информированный оптимист, – отшутился я. – Так что Нелинь?

– Свой схрон мне в Мертвом городе завещал. Он его в детской библиотеке устроил. Говорил, камер слежения везде навешал. Подходы заминировал. Там аптечки у него. И боеприпасы... И кровать устроена... Короче, все, что надо сталкеру с дороги!

– Неплохо! Тебя послушать, так не хуже моего в Ёлкином Лесу. Но только...

– Что только?

– Не верю я в Нелиня твоего. Он всегда производил на меня впечатление маменькиного сынка, которому только из-за его везения все еще не оторвало голову. А на самом деле он – отмычка-переросток. Если смотреть объективно, по его умениям – место ему под шконкой. А вот гляди ж ты – с нами, со сталкерами, на равных вроде бы, ко всем на «ты»...

– Вообще-то я с тобой согласен. В оценке Нелиня. Но только какое это имеет отношение к его схрону в библиотеке? На халяву ведь и уксус сладкий, так?

– Нет, не так. Уксус сладкий на халяву, только если он уксус. А если он яд – тут уже совсем другая поговорка к месту.

– Ты хочешь сказать, что у ненадежного маменькиного сынка Нелиня и места ночевки такие – ненадежные?

– Примерно.

– Ну а ты что предлагаешь?

– Действовать по обычной схеме. Найти жилой дом, какой понравится. Желательно в большом жилмассиве. И там на первом этаже окопаться.

Тополь громко вздохнул. Как видно, ему не нравилась эта идея – окапываться, организовывать оборону, когда можно прийти на все готовое и просто лечь спать.

Однако у меня была моя хваленая интуиция. Я не сдавался.

– Ну ты хоть понимаешь, что бесплатный сыр только в мышеловке?

– А ты хоть понимаешь, что Зона – одна большая мышеловка с бесплатным сыром? Боишься мышеловок, не ходи в Зону! – окрысился Тополь.

Еще пять минут мы шли по дороге со взгорбленным асфальтом в напряженном молчании. Я размышлял, не слишком ли глупо с нашей стороны достать и включить фонарики. А Тополь, подозреваю, ни о чем таком не размышлял.

Я решил, что поссориться с Тополем еще раз, на сей раз из-за места для ночевки, будет уже перебором. И елеинным тоном спросил:

– А знаешь, как у пиндосов, Костя? Мне Буржуй недавно рассказывал, мы еще его призовой картины пили... Там у них в Штатах мужик когда с бабой стакнулись, чтобы, значит, это самое, они всегда выясняют такой вопрос – «твое место» или «мое место»? В смысле у мужика будут любиться или у бабы?

– Ну и?

– Вот мы этих самых пиндосов мне напоминаем. Полчаса о ерунде препираемся... В общем, я сдаюсь. Пошли уже в твою библиотеку.

Большое, крупной лепки лицо Тополя озарилось улыбкой торжества.

Мы вышли из леса и сразу же оказались на проспекте Вернадского, центральной улице Мертвого города.

Это выглядело дико. Из леса – и сразу на центральную улицу.

Но мы-то с Тополем понимали, что советские архитекторы планировали широкий проспект не просто так, не для того, чтобы по нему ходили в лес за подснежниками. Но с расчетом на то, что город вот-вот объявят «комсомольской стройкой» и в него съедется молодежь со всего Союза. Тогда город разрастется, станет вдвое больше, затем втрое, и начнется в нем полный коммунизм. Мечты-мечты...

В конце улицы показалась стая псевдособак – особей семь-восемь. Стая внимательно следила за нами, желая нам всего наихудшего. Ненавижу этих тварей. А вот Тополь, похоже, им сочувствовал.

– Да ты не напрягайся, Комбат... Это местные... Я с ними успел подружиться... Даже кормил их пару раз...

В первую секунду мне страшно хотелось сказать что-нибудь глубокомысленное по поводу способности людей обманываться, но я все же промолчал. Лимит споров на этот день был явно исчерпан.

Мы шли по гофрированному асфальту в направлении перекрестка с улицей Двадцати шести бакинских комиссаров. Там, в доме номер 26, и располагался схрон горе-стал-кера Нелиня.

«Нехорошо, – подумал я. – Два раза двадцать шесть...»

И тут же одернул себя: «А ну-ка отставить паранойю!»

«Детская библиотека Коминтерновского района» – кое-как прочитывалось на жестяной вывеске, густо заросшей ржавыми волосами.

– Это здесь?

– Это здесь.

Библиотека располагалась в торце обычной «хрущевки», на первом этаже.

Ко входу вело высокое крыльцо с перилами, за которые я бы браться не рекомендовал даже в защитной перчатке.

Тополь шустро отыскал в тайной шхере неподалеку от входа ключ, бодро взбежал по ступенькам и отпер бронированную дверь.

– Добро пожаловать в обитель знаний! – провозгласил он, приветливо осклабившись.

На улице уже стояли густые осенние сумерки, и неудивительно, что помещение показалось кромешно темным. Я по привычке пустил туда луч фонарика, а Тополь сразу же зажег старомодную керосиновую лампу, которую взял с пола справа от входа. Она озарила схрон Нелиня неверным маслянисто-желтым светом.

Библиотека представляла собой обычную трехкомнатную квартиру, переданную жрицам народного просвещения в семидесятых годах прошлого столетия в вечное пользование.

Из двух комнат был сделан читальный зал – стройные ряды парт, покрытых ныне толстым слоем ядовитой пыли, портреты Тургенева и Пушкина на стене.

Третья представляла собой небольшое книгохранилище, по совместительству – библиотечарскую. Именно там Мариванны и Ольгипетровны гоняли чай, обсуждали подруг-разведенку и смотрели на модном «кухонном» телевизоре (с экраном величиною с блюдо) сериал про Глеба Жеглова и Володю Шарапова, сыщиков московского угро...

В библиотечарской было поуютнее, чем в читальном зале. Мы с Тополем решили обосноваться именно там. Уселись на стулья вокруг выдавшего виды стола, достали провиант и принялись ужинать.

– Гляди-ка... Свифт у них тут... – с набитым ртом сказал я, косясь на стеллаж с книгами по левую руку от себя. – «Путешествия Гулливера»... Любимая книга моего детства, между прочим.

– Мне тоже нравилось. Очень меня заводили эти интимные отношения между малышом Гулливером и похотливыми великаншами...

– А что, были и интимные? Что-то я не припомню... – произнес я скептически.

– Были! Как не быть! Ты просто детское издание читал. А я – издание для взрослых, с комментариями всякими...

– Вундеркинд нашелся! – хохотнул я.

– Там, во взрослом издании, было еще про академиков острова Лапута смешное. Эти академики, прикинь, изобрели способ превращать какашки в еду!

– По-моему, этот способ известен пищепрому с первого дня его существования, – проворчал я, косясь на только что открытую баночку с йогуртом, который оказался

плесневелым – а ведь, между прочим, он вовсе не был просроченным!

– А эт-то что?! – вдруг взвыл от восторга Тополь, метнувшись в дальний угол.

– Что там?

– Нунчаки! Оцени! Реально нунчаки!

Тополь потряс передо мной парой граненых эбонитовых дубинок длиной в локоть, скрепленных качественной стальной цепочкой, – он снял их с гвоздя на стене. На цепочке не было и следа ржавых волос – похоже, нунчаки совсем недавно принес сюда кто-то из друзей Нелиня.

Перед моим мысленным взором встали фильмы полувековой давности. В этих добрых наивных фильмах всякие шустрые китайцы совершали при помощи таких точно нунчак эпические подвиги. Помню, Брюс Ли или кто-то из его многочисленных клонов зажигательно вынес огромную банду мерзавцев, а потом еще и полицейский участок (стражи порядка тоже оказались мерзавцами, а как же). И все это одними нунчаками!

Судя по идиотской улыбке Тополя, он тоже что-то такое вспомнил.

Ловко перебросив нунчаки из левой руки в правую, Костя энергично прокрутил несколько базовых фигур. Было видно, что когда-то он учился этим премудростям специально.

– Круто, да? – спросил он, настойчиво ища моего одобрения.

– Ну... – замялся я. – Как по мне, «стечкин» несколько круче...

– Зануда! Умеючи нунчаками можно даже спецназ валить! Не говоря уже об обычных лохах...

– Это в фильме, Костя. А в жизни...

– Приземленный ты чувак, Комбат, – перебил Тополь обиженно, как будто я в душу ему плюнул.

Чай мы пили в гробовом молчании. Тополь, кажется, дулся на меня. А я просто чувствовал себя смертельно усталым и не мог пошевелить языком.

Время от времени до нас с Тополем долетали какие-то невнятные звуки из подполья. Я не стал акцентировать на них внимание. Думал, крысы.

– Ну а спать-то мы здесь будем или в читальном зале? – спросил наконец я.

– Я – тут. А ты – где хочешь! – сказал Тополь холодно.

– А на чем мы будем спать?

– Да вот на этих матрасах... – Тополь взгромоздился на стул, потянулся к одной из верхних полок книжного стеллажа и наконец сбросил на пол плотный рулон из нескольких полосатых матрасов самого сиротского, «плацкартного» вида, скрученных капроновыми веревками.

Я зажмурился и зажал нос, предвидя явление клубов ядовитой пыли, которые спустя секунду заволокут всю комнату.

Но в тот же миг мне стало не до пыли. Потому что пол вдруг убежал из-под подошв моих ботинок, а также и из-под ножек стула, на котором я сидел, и понесся вниз с ускорением ровно g.

Вслед за ним понеслись мы с Тополем, стеллажи с книгами, керосинка и матрасы...

К счастью, летели мы совсем недолго. И ударились несильно.

Со звоном разлетелась керосинка, и жидкое пламя расплескалось по грудам обрушившихся вместе с полками книг.

Вот вспыхнула одна куча. Занялась другая, третья...

– Костя, ты как? – спросил я.

– Вроде жив... Надо бы выбраться отсюда наверх!

Я обернулся, ища глазами лестницу или что-то вроде. И сразу же понял, что есть темы и поактуальней.

По черному подвальному коридору, уводящему неведь куда, на нас двигались четыре фигуры, хорошо различимые в свете занимающегося пожара.

Зомби!

Двое были как бы «свеженькими», на них хорошо различалась оранжевая униформа с надписью «Nautilus». Один «оранжевый» был вооружен куском арматуры, его товарищ – обрезком трубы.

Двое других, напротив, выглядели матерыми ветеранами некротического фронта. Одежда на них истлела и распалась на отдельные ленты, а плоть полностью мумифицировалась. Первый «старичок» был вооружен багром – и где только они нашли не разграбленный доселе пожарный стенд? Второй размахивал пожарным же топором.

Зомби распределили цели следующим образом. Двое «свеженьких» бросились на Костю, который – позер неисправимый! – немедленно встал в вычурную боевую стойку с нунчаками. Двое «старичков» – те предпочли меня.

Тут надо понимать, что оба наших автомата были погребены под завалами книг, обломков и мусора. Найти их быстро не представлялось возможным.

К счастью, я никогда не расстаюсь со «стечкиным». Он пришел мне на помощь и в этот раз.

Я бегло выпустил пять патронов в ближайшего зомби с топором. Тот завалился на спину, комично дергая конечностями. Я вновь нажал на спусковой крючок, но вместо ожидаемого шестого выстрела раздался лишь сухой щелчок.

Мать моя женщина! Патроны йок!

Воспользовавшись моим замешательством, второй зомби нанес мне сильнейший колющий удар пожарным багром. Прийдись он между пластинами бронежилета, моей печени можно было бы сказать «ауфвидерзеен». А так я просто отлетел назад, больно ударившись затылком об угол стола. Из глаз моих полетели искры.

Краем глаза я видел, как Тополь ловко парировал нунчаками не очень уверенные удары «оранжевых». Ну чисто Брюс Ли напололам с Джеки Чаном!

Пока я извлекал из разгрузки запасной магазин к «стечкину», зомби с багром предпринял еще одну попытку прикончить меня. И прикончил бы, если б раньше не споткнулся о мой рюкзак и не упал прямо в пылающие подшивки журналов «Техника – молодежи» за 1980–1985 годы.

У самых носков своих ботинок я увидел его голову, поросшую омерзительным серым пушком и покрытую буро-зелеными пятнами. Туда-то, в самую макушку, я и выпустил пол-обоймы из «стечкина». А затем, наступив на шею зомби, сломал ее. Для профилактики.

Надо сказать, что его собрата с топором ни скорбная участь его товарища, ни пять полученных пуль нисколько не смутили.

Поднявшись на ноги и подобрав свое оружие, зомби двинулся на меня, предусмотрительно прикрыв голову от пуль лезвием топора.

– Ишь ты какой! – разозлился я. – А некробиотики еще спорят, есть ли у зомби интеллект!

Пришлось и мне переменить тактику.

Я подобрал с пола пожарный багор, которым прежде орудовал его дважды покойный коллега в оранжевой куртке. И сильным ударом подсек зомби ноги.

Удача! Враг потерял равновесие и рухнул, широко раскинув свои сухонькие руки.

Голова зомби открылась, и я тут же расстрелял его четырьмя пулями почти в упор.

Неужели финита ля комедия?

Моя часть подвала была свободна от зомби.

А вот Костина...

В сущности, я застал своего друга в том же положении, в котором и оставил его.

Тот по-прежнему скакал между разорванной трубой и скрученной в бараний рог арматуриной, время от времени нанося по зомбакам удары эбонитовыми дубинками. Эти удары действительно держали тварей на расстоянии. Но покалечить их были не в силах.

«Пора кончать этот цирк», – подумал я устало. И тут же выпустил в ближайшего зомби с арматурой скупую очередь.

Зомби замер, упал на колени, а я, не тратя времени даром, расколол ему голову

трофейным топором.

Что ж... Остался один.

У меня мелькнула шальная мысль оставить его Косте. Пусть уже уконтрапупит его своими любимыми нунчаками и тем спасет свою репутацию мастера рукопашного боя!

Но потом взгляд мой упал на черный зев коридора, откуда в любую секунду вполне могла появиться еще какая-нибудь веселая компания полуистлевших людишек, и я понял, что Костя просто обречен на разочарование в нунчаках...

Я тщательно прицелился зомби в висок. И, кучно уложив три пули, снес супостату башку.

По кирпичной стене подвала поползла зеленоватая жижа, которая заменяла мутанту мозг.

– Ну что ты наделал! – досадливо воскликнул Костя, воздевая руки к небесам. – Я только во вкус вошел! Еще минута – и я бы его сам!

– Прости, родной, – сухо сказал я и принялся откапывать свой автомат.

Мы переночевали в читальном зале, наглухо забаррикадировав вход в библиотекарскую партами и книжными этажерками.

После пережитого мы оба долго не могли заснуть.

«А зомби в Зоне ждет рассвета... А рассвета-то и нету...» – крутилась в моей голове старая песенка, хит времен расцвета бара «Шти».

Но и разговаривать не было сил. Лишь под утро мою дрему разорвали Костины слова:

– Слышь, Комбат... А ведь прав ты был насчет Нелиня... Сам он – труха. И схрон у него трухлявый...

– Нашел время и место... – проворчал я, переворачиваясь на другой бок.

Глава 13. Рубиновый Вторник

*There's no time to lose, I heard her say
Catch your dreams before they slip away
Dying all the time
Lose your dreams
And you will lose your mind.
Ain't life unkind?*

«Ruby Tuesday», Rolling Stones

К Янтарному озеру – его восточному берегу, разумеется, – мы вышли чисто. Это значит: никаких серьезных проблем с аномалиями, никаких стремных встреч с коллегами, никакой возни с оголодавшими мутантами.

Один только раз мы с Тополем прокатились на гравитационном лифте, но и то – не по недосмотру, а по собственной инициативе. Может честный сталкер на гравитационном лифте прокатиться? По-моему – да.

Изумительной и мрачной красоты кроваво-рубиновый свет проливался на воды Янтарного озера из плотных облаков, имевших совершенно не облачную фактуру. Были те облака как куски необработанного гранита: темно-серые, шершавые и на вид совершенно твердые.

Этот эффект был мне известен – но лишь по рассказам. Назывался он, несложно догадаться, Каменное Небо. Либо – реже – по типу светового излучения: Рубиновый Вторник. (Почему вторник? Не знаю... Говорят, первый раз этот эффект во вторник наблюдался.)

А вот Тополь, кстати, сталкивался с феноменом Каменного Неба дважды. И мог считаться в отличие от меня настоящим экспертом.

Редкий феномен, очень редкий. Благодатный на экзотические артефакты, но, конечно, и на пакостные аномалии тоже.

Каменное Небо в общем-то объясняло и падение вертолета с искомым контейнером Рыбина, и появление «звезды Полыни»... Ну или если не объясняло, то по крайней мере давало рабочие гипотезы, как выражается высокоученый сталкер Паганель.

– Так где, ты говоришь, «звезда Полынь»? – спросил Тополь, когда мы присели, чтобы устроить военный совет.

– По моим данным – рядом со скважиной номер девять.

– Это за озером?

– Да, – подтвердил я.

В ответ Тополь многозначительно промолчал.

Да, брат, за Янтарным озером. Я знаю. Туда, на западный берег, тебе очень не хочется. И мне тоже.

Места, которые хорошо если неделю в году просматриваются со спутников. Да что там со спутников! Они и с вертолетов-то толком не просматриваются... Ну а сейчас, с этим Каменным Небом, лезть туда... эх, страшно!

Даже аларм-маячок, который наверняка есть у Тополя, не поможет. Никто не прилетит на сигнал, никто не придет.

– А что там с этими скважинами, напомним?

– Как же! Любимая история Паганеля! Только погоди, надо связаться с товарищем Трофимом. Без него мы никуда не двинемся.

Я отправил Трофиму сообщение через ПДА и принялся рассказывать.

Когда-то западный берег озера был не просто страшным местом, а очень-очень страшным местом. Неведомая аномалия поджаривала мозги всем, кто пытался туда добраться, мощнейшим пси-излучением. Рискнувшие бросить вызов этой аномалии отважные сталкеры и самоотверженные ученые превращались в зомби, пополняя списки жертв Зоны.

Впрочем, попадались и счастливчики – те, кому удалось побывать на том берегу Янтарного и вернуться с хабаром.

И что то был за хабар!

В том хабаре «колокол» не считался чем-то из ряда вон выходящим! На том берегу «волчьи слезы» можно нагребать ведрами – так рассказывали любимцы Хозяев Зоны, – а «ведьмину косу» не отыщет только слепой!

Так что желающие ходить на западный берег не выводились.

А уж ученые, стоявшие лагерем на безопасном берегу Янтарного, так и вовсе ежедневно закатывали истерики «хочу-хочу-хочу!», требуя от своих правительств миллионов, миллиардов, гугильонов, пупильонов...

И вот однажды ученые допросились.

Получили средства.

И построили трех роботов.

Фантазия у ученых оказалась весьма ограниченная: роботов назвали Адам, Авель и Ковчег. Адам и Авель были кентаврообразными созданиями размером с быка. Ковчег – вместительной летающей платформой на воздушной подушке, снабженной длинными манипуляторами. Ковчег предназначался как для транспортировки Адама с Авелем, так и для самостоятельной поисковой работы.

Конечно же, все три робота были под завязку напичканы датчиками, сенсорами и прочими дерьмометрами. Им не составляло труда в дождливую ночь обнаружить и обогнуть по безопасному маршруту трамплин или зыбь. Ну или углядеть хабар, какую-нибудь там «пустышку» на дне ямы, заполненной радиоактивной грязью.

Больше всего споров вызвало спецоборудование, то есть – вооружение.

Одни предлагали вооружить Адама и Авеля до зубов: гаусс-винтовки, огнеметы, авиационные пулеметы-гатлинги.

Другие говорили: «Не-не-не, не надо, вы что, научную фантастику в детстве не читали? Бунт машин, восстание роботов, все дела...»

Оппоненты возражали, что то была именно фантастика и притом – совершенно ненаучная. Зато от хорошего гатлинга с огневой производительностью восемь тысяч выстрелов в минуту – чистая радость жизни и никаких побочных эффектов!

Сошлись на компромиссе: возможность использования роботами оружия в проект заложить. Но при этом боевое программное обеспечение на них по умолчанию не ставить и гаусс-винтовки вкупе с гатлингами не вешать.

Что же касается главного – мозгов, – то по их поводу разногласий не возникло. Роботов оснастили архаическими электронными мозгами, а вовсе не новомодной биейронной сеткой. Чтобы на них ни в какой форме не могло воздействовать пси-излучение той самой заозерной выжигающей мозги аномалии. Каковая аномалия, между прочим, получила кодовое наименование Отвертка.

Долго ли, коротко ли, вышли роботы работать.

Адам с Авелем погрузились на Ковчег, отправились на западный берег озера и начали искать Отвертку.

Искали-искали, но с первого раза вроде не нашли. Зато приволокли с собой полтора центнера хабара. Адам, правда, гробанулся, когда полез за «райским яблоком». Ковчег доставил обратно только базовое шасси на четырех ходильных конечностях – ручки Адаму оторвало вместе с головой и торсом.

Но и все-таки: полтора центнера хабара! Жить можно!

«И почему мы раньше так не делали?!» – изумлялись ученые, заваливая свое высокое начальство все новыми тысячестраничными прожеками и сметами.

Тогда у нашего брата вольного сталкера, кстати, локальный финансовый кризис приключился.

Спрос со стороны ученых на артефакты упал в разы.

Перекупщики, военные и спецслужбы оценили изменение конъюнктуры и переписали всю тарифную сетку. Караул!

Помню, Микрозавр – сталкер еще первого призыва, – будучи кристально трезвым, орал в «Штях», что больше не зарабатывает себе даже на нормальное пиво и с такими делами проще вернуться к преподаванию биологии земноводных. Что он, кстати, по слухам, и сделал.

Микрозавру не хватило терпения совсем на чуть.

Только на Янтаре успели получить к Адаму запасной торс, только-только прикрутили его наживо к шасси, как на Дикой Территории взорвался Бак. Лично для меня, Комбата, это событие имело самые приятные последствия: опора ЛЭП прилетела в Ёлкин Лес и положила начало моему ненаглядному схрону.

Но вот для Янтара... После взрыва на Дикой Территории от Лиманска до Агропрома стеной прошли студень-вихри – редкие и убийственно опасные аномалии.

У мутантов сорвало крышу, начался гон, одних крысиных королей на запад пошло за сотню...

Лагерь на озере оказался чуть в стороне от главной оси гона. Это спасло рыцарей науки от быстрой и страшной смерти.

Лагерь хорошо держался. Военные сталкеры организовали оборону. Да и ученые тоже стрелять умеют...

В общем, поначалу они даже от эвакуации отказались... А когда стало ясно, что эвакуация не помешает, было уже поздно.

Псевдоплоти, согласно показаниям сейсмодатчиков, обещали подкопаться под периметр быстрее, чем до лагеря долетят вертолеты.

– А что, разве псевдоплоти умеют подкапываться? – спросил Тополь.

– Те умели, – пожал плечами я.

И вот тогда профессор Ливанов – или кто у них тогда был главным – взломал печати и открыл сейф.

Достал маленький дисочек.

И пока четверо бледных как мел техников трясущимися руками прикручивали к Адаму и Авелю пятиствольные гатлинги, извлеченные из огромных ящиков со скромной маркировкой «Доп. инструменты», Ливанов устанавливал роботам боевое программное обеспечение...

У нас за спиной раздалось деликатное покашливание.

Мы с Тополем вскочили, сбрасывая автоматы с предохранителей.

Дело в том, что даже здесь, недалеко от лагеря ученых – которым, я согласен, свойственна некоторая деликатность, – подобные звуки ожидаешь услышать разве что от псевдоплоти. Которая, как известно каждому, кто регулярно смотрит передачу «В мире аномальных животных», на зависть умело подражает любым звукам, порождаемым человеческой глоткой.

В нескольких шагах от нас с Тополем стоял человек. Одетый как сталкер. Похожий на сталкера.

В общем-то его можно было назвать сталкером. Потому что он, как и мы, ходил по Зоне. Только он никогда не носил с собой оружия, не принадлежал ни к одному из кланов и не интересовался хабаром.

Сложная личность, не правда ли? В Зону ходит, но хабар его не волнует. И встреча с псами тоже не пугает. По крайней мере не пугает настолько, чтобы взять с собой хотя бы двустолку-вертикалку или пистолет.

Вместо двустолки и пистолета он носит с собой большую белую сумку-кофр. Именно белую. И еще ни один сталкер-салага не смог с первого раза верно угадать, что там у него, в белом кофре.

Зовется он Ньютоном. Говорят, это не кличка, а его паспортная фамилия. Что ж, все возможно.

Ньютон – кажется, единственный человек в зона-инду-стрии, который со всеми на «вы». И с ним все тоже на «вы». А как иначе? Поговаривают, он с самими Хозяевами Зоны на короткой ноге и все заветные тайны Зоны ему известны! В последнее я, правда, не слишком верил. До некоторых пор...

– Добрый день, – сказал Ньютон.

– Добрый, – отозвался я.

– Здравствуйте, – сказал Тополь.

– Ничего, если я с вами посижу? – спросил Ньютон.

Я молча кивнул.

– Садитесь, – предложил Тополь.

– Очень история интересная. – Ньютон застенчиво улыбнулся. – Про роботов. Вы уж меня простите, я вообще-то мимо шел, но заслушался.

«Хм... А у него еще и гиперкузия, вдобавок ко всем странностям, – отметил я. – Человек с нормальным слухом с такого расстояния никак не смог бы «заслушаться» моим рассказом. Потому что, когда я говорю вполголоса, получается тише, чем у иных людей – шепотом... Или нет. Зачем так сложно – гиперкузия? Тут, наверное, просто атмосферный звуковод сейчас открылся, такое в Зоне бывает... Когда за километр можно услышать, как сердце у человека стучит».

Ньютон, последовав приглашению Тополя, охотно сел на травку и впери в меня задумчивый взгляд своих голубых глаз.

– Ну давай, – обратился ко мне Тополь, – трави дальше. Что там случилось с роботами после того, как профессор Ливанов поставил им боевое ПО?

– А вот что. Роботы получили со склада свое... э-э... табельное оружие и пошли крошить мутантов. Ковчег был оснащен, в числе прочего оборудования, мощным лазерным буром. А потому с подкопом псевдоплотей разобрались очень просто...

По данным сейсмодатчиков Ковчег при помощи лазерного бура проделывал в земле дыру. Адам несколько раз стрелял в эту дыру из автоматического гранатомета, а Авель – вливал огнеметами горящий напалм.

Когда псевдоплоти закончились, Адам с Авелем сели на Ковчег и облетели лагерь по периметру. И уничтожили все, что имело неосторожность не успеть спрятаться.

Потом они спешили с Ковчега и добили всех, кто спрятаться успел.

Ученые ликовали.

– А потом они ушли, – тихонько сказал Ньютон.

Я наградил его долгим недовольным взглядом. Хотелось ему сказать «Кто рассказывает – я или ты?».

Но я промолчал. Ньютона я, как и все, побаивался, а значит – уважал.

– Да. Потом Адам, Авель и Ковчег ушли, – продолжил я. – А точнее сказать, отправились на западный берег озера. Хотя Ливанов, их царь и бог, после бойни приказал им остановиться и разоружиться. Но они не послушались его. Бунт машин, понял? – Я подмигнул Тополь.

В ответ Тополь, оттопырив нижнюю губу, сделал многозначительно-понимающее лицо.

– Бунт машин, да, – повторил я, смакуя этот идиотский оборот речи. – Они улетели на Ковчеге туда. – Я ткнул пальцем в дымку, которая ширмой закрывала западный берег Янтарного озера. – И там они пришли к Отвертке.

– А ты вроде сказал, что они Отвертку не нашли, – напомнил Тополь.

– Я рассказываю так, как рассказывает эту историю Паганель. Сам понимаешь, это всего лишь легенда, а в легендах всегда полно противоречий.

– Это не легенда, – тихо сказал Ньютон.

Демонстрируя чудеса сдержанности, я повторно ограничился безмолвным выражением недовольства.

– Продолжай, – попросил меня Тополь.

– Они пришли к Отвертке, к этому проклятию Зоны, и изрешетили ее из гатлингов. Принялись жечь ее огнеметами. И расстреливать из гаусс-пушек. Можете себе представить? – словно бы для вящего драматического эффекта я обратился к Ньютону. – Нападение двух железных кентавров и одной летающей калоши на такую аномалию, как Отвертка?

Честно говоря, я Ньютона провоцировал. Если он такой осведомленный – а иначе как понять его многозначительные намеки вроде «это не легенда», – так, может, он сейчас ка-ак расколется, да ка-ак выболтает какую-нибудь ценную информацию?

– Нет. Не могу, – кротко ответил тот. – Сие совершенно непредставимо.

Провокация не удалась. Пришлось просто дорассказать начатое.

– Что там произошло – никто не знает. А если знает, то не говорит. Известен главный результат: аномалия сломалась. Ну или пси-излучение у нее закончилось. Больше она уже никому мозгов не жгла. Однако сломались и роботы. Ну или «сломались» в кавычках. Назад они не вернулись, короче говоря. Остались там, на западном берегу. И принялись бурить скважины. Глубокие скважины. Эти-то скважины и есть по сей день самый неизменный, самый приметный элемент ландшафта на западном берегу Янтарного озера.

Еще я хотел прибавить: «И возле девятой скважины нас ждет не дождется «звезда Полынь». Но, покосившись на Ньютона, промолчал.

– Это не легенда, – вдруг сказал тот, – это умело сфабрикованная полуправда. Оливье из маленьких кусочков правды и большого стакана лжи. Оливье с черным майонезом.

– Вот как? – спросил я у Ньютона.

– Именно так. А теперь позвольте мне откланяться. Я отдыхаю душой в вашем приятном обществе, но не могу себе позволить упустить такой великолепный свет.

С этими словами Ньютон поднялся и уверенными шагами направился к берегу Янтарного озера.

Озеро это, если кто не знает, по сути, та же свалка, только подводная. Здесь пустырь был, на который стогнали зараженную радиацией технику еще после Первой Катастрофы. Сотни автобусов, газиков, бэтээров, бээрдээмок... Попадались и гусеничные тягачи МТ-ЛБ – знаменитые «мотолабы»...

Потом, после Выбросов, земля просела, образовался котлован, который подтопило грунтовыми водами и дождями.

Вода в Янтарном еле-еле покрывает крыши самых высоких автобусов и грузовиков, так что все кладбище техники просматривается в недрах озера, как некий постапокалиптический Китежград.

Учитывая, что в тот день над озером стояло Каменное Небо, рубиновый свет проникал в толщу воды, придавая этому монументу мирской тщеты какие-то и вовсе потусторонние черты.

Красиво? На чей-то вкус это не красиво, а жутко.

Но мне – понравилось. Я лично такого еще не видел.

Вот и Ньютон, похоже, не видел.

На ходу Ньютон раскрыл свой белый кофр, запустил руки в его загадочные недра. И, как раз когда он подошел к воде вплотную, оказалось, что он вооружен профессиональным фотоаппаратом.

Ньютон чуть присел, выцеливая объективом одному ему ведомые ракурсы и вымеряя встроенным фотометром уровни освещенности.

Мы с Тополем переглянулись. И оба не сдержали улыбок.

Пока по Зоне шляется Ньютон со своим ультранавороченным «Ломо-2021», можно быть уверенным: Земля – круглая и вертится.

Глава 14. Доктор Добровольцев и его летающие болты

Oh... I've never felt so strange

But... I'm not going insane.

«Still Life», Iron Maiden

На ПДА упало сообщение от Трофима.

Светило молодой науки некробиотики извинялось и сообщало, что вырваться из лагеря для того, чтобы встретиться со мной, не сможет.

Подходите, дескать, к воротам лагеря, дорогие. «Приносите апельсины – я их выброшу в окно», как поется в детской песенке.

Я не сдержался, крепко выругался.

– Что такое? – спросил Тополь.

– Придется топать в лагерь.

– Ну и потопали, подумашь.

– Теряем время, Костя. Теряем время...

– В Зоне не торопятся, – строго напомнил Тополь.

Что ж, и то верно.

Какое у меня отношение к ученым? В целом хорошее.

Во-первых, народ это все больше культурный, без предупреждения не стреляет, мины-растяжки где попало не ставит.

Во-вторых, преферансисты сильные. Особенно наши, конечно. Европа, Америка – те всё больше по покеру.

В-третьих, бизнес. С учеными можно торговать за деньги, а можно выменивать шило на мыло. Кто не знает, «шило» и «мыло» – это артефакты такие.

В отличие от многих барыг и нечистоплотных сталкеров, ученые ведут дела почти безупречно. Прижимистые – это да. Но зато если уж договорились, то – договорились.

Итак, лагерь. После каждого нехорошего инцидента – об одном я рассказал, это когда ученых вооруженные роботы спасли, – лагерь дополнительно укреплялся. Так он укреплялся, укреплялся, да и превратился в настоящую крепость.

Собственно, тут, в Зоне, то же самое, что со счастливыми семьями, которые, как нас

учит один толстый писатель, счастливы одинаково. Все нормальные укрепленные лагеря человечества внутри Зоны укреплены по одной схеме: спираль Бруно, заборы, мины, проволока под током, вышки с пулеметами, уродливые ДОТы, сложенные из бетонных блоков длиной два метра каждый.

Исключение составляют только опорные пункты сталкерских кланов. Они – все разные. Ну так я же сказал – «нормальные», а какое отношение кланы, всякие там «Свободы» да «Монолиты», имеют к нормальным? Никакого, уж поверьте.

За полсотни метров от КПП лагеря ученых Тополь вдруг резко остановился, присел на корточки и опасно вильнул с тропы вбок.

– Э, брат, ты чего? – встревожился я. Так приличные сталкеры без надобности не делают, значит – есть надобность... А какая может быть внезапная надобность? Уклонение от опасности, я так считаю. Больше у сталкера в Зоне внезапных надобностей и возникать-то не должно!

– Совсем забыл, там же на КПП сейчас звено Пятнистого дежурит, – отозвался Тополь, усаживаясь на бревнышко среди лопухов.

Лопух – он вовсе не лопух, между прочим. Это самое умное и самое позитивное растение Зоны. Где лопух растет – там можно смело садиться. Нет, значит, поблизости опасных аномалий, и студень никогда из-под земли в таком месте не выскочит.

– Тьфу, пропасть! Предупреждать же надо! Кто так делает? Я уже черт знает что подумал! – вспылil я.

– Было бы черт знает что, я бы тебя с тропы толкнул и за автомат схватился.

– Все равно не делай так больше.

– Я смотрю, нервный ты стал, Комбат. Зря в Зону один ходил, нельзя так.

«Учи ученого. Один по Зоне гуляешь – крыша съезжает, факт... А как не один, так трясись за задницу каждого, кого с собой взял. Легко сказать – «отмычки», «салаги»... А каково из-за их дурости грех на душу брать?»

Я покачал головой.

– Это кто из нас еще нервный, Тополь. Ты бы себя со стороны видел! Шуганул с тропы, как тушкан от припять-пса... Короче, я так понял, ты не пойдешь со мной к ученым из-за какого-то Пятнистого на КПП?

– Да я бы с радостью, но прикинь, каково мне будет с военными сталкерами общаться? Если они еще не знают, что Речной Кордон разгромлен, то возникнет вопрос, что я здесь делаю. Если знают – тогда вопрос, почему выжил. И снова же – что здесь делаю?

– Очень тонкая у тебя душевная организация, Тополь... – уныло вздохнул я и пошел в лагерь ученых один.

Возле лагеря тропа была верная, и на отслеживание аномалий много времени тратить не приходилось.

На КПП меня уже ждал некробиотик Трофим. После недолгих препирательств с охраной лагеря – Трофим махал в воздухе своими корочками, говорил грозные слова и вообще вел себя как настоящий друг – меня все-таки пустили на территорию.

Кстати, не заметил я на воротах ни одного военсталкера, встречи с которыми так опасался Тополь.

На вахте стояли вооруженные ученые. Молодые. Я бы сказал – вообще студентики. Но студентов там быть не могло. Выходило, что передо мной – чьи-то аспиранты, хилая, но мозговитая гвардия. А то и вовсе кандидаты наук – ученые, я заметил, могут до самой смерти выглядеть как мальчишки.

«Их путевками в Зону премируют или штрафуют?» – нестати подумалось мне. И еще подумалось: «Эге, а если они на КПП этих сопляков выставили, значит, все приписанные к лагерю военсталкеры где-то на поисковом выходе!»

Трофим внешне был не очень-то похож на записного ученого: коренастый,

бритоголовый, с приплюснутым боксерским носом. Однако стоило ему открыть рот, и всякий понимал, что перед ним личность в высшей степени интеллигентная: говорил Трофим мягким, красивым голосом с плавными интонациями, причем говорил вещи обтекаемые и банально-верные. Матом же Трофим и вовсе не ругался.

– Мне нужно на тот берег, – сказал я Трофиму. – А для этого я хочу попросить у тебя мокроступы. Две пары.

– Это я уже понял. – Он вздохнул. – Ты бы раньше приходил. Этих мокроступов было!

– И куда, интересно, сплыло?

– Вчера, – он понизил голос, – пришли семеро. Все запыхавшиеся, оборванные, ты бы видел. Как после марш-броска. Не знаю, кто это был и с кем из начальства они говорили... Но только выдали им в итоге семь пар мокроступов и массу ценного оборудования.

– Ну хотя бы приблизительно ты понял? Это сталкеры или, может, кто-то издалека?

– Трое были сталкерами, похоже. Но я их не знаю. Остальные... ну, я бы сказал, военные. Широкие такие мужики, стриженные. В Зоне же как – все в камуфляже, все с автоматами...

– Может, бандосы?

– Может, и бандиты. – Трофим надавил на последнее слово, будто бы укоряя меня за столь нелюбимый им жаргонизм.

– Ладно, вернемся к теме. Так мне бы мокроступы, а?

– Ничем не могу помочь, Комбат. На тот берег и так пройти можно. Обычно озеро нормально обходится – и с юга, и с севера.

– Время, Трофим. Спешим мы. Кроме того, ты сам сказал – «обычно». Обычно – это когда нет Каменного Неба, верно? А с ним-то как? Или, скажешь, оно не влияет?

– Влияет, похоже...

«Спросить его про упавший вертолет? Не спрашивать? А что он скажет в самом лучшем случае? «Да, вертолет видел, да, он летел, а потом упал. Больше ничего не знаю...» И все это именно в лучшем случае! А в худшем – только отмахнется. Дескать, первый раз слышу...»

Решил другое спросить.

– Слушай, Трофим, а кто тут у вас сейчас лучший специалист по А-генерации?

– Доктор Менглер. Но он сейчас в Гонолулу, на симпозиуме. А что тебя интересует, может, я знаю?

– Меня интересует, что думает современная наука по поводу генерации артефактов феноменом «вертикальный бич». Какие артефакты генерируются, сколько, в общем – конкретика.

– «Вертикальный бич» редкий феномен... Я сомневаюсь, накоплена ли мировой наукой отвечающая стандартам статистика, – степенно ответил Трофим. Хорошо им, ученым, – говори гладко, слов побольше всяких лепи, а тебе за это денежки каждый месяц заносят. Спецам по Зоне, кстати, – немалые...

– Вот именно поэтому я бы хотел говорить с лучшим специалистом по А-генерации, – сказал я, сделав ударение на «лучшим». – Не в обиду, Трофим.

– А чего мне обижаться? Я некробиотик, занимаюсь местными формами квазижизни. Аномалии и артефакты меня интересуют лишь в той мере, в какой возможно установление связей между их активностью и поведением форм квазижизн...

Видимо, взгляд мой в ту секунду стал достаточно красноречив, потому что Трофим осекся и кротко сказал:

– Хочешь, сейчас сходим в лабораторию Менглера. Спросим у кого-то из его сотрудников. Может, знают.

– Хочу. А пока мы идем, ты думай, пожалуйста, как меня на тот берег переправить. Очень надо.

Я так запросто с Трофимом обращался – будто был он моим подчиненным, – потому что чувствовал за собой моральное право. А когда я чувствую за собой моральное право –

извините-подвиньтесь.

В конце прошлого года я спас Трофиму жизнь. Ничего особенного, обычная история про обычных парней в Зоне.

Он шел по Зоне один, ошибся, попал в жадинку. Собственно, главная ошибка Трофима была в том, что он шел по Зоне один. То, что он жадинку не заметил и позволил себя крепко прихватить, – это уже мелочи.

Ну а я тоже шел по Зоне один – мне можно! – и вдруг оказался в нужном месте в нужное время. И был у меня при себе, к счастью, артефакт «иллюзион». Редкий, но дешевый, потому что за пределами Зоны он теряет все свои свойства. Да и в пределах-то Зоны свойство у него лишь одно: вместе с изменениями температуры «иллюзион» меняет вес. В частности, при нагреве – тяжелеет.

Ну и вот при помощи «иллюзиона» вкупе с горелкой (на которой я кофе себе по утру варю) я без проблем перегрузил жадинку. Она лопнула и Трофима отпустила.

Так что Трофим – мой должник. Но я пока ни разу не злоупотребил этим. А теперь вот намеревался.

Пока мы шли, Трофим сопел, пыхтел, и было видно, что в душе у него идет настоящая борьба – сообщать некоему Комбату нечто важное или перебьется. В то же время это «нечто» тянуло его за язык...

Наконец – припомнил, видать, по чьей милости он все еще землю топчет – Трофим остановил меня, придерживая за локоть, перед ангаром, на дверях которого желтела трафаретная надпись «Лаборатория А-3».

– Я вообще-то не рекомендую тебе сейчас идти на тот берег, Комбат. Сейчас – не надо.

– А что такое?

– Не могу тебе сказать. Мне и знать-то это не положено... Но там что-то аховое. Все наши военные сталкеры сорвались туда, за озеро, два часа назад.

«Ах какая неожиданность!» – удовлетворенно подумал я.

– Зачем сорвались?

– Ну а зачем военсталкеры срываются? Спасают кого-то, сам понимаешь.

– А не кажется тебе, товарищ ученый, что есть какая-то связь между той семеркой, которая вчера выгребла все мокроступы, и вашими военсталкерами?

– Какая связь? – Трофим нахмурился. Кажется, он действительно не просекал.

«Во дает! Хорош интеллектуал!»

– Ну, например, ваши военсталкеры получили сигнал тревоги от аларм-маячка, принадлежащего одному из тех типов, в ваших мокроступах. А?

– А ведь похоже... Ну так тем более, Комбат! Куда ты собрался сейчас? Если те громилы всемером не справились! Если были вынуждены позвать на помощь наших военсталкеров, значит, там кошмар и полный пэ!

«Полный пэ» – такое я из уст Трофима слышал впервые в жизни.

– Без истерик. Полный или неполный – надо идти смотреть. Заозерье, в конце концов, большое. Если те вчерашние ходоки были идиоты и сунулись, скажем, ко второй скважине... Или если у кого-то из них хватило ума выстрелить в Каменное Небо...

– Для самоуспокоения то, что ты говоришь, вполне годится. Но лично я тебя на тот берег идти всячески отговариваю.

– Это я вижу. И вообще – спасибо за заботу о моей бесценной шкурке! А теперь позволь же мне поговорить с кем-нибудь из сотрудников этого вашего Менглера.

Трофим рывком открыл дверь в «Лабораторию А-3», предварительно скользнув своей пластиковой карточкой по панели электронного замка.

Мы вошли.

Внутри оказалось на удивление светло и просторно. Я готовился обнаружить, что весь объем лаборатории заставлен железными шкафами с оборудованием. Но ничего подобного. Никаких шкафов – только два стальных стола. На одном стоял некий затейливый агрегат, похожий на портативный электронный микроскоп, на другом – прозрачная банка с

желеобразной багровой жидкостью. Не могу назвать оттенок жидкости «кровавым», скорее она походила цветом на малиновое варенье.

Над банкой, на высоте порядка метра, висел болт. Железный болт. Таких устрашающих размеров, будто передо мной была заклепка от «Титаника».

Рядом с банкой стоял грошовый пластмассовый будильник в виде красной божьей коровки.

Чуть в стороне можно было видеть канистру с надписью «Гипохлорит натрия». Что такое гипохлорит натрия, я случайно знал, потому что у одного моего приятеля в Витебске есть дом с бассейном. Так вот этим гипохлоритом дезинфицируют воду в бассейнах, действующее вещество там – обычный хлор.

Возложив локти на стол и сцепив руки под подбородком, банку безмолвно созерцал человек чуть старше средних лет, полный, краснолицый, в очках с толстыми линзами.

– Профессор, можно к вам?

– Нельзя.

– Профессор, мы нуждаемся в вашей эрудиции исследователя и таланте крупного ученого.

Краснолицый чуть повернул голову в нашу сторону, но взгляд его по-прежнему был сфокусирован на малиновом варенье в банке. «Картина: чем занимался Карлсон до того, как начал интересоваться малышами», – пронеслось в голове.

– Убирайтесь к дьяволу.

Я поглядел на Трофима. Трофим поглядел на меня. Удивительно, но в глазах Трофима не читалось обиды. Напротив! Казалось, мой друг некробиотик нашел для себя в словах Добровольцева нечто обнадеживающее.

– Вопрос про «вертикальный бич», – сообщил Трофим.

Добровольцев вдруг резко развернулся на нас всем корпусом вместе со стулом, вмиг потеряв всякий интерес к малиновому варенью, будильнику, болту.

– И какой вопрос? – спросил он с живейшим интересом.

Я повторил то, что уже говорил Трофиму по поводу генерации артефактов.

– Ага, ага. – Ученый оживленно закивал. – Насколько мы можем судить, генерируются «вертячки», «волчьи слезы» и «мамины бусы». Ну еще полумифическая «звезда Полюнь», но это... вы понимаете...

– Я понимаю. А скажите, уважаемый профессор, «вертикальный бич», он же, по идее, сопровождается правозакрученной турбулентностью?

– О, молодой человек! Вы, я вижу, неплохо подкованы! У кого в аспирантуре?

– Я сталкер.

– А, из этих... Удивительно!

– Из этих. Что вас удивляет?

– Я не хочу вас обидеть, но вы же понимаете... Должны понимать, что сталкеры частенько производят не самое благоприятное впечатление... Главное, мало кто из них может выговорить слова «правозакрученная турбулентность».

– Ну вот такой я особенный сталкер. Продукт, надо полагать, положительных мутаций. – Я улыбнулся, Добровольцев тоже улыбнулся, один только Трофим не улыбнулся – он подошел к банке с малиновым вареньем и, казалось, полностью утратил интерес к нашему разговору. – Так скажите, будьте любезны, что все-таки с турбулентностью? Ее «бич» дает?

– Дает, как удалось установить три месяца назад. Ток воздуха идет по часовой стрелке. Так что она действительно правозакрученная.

– Вот почему «волчьи слезы» распределяются на поверхности почвы по фигуре, напоминающей спираль, верно?

– Не спираль, а скорее серп.

– И какой он получается длины?

– А вы дотошный молодой человек! Где учились?

– Физфак. Минский университет. Не окончил.

– Это вы напрасно... Впрочем, какая разница!.. Позвольте, минуточку, я сейчас загляну в отчет Гуторина. – С этими словами ученый извлек из кармана халата свой ПДА. – Он по заданию Менглера этот вопрос исследовал на границе Дикой Территории...

Еще пять минут говорильни – и я узнал все, что требовалось мне и для поисков «звезды Полыни», и для поисков разбившегося вертолета.

Как узнал, откуда? Какая связь между «бичом» и вертолетом? Элементарно, Ватсон! Дедукция!

Когда я уже намеревался сказать светилу отечественной аномалистики «до свидания», жидкость в банке вдруг резко изменила цвет на фиолетовый. Раздался оглушительный щелчок, и болт, паривший над банкой... исчез!

– Где болт? – спросил я, с трудом возвращая челюсть на место.

В ответ мне зазвонил будильник – тот самый, в виде божьей коровки.

– В высшей степени странно, – проворчал Добровольцев. – Семь секунд... Снова семь секунд...

«Да при чем здесь семь секунд?! Они что, действительно научились телепортировать предметы???»

– Куда подевался болт?

Трофим усмехнулся и показал рукой куда-то вверх. Только теперь я заметил, что к потолку лаборатории привинчен квадратный щит-уловитель: многослойный твердый пенопласт, наклеенный на деревянную основу. Судя по выразительным Т-образным отметинам, Добровольцев уже отправил в него десятка два болтов.

– Что это у него за варево в банке? – спросил я у Трофима, когда мы снова оказались на улице.

– Эх, Володя... Тривиальный студень не узнал!

– Студень? Да вы тут совсем страх Божий потеряли? – пробормотал я в неподдельном изумлении.

– Как видишь, нет. Наоборот! Придумали-таки материал, который способен удерживать студень долго, стабильно. Между прочим, менглерит называется. Сам понимаешь, в честь кого.

– А почему цвет такой, малиновый? Студень же фиолетовый должен быть.

– Сами удивляемся. Но, похоже, из-за Каменного Неба...

– А почему болт левитирует? Почему его выстреливает, как из пушки?

– «Все хочу на свете знать»... – пропел Трофим; он замедлил шаги, остановился и, конечно же, сменил тему: – Слушай, Володя, я вас, сталкеров, знаю. Отговаривать – совершенно бесполезно. Все равно пойдешь на тот берег. Ведь пойдешь?

– Без вопросов.

– Я так и думал. Ясно, что учуял ты где-то там «звезду Полынь» и теперь, уж конечно, не отступишься...

Силен Трофим! Силен! Молодец! Вот иногда кажется: совсем человек не от мира сего. И, кажется, совсем он тебя не слушает и словно спит на ходу. А потом вдруг обнаруживаешь – котелок-то у него варит!

– Да какая там «звезда Полынь», смеешься...

– Ну ясно, ясно. Ты идешь туда ландыши собирать для любимой и одуванчики на салатик... Предлагаю тебе сделку. Я дам тебе мокроступы. А ты за это отнесешь к «звезде Полыни» одну вещь.

– Мне нужны две пары мокроступов, – напомнил я.

– Тогда ты отнесешь к «звезде Полыни» две вещи.

– Нет там никакой «звезды». – Я на всякий случай продолжал отпираться, как партизан на допросе.

– Да-да. В таком случае отнесешь к не-звезде не-Полы-ни две вещи и сделаешь с ними несколько простых манипуляций. В итоге образуются две маленьких флэш-карты с записью,

заберешь их. И передашь мне с любой подходящей okazjiей.

– Ну а если я не выйду к не-звезде не-Полыни?

– Ты – выйдешь. Так что: по рукам?

Глава 15. Неопознанная блуждающая аномалия

Hey Hey Hey

Ain't no mercy

Ain't no mercy there for me.

«I Disappear», Metallica

Я находился уже по ту сторону КПП и со всех ног двигал к Тополю, когда обнаружил, что из лопухов вышел и быстро потопал прочь по тропе Ньютон.

– О чем вы с ним говорили? – подозрительно спросил я, присаживаясь рядом с Тополем.

– Ньютон сделал мой фотопортрет. Даже, если можно так выразиться, целую фотогалерею.

Я почувствовал укол зависти.

– Да ты что?! Гляди, Тополь, этак тебя и к Хозяевам Зоны на корпоративчик скоро позовут!

– Типун тебе на язык... Тебя он, кстати, тоже пару раз щелкнул. Этим... телевиком!

– Чем?

– Ну, телевиком. Объектив такой для дальней съемки. Он его специально прикручивал, чтобы снять, как ты от лабораторий к воротам топаешь. Так что тебя тоже в Хозяева Зоны записать решили.

– А чего? – Я пожал плечами. – Я вот иногда прикидываю: а что, если бы мне одним из Хозяев Зоны предложили сделаться? Как когда-то Хемулю? И, знаешь, я думаю, что отказываться бы не стал. Влился бы в коллективный разум, начал бы все здесь разруливать, каждую травиночку хребтом чувствовать...

– Во дурак.

– Есть немного. Кстати, извини, что я тебя ждать заставил. У Трофима там Содом с Гоморрой.

– Не узнаю тебя, Комбат. Извиняешься все время, как ненормальный. Где только набрался... Так что там, у ученых-то? Я уже волноваться начал.

– Да пока эти мокроступы выцганил! Думал уже, придется их украсть у Трофима, что ли... Или конфисковать под угрозой оружия.

– В роли господина Шарикова, терроризирующего доктора Борменталья, артист театра и кино Владимир Пушкарев по прозвищу Комбат! Ваши аплодисменты, господа!

Под такой неспешный разговор мы нацепили мокроступы и перепаковали вещички в рюкзаках.

Однажды, подсев к костру, у которого варили вечерний гуляш сталкеры «Долга», я слышал замечательную песню. Был там такой куплет:

Вот это для мужчин —

Винтарь и мокроступ,

И нет таких причин,

Чтобы не брать «икру»...

Это у них очень верно было спето. «Жабью икру» действительно надо брать, чего на нее смотреть-то.

А ботинок-мокроступ – тот, который в Зоне можно у ученых арендовать, – это не

просто обувь. И даже не просто обувь для хождения по воде, основанная на аномальной физике Зоны. Это именно что для настоящих мужчин. Ну как хоккей, картофельный самогон и женитьба на женщине с двумя детьми.

Хождение в мокроступе требует сноровки, внимания и в конечном итоге – недюжинной физической силы, ибо утомляет почище верховой езды без седла. Особенно – когда за плечами приличный такой рюкзак с хабаром.

Хабара у нас с Тополем не было, но вот «две вещи», полученные мной от Трофима, оказались клетками из осмистого иридия.

В каждой клетке сидел злоющий крысиный волк. В потолок и дно клетки были вмонтированы разнообразные датчики – в том числе и обычные видеокамеры. После нажатия кнопки вся информация, идущая от камер и датчиков, начинала писаться на флэшку.

Забавная деталь: на клетках стояли клейма Сестрорецкого электромеханического завода. Скольким производствам Зона занятисть обеспечивает!

Ну а весили эти клетки ой-ой-ой сколько. Что, в общем, нормально: у крысиного волка зубы такие, что обычные стальные прутья он рано или поздно раскрошит. Конечно, пару своих зубов он ради этого источит, чудес не бывает, но зубы-то новые отрастут...

Хождение в мокроступах выглядит вот как.

Включаем мокроступы. При этом в трубочки, проложенные вокруг артефактов, вделанных в подошвы, неравномерным потоком подается специальная магнитная жидкость. Воздействие подвижного магнитного поля в течение нескольких минут «прогревает» артефакты. Именно «прогревает», то есть, так сказать, строит в них диполи шеренгами, но еще не иницирует.

Затем мы подходим к водоему, осторожно опускаем левую ногу на поверхность воды.

Вот тут-то, при контакте с водой, в подошве мокроступа иницируются артефакты «лед-девять». Локально, в радиусе полуметра, вода кристаллизуется.

Обычные кристаллы воды, как все знают, получаются при ее охлаждении ниже нуля градусов по Цельсию и называются льдом. А «лед-девять» временно превращает воду в своего рода полимер, который имеет комнатную температуру и напоминает твердый, плотный пластик.

Более того: получившийся «пластмассовый» блин за счет особых физических и механических эффектов временно стабилизируется в жидкости. Он не скользит по воде, не погружается в нее. Вокруг ноги формируется маленькая устойчивая площадка.

Теперь осторожно ставим вторую ногу. Происходит то же самое.

Сложность техники заключается в том, что ногу нельзя опускать слишком поспешно – тогда полимеризация воды произойдет уже после того как ботинок погрузится по верхний срез подошвы или, того хуже, по щиколотку. А это чревато различными осложнениями.

Если обе ноги введены в дело аккуратно, человек в мокроступах превращается в большого игрушечного солдатики на подставке. Который стоит на воде как влитой.

Самая непростая задача теперь – пойти вперед.

– Ну что же ты, Комбат? Давай! – Тополь прошел по Янтарному озеру уже метров десять и обернулся ко мне. Я все никак не мог решиться сделать третий шаг.

– А я-то отвык, оказывается, – пробормотал я. – Ты ведь небось, – я заговорил громче, – в таких регулярно ходил у себя на Речном Кордоне, а?

– Случалось, – согласился Тополь.

– Ну а я уже забыл, когда последний раз такое делал.

– Комбат, не позорься. Начинаешь тянуть левую ногу вверх, отключаешь мокроступ, он почти сразу высвобождается. Пронесишь ботинок вперед, пока он в воздухе – включаешь мокроступ. А по равновесию – вперед заваливайся, ну как на коньках.

Ага, легко сказать... На коньках... Совсем не так на твоих коньках. На коньках мы катаемся без тяжелого рюкзака за плечами, без автомата... А с такими разновесами вероятность завалиться на бок – процентов семьдесят.

От подошв мокроступов в ступни и выше, в колени, шло странное тепло. Нагревалась

будто не поверхность кожи, а кровь в сосудах и капиллярах. Это тоже не придавало мне уверенности. Вроде так быть не должно. Все из-за этого Каменного Неба, черт бы его побрал...

Эх, была не была!

Я проделал все движения в точности так, как сказал Тополь. Но, увы, малость не рассчитал и вогнал с маху левую ногу в воду по щиколотку. После чего она завязла насмерть в стремительно загустевшей, отвердевшей воде.

Т-твою дивизию...

Я же говорил!

Короче говоря, пришлось Тополю возвращаться и мне ассистировать – его техника хождения по воде была в разы совершеннее моей. Но потом я кое-как освоился.

Взмок – как мышь. Устал – как собака. В общем, все из разряда «не было печали – черти накачали»!

До западного берега оставалось рукой подать, когда мой левый мокроступ отдал в ногу не только очередную порцию тепла, но еще и легкую, едва ощутимую дрожь.

Мы с Тополем как раз доковыляли до края затопленного кладбища техники. Там, в последнем ряду, под водой смутно угадывалась скорбная шеренга проржавевших автобусов «Икарус».

Кстати, здесь техника стояла поглубже, чем у восточного берега.

Крыши автобусов и грузовиков находились на глубине метр-полтора, а местами и все два.

– А ну-ка стой, – сказал я Тополю.

Тот, как и любой нормальный сталкер, без лишних вопросов подчинился.

Я покосился на детектор аномалий. Ну что? Да вроде чисто.

– Твой детектор что-нибудь показывает? – спросил я у Тополя.

– Абсолютно ничего.

– Абсолютно ничего, – задумчиво повторил я, как вдруг уже обе мои ступни почувствовали подозрительный зуд.

Такой зуд, как если бы... если бы, скажем, где-то под водой зазвонил мобильный телефон, поставленный на вибровзвонок. Только телефон размером, положим, с полено. А то и с легковую машину.

– Почувствовал? – спросил я у Тополя.

– Да.

– Наши действия?

– Есть мнение, надо на все забить и идти к берегу.

– Согласен.

– Тогда пошли.

Мы не успели сделать и пары шагов, как дрожь стала такой сильной, что у меня застучали зубы.

– Самое странное, – сказал я, следя за тем, чтобы мой голос звучал как можно беспечнее, – самое странное в том, как оно распространяется, это воздействие. Потому что по всей логике...

Тополь мне вежливо, участливо кивал, как больному, а сам тянул с плеча «Грозу», снимал ее с предохранителя, проверял наличие патронов, возвращал на предохранитель, менял полупустой магазин на полный. Человек действия!

Не переставая говорить, я попробовал сделать шаг вбок. Вроде получилось и вроде бы даже дрожь стала послабее. Я тоже снял «Грозу» с плеча и жестом пригласил Тополя поближе.

– ...Вот такие вопросы, друг мой, – закончил я свою речь о загадках природы, когда множество серебристых блесков, метнувшись из окон ближайшего «Икаруса», едва не заставили меня с перепугу выпустить в них треть магазина.

Это были мальки, всего лишь мальки какой-то безобидной рыбы вроде карася, как

видно, напуганные невидимой опасностью.

Мальки так рьяно устремились к поверхности, что вылетели из воды. Они описали в воздухе блестящие дуги, и, шлепнувшись назад, зигзагом поплыли на восток – туда, откуда мы пришли.

– Давай-ка сюда. – Я сделал еще один шаг вбок. Дрожь там стала еще слабее. Похоже, я угадал верное направление.

Тополь, пристально вглядываясь в воду, охотно последовал за мной.

Так, бочком, бочком, мы постепенно удалялись от источника нехороших вибраций.

Неужели разойдемся тихо-мирно?

Неуже...

Рак-гороскоп грациозно выскользнул из-под «Икаруса» и, поднявшись поближе к поверхности, помахивая пышным хвостом, царственно уселся на крышу грузовика.

Одного взмаха клешни этого двухметрового чудища было достаточно, чтобы оставить человека без ноги. А то и без обоих.

– Это он, что ли, жужжал? – спросил Тополь, беря рака на мушку.

– погоди стрелять. Раки вроде не жужжат. Боюсь, мы имеем дело с припять-плавунцом...

– По-моему, его проще завалить, чем думать.

– Тебе бы только валить, солдафон... Это крупный рак, очень крупный. Думаю, ты его только поцарапаешь.

– Ну и?

– Знаешь что, а давай мы его просто напугаем.

С этими словами я взял РГД, снял с нее осколочную рубашку и швырнул гранату так, чтобы она упала между нами и раком. Но – поближе к раку, само собой.

Бу-бум-м!

Сработало! Зверюга, перепугавшись до смерти, юркнула в достаточно широкий просвет между двумя «Икарусами» и была такова.

– Так кто же все-таки жужжал?..

Я не успел ответить Тополю, ибо из враждебных глубин озера поднялся...

О нет, только не это!..

Водянка-сварщик!

Господи Иисусе, ну зачем здесь я? Лучше бы здесь был некробиотик Трофим! Значительно лучше! Вот кто всю жизнь мечтает о встрече с этим экзотическим мутантом!

О да, в ту минуту я понял рака-гороскопа. Действительно, даже монстр с метровыми клешнями почтет за лучшее держаться подальше от мутировавшего водяного паука величиной с письменный стол! Паутинные железы которого преобразованы в две форсунки, распыляющие невероятно едкую кислоту, по своей природе близкую к «студню» – пресловутой аномальной субстанции, одинаково легко пожирающей и сталь, и кевлар, и живую плоть!

Только кислота, которую выделяет паук-мутант, не полностью растворяет все эти материалы, а лишь временно их разжижает. Так что паук может, орудуя челюстями, задними лапами и подвижным брюшком с паутинными железами, намертво склеивать, считай – сваривать разные предметы друг с другом. Я, например, как-то видел его подводное жилище, сваренное из трех кабин тракторов – более чем впечатляет!

Вопрос лишь в том, на кой ляд водянке-сварщику потребовалось вылезать наверх. Он есть хочет или...

Или его самого что-то спугнуло?!

Кстати, к вопросу о спугнуло. А будем-ка мы экономить патроны...

Я со вздохом вытащил вторую РГД.

Удивительно, но повторить фокус удалось: получив тяжелую оплеуху гидроудара, водянка-сварщик почел за лучшее продуть трахеи и, как заправская подлодка, исчез в зловещих глубинах Янтарного.

Когда я решил, что мы подозрительно легко отделались, и вот-вот будем на берегу, жужжание повторилось с новой силой. И, я бы сказал, теперь в каком-то новом регистре.

– Я вспомнил. – Тополь вдруг спал с лица. – Я такую штуку слышал. В рации одного военного сталкера.

– Ну и? – Я напрягся.

– Он доложил, что наблюдает какое-то «веретено». Докладил, что оно приближается. В рации зажужжало. И всё. Больше его никто никогда...

Тополь осекся.

Из той точки, куда погрузился водянка-сварщик, поднималось нечто. Я не успел глазом моргнуть, как расплывчатое пятно света превратилось в огромный сияющий... кокон? волчок? веретено?

Ну, пусть будет веретено, хотя пропорции не очень подходили.

Веретено выскочило из воды прямо перед нами, подлетело вверх, упало вниз (поверхность озера при этом оставалась невозмутимой!) и вдруг замерло.

Замерли, не дыша, и мы.

Это была настоящая, полноценная НБА – неопознанная блуждающая аномалия. Контакт с различными неопознанными объектами в Зоне фиксируется несколько сотен в год, но они, как правило, имеют достаточно скромные размеры. О таких гигантах – два человеческих роста в высоту, метра полтора в поперечнике – мне слышать не доводилось.

Веретено вращалось, будто специально предоставляя нам возможность рассмотреть его со всех сторон. Будто красовалось перед нами.

Ну что же, спасибо. Оно того стоило.

В мутной, непроглядной поверхности объекта кое-где имелись как бы окошки размером примерно с блюдце. Сквозь них было видно, что веретено имеет сложную внутреннюю структуру, которую вкратце я бы охарактеризовал как спутанные рыболовные сети. Сети эти едва заметно шевелились, точно кишки... Картина была настолько омерзительной, что меня едва не вытошнило.

Но страшнее всего было то, что внутри веретена помимо этих «рыболовных сетей» просматривалась еще и... добыча?

По мере того как объект проворачивался, перед нашими перекошенными от ужаса физиономиями последовательно проплывали: крупная рыба-мутант с тремя парами глаз; припять-плавунец; наконец, разбухшая человеческая фигура!..

Несчастный пленник веретена, похоже, висел вниз головой, растопырив руки. Его пояс и ноги видны не были, но в одном из верхних «окошек» веретена просматривался сапог-мокроступ.

Почти наверняка человек в веретене был одним из вчерашних визитеров лагеря, о которых рассказывал Трофим. Не повезло же бедолаге!

Страховидная НБА находилась от нас в считанных метрах. И ничто не мешало ей поглотить нас в любую секунду.

В такой ситуации – это мы с Тополем оба прекрасно понимали – сделать нельзя вообще ничего.

Убежать – не успеешь.

Спрятаться – негде.

Надо стоять, не шевелясь, молча просить Хозяев Зоны о снисхождении и, по возможности, не издавать звуков.

Итак, представьте себе эту инсталляцию из музея восковых фигур с элементами сюрреализма и неогуманизма. Широко расставив ноги, на поверхности Янтарного озера стоим мы с Тополем. В наших руках – автоматы «Гроза». Вид у нас донельзя боевитый, но в глазах – смертная тоска. Ибо мы не знаем, как вести себя с проклятым веретеном, и, главное, не уверены, существует ли вообще какая-либо выигрышная линия поведения. Или же история наша закончилась на самом интересном месте? А знаем мы лишь то, что я сказал: стоять, молчать, молиться.

Увы, крысиные короли в наших клетках не могли похвастаться подобной верностью кодексу истинного самурая Зоны.

Чуя дерьмище не хуже нашего, они вдруг заверещали дурными голосами. Оба сразу. И громко.

Веретено отреагировало на это наихудшим образом из возможных: замедляя вращение, стронулось с места и поползло к нам.

Ну Трофим, ну спасибо, оплатил ты мне за все хорошее! Подсунул ценное научное оборудование, сучонок! И нет бы пасти этому оборудованию скотчем как следует замотать, чтобы оно и пикнуть не могло!

Но вместо того, чтобы продолжить костерить Трофима, я вдруг совершенно некстати подумал о другом: а ведь для мировой науки, между прочим, может выйти очень даже большая выгода, если сейчас включить запись на датчиках клеток с крысиными королями.

Когда веретено проглотит нас вместе с этими клетками, то клетки продолжают вести запись информации с датчиков. Когда-нибудь в будущем ученые придумают способ поймать и вскрыть этот аномальный объект, извлекут из него наши сгнившие тушки и нетленные иридиевые клетки. И вот тогда, прочитав информацию с датчиков...

Не знаю, до чего бы я додумался, если бы справа от нас на крыше «КамАЗа» не объявился давешний водянка-сварщик.

Паук имел какой-то, я бы сказал, всклокоченный вид и, судя по всему, совсем ничего не соображал.

В ту же секунду Тополь выстрелил в паука-переростка из «Грозы» от бедра одиночным. Так, будто только и ждал его появления.

Самое удивительное – попал!

Паук сразу подобрался, разозлился и, игнорируя опасную близость веретена (а веретено, между прочим, было к нам с Тополем так близко, что я уже готовился подорвать нас обоих гранатой, чтобы не мучиться потом в его утробе), ринулся на обидчика.

Выглядело это так: мохнатые лапы паука сложились в некое подобие водных лыж, а паутинные железы исторгли ревущие, дымящиеся струи кислоты. Вступая в реакцию с водой, кислота порождала огонь – это повторно воссоединялся с кислородом едва успевший высвободиться из объятий его же валентности водород.

Паук пробкой вылетел из воды и, заскользив на водных лыжах сложенных лап, полетел на Тополя что твой глассер.

Потом Тополь уверял меня, что случившееся было следствием его тонкого расчета. Не знаю, не знаю...

Как независимый наблюдатель я бы сказал, что действовал он от балды, а нам обоим просто очень крепко повезло.

Итак, когда водянка мчался на Тополя со скоростью ракетного катера, а я лихорадочно соображал, в какой момент имеет смысл выстрелить из подствольника, веретено издало свой роковой глас – зажужжало. А затем метнулось к пауку со скоростью молнии.

Блеснула мертвенная зеленоватая вспышка, мелькнули в воздухе беспомощно колотящиеся лапы паука-водянки...

И одним пленником блуждающей аномалии стало больше. Следующим, что я успел разглядеть, была уже голова водянки внутри веретена.

А после этого наш страшный гость, раскрутившись вдруг до оборотов хорошей электродрели, подпрыгнул ввысь и пошел куда-то на север по параболической траектории.

Я же, не мешкая ни секунды, сдавленно прохрипел:

– Линяем!

– Линяем, брат, – согласился Тополь.

Через три шага я, растеряв с перепугу остатки техники хождения в мокроступах, провалился в воду по колено. Не удержав равновесия, начал падать. Боясь, что зафиксированная полимеризованной водой нога сломается, мгновенно выключил оба мокроступа.

Разумеется, я сразу же оказался в воде.

Я перепугался еще больше – слишком много на мне было всего навешано, я мог пойти ко дну камнем.

Но берег был уже совсем близко. А потому ноги мои нащупали илистый грунт быстрее, чем я заорал: «Костян! Полундра! Тону!»

Так что в итоге все обошлось. Понукаемый шуточками Тополя, который вышагивал рядом со мной в своих мокроступах заправским спецназовцем, я дотопал до берега по дну и упал на твердую землю ничком.

– Тысяча чертей... тысяча долбанных аномальных чертей, – простонал я.

– Интересно, – задумчиво произнес Тополь, – сколько времени мы сэкономили, пойдя через озеро вместо того, чтобы его обойти, с учетом того, что целый час ты раздобывал мокроступы? А теперь мы еще полчаса потратим на то, чтобы тебя обсушить? Минут десять? Или пять?

Я посмотрел на Тополя исподлобья.

– Ну, ты, это, радиоактивное мясо, – проворчал я, – не считай себя самым умным. Подумаешь, его сам Ньютон фоткал! Зато меня когда-то сам Дима Шухов на хабар кинул!

Мы помолчали пару секунд, а потом громко расхохотались.

Как меня Шухов на хабар кинул – знает вся зона-ин-дустрия. А кто не знает – тот, значит, зеленый салабон и сам себе злобный буратино.

Глава 16. По направлению к «звезде»

Feel like kissin' dynamite...

«Kissin' Dynamite», AC/DC

Я этой девятой скважины, возле которой-то и расположилась предположительно наша «звезда Полынь», никогда воочию не видел, только на карте. Хотя трижды проходил от нее на расстоянии, считай, вытянутой руки.

Видел я вторую скважину. Видел пятую.

Возле восьмой мне однажды примерещился бюрер-аль-бинос, едущий верхом на химере. Отдельная история и очень страшная...

А вот девятую скважину – никогда.

Для Зоны это нормальная ситуация. Уж больно длинным здесь бывает путь в пять шагов... Так что без особой надобности от маршрута отклоняться никогда не станешь.

Ну и вот изволь, Комбат: до скважины – дойди, «звезду Полынь» – добудь. (Не то Тополь разобидится.) И надо еще как-то между делом упромыслить этот проклятый контейнер, который заказал Рыбин...

Чтобы отыскать его – а точнее, хотя бы просто начать искать, – требовалось точно установить место падения вертолета. А это само по себе не так-то просто. Ведь никто не удосужился для меня выставить десятиметровую полосатую вешку: гляди, Комбат, а вертолет-то здесь упал!

– Ну что, сталкер, надо бы оглядеться. Рекогносцировать местность, а? – предложил я Тополю, кивнув на небольшой пригорок по правую руку от нас.

– Чего глядеть? Вот карта, вот на ней девятая скважина, вот мы здесь. – Тополь ткнул пальцем в свой ПДА.

– Ты когда-нибудь видел стопроцентно точную карту Зоны? Или стопроцентно надежный детектор аномалий?

– Самые надежные детекторы аномалий делал Лодочник, царствие ему небесное, – сказал он, пристально глядя мне в глаза. – А до него – профессор Сахаров делал, и ему царствие небесное тоже... А вот ты, друг мой, по-моему, что-то не договариваешь.

– Не разводи психоанализ. Короче говоря, я пойду посмотрю, чего тут вокруг нас

вообще. Ты со мной?

Тополь поглядел на меня исподлобья, но все-таки решил не спорить.

– Ну пошли.

Побросали гаечки, прислушались, постояли. Да вроде нормально все.

Поднялись.

Красный свет заливал озеро, Заозерье, бесчисленные лысые пригорки, россыпи подозрительных бурых валунов, оплавленные борозды...

Черт, не верилось, что мы вообще на Земле! Ну другая же планета... Да что планета! Вообще – реальность другая!

И вдруг то здесь, то там среди этого хаоса – пышная, с виду совершенно довольная жизнью липа. Или – крошечное круглое озерцо, в котором жизнерадостно цветут крупные желтые кувшинки. Тут уж, конечно, никаких вопросов: мы на Земле.

Но сочетание!

Все-таки есть что-то в мозгодробильных гипотезах, что Зона, дескать, это точка соприкосновения с параллельной вселенной. Только я бы сказал – с перпендикулярной.

– Девятая скважина там. – Я указал рукой на юго-запад, где сейчас находилось Солнце.

Находилось – в астрономическом смысле или, если угодно, в большом мире. Но поскольку мы были в Зоне, Солнце на своем законном месте отсутствовало. За счет совершенно непонятных мне эффектов аномальной атмосферной оптики, наша родная желтая звезда сейчас висела почти строго на севере, под нижней кромкой диковинных, «окаменевших» облаков.

– Дай точный азимут и расстояние, – попросил Тополь, доставая из футляра мощный двухрежимный бинокль.

Я покосился на карту.

– Двести двадцать. Десять кабельтовых.

– Десять кабельтовых... – Тополь поднес к глазам свой бинокль, глядя в указанном мной направлении. – Черт нерусский... ты бы еще как наши французы сказал: сто восемьдесят пять декаметров... чтобы мозги вкрутую сварились...

– Я-то черт русский как раз, – заметил я незлобиво, глядя на девяносто градусов правее указанного мной Тополем направления. Я силился разглядеть хоть какие-то признаки падения вертолета.

Высматривая вертолет, я опирался на информацию, полученную от Добровольцева.

Дело в том, что вертолеты над Зоной просто так не падают. Может, конечно, случиться в полете самый обычный отказ какого-то критичного агрегата. Но почти всегда вертолеты становятся жертвами сравнительно редких мощных аномалий.

Например, вертикальных бичей.

Вертикальный бич – это верткая черная змея, которая вытягивается в небо на десятки метров и, извиваясь, с бешеной скоростью крутится несколько минут, после чего рассасывается.

Но иногда бывает, что бич отрывается от земли и взлетает – как иной протуберанец, змеясь и содрогаясь, воспаряет над поверхностью Солнца. В таком случае, прежде чем исчезнуть, бич успевает подняться на высоту до километра.

Конечно, «до километра» – это самый максимум. Подобное фиксировалось, может, раз, ну, может, два за всю историю Зоны. Реально принятый стандарт высоты безопасных полетов – пятьсот метров.

То есть от полукилометра и выше полет над Зоной, как принято считать, уже совсем ничем не отличается от полета над Европой. И уж всяко безопаснее полета над Экваториальной Африкой, где велики шансы получить в брюхо «Иглу» или «Стингер», выпущенный тамошним зажиточным крестьянином из самых добродушных хулиганских соображений.

Однако есть кое-какие исключения. Каменное Небо к ним как раз относится. В районе, перекрытом Каменным Небом, лучше вообще не летать. Даже не пытаться.

Картину крушения вертолета я для себя восстановил такую.

Вертолет взлетел, не имея ни малейшего представления о том, что на маршруте стоит Каменное Небо. Кто и почему допустил подобную халатность? Поскольку я знал жизнь не по книгам, то подобными глупыми вопросами не задавался.

Халатности есть место всегда и везде, она вездесуща, как вирус герпеса. Вопрос лишь в том, работает ли иммунная система.

Так вот в тот раз иммунитет у кого-то отказал. Пилот вылетел курсом на восток. Учитывая облачность, он вел машину на компромиссной высоте метров восьмьсот. То есть ниже облаков, но выше стандартного порога безопасности.

Каменное Небо пилот увидел неожиданно. Испугался, решил изменить курс.

Кто-то, обладающий правом приказывать, потребовал, чтобы вертолет остался на прежнем курсе.

В принципе ничего смертельного в этом летчик не видел, просто снизился метров до трехсот, чтобы с гарантией оказаться под нижней кромкой Каменного Неба. И тут – надо же такому случиться! – попал под оторвавшийся от земли вертикальный бич.

Можем мы себе такое представить? Да.

По крайней мере это позволяет объяснить рождение «звезды Полыни» и падение вертолета при помощи одного и того же феномена. И не плодить лишних сущностей.

А теперь внимание. В ходе движения бича рождаются артефакты. Артефакты распределяются по поверхности земли. В переводе на образный язык, бич разбрасывает их, как рука сеятеля – зерна.

Приближаемся к самому важному моменту моего дедуктивного рассуждения...

Радиус действия бича сравнительно невелик. Это значит, что место падения вертолета не может отстоять от точки зарождения бича больше, чем на километр. В то же время, как я знал на основании информации, полученной от Добровольцева, из точки зарождения бича должна тянуться серповидная цепочка «волчьих слез».

Но как я ни всматривался в Заозерье, вертолета не увидел. Никаких признаков падения. Ни обломков, ни характерных проблесков, которые дают «волчьи слезы». Плохо.

Ну хорошо, я не увидел. А Тополь?

– Ну, что скажешь? Какие новости? – спросил я у Тополя.

– Плохие. Аномалии стоят так, что я вообще не вижу вариантов успеть пройти к девятой скважине за сегодня.

– Ну уж.

– Да уж.

Я проверил сам.

Да, похоже, мой старый друг прав. Чтобы обойти эту серию мясорубок, воронок, зыбей, надо заложить огромный крюк на юг. А это значит, что все время, которое мы наиграли, пройдя через озеро по кратчайшей, мы теперь потратим на то, чтобы обходить это проклятое аномальное поле.

– Тогда уж проще прямо здесь заночевать, – вздохнул я. – А вдруг к завтрашнему утру поле аномалий изменит конфигурацию? И кое-какие мясорубки рассосутся. А?

– Может, и так, но я бы шел, пока светло. Нечего тут сидеть...

О, начинается... Сейчас как заспорим!

И заспорили бы, я думаю. Но тут без «здрасьте» к нам явился студень.

Для начала на тропе, по которой мы шли, проступили капли жидкости малинового цвета.

– Смотри-ка, Тополь. – Я легонько ткнул друга локтем под бок, кивком указывая на смертельно опасную подвижную аномалию Зоны. – А ты еще на пригорок не хотел. Хороши бы мы были сейчас там, на тропе, а?

– Детектор предупредил бы, – произнес Тополь, но уверенности в его голосе не было.

Студень меж тем стремительно прибывал. Истошный писк, который донесся из рюкзаков, свидетельствовал о том, что студень зачуяли и наши подопытные крысиные

короли. Зачуяли – и перепугались насмерть.

– Ого. – В голосе Тополя не слышалось страха, скорее безмерное уважение к Ее Величеству Зоне. – Ты погляди, как поливает.

«Поливала» она действительно знатно. Языки студня – здесь, в потоках параноидального рубинового света, они казались реками крови – струились между пригорками сколько хватал глаз. Откуда-то издалека донесся леденящий душу вопль.

– Слыхал? – спросил я.

– Кто-то гробанулся, – утвердительно кивнул Тополь.

– Одним конкурентом меньше. – Я натянуто улыбнулся.

Что-то в сегодняшнем студне мне активно не нравилось. Кроме тошнотворного цвета, естественно. Я пока не мог понять – что.

– Ты когда-нибудь слышал, что его может быть столько? – спросил Тополь.

До меня дошло, что мне так уж не нравится.

– А ты когда-нибудь видел, чтобы студень тек вверх? – спросил я.

– Твою мать.

И действительно. Почти везде студень, нормально подчиняясь законам всемирного тяготения, вел себя как обычная вода. Ну или вулканическая магма. В любом случае он сперва заполнял все низины, а потом уже его уровень равномерно поднимался. Но в паре мест – и этими местами были два бугра сбоку от холма, на котором стояли мы, – студень нагло попер вверх. Как будто был живым существом, обладающим мускулатурой. Или как будто вектор земного тяготения в тех местах развернулся к небесам...

– Он и к нам ползет, – безмятежно сказал Тополь.

– У тебя соли нет случайно? – спросил я.

– Чего?

– Поваренной соли нет?

– Соли?

– Подойдет любое соединение, содержащее хлор.

– Отравиться решил, чтобы не мучиться?

– Нет. Впрочем, откуда у тебя соль, – пробормотал я, лихорадочно роясь в своем рюкзаке (из глубины блеснули наполненные ужасом до краев глаза крысиного волка – круглые, как коллекционные рубли). – Вся соль-то у меня... Хорошая такая соль... йодированная... полезная для щитовидной железы, которая у сталкеров подвергается калечащим ее нагрузкам. Кому как, а мне нужна здоровая щитовидная, вот поэтому я...

– У тебя истерика, сталкер, – строго оборвал меня Тополь.

– А вот и нет, брат. – Я наконец нашел свой жестяной коробок с солью.

Соль в Зоне – это жизнь. Согласны?

Не согласны?

А вот был случай. Со сталкером по кличке Хе-Хе.

Парень в Зоне попал под Выброс. Выброс-то он переждал, конечно, но, как поется в песне, «а поутру они проснулись – кругом примятая трава». В случае Хе-Хе трава были примята гравитационными аномалиями. Причем – везде вокруг схрона Хе-Хе в радиусе метров пятьдесят.

Что оставалось ему делать? Ждать, пока конфигурация аномалий не изменится.

А она не менялась – месяц.

Сперва он съел все, что было в рюкзаке. А потом... Потом ему один раз – только один раз! – повезло, и он настрелял ворон. Много. Аж восемь.

У Хе-Хе была соль. Целая пачка. Поэтому он смог засолить воронье мясо. И ел его три недели. Запивая дождевой водой.

А если бы соли у Хе-Хе не было...

У соли еще много других применений – например, ею хорошо оконтуриваются некоторые новые аномалии из числа появившихся в последние годы.

– Володя, студень подбирается, – сообщил Тополь.

– Внимание. Не спрашивай меня почему, но сделать надо так.

После чего я изложил Тополью свою теорию. Она основывалась на эксперименте с болтом, который я случайно застал в лагере ученых у Добровольцева.

– ...Уверен, – тараторил я, – что он в студень налил гипохлорит натрия. Не спрашивай почему, но после этого болт у него взлетел. Ну а мы посолим студень, понимаешь? Потому что поваренная соль это «натрий хлор», то есть хлорид натрия, ага? Ну и какая разница – хлорид или гипохлорит? Никакой! В любом случае действующим веществом будет хлор!

– И что? – спросил Тополь, опасливо косясь то на меня, то на студень, который облепил уже все скаты нашего холма и стоял в считанных метрах от наших подошв. При этом меня, похоже, Тополь принимал за помешавшегося от страха идиотика и боялся немногим меньше, чем студня. – Что? Ты полагаешь, если болт полетит, то и мы полетим? Болт-то железный, с ним все ясно.

– Фигня! Мы уцепимся за автоматы! Автоматы точно вверх потянет! А значит, и нас тоже!

Студень поднялся еще на ладонь. Это означало, что отведенное нам пространство на вершине холма сократилось еще больше и равнялось теперь по величине крошечной ресторанной эстраде. Не знаю, почему у меня возникло именно это сравнение, с эстрадой... Наверное, обстановка располагала к тому, чтобы запеть что-нибудь прочувствованное вроде «Ч-чуть пом-медлен-нее, студень, ч-чуть пом-мед-лен-нее...».

– Так что, и правда будем его солить? – переспросил Тополь.

– Готов выслушать другие предложения.

– Еще можно помолиться.

– Ты молись, а я буду солить.

Сказано – сделано.

Я надел «Грозу» через грудь так, чтобы она никак не могла улететь в небо без меня при внезапной инверсии вектора всемирного тяготения или там «магнитной антигравитации», не знаю, как сказать. Затем я подошел к студню как можно ближе, надеясь ощутить хоть какой-то эффект.

Увы, «Гроза» не полегчала ни на грамм.

– Ну как? – поинтересовался Тополь.

– Ждем пока. Это же эффект Добровольцева, он так быстро не проявляется, – авторитетно сказал я.

– Ну-ну.

– Что «ну-ну»? Что «ну-ну»?! – Я разозлился. – Вечно ты отмалчиваешься! Ну скажи уже, что Комбат скотина! Что, если бы не Комбат, ты бы сейчас спокойно бил баклуши с анфоровцами! А?! Тополь?!

– Если бы не Комбат, которого мне пришлось допрашивать и обзывать «задержанным», – Тополь пожал плечами, – меня бы скорее всего убили мутанты на Речном Кордоне. Помимо прочего, это именно ты притащил с собой Лодочника, которому хватило ума свалить из опорного пункта на грузовике с генератором удачи.

– С каким, ты сказал, генератором?

– Удачи. Я тебе сейчас выдал одну из главных государственных тайн Милой Франции. Но это не играет никакой роли – сразу по двум причинам.

– Ну, первая причина в том, что нам обоим наплевать на сохранение гостайны какой-то Милой Франции. – Я криво ухмыльнулся.

– Вот именно. А вторая в том, что нам – кранты. Сам я застрелиться не смогу, рука не поднимется, так что очень тебя прошу: сделай это для меня. Не хочу растворяться в этом вот, – Тополь провел рукой над зловеще колышущимся студнем, – заживо.

– Погоди-погоди... А ну-ка... – Я прикинул свою «Грозу» на вес, затем подступил к студню поближе... Ужас! До него было к тому времени меньше двух шагов!

Я повернулся к Тополью. Я торжествовал. Это был подлинный триумф прикладного знания в моем лице.

– А вот проверь-ка свой винтарь, сталкер.

Тополь, однако, медлил.

– Проверь-проверь.

– Ого! – Тополь был сражен наповал. – Ого! Меньше килограмма! Да и сами мы, кажется...

Нет, никуда мы не полетели. Полноценной победы над силами всемирного тяготения не вышло.

Эффект больше всего напоминал работу «волчьих слез», которые, как известно, как бы съедают часть веса грузов, рядом с которыми находятся.

Сами мы с Тополем почувствовали, что стали легче раза в полтора. Наши автоматы – раз в пять. Однако они не взмыли в небеса, как болт в лаборатории Добровольцева. Видать, соли оказалось маловато...

Если бы студня прибыло еще на чуть, нас с Тополем ждала бы смерть. Либо мгновенная – от собственных пуль, либо медленная и мучительная – от этой дьявольской субстанции.

Если бы...

Но студень дальше не пошел.

Там, где я посыпал его солью, наметились отчетливо различные белые разводы. Они курились легким дымком, затем начали желтеть. Шел какой-то бурный процесс... Студень, кажется, терял пластичность, твердел... Формировались этикие рубцы, хрящи, черт знает что еще...

Но быстрее, чем мы успели досмотреть это удивительное химическое представление до конца, студень начал отступление. Уже через минуту студень остался только у подножия холма. А еще через минуту Тополь, вскинув бинокль к глазам, радостно заорал:

– Есть, есть проход!

– Ты о чем? – Меня не держали ноги, я сел, я просто не мог поверить, что все обошлось.

– Есть проход, Комбат. Студень перемешал аномалии, теперь пройдем.

«А вдруг он живой, этот студень, – нехстати подумал я. – Живой – и соли боится. Ведь боится же черт ладана?»

Что ж, нет худа без добра...

Чтобы как-то разбавить адреналин, мы сжевали по паре крекеров и двинули почти строго по азимуту двести двадцать.

«А обломки-то вертолета небось студень сожрал... – невесело размышлял я. – И как после этого прикажете контейнер искать? Как?!»

– Впереди двадцать шагов, четыре левее – воронка, – докладывал Тополь, кажется, уже в десятый раз, а я машинально подтверждал:

– Двадцать, четыре, воронка, понял.

Потом мы менялись. Я становился «отмычкой», я шел впереди, прокладывая хитроумный, извилистый маршрут. Бубнил в рацию сведения об аномалиях. Швырял гаечки. Ждал подтверждений от Тополя. Если была возможность – обезвреживал аномалию при помощи подручных средств. Если не мог сам – звал на помощь Тополя.

Мы прогрызались через полосы аномалий, как саперы – через минные поля. Мы работали.

Но работа работой, а мечтаний о достойном вознаграждении никто не отменял. Что будет, если я не найду контейнер для этого проклятущего Рыбина? Плохо будет. Получится, что я за собственный счет устроил себе и Тополю многодневную прогулку по Зоне. Конечно, выручка от «звезды Полюны» подсластит пилюлю, но ее придется делить с Тополем. Мне не жалко, но на двоих – это уже и не столь астрономическая сумма.

Как же, как искать контейнер?

«Да и что там искать, – вдруг дошло до меня, – если контейнер наверняка сожран студнем заодно с обломками вертолета?»

Такой оборот дел – а в ту минуту он показался мне более чем вероятным – меня настолько не устраивал, что я остановился будто громом пораженный.

– Что такое? – тревожно спросил Тополь.

– Да вот... вроде зыбь... – принялся на ходу врать я, – справа семь... вперед восемь...

Конечно же, никакой зыби не было. Но настроение у меня вконец испортилось. Так испортилось, что даже два килограмма всякого мелкого хабара, среди которого попался и довольно ценный артефакт «морской еж», не смогли развеять ледяной туман, которым было окутано мое сердце.

Но вот наконец и девятая скважина...

Уф-ф...

Я уж думал, никогда мы до нее не доберемся.

А скважина-то эта о-го-го... Честно говоря, скважина – это только так сказано...

Да и бурили ее отнюдь не вертикально. А наоборот, со сравнительно небольшим – градусов двадцать – отклонением от горизонтали.

То есть, выходит, на самом деле здесь – целый туннель! Конечно, не сказать чтобы туннель метро... Но человек, пригнувшись, пройдет...

Остальные скважины, которые мне доводилось видеть в Заозерье, на эту не особо-то походили...

И это мне сразу не понравилось.

«С другой стороны – ну, туннель и туннель, что я – метро не видел? – попытался успокоить я себя. – Скорее всего здесь сперва поработал лазерный бур Ковчега, а потом уже ученые зачем-то расширили образовавшуюся дыру...»

Хотя какие здесь могли быть цели, у ученых-то?..

Ладно. А что мы еще имеем?

Мертвый зомби – одна штука. «Мертвый зомби» звучит, конечно, парадоксально... Ну, скажем тогда языком милицейского протокола: имобилизованные останки некробиотического объекта, получившего сплошные поражения высоковольтным электрическим разрядом.

Две электро, эта безотказная гвардия Зоны, несли стражу на подходах к черному зеву скважины. О них сообщали не только наши детекторы, но и хорошо различимая голубоватая дымка в воздухе. Слепой увидит!

Если связать обугленную тушку зомби с этими аномалиями, само собой рождалось допущение, что всего электр было три. Но в одну электру сдуру влез зомби, полностью разрядив ее на себя.

Эх, нам бы еще парочку зомбаков... Пожалуй, даже хватит одного: если вон ту электру разрядить, можно будет так аккуратненько... бочком... да и пролезть. Если раздеться почти догола, ага.

А «звезды Полыни», между прочим, нигде не видно.

В целом же – бр-р... Преперзкое местечко.

– Ну и как нам дальше жить? – поинтересовался Тополь.

– Ищи «волчьи слезы». По моим расчетам, они должны быть где-то левее.

– Экий ты расчетливый... Но мы ведь не за «слезами» сюда пришли, а?

– Современная наука аномалистика учит нас, дорогой Тополь, что вертикальный бич расшвыривает «волчьи слезы» пунктиром, указующим на точку, где этот самый бич зародился. И, между прочим, в той же точке должна лежать и «звезда Полынь».

– Боже мой, как сложно, – вздохнул Тополь, сбросив рюкзак наземь.

– Однако же... Э!.. Э!.. Ты что делаешь?!

А делал Тополь вот что. Он открыл рюкзак, достал из него иридиевую клетку с клацающим зубами крысиным волком и примерил ее в руке на вес. Ни дать ни взять – регбист с мячом.

– Ты... это! Оставь крысу!

Тополь словно бы меня не слышал. Мстительно прищурившись, он посмотрел на электру и приготовился к броску. Сомнений у меня не было: клетка вместе с крысиным волком будет использована на то, чтобы разрядить аномалию и открыть проход к горловине скважины. То бишь – к зеву туннеля.

– Да откуда ты вообще знаешь, что «звезда Полюнь» там?! – в отчаянии крикнул я; крысиного волка мне почему-то стало очень жалко.

Этот аргумент на Тополя вроде как подействовал. Прервав медитативное созерцание электры, он обернулся ко мне.

Крысиный волк, будто понимая, о чем мы говорим, тоже посмотрел на меня – как мне показалось, с мольбой и надеждой.

– А где ему еще быть, – тихо сказал Тополь, – если я слышал, как он меня позвал?

Э-хе-хе, вон оно что... Плохи наши дела. Когда в Зоне начинаются эти вот песни – «Я знаю, оно там... Он меня позвал... Она такая красивая...», – жди беды, сталкер.

Потому как такие разговоры почти всегда связаны с пси-эффектами, а пси-эффекты в нашем деле это вовсе не истерика взбалмошной дамочки и не уютные фрейдистские шарады.

Пси-эффект – это, натурально, следствие направленного воздействия на сознание и личность человека со стороны аномального объекта или существа. Причем если объекта – это еще полбеды. А вот если существа...

– Дай крысу сюда, – потребовал я. – А себе на пояс надень-ка вот это...

С этими словами я достал «морского ежа». Этот артефакт имел ценнейшее свойство: он заметно снижал силу внешних пси-воздействий. Конечно, от таких мощных пси-источников, как Отвертка, «ежи» не спасали, но частично нейтрализовать поползновения молодого контролера – могли.

Мой лучший друг, однако, медлил. Пришлось мне продолжать использование нелюбимого мною языка ласковых уговоров и разумных аргументов:

– Тополь, крысу нельзя в электру бросать. Зона не любит, когда ее детей убивают ни за что. Ты это хоть понимаешь?

Ненавижу возиться со взрослыми сталкерами, как с детьми. Но что попишешь: иногда приходится.

В конце концов я подошел к Тополю вплотную и собственноручно нацепил ему на пояс «морского ежа».

Только после этого невидимый и до времени неведомый источник пси-воздействия ослабил хватку, и Тополь вроде как снова начал соображать трезво. Благодаря чему я смог вырвать у него из рук клетку с крысиным волком.

Мелкий, но опасный мутант в клетке глядел на меня как обычно – свирепо и кровожадно. Дескать, моя бы воля, охотно перегрыз бы тебе глотку, дядя.

И все-таки, помимо этой, так сказать, рефлекторной кровожадности, было в его взгляде что-то еще. Признательность? Благодарность? Вроде того.

– Итак, друг мой, ты считаешь, что «звезда Полюнь» находится непосредственно в скважине? – спросил я.

– Да.

– Но подтвердить какими-либо объективными данными ты это не можешь?

– Нет.

– Но ты все-таки уверен, что она там?

Тополь вздохнул:

– Да.

Тополь выглядел несчастным. Вот он, конфликт разума и интуиции в чистом виде!

Я тоже вздохнул.

– Ладно.

С этими словами я положил клетку с крысиным волком набок и всмотрелся в ее днище, сиюсь обнаружить там волшебную кнопку «ОТКР».

Но кнопки «ОТКР» там не было.

– Черт, но должна же она как-то открываться! – проворчал я, когда вдруг обратил внимание на малозаметное колесико, утопленное плашмя в дно клетки.

Нескольких оборотов колесика хватило, чтобы понять: клетка, несмотря на всю ее хитроумную электронную начинку, открывается и закрывается самым наипростейшим способом – механически!

Тополь молча наблюдал за мной.

– Ты только, – обратился я к крысиному волку, – не вздумай кусаться. Убью к черту, я сейчас нервный.

Но между нами установилось вполне приемлемое взаимопонимание. Крысиный волк и не помышлял о нападении. Как только он сообразил, что в образовавшийся зазор проходят и морда, и плечи, он рванул вперед со всепобеждающим отчаянием обреченного существа.

В два гигантских прыжка крысиный волк достиг змеящейся широкой трещины в сухой глине и был таков.

– Какой милый. – Я глупо улыбнулся и поднял глаза на Тополя.

– Ты в порядке? – спросил он.

– Я? Конечно!

Захотелось обнять Тополя, объяснить ему, что он всегда был и всегда будет человеком, который меня понимает... Но на окраине сознания мелькнула спасительно-подозрительная мысль: а почему, собственно? Почему, собственно, я тут сопли распускаю?

И я сразу же сам себе ответил: а потому, что нахожусь в том же самом пси-поле, под воздействием которого Тополь решил, что «звезда Полынь» лежит в скважине номер девять. Только теперь Тополь экранирован от пси-поля артефактом, а я – нет.

– Послушай... – Мне требовалось огромное усилие, чтобы оставаться собой, то есть подавлять нарастающие пси-вибрации. – Мне... нужен... «морской еж». Но свой! С пояса! Ни в коем случае не!..

«Не снимай», – хотел сказать я, но разум мой померк, и наступила тьма.

Глава 17. «Звезда Полынь»

Follow the light, it's not in vain

And you will see I'll touch your feelings.

«Born To Touch Your Feelings», Scorpions

– Это эмпатический тушкан.

– Эмпатический тушкан?

– Да. Э-тушкан. Нам на Речной Кордон в конце той недели привезли свежий бюллетень анфоровского штаба с грифом «для служебного пользования». Называлась брошюра «Новинки Зоны и как с ними бороться». Так вот там писали, что вывелся новый подвид тушканов, способных к восприятию простейших эмоций и желаний человека.

– То бишь к эмпатии, – проворчал я.

– Именно. Он эмпатит человека, усиливает пси-излучение и отправляет обратно. Ну, может еще малость подредактировать содержимое твоей башки. Скажем, тебе очень хочется найти какой-то артефакт, а эмпатический тушкан может сделать так, чтобы ты думал, что он и есть тот самый артефакт.

– А визуально?

– Что визуально?

– Может твой тушкан сделать так, чтобы визуально выглядеть как артефакт? То есть ты этак смотришь на него, а видишь не тушкана, а «ведьмину косу».

– Без понятия. Вряд ли. Хотя...

С того момента, как мое сознание помутилось, прошло не так-то много времени. Да и

пространства, если можно так выразиться, прошло совсем чуть.

Мы с Тополем находились в дюжине шагов от девятой скважины. Я полулежал на земле, оперевшись на локоть, в полном изнеможении, и слушал незатейливый рассказ Тополя.

Оказывается, я вообще не выключался. Просто это мое сознание отстегнулось, а вот тело устроило Тополю настоящий спектакль.

Со слов Тополя выходило, что я без умолку трещал, какие мы замечательные друзья, какая у нас отличная дружба и как мы с ним вдвоем всех скрутим в бараний рог. Короче, я задолбал его излияниями дружеской приязни и новой порцией извинений за всё-всё-всё, а заодно жалобами на то, как я несчастен в окружении таких женщин, как Мариша, а ведь моей душе хочется высокого и светлого, и прочее ля-ля в таком духе.

– Да-а-а... – протянул я, дослушав. – Как-то все это предельно уныло. Если ты прав, где-то в недрах туннеля сидит эмпатический тушкан и морочит нам голову. Находится ли там, внутри, «звезда Полынь» – неизвестно. А влезть внутрь, чтобы проверить, мы не можем минимум по двум причинам, каждая из которых начинается на букву «э»: электры и э-тушкан.

Тополь вымученно улыбнулся, не прекращая кивать.

– Электры нас могут убить. Тушкан – заморочит голову тому из нас, у кого на поясе не будет «морского ежа». И второму, у которого «еж» будет, придется заниматься первым. Вместо того чтобы решать вопрос со «звездой Полынью». Все вместе это подводит нас к мысли, что...

И тут я осекся. Ибо вдруг обнаружил, что у Тополя во лбу горит красное пятнышко лазерного прицела.

Эту порцию свежей информации я переварить не успел. Над Заозерьем раскатился синтезированный динамиком глас:

– Сталкеры, внимание! Не двигаться! Вы находитесь под прицелом двух гаусс-винтовок...

– Где вторая-то?! – гневно выкрикнул я через плечо.

– А я и первой не вижу, – пробормотал Тополь.

– Молчать! Еще одно слово или движение – стреляю!

«Ишь грозный какой», – подумал я, но промолчал. Психов в Зоне тоже хватает, к сожалению. То есть когда вам говорят «еще одно слово – стреляю», это, конечно, скорее всего просто фигура речи. Но бывает и так, что в вас действительно выстрелят – совершенно нефигурально.

Спустя полминуты послышался хруст спекшихся катышков глины под чьими-то тяжелыми башмаками.

К тому времени я успел перебрать самые очевидные варианты: чудик из «Долга», из «Свободы», из «Греха»? Нет, на «Свободу» и «Грех» не похож манерой изложения... «Долг» – может быть.

Военный, спецслужбист? Вот это вариант, да.

Из частной военизированной структуры? Это еще более вероятно...

И уж почти наверняка наш пока еще невидимый агрессор как-то связан с давешним падением вертолета... То есть с тем самым контейнером Рыбина, который...

Эх, вот бы случилось чудо! И у нашего непрошеного гостя оказался при себе этот контейнер!

А потом второе чудо! Чтобы этот субъект застрелился прямо здесь, в нашем присутствии, не вводя нас с Тополем во грех человекоубийства...

Чудо у Бога в запасе и впрямь имелось, но только одно.

– Руки за голову! – приказал тем временем наш неизвестный солдат. – Тот, который стоит, быстро лег на землю! На землю! Мордой вниз! И ты тоже повернулся и лег нормально! – Это он, понятно, мне – я ведь все это время продолжал полулежать с самым расслабленным видом, опираясь на локоть.

Я глазами показал Тополь, что, хотя осуждаю действия этого фашиствующего молодчика, не вижу пока возможности дать ему заслуженный отпор. «Короче, Тополь, не выкобенивайся, а делай что приказано. Пока он нам бошки не продырявил-то», – таким было мое мысленное послание, если проще.

Тополь, в свою очередь, скроил уморительную гримасу – дескать, заколебал меня этот дятел, – но все-таки осторожно опустился на землю.

Итак, лежим мы, молчим, а дятел – которого, к слову, нам разглядеть так толком и не удалось – над нами ходит.

Первым делом он, конечно, разрядил наши автоматы. Потом – распотрошил рюкзаки.

Скосив глаза вбок, я увидел только заляпанные запекшейся кровью бронесапоги и бугрящиеся полимерными мышцами матовые штанины эластичного боевого экзоскелета «Ратник». Да, богатый парниша, завидую, завидую... Похоже, не врет, и у него действительно есть гауссовка. Насчет «вы на прицеле двух гаусс-винтовок» – это, конечно, понты... Но одна есть, есть, верю...

А вот есть ли у него контейнер с вертолета? А?

Я прикидывал так и этак – попробовать разговорить его или молчать дальше? Тут ведь сложно: можно и разговорить, а можно и пулю в затылок получить.

А вот насчет рыпнуться за пистолетом – о том я даже не думал. Прострелить «Ратник» все равно не получится. Судя по синтезированному голосу, шлем он тоже благоразумно не снимает. Значит, нет надежды продырявить ему горло или засадить пулю в лоб.

Стало быть: лежим пока, отдыхаем...

Тем временем похрустывание и шорохи начали отдаляться. Это указывало на то, что дятел в «Ратнике» направился в сторону скважины номер девять.

Искушать судьбу мне по-прежнему не хотелось. Но я позволил себе тихонечко повернуть голову и поглядеть ему вслед.

Фигура, казавшаяся монструозной из-за широченных, выпуклых наплечников «Ратника», наклонилась над пустой иридиевой клеткой.

Непрошенный гость взял ее, повертел в руках. Затем поглядел в сторону скважины. Взвесил клетку в руке – ну точно как Тополь!

В следующее мгновение счастливый обладатель «Ратника» сделал то, что собирался сделать Тополь (когда в клетке еще сидел крысиный король) и я (после того как выпустил крысина короля) – швырнул клетку в ближайшую электру.

Как видим, теперь получен ответ на вопрос, сколько нужно сталкеров, чтобы при помощи подручного металлического предмета разрядить электру. Сталкеров нужно трое. (Напомню для сравнения: милиционеров для вкручивания лампочки достаточно двоих.)

Голубая вспышка, акустический удар по ушам, будто шваркнули бичом по листу железа, и на закуску – волна озона, которую породила могучая молния электры...

«Ну-ну, супергерой вселенной, – злорадно подумал я, – а что ты дальше делать намерен? Одну электру ты, конечно, разрядил. А вторую? Ты-то в своем экзоскелете мимо второй электры никак не протиснешься!»

Честно говоря, соображал я тогда посредственно. Иначе не злорадствовал бы, ведь ежу было ясно, что у нашего нехорошего парня есть множество самых разных вариантов, один лучше другого. Он мог швырнуть в электру мою «Грозу», например. Или взять из моего рюкзака вторую клетку с крысиным королем!

Впрочем, в любом случае все мои тогдашние соображения не стоили выеденного яйца, потому что не учитывали главного: эмпатического тушкана.

Фигура в экзоскелете «Ратник» помедлила немного, а потом отважно шагнула вперед. Один шаг, второй, третий, четвертый...

На пятом шаге сработала вторая электра. Молния – толщиной в руку, клянусь! – ударила в экзоскелет.

– Ну все, до свидания, – сказал Тополь и вскочил на ноги.

– Совсем люди страх потеряли, – хмыкнул я, последовав его примеру.

Мы оба были уверены: такого мощного электрического удара никакой «Ратник» не выдержит.

Как бы не так!

Земля под безумцем дымилась, в воздухе тошнотворно пахло окалиной, экзоскелет громко потрескивал... Но нехороший парень вместо того, чтобы упасть, вдруг двинулся с места.

Шаг, потом другой... Он шел! Нормально шел, своими ногами! Экзоскелет, который держит разряд такой матерой электры, я видел своими глазами первый раз в жизни. Вот это вещь!

То есть «Ратник»-то я не первый раз в жизни вижу, конечно. Но первый раз вижу такой «Ратник», который...

– Если он сейчас оглянется, а мы не лежим... – тихонько сказал я.

– А «Гроза» его все-таки взять в спину сможет. Если бронебойными, а? – предложил Тополь.

– Давай не будем искушать судьбу.

Я первым подал пример, вернувшись в лежащее положение.

Отважный Тополь, однако, предпочел промежуточный вариант. Он подобрал свою «Грозу», загнал ей в ствол один из патронов, которые он всегда носит россыпью по карманам, и тоже лег, накрыв автомат своим телом.

Интересно, что наша болтовня не произвела никакого впечатления на анонимного героя в экзоскелете «Ратник». Не оборачиваясь, он продолжал движение и вскоре оказался уже внутри туннеля. Для этого ему пришлось присесть на корточки. Так, раскорякой, он и шел, пока окончательно не исчез во тьме.

Какое-то время не происходило ничего. Затем донесся хрустальный звон – с таким рвется застарелая паутина, дрянная аномалия, от которой большинство существующих скафандров не спасает. Неужели этот модифицированный «Ратник» защищает и от нее?

А затем из скважины выскочило существо, которое двигалось так быстро, что лично я его толком рассмотреть не успел.

Тополь продемонстрировал лучшую реакцию и даже успел прицелиться вслед мелкому мутанту из «Грозы», но того уже и след простыл.

– Тушкан? – спросил я. – Эмпатический?

– Ага. И знаешь, что-то мне подсказывает, что мы нашего друга больше не увидим. Живым по крайней мере.

– Мне тоже так кажется.

В течение последующего получаса мы тащили за ноги из скважины нашего незадачливого пленителя – тяжелого в своем экзоскелете, как все грехи клана «Свобода».

Шлем на нем отсутствовал. Глотка была перегрызена.

– Боже мой! – ахнул Тополь, когда мы оказались на свету и он смог как следует рассмотреть погибшего. – Да это же Пятнистый!

– Кто? – Я поморщился. – Пятнистое что?

– Я тебе о нем говорил! Военсталкер из лагеря ученых!

– А, ты с ним еще встречаться не хотел... Точно он?

– Точно! – воскликнул Тополь. – Одного в толк взять не могу: почему он меня не узнал?

«Потому, друг мой, что ты сильно переоцениваешь значимость своей персоны в тусовке военных сталкеров, – подумал я. – Есть среди них такие тертые перцы, которые по десять лет в Зону ходят. Всяких идиотиков из Темной Долины на своем горбу вытащили человек по сто... И не по фигу им какой-то свежеобрятенный военсталкер Тополь с Речного Кордона?»

– Ну вот видишь, а ты переживал, – сказал я. – Из-за него в лагерь ученых не пошел!

Тополь, казалось, меня не слышит.

– А почему же он один? – спросил Тополь обескураженно. – Их же пятеро должно

быть?

– Подозреваю, студень, – лаконично ответил я.

– Чтобы четыре опытных военных сталкера гробанулись средь бела дня на студне?

– Ну мы же с тобой – два опытных невоенных сталкера – сегодня чуть на студне не гробанулись?

Помолчали.

Гауссовка Пятнистого – отличнейшая G-15, – к счастью, не пострадала. Пистолет с лазерным прицелом – тоже. Был также цел и невредим ПДА, который я поспешно сунул себе в карман.

Увиденное позволяло в общих чертах реконструировать происшедшее.

Когда бедолага заинтересовался валяющейся на земле пустой иридиевой клеткой и подошел к ней, он попал в зону пси-действия эмпатического тушкана. Мутанту достаточно быстро удалось подавить его волю и заставить делать то, что требовалось ему, тушкану. А требовалось, вероятно, всего-то выскочить из девятой скважины, выход из которой был намертво заперт электрами.

Неясно только, зачем тушкан заставил человека снять шлем и загрыз его, но это можно списать на общую зловредность тварей Зоны... Хотя, если честно, нельзя. Тут крылась какая-то тайна.

Да, и главное. Стоит ли говорить, что при погибшем не было аквамаринового контейнера, попадавшего под описание, данное Рыбиным?

Увы, увы.

И все-таки подарок судьбы нас поджидал. Когда я вдоволь нашвырлся гаек в глубь скважины, Тополь наконец-то отважился отправиться ползком в ее темные недра и по прошествии двух минут издал ликующий вопль.

«Звезда Полынь»!

«Звезда Полынь» была там, друзья мои!

Глава 18. Полевой искатель Апель

Better watch out 'cause I'm a war machine
«War Machine», Kiss

Платина – самый дорогой из драгоценных металлов. Она в три раза дороже золота и в десятки раз – серебра.

Крупнейший из найденных людьми платиновых самородков – «Уральский гигант». Он весит семь килограммов восемьсот шестьдесят граммов и хранится в Алмазном фонде Московского Кремля.

Крупнейший самородок из найденных за пределами Зоны, следует уточнить.

Потому что «звезда Полынь» состоит из химически чистой платины. Говорят, попадались в Зоне такие «звезды», которые тянули на восемь и даже восемь с полтиной кэгэ.

И вот мы держали ее в руках... Свою «звезду Полынь»!

Оказалось, она не очень-то похожа на звезду, скорее на морского ежа со множеством коротких, притупленных игл-лучей. Но артефакт, названный «морским ежом», был открыт еще в первые годы после Второй Катастрофы. И к тому дню, когда знаменитый Лесник добыл первую «звезду Полынь», название «еж» уже было занято. Пришлось ему поднапрячь фантазию...

Наша с Тополем «звезда Полынь» весила девять килограммов.

Девять килограммов чистой платины... Куда больше, чем в «Уральском гиганте»!

– Мы вошли в историю, брат, – сказал я Тополю. Я так расчувствовался, что говорил севшим, сиплым голосом.

– Спасибо тебе, Володя. Бескрайнее сталкерское спасибо.

– Она твоя. – Я протянул артефакт ему.

Тополь секунду помедлил.

– Она наша, – наконец поправил меня он. – Но понесу ее действительно я.

Вот теперь можно и нужно было уходить. И так уже мы возле этой проклятой скважины засиделись!

Да не тут-то было...

Не скажешь, что песец подкрался незаметно. Да это было бы и странно. Ведь наш песец в тот день оказался крупнее, чем псевдогигант. И массивнее, чем джип «хаммер».

Песец подкрался неотвратно. Это уж точно. Тут лучше не скажешь.

Внезапно возникшее на соседнем пригорке создание внешне напоминало водянку-сварщика, но – увеличенного впятеро. И скрещенного с припять-плавунцом...

Или, скорее, гигантского термита оно напоминало?..

Ч-черт, этот заляпанный грязью кошмар не был похож ни на что, виденное мною ранее!

– Осторожно! – крикнул я.

– Слева! – одновременно со мной рявкнул Тополь.

Пока каждый из нас соображал, об одном и том же мы говорим или нет...

Пока мы в который раз за день хватались за автоматы...

Пока мы красиво, как в кино, разлетались в стороны от скважины номер девять...

В общем, пока мы повиновались своим сталкерским инстинктам, очередной непрошенный гость успел скрыться из виду в ближайшей складке местности.

Потянулись томительные секунды ожидания.

Нигде ничего.

И никого.

– Что на датчике? – натужным шепотом спросил я у Тополя.

– Какая-то мутота, – ответил он. – Такое ощущение, что существо ушло под землю.

Самое смешное, что датчик не ошибся.

– Полевой искатель Авель приветствует вас, люди. Авторизуйтесь или будете проигнорированы.

Учитывая, что эти слова, произнесенные твердым властным голосом, прозвучали в аккурат у меня за спиной, я чуть не наложил в штаны.

На мгновение мне показалось, что я сошел с ума. Или что сошел с ума, а точнее, обрел самостоятельную волю речевой синтезатор экзоскелета «Ратник», оставшегося бесхозным после гибели его хозяина, военсталкера Пятнистого.

Я осторожно повернулся.

Это был... ну да, это был Авель. Робот-кентавр. Один из троицы роботов, которые уничтожили Отвертку – если, конечно, доверять байке Паганеля, которую я пересказывал Тополю.

Эта механическая тварь, перепачканная желтой глиной, вынырнула у нас за спиной прямо из зева скважины номер девять! То есть оттуда, откуда мы ее появления ну совершенно не ожидали!

Беда в том, что я готовился увидеть кентавра в прямом смысле – человека-коня из греческой мифологии. Лошадиное тело, длинные стройные ноги, мускулистый торс...

И пусть этот кентавр будет изготовлен из титана и полимеров, пусть будет выкрашен, положим, в защитный или серебристый цвет...

Однако же перед нами стояло черт знает что.

Приземистый, обтекаемый корпус на четырех суставчатых конечностях наводил на мысли о гигантском клопе. Ну да ладно, будем считать, что этот каплевидный пельмень размером с автомобиль и был туловищем кентавра.

В передней части корпуса возвышалась призматическая башня высотой под два метра. Положим, это торс кентавра.

Башня была увенчана двумя черными яйцевидными объектами, отполированными до зеркальной гладкости. Есть такой ценнейший артефакт, «яйцо дьявола», так вот эти объекты

весьма и весьма на него смахивали. Но, конечно, никакого отношения к настоящему «яйцу дьявола» они не имели.

Эти положенные набор черные яйца крепились к вершине башнеподобного торса при помощи гофрированных рукавов. Я догадывался, что передо мной – две головы кентавра. И что гофрированный рукав-шея может удлиняться до нескольких метров, отправляя голову в увлекательное путешествие по какой-нибудь особо интересующей робота норе.

По бокам башни крепились конечности-манипуляторы – руки кентавра. Судя по конструкции, они имели огромное число степеней свободы: могли выгибаться назад, вперед, вправо, влево, вращаться, втягиваться, удлиняться...

Смертоносных вооружений в виде гатлингов, лазеров и огнеметов, которые сулила байка Паганеля, при Авеле замечено не было. Но это не означало, что их нет вовсе. Корпус робота, конечно же, располагал вместительным транспортным отсеком, в котором могло поместиться любое оружие вплоть до атомной бомбы.

– Авторизуйтесь или будете проигнорированы, – повторил робот.

– Ты понимаешь, что он от нас хочет? – спросил я Тополя.

– Нет.

– На Речном Кордоне тебя не учили обращению с роботами?

Тополь грустно вздохнул.

– Меня не учили обращению с неизвестными, сумасшедшими, сбежавшими от хозяев роботами. Если бы перед нами был обычный армейский беспилотник, уж как-нибудь разобрались бы.

– Авторизуйтесь или будете проигнорированы, – повторил робот в третий раз.

– Ну покажи ему свой аларм-маячок. Может, подействует, – предложил я.

Тополь не стал спорить и молча повиновался.

Эффект был нулевой. Демонстрация девайса, который есть у всех военсталкеров и который используется для экстренной отправки сигнала бедствия, а заодно и как система опознавания «свой-чужой», не произвела на Авеля никакого впечатления.

Впрочем, неудивительно.

– Ливанов, – сказал я отчетливо. – Профессор Ливанов.

Ливанов – фамилия блистательного ученого, который заправлял в лагере в тот год, когда были закуплены Адам, Авель и Ковчег.

Трудно сказать, на что я рассчитывал. Но на что бы ни рассчитывал, все равно к фамилии Ливанов робот остался безучастен.

Авель молча приблизился.

Протянул к нам обе верхние конечности. Они оказались еще длиннее, чем можно было заподозрить!..

...И вдруг одним ловким, не лишенным изящества движением Авель вытрусил содержимое моего рюкзака на землю!

Совершенно бесцеремонно!

– Э... Э!.. Э!.. – только и хватило меня.

– Что тут экать, – безучастно заметил Тополь. – Он же на поиск артефактов настроен, сам говорил. Общется сначала тебя, потом – меня. Найдет «звезду Полынь», заберет, и – до свидания.

– Дьявол! Так нельзя! Так нельзя, Тополь! Какого же черта мы на это смотрим?!!

– У тебя есть ГВБ? – спросил Тополь.

– Что?

– ГВБ, глубоковакуумный боеприпас.

– Нет, разумеется.

– И у меня нет.

– Но у меня есть граната «Wiper»! Очень мощная штука! Пожалуй, ему хватит!

– А если не хватит? Стоим, короче, и не рыпаемся. Пока он не рассердился.

– Я ему сейчас рассержусь!

Я едва не задохнулся от гнева. Нет, ну надо же, прошлись в Зону за хлебешком, а?
Да почему же нас все имеют сегодня?! Сговорились?
Сперва эмпатический тушкан! Потом этот нудный Пятнистый!
Но этого, видите ли, оказалось мало!
И появился Авель!

Интересно, кстати, где Адам и Ковчег...
– Авель, где Адам? Авель, где Ковчег? – спросил я, громко выговаривая каждое слово едва не по слогам.

Никакой реакции. Похоже, Авель исполнил свое обещание. Мы не «авторизовались», и теперь он нас «игнорировал».

Авель между тем демонстрировал повадки бывалого мародера.

Он ухватисто разбросал рядками по земле содержимое обоих наших рюкзаков. После чего – только конечности в воздухе мелькали! – принялся сортировать предметы на ценные, малоценные и не имеющие (в его цифровых глазах) никакой ценности.

«Слизь» – налево, кофе – направо.

«Звезду Полынь» – налево, магазины к автомату – направо.

«Морского ежа» – налево, мои мокрые (после незапланированного купания в Янтарном) носки – направо.

Любопытно, что его алгоритмы принятия решений очень странно повели себя при встрече с иридиевой клеткой. (Напоминаю: одна клетка была истрачена на то, чтобы разрядить электру, а вторая все это время пролежала в рюкзаке Тополя.)

Авель взял клетку, из которой на него злобно зашипел крысиный волк.

Помедлил. Затем положил ее направо – к вещам, которые были им классифицированы как не имеющие ценности.

Но потом – впервые видел, чтобы робот менял принятое решение, да еще так быстро! – Авель передумал и переместил клетку туда, где лежали все артефакты Зоны. То есть к «звезде Полыни» и прочим.

И вот, когда клетка оказалась вблизи от «звезды Полыни», крысиный волк издал глухой булькающий звук и... начал как-то странно пританцовывать! Ловить себя за хвост! И даже кувыркаться через голову!

С ним что-то происходило, я только не мог понять – что именно.

Ясное дело, у меня в мозгах в ту секунду все было перемешано, как в зыби, куда одновременно свалились стalker, ворона и псевдоплоть. Поэтому мысли мои были фрагментарны и не очень-то вняты.

Так, я одновременно думал о том, как отобрать «звезду Полынь» у Авеля; о том, как Авеля убить; о том, как Авеля выключить; о том, сколько мне даст денег Трофим, если я сдам ему выключенного Авеля; даст ли мне Рыбин за Авеля денег больше, чем Трофим...

И вот среди этих мыслей мелькнула вдруг одна вовсе не меркантильная.

Я же дал обещание Трофиму! Я обещал ему поднести клетку с крысиным волком к «звезде Полыни» и включить аппаратуру на запись!

А я, между прочим, привык свои обещания выполнять. Комбат я или не Комбат?!

Клетку с крысиным волком к «звезде Полыни» за меня уже поднес Авель. Теперь оставалось только включить датчики.

Не задумываясь о том, что мое поведение может вызвать гнев Авеля, я подошел к клетке и нажал на кнопку.

Затем я перевел взгляд на крысиного волка и обомлел...

Уродливая крыса-мутант размером с кошку, чьи зубы могли спокойно разгрызть надвое ствол пулемета или в один укус отхватить человеку кисть, на глазах превращалась в...

Я сначала не понял, во что именно превращался крысиный волк.

Объективная картина была следующей. Первым делом мутант потерял две полосы оранжевой шерсти, которые тянулись по сторонам от хребта. У особо матерых крысиных волков таких полосок появляется четыре и даже больше. Вот, например, у крысиного волка,

которого я отпустил, их вообще шесть было.

Итак, оранжевая шерсть выпадала. А на ее месте оставался лишь светлый подшерсток.

Вслед за шерстью выпали и кинжалы клыков.

Затем начали нормализоваться глаза и уши. У крысиных волков все органы чувств переразвиты. Так вот у этого они начали возвращаться к исходным, крысиным размерам!

В общем, тут для меня наконец-то прояснились мотивы некробиотика Трофима. Когда молодое светило науки подсовывало мне клетки с крысиными волками, оно явно руководствовалось информацией, полученной от кого-то из бывалых сталкеров. А то и – как знать? – от Хозяев Зоны. Мне вот, например, о демутиационных свойствах «звезды Полыни» слышать никогда не приходилось...

Поскольку Авель никак не отреагировал на коллизия с крысиным волком, я, особо не таясь, перевернул клетку и извлек из нее флэшку с записью показаний датчиков.

«Ну хоть кому-то будет польза от наших с Тополем сегодняшних злоключений, – подумал я. – А так, конечно, слезы одни. «Полынь» добыли, да только достанется она, похоже, сумасшедшему роботу... И этот Пятнистый, дурак-воен-сталкер, из-за нас, по сути, погиб...»

В этот миг меня как громом поразило.

Дурак-военсталкер!

Труп!

Я встал ровно перед Авелем и сказал:

– Внимание! Ситуация триста! Имеется тяжело раненное человеческое существо.

Тополь, как я видел краем глаза, только скептически ухмыльнулся и покачал головой.

– Что такое ситуация триста? – спросил Авель.

Ну по крайней мере робот меня больше не игнорировал! Он отозвался!

– Ситуация триста? Странно, что тебя этому не учили. Это когда имеется груз триста, то есть раненый. У нас раненый. Вон он. – Я показал на тело Пятнистого в экзоскелете. – Раненый находится в очень тяжелом состоянии, он без сознания.

– Мои сенсоры показывают, что человеческое существо мертво.

«Угу. «Сенсоры показывают», – мысленно перекидывая я робота. – А твои колебания с принятием решения насчет крысиного волка показывают, друг мой, что ты являешься ИСКИНом разомкнутого реактивного типа... И не будь я Комбатом, если мне не удастся этим воспользоваться».

– Тебе должно быть известно, Авель, что твои сенсоры могут ошибаться. Кроме того, окончательное заключение по человеческому существу может вынести только профессиональный врач, тоже человеческое существо. А пока я приказываю считать это тело... этого человека... грузом триста.

– Приказ принят.

Я покосился на Тополя. Тот прислушивался к нашему разговору с возрастающим интересом. А уж скептическую ухмылочку с его лица как ветром сдуло!

– Молодец, Авель. Ты готов предпринять все необходимые действия для доставки груза триста к профессиональному врачу?

– Не готов. Не имею координат профессионального врача.

– Ты готов к переходу под внешнее управление для доставки груза триста к профессиональному врачу?

– Готов.

– Тогда принимай серию приказов...

Мы сидели на спине Авеля и направлялись к месту падения вертолета. Это самое место я определил очень шустро – по россыпи «волчьих слез», как и намеревался. С высоты такой-то дуры, как Авель, цепочка поблескивающих артефактов открылась мне во всей своей красе, стоило ему вывезти нас на ближайший пригорок.

Это было невероятно, это казалось чудом, но было – фактом. Мне удалось заставить Авеля выполнять мои приказы!

А почему мне это удалось? Это я и объяснял Тополь, который решительно не врубался в происходящее.

– Понимаешь, брат, – вполголоса говорил я. – Мне когда-то Лодочник – пусть ему хорошо лежится! – очень четко разъяснил современную роботехнику. Там все стоит на нескольких аксиомах. Эти аксиомы закладываются в основу всех алгоритмов поведения робота...

– Да это-то я знаю, – перебил меня Тополь. – Три закона. Не причинять зла человеку, – он загнул мизинец, – защищать человека, – загнул безымянный, – при выполнении этих двух условий – защищать себя. – Тополь победоносно загнул средний палец. – Вся алгоритмика строится на этих законах.

– Верно. Но есть важный нюанс с оказанием помощи. Дело в том, что директивы «не причинять зла человеку» и даже «защищать человека» – это не совсем то же самое, что «помогать». Согласен?

– Само собой!

– На это-то Лодочник мне глаза и открыл. Что бы там ни говорили всякие прекраснодушные шибздики, на самом деле поисковых роботов программируют очень грубо. А именно: человека обижать, конечно, нельзя, но игнорировать – можно и нужно.

– Это мы видели, – хмыкнул Тополь. – Игнорирует он отлично.

– Вот-вот. Понять такой подход можно. Потому что всем не помогаешься и всех не спасаешься. Абсолютно нерентабельно делать роботов, которые, гуляя по Зоне, вместо поиска артефактов будут находить и вытаскивать раненых отмычек. А Абель изначально и создавался как типичный робот-поисковик для экстремальных условий...

– Ну и что? – Тополь недовольно нахмурился. Чувствовалось, что он перенервничал, устал и его мозг тяготеет моими пространственными отступлениями.

– А то, брат, что Авеля, по его базовой алгоритмике, нет никакого дела до раненого – или убитого – человека...

«Или убитого», – я сказал со значением. Дело в том, что военный сталкер Вадим Пяттеренко, он же – Пятнистый – был мертвее мертвого. Но именно его я выдавал Авелю за тяжелораненого, называя «грузом триста». И именно благодаря этому подлогу мы сейчас путешествовали верхом на Авеле с нашим спасенным хабаром в обнимку, а не рыдали в три ручья по конфискованной «звезде Полюны». Которую я, между прочим, легко отобрал у Авеля вместе с остальными нашими вещичками, как только робот перешел под внешнее – то есть под мое – управление.

– ...Но, – продолжал я, – есть такая штука: искусственный интеллект разомкнутого реактивного типа. Это мне тоже Лодочник растолковал. Это когда систему аксиом «размыкают», добавляя четвертую директиву: «Помогать людям». На самом деле там много чего добавляют, но это самое важное. Причем директива «помогать людям» добавляется именно в боевые программы! Ну а мы-то помним, что на Авеля в конце концов поставили боевое ПО! Так что теперь «помогать раненым» для него – святая обязанность.

– Чем ты и воспользовался, ловкий сукин сын, – с уважением сказал Тополь, до которого наконец-то доперло. – Удивляет только, – он понизил голос, – как тебе удалось впарить ему труп Пятнистого в качестве «раненого».

– Ну ты же видел. Я смог убедить робота, что его органы чувств несовершенны.

Тополь хотел что-то сказать, но только улыбнулся и покачал головой.

От вертолета сохранилось не так мало. И хотя часть обломков была уничтожена студнем, оставшегося хватило, чтобы судить о типе машины и судьбе ее экипажа.

Вертолет был «Кормораном» европейского производства. Он же – EH-101. На это указывали характерные наплывы на законцовках лопастей несущего винта.

Не надо думать, что все упавшие вертолеты обязательно взрываются или хотя бы загораются. Многие просто бьются вдребезги.

Наш был из таких. Я, кстати, думаю, что именно отсутствие пожара и приметного столба черного дыма не позволило наземным службам быстро и надежно определить место падения вертолета. Скажем, ученые в лагере на Янтарном, похоже, не знали и о самом факте падения «Корморана» в Заозерье.

Что касается судьбы людей... Погибли явно все. И экипаж, и единственный пассажир.

Это значило, что если контейнер КМПЗ, о котором говорил Рыбин, вообще имел место, то он должен находиться где-то поблизости.

Ну и где он?

– Я его видел, – сказал Тополь.

– Что? – Я вздрогнул. Естественно, я подумал, что Тополь имеет в виду контейнер!

– Вертолет этот, «е аш сто первый». Видел. Он шел над Припятью в сопровождении второго такого же.

– Вертолетов было два? Ты видел своими глазами?

– Да.

– Когда?

Тополь назвал дату. Я прикинул, где меня носило в то же время...

– А я их слышал, – сказал я.

– Чего-о?

– Эти же вертолеты слышал. Они проходили севернее Ёлкина Леса. Я в ту ночь с хабаром в своем схроне сидел, под желтой опорой ЛЭП. Ну, ты знаешь.

Тополь мне не ответил, потому что в разговор вклинился наш новый друг механический клоп-кентавр.

– Полевой искатель Авель напоминает, что находится в процессе решения первоочередной задачи по эвакуации груза триста. Жду разрешения продолжить процесс эвакуации.

В голосе робота мне послышалась укоризна – между прочим, может, она там и в самом деле присутствовала. Это раньше думали, что изображать эмоции сложно. А теперь-то ясно, что это всего лишь вопрос нескольких добавочных модуляций.

– погоди, – сказал я, оборачиваясь. – Облегчить судьбу раненого может контейнер аквамаринового цвета. Контейнер имеет маркировку из трех букв: ОМТ. Ты не находил его здесь?

Тополь бросил на меня красноречивый изумленный взгляд. Дескать, что ты несешь, Комбат?

Я сделал успокаивающий жест рукой: «Все под контролем».

– Нет, – ответил Авель.

«Эх, жаль, – подумал я. – А как было бы здорово, если бы оказалось, что Авель нашел контейнер и сунул его себе во чрево, в транспортный отсек!»

Я продолжил допрос:

– Ты присутствовал при крушении вертолета?

– Нет.

– Ты видел живых людей на месте крушения?

– Да.

– Ты видел живых людей на месте крушения этого вертолета? Вертолета ЕН-101 «Корморан»?

– Что такое е аш сто один корморан?

– Модель этого разбившегося вертолета. – Я для определенности показал на обломки.

– Информация принята. Да, я видел людей на месте крушения вертолета ЕН-101 «Корморан».

– Сколько живых людей ты видел на месте крушения вертолета?

– Шесть.

– У тебя сохранились записи?

– Да.

– Я приказываю тебе передать записи встречи с этими людьми на мой ПДА. Номер...

Я продиктовал свой номер.

– Выполняю приказ.

Пока Авель заливал затребованные мною видеозаписи на мой ПДА по беспроводной сетке, я пояснил Тополью:

– Мне тут вообще-то одну вещь найти нужно...

– Это я знаю. И лежит эта вещь в контейнере какого-то педоватого цвета, – проворчал он. – А раньше сказать нельзя было, что эта вещь выпала из разбитого вертолета?

– Можно. Но смысл?

– Но я хотя бы знал тогда, к чему готовиться! Потому что я в Зоне не первый год! Когда начинается вся такая муть – «одну вещь найти нужно», «одно дело сделать», – жди неприятностей. Но когда выясняется, что эта самая вещь на самом деле принадлежала кому-то, рассекающему на не самом дешевом вертолете «Корморан», что вокруг нее ужеросло несколько трупов и груда обломков, тогда неприятности совершенно неизбежны. Крупные неприятности притом!

Я чувствовал, что Тополь начинает злиться. А когда Тополь начинает злиться, это как пожар на торфяниках. Вроде не особо зрелищно, но тлеть может днями и неделями. А если, не дай бог, к сухостою подберется, да ветер правильный подует...

В общем, не знаю, как бы я выкручивался дальше, но тут Авель отпартортовал:

– Видеозаписи залиты.

И дальше завел прежнюю шарманку:

– Полевой искатель Авель напоминает, что находится в процессе решения первоочередной задачи по эвакуации груза триста. Жду разрешения продолжить процесс эвакуации.

– Разрешения не даю. Приказываю произвести поиск контейнера многоцелевого повышенной защищенности в радиусе пятисот метров от твоего текущего местоположения.

– Требую установить ограничение на время поиска.

– Шестьсот секунд.

– Выполняю! – молодежато доложил Авель и убежал. Эта бодрая груда железа начинала мне нравиться!

– Почему так мало? Думаешь, он за десять минут в состоянии что-то найти? – спросил Тополь.

– Думаю, если только КМПЗ никто не забрал и его студень не слопал, то – в состоянии.

– А если забрал?

– А это мы сейчас увидим. – Я выбрал на ПДА самый ранний по времени записи файл из переданных Авелем и ткнул в него пальцем.

И вот что мы увидели...

Это были те самые крепыши в камуфляже, о которых говорил Трофим.

Правда, Трофим говорил о семерых, а на съемке их было только шесть. Но мне достаточно было вспомнить встречу с жуткой блуждающей аномалией на Янтарном, чтобы понять, куда делся седьмой.

Вооружены и экипированы члены этой группы были отменно и вообще выглядели весьма профессионально. Мокроступы, полученные в лагере ученых, они, конечно же, после перехода через Янтарное спрятали в рюкзаки. По крайней мере видеокамеры Авеля ни одного мокроступа не зафиксировали.

Знакомых лиц нет. Определенно – наемники. Но очень квалифицированные наемники.

Робот, судя по съемке, какое-то время наблюдал за ними, выставив одну из своих голов на длинной шее из-за холма. Собирал информацию. Чувствительные микрофоны Авеля

ловили каждый звук, но бродяги в камуфляже были феноменально немногословны.

Вот они тщательно обшаривают обломки вертолета. Предмет за предметом...

Кстати, запись показывала обломков существенно больше, чем застали мы с Тополем. Так что прав я был: много исковерканных железок сожрал студень.

Итак, осматривают они обломки... Молчат. Потом один из них говорит:

– А не мог кто-то раньше нас успеть?

Ему отвечает мужик с седым ежиком, по всему видно – командир отряда:

– Исключено.

Снова две минуты сосредоточенного осмотра места падения.

Наконец кто-то, ранее молчавший, рождает мысль:

– Странно. Трупов не хватает. Здесь три, а должно быть пять.

– В ориентировке уверен? Насчет трупов?

– Уверен. Такие источники не ошибаются.

Между тем контейнер аквамаринового цвета ни в одном кадре не мелькал.

«Так-так, – злорадно подумал я, – похоже, мужики, у вас с КМПЗ тоже не срослось».

Потом Авель начинает двигаться.

Причем чертовски быстро. Камеры робота скачут, расфокусируются, не видно толком ни черта.

Микрофоны фиксируют нервные крики: «Это что за херня?!», «Не стрелять!», «Да его проще завалить, чем думать!», «Отставить!».

Авель останавливается. Его камеры снова фокусируются на перекошенных, злых рожах наемников. Робот подошел совсем близко к ним, метров на пять-шесть.

Дальше события некоторое время развиваются ровно так же, как и у нас в ходе нашего первого знакомства с Авелем.

Робот трижды повторяет просьбу авторизоваться и обещает, что в противном случае они будут проигнорированы.

Командир наемников пытается наладить с Авелем общение, но без толку.

Затем он подает своим людям несколько условных знаков. Те пятятся, расходясь веером в стороны. Каждый из них заряжает в подствольные гранатометы разные гостинцы.

У одного из наемников я вижу надкалиберную гранату «Wiper». Такую точно и я ношу с собой на черный день.

Авель между тем решает приступить к стандартной процедуре поиска артефактов в чужих рюкзаках. Подходит к командиру, начинает стаскивать с него рюкзак...

Командира наемников пробивает на псих.

Извернувшись, он сбрасывает рюкзак, оставляя его в клешне робота, отбегает в сторону, вскидывает свой великолепный автомат FN2000, кричит: «Огонь!»

Шквал пуль и гранат из подствольников обрушивается на Авеля. Грохот такой, словно вся Зона проваливается в тартарары. Фокусировка камер сбивается, конец файла.

– Так вон оно как. – Тополь с опаской покосился на робота.

Я Тополя понимал. По всему настроению видеозаписи чувствовалось, что дальше произошло что-то кошмарное. Потому как Авель-то был жив-здоров, а вот наемники куда-то подевались. И, конечно, я догадывался – куда именно.

– Ну, главное мы уже установили, – сказал я. – Мы знаем, что контейнер наемники не нашли. Смотрим дальше? В принципе можем не...

– Давай уж смотреть, – настоял Тополь. – Что за страусиная политика?

Второй файл был заполнен хаосом звуков и калейдоскопически пляшущими картинками. Чувствовалось, что Авелю очень не хочется подставляться под автоматные очереди и разрывы гранат (железный-то он железный, но ведь не цельнолитой!).

Робот прыгал, как кузнечик, и бегал, как гепард.

Видимо, в первые же секунды боя он отобрал автомат у командира наемников...

А потом, одного за другим, стремился разоружить и других обидчиков...

К чести Авеля, он, похоже, поначалу не намеревался их убивать. Но где-то в глубине

его электронных мозгов по десять миллионов раз в секунду пересчитывалась весовая функция, ответственная за стратегию поведения. И она, эта функция, постепенно менялась от значения «уклонение от угрозы» к «устранению источника угрозы».

Потом ахнул жуткий взрыв.

– Вайпер, – сказал Тополь.

Мой друг был прав. Однозначно, кто-то применил гранату «Wiper». В надежде, что уж она-то наконец вобьет Авеля в землю по макушку. Точнее, по обе его черные гладкие макушки.

Взрыв гранаты робота не уничтожил, но, видать, наконец напугал его не на шутку. Абель рассвирепел. Или, выражаясь языком роботов, принял решение на устранение источника угрозы.

Он положил всех шестерых за восемнадцать секунд.

Средний темп, выходит, три секунды на человека.

Двоих он убил левой конечностью. Просто оторвал головы.

Четверых – застрелил из отобранного в самом начале корриды автомата FN2000.

Много я видел страшных вещей. Но это был просто тихий ужас.

Мы с Тополем переглянулись.

– Тебе не кажется, что пора линять? – спросил он.

– Кажется. Но просто так слинять нельзя, – возразил я. – Абель должен получить от нас вменяемые директивы, а то погонится за нами с воплями «Что делать?!». Сейчас, подожди секунду, мне тут на ПДА мессага пришла.

Сообщений оказалось даже два, оба от Синоптика.

Одно из них было отправлено еще три часа назад, но не смогло пройти из-за аномального состояния эфира. Удивительно еще, как вообще это самое состояние – а оно в Заозерье всегда аномальное – позволило сейчас проскочить всем необходимым пакетам радиоволн...

Так вот, сообщение было отправлено три часа назад и гласило: «Всем. Штормовое предупреждение категории А. Студень в Заозерье. Прогноз по срокам: с 13:00 до 13:30. Зона поражения прогнозу не поддается, советую считать, что все Заозерье. Синоптик».

В этом, первом предупреждении речь шла явно о студне, который мы с Тополем посолили.

Второе сообщение было свежим.

«Всем. Штормовое предупреждение категории А. Студень-вихри в Заозерье. Прогноз по срокам: с 16:00 до 18:00. Прогноз по зоне поражения: 2 км ЮЗ центр Янтарного. Синоптик».

«Два километра юго-западнее центра Янтарного... – прикинул я. – Эге, да это же как раз здесь!»

– Слышь, Тополь, Синоптик обещает нам студень-вихри совсем скоро. Надо убираться.

– Да я только «за». Мне-то, в отличие от тебя, «одна вещь» не нужна.

Я не стал спорить и указывать ему на то, что, в случае успеха с контейнером, пятьдесят процентов денег, полученных от Рыбина, достались бы ему.

Но какая теперь разница, если проклятый контейнер КМПЗ как сквозь землю провалился? Сейчас тут еще студень-вихри попляшут, и вообще ничего не останется, даже если раньше и было.

Через пару минут мы уже сидели на спине Авеля, который стремительно уносил нас прочь от обломков вертолета и от страшного катаклизма, обещанного Синоптиком.

Что делать дальше? Как быть с Рыбиным?

Эти два вопроса занимали меня все то время, которое требовалось Авелю для преодоления мощного пояса аномалий при движении в общем направлении на север, в обход Янтарного.

Пошел монотонный дождь, но все равно настроение у меня было скорее «плюс», чем «минус».

– Слушай, Тополь, – сказал я. – А как ты смотришь на то, чтобы вывести Авеля за Периметр?

– Чего?

– Ну, мы могли бы его продать, например. Я думаю, те люди, которые попросили меня найти контейнер с упавшего вертолета, охотно отваяют за него кучу денег.

– Уверен?

– Уверенности, конечно, нет, но почему бы не попробовать...

– Я думаю, – сказал Тополь очень серьезно, – что робот-убийца это типа медведя-людоеда. Его надо сторониться. А лучше всего – убить.

– Ну, убивать – это без меня. А насчет сторониться... Давай он нас к Янтарному вывезет, и мы сразу же с него слезем. И распрощаемся с ним навсегда. Хочешь?

– Хочу.

В голосе Тополя звучала такая убежденность в собственной правоте, что я чувствовал: спорить бесполезно.

Пожалуй, в глубине души я был с ним согласен. Эти жуткие кадры, на которых Авель отрывал головы наемникам...

Ну его к черту! Кто знает, как у него там весовая функция в мозгах дальше работать будет... Как бы самим без головы не оказаться.

Самые серьезные аномалии остались позади. От озера нас отделяли где-то метров триста, когда Авель вдруг встал как вкопанный.

«Кажется, приехали».

Голова робота развернулась на сто восемьдесят градусов. Черное яйцо глядело на нас своим острым концом. Там, под односторонне прозрачной поверхностью крепчайшего бронестекла, были расположены те самые камеры, которые служили Авелю глазами и запись с которых мы смотрели.

– Полевой искатель Авель запрашивает разрешение на извлечение груза триста из транспортного отсека.

– Это еще зачем? – удивился я.

– У груза триста возобновилось дыхание.

– Повтори.

– У груза триста возобновилось дыхание.

Для тех, кто не понял, поясню: Авель утверждал, что Пятнистый подает признаки жизни.

Тот самый Пятнистый, который все это время пролежал, холодный и бездыханный, у Авеля в брюхе, в приемистом транспортном отсеке.

Тот самый Пятнистый, чью смерть я лично диагностировал.

Чудо? Чудо.

– Можно я? – вдруг спросил у меня Тополь.

– Да пожалуйста.

– Тебе известно, кто такой Болотный Доктор? – спросил Тополь, обратившись к Авелю.

– Нет.

– Болотный Доктор это человеческое существо, которое обитает на Болоте. В точке с координатами...

Тополь сверился с картой и назвал Авелю точное местоположение домика Болотного Доктора посреди Болота.

– Повтори, – приказал Тополь.

Авель повторил. Также, в свойственной себе манере, он повторил и запрос насчет «разрешения на извлечение груза триста из транспортного отсека».

– Груз триста извлекать запрещают. Слушай приказ: доставить груз триста Болотному Доктору по указанным координатам. Установив контакт с Болотным Доктором, ты должен

сказать следующее: «Это раненый военный сталкер Вадим Пятеренко. Прошу оказать ему помощь. Меня послал Тополь». После того как Болотный Доктор примет у тебя груз триста, можешь возвращаться к выполнению обычных процедур.

Вот и всё. Спустя минуту Авель, припустивший со скоростью хорошего вездехода, уже скрылся за холмом.

Мы, бросая нервные взгляды через плечо – все-таки студень-вихри это не шутка, – потопали к Янтарному.

Дождь прекратился. Спасибо, Зона!

– Интересно, Пятнистый действительно задышал? – спросил я. – И если да, то почему.

– Зомбифицирующий вирус, наверное, – спокойно ответил Тополь.

– Проник в ткани после укуса эмпатического тушкана?

– Ага.

– А ты быстро соображаешь. – Я поглядел на Тополя с уважением. – Болотный Доктор он такой... Пожалуй, даже зомбовирус сможет обратить на пользу. То есть только он и сможет, я хочу сказать. Еще воскресит бедолагу, чего доброго...

Глава 19. Главный Рэмбо в лесу

A world without heroes

Is like a world without sun.

«A World Without Heroes», Kiss

Заслышав звуки стрельбы, мы с Тополем остановились.

Стреляли неподалеку – у самой воды. ПДА обещал двух человекообразных.

Справа от нас поросший кустами северный берег Янтарного озера круто уходил вниз. Недавний дождь превратил широкую тропу, которая вела к воде, в нечто вроде протяженной глиняной скользанки.

Судя по изрядному количеству размазанных по грязи следов, в тот день скользанка пользовалась особой популярностью.

Кусты мешали разглядеть с нашего места, кто там внизу так громко плюхает. И кто так ожесточенно стреляет.

На ПДА продолжали настырно мерцать две человеческие метки. Скорее всего это не сталкеры. Но кто?

– Надо бы глянуть, – сказал я на ухо Тополю.

– Зачем еще? – Тополь всегда был прагматиком.

– Затем, что хочу все знать!

– Ну, дело твое. Ты гляди, а я тебе спину прикрою. Чтобы не получилось как в позапрошлом году возле Радара, когда нас четверо пацанов из «Долга» прижали в углу и обобрали до нитки, программы эти свои зачитывая... Про торжество науки и цели, которые оправдывают средства...

Не знаю почему, но мне вдруг стало страшно. В Зоне бывает так – страх накатывает, как волна. Но любопытство все-таки взяло верх.

Я пошел вперед, не сомневаясь, что в пяти шагах за мной топает мой друг с автоматом наперевес. И, если что, короткая очередь из его «Грозы» исправно уложит в грязь Заозерья любого незваного гостя.

Я осторожно ступал по траве в стороне от глиняной скользанки, не сводя глаз с датчика аномалий. Но вот сомнительный участок был пройден, кусты расступились...

Чтобы преодолеть последние, самые важные дециметры, я улегся на живот и пополз. Попасть под дурную пулю мне совершенно не улыбалось.

По колено в воде, у самого берега озера, стояли двое – парень и девушка.

Парень был, считай, безоружен. Разве что взять в расчет длинный охотничий нож,

которым он вяло пытался оборониться от рассвирепевшего псевдогиганта? Ха, ха, ха три раза, как любил повторять мой дедушка, суфлер погорелого театра.

Псевдогигант – это была матерая, крупная особь – плевать хотел на охотничий нож.

А вот воды он, похоже, боялся. Мутант топтался у самого-самого краешка, но преодолеть плевое расстояние до незадачливой парочки пока не спешил. Вместо этого он ярился и пытался достать потенциальную добычу своими мощными передними лапами, которые составляли впечатляющий контраст с небольшими, дегенеративными задними.

Все знают, что питаются псевдогиганты трупами. Но не все знают, что если за время долгих странствий вокруг Янтая (именно эти места они по неизвестной мне причине предпочитают) псевдогиганту не встречается аппетитного трупика, мутант принимает решение занять активную жизненную позицию и такой трупик себе раздобыть. Горе тем, кто встанет у него на пути!

Я изучал диспозицию где-то секунд двадцать. Долго, да. Но мне требовалось увериться, что между мной и мутантом нет сколько-нибудь мощных аномалий. Таких аномалий, например, которые перехватят пули, выпущенные из моей «Грозы», и обесмыслят мою стрельбу.

Из пасти псевдогиганта вырвалось грозное рычание. Вся его поза свидетельствовала о том, что он вот-вот прыгнет. Что он уже смирился с необходимостью лезть в воду... И если он еще не прыгнул, так только лишь потому, что опасался залететь туда, где не видно дна.

Причины решимости мутанта лежали на поверхности – судя по всему, полминуты назад блондин пытался покончить с ним, высадив полный магазин «вальтера» ему в голову.

Наивный!

Блондин, конечно, был не в курсе, что возненавидевшая сынов человеческих природа-мать снабдила своего любимца псевдогиганта черепом рекордной толщины, который надежно защищает не слишком развитой мозг его хозяина от всякой пули.

Против костяной брони псевдогиганта «вальтер» был бессилен. И, будем откровенны, не всякая штурмовая винтовка смогла бы с ней справиться. Чтобы пробить башку псевдогиганта, требовались хорошие бронебойные пули...

Сам «вальтер», за бесполезностью отброшенный блондином прочь, я заметил – он валялся на жухлой коричнево-зеленой траве возле высохшего куста лопуха. Лопух оцетинился во все стороны колючими головками, словно бы говоря: растения тоже не в восторге от того, что происходит в Зоне, и они тоже чувствуют себя потенциальными жертвами мутантов.

Картину довершала стая местных псов, на которых и смотреть-то было противно. Они терпеливо ждали, пока псевдогигант оприходует двуногих, в надежде, что им тоже перепадет что-нибудь после обильного пиршества старшего...

Но вернемся к нашим героям.

Пока парень – а он был явно ранен, лицо его заливала кровь, – отмахивался ножом от псевдогиганта, его спутница пряталась у него за спиной. В руках она сжимала длинную и даже на вид трухлявую палку.

При помощи этой палки девушка планировала постоять за свою честь, когда ее спутник падет.

У девушки были длинные черные волосы до пояса – блестящие, живые, как будто с рекламы шампуней. Загляденье!

Правда, волосы эти были грязными, спутанными, и кое-где в них трепетали устроившиеся там ржавые дубовые листья. Не то бедняжка катилась по земле, не то упала, спускаясь по глиняной скользanke, не то ночевала в шалаше. Или все это вместе.

Мордашка у девушки была серьезной и очень, очень печальной.

Уж поверьте человеку, знающему в этом толк. Это отдельная категория девушек – «печальные». Такие даже когда улыбаются или смеются, все равно кажется: вот-вот заревут.

Однажды я едва не женился на одной такой. Ее звали Олеся. Но моя глупость в совокупности с ее гордостью не дали шансов нашему совместному супружескому счастью...

Впрочем, я отвлекаюсь.

Печальная девушка-брюнетка с бело-розовой кожей и грустными глазами время от времени совершала вылазки из-за спины парня! Она тюкала псевдогиганта по лапам и по темени! Эти удары не только не причиняли твари вреда, но даже не способны были рассердить ее.

Пожалуй, если бы псевдогиганты имели развитое чувство юмора и умели смеяться над шутками абсурда, шансы отличиться у девушки были бы. А так...

Толку от брюнетки было как с козла молока. Но палку она не бросала. Как видно, хотела, чтобы ни один человек на земле не имел повода сказать, что она не пыталась помочь своему спутнику отбиться.

Брюнеточка мне глянулась.

И если ее усталый друг был объят чем-то похожим на волю к жизни, то брюнетка всем своим видом являла полную противоположность.

На ее лице явственно прочитывалось: «Дорогие друзья! Если меня сейчас сожрут, я совсем-совсем не расстроюсь! Потому что мысленно я готова умереть в любую минуту!»

В общем, вот так они и стояли по колено в холодной воде, уходя все глубже в радиоактивный ил, и отбивались от голодного псевдогиганта.

Подводя к концу анализ аномальной обстановки (а она была сложной), я вел сам с собой бурную дискуссию на тему «А не помочь ли обреченным?». В самом деле, тут могли быть разные мнения.

С одной стороны, «кто людям помогает, тот тратит время зря. Хорошими делами прославиться нельзя...». Эту песню любил напевать небезызвестный Боров, бармен бандитского бара. И иногда я, ваш Комбат, с пафосом песни был на сто процентов согласен, хотя лично Боров и был мне отвратителен. Вот помогу я им. А дальше что? Да они и километра не пройдут, как встретят такого же псевдогиганта, и повторится вся та же история.

А с другой стороны, вот Черный Сталкер, к примеру. Он же помогает нам, сталкерам, так? Ну тогда логично, что и мы должны помогать другим сталкерам. И не сталкерам тоже. Пусть не всегда, но хотя бы изредка. В общем, получается, иногда все же надо помогать другим. Этого требует что-то важное внутри нас. Надо, да... Хотя и не хочется!

Ну а с третьей стороны, вот Трофим. Приятно, черт возьми, осознавать, что, не будь меня, и его бы, умника, не было! Тешит самолюбие.

«Мне бы знак какой-нибудь. Чтобы понять, как надо поступать в данном случае», – подумал я, перемалывая челюстями ком жевательной резинки со вкусом спелой узбекской дыни.

Не успел я додумать это пожелание до конца, как мой цепко ощупывающий каждый метр берега взгляд упал на предмет аквамаринового цвета... точнее, на укрепленный дополнительной титановой деталью угол некоего прямоугольного предмета аквамаринового цвета, который... был подозрительно похож на контейнер Рыбина! Тот самый, который я так настырно и безуспешно искал. Да и не один я, судя по видеозаписям Авеля...

Контейнер, цел-целехонек, лежал в густых зарослях мутантной череды.

Рядом с ним валялся дорожный баул с какой-то надписью на немецком.

Чуть поодаль распласталась, раскинув рукава, как крылья, мужская кожаная куртка коричневого цвета – как видно, разгоряченный погоней блондин стянул ее по дороге к воде, чтобы не стесняла движений.

Я вытянул шею, чтобы как следует рассмотреть, нанесена ли на бок аквамаринового чемодана желтая аббревиатура ОМТ (впрочем, я уже не сомневался, что это искомый контейнер).

Чтобы доискаться до истины, мне пришлось приподняться и сесть на корточки, окончательно демаскировав себя.

Омерзительные псины тут же засекли чужака и начали издавать ужасные звуки, которые лишь с большой натяжкой можно назвать лаем. Черно-серым смрадным потоком

они устремились к нам с Тополем, брызгая ядовитой слюной.

Лишь псевдогигант и блондин-культурист были настолько заняты друг другом, что не проявили к новой персоне никакого интереса.

Девушка же, кажется, меня заметила. Она сказала что-то парню, но тот даже бровью не повел. Может, не услышал.

В напоенных отменной лирической печалью глазах девушки затеплилась искорка надежды. Если, конечно, я ее себе не нафантазировал – эту искорку.

Как я уже сказал, всю эту сложную и не лишённую готической живописности картину мой мозг впитывал и анализировал долгих двадцать секунд.

На двадцать первой секунде псевдогигант прыгнул с берега в воду. Однако уверенности в себе ему не хватило – все-таки тварь чего-то очень боялась. Вполне возможно, что водянки-сварщика или того жуткого «веретена», которое чуть не сцапало нас с Тополем на том же самом Янтарном озере несколько часов назад.

В общем, мутант не смог покончить с парнем в один прыжок, не долетел он самую малость. Его удар пришелся по воздуху перед горлом противника.

Я открыл огонь псевдогиганту в спину ровно в тот момент, когда мутант был готов нанести смельчаку последний сокрушительный удар.

Тем самым я, кажется, невольно подтвердил мысль классика из школьной программы, согласно которой попутный ветер всегда начинает дуть в минуты отчаяния.

Я знал, куда стрелять. Еще бы, счет укокошенных мною псевдогигантов давно перевалил за второй десяток!

Похвастаюсь, пожалуй, еще немного – этого псевдогиганта я прикончил с рекордно малым расходом патронов.

Мутант рыкнул в последний раз, пошатнулся и рухнул в воду мордой вниз, подняв фонтаны брызг. Парня и девушку щедро окатило ледяным душем. Но что-то не видно было недовольства на их молодых красивых лицах!

– Ничего себе, – почувствованно сказал парень, опуская нож.

Эх, хотел бы я увидеть себя глазами этого блондинистого амбала: вдруг откуда ни возмись, в самый что ни на есть критический момент, из жухлых кустов жимолости появляется спаситель с автоматом наперевес. И этот святой Георгий враз делает то, что битых надцать минут не удавалось тебе, – укладывает монстра!

Девушка обрадованно вскрикнула и помахала мне рукой. Ее глаза увлажнились.

Эпичность картины, правда, была несколько смазана тем, что, спускаясь к ним, я пару раз едва не упал на спину – уж больно скользкой оказалась глинистая жижа склона.

Тем временем свирепые и явно голодные псы, видя мою победу над огромным мутантом, малость поумерили пыл и замерли в нерешительности. Затем три особи все же бросились ко мне, но двоих мгновенно подстрелил Тополь. Который, напомним, все это время прикрывал мою спину, то есть в более широком смысле – следил за тем, чтобы никто не мешал мне работать.

Третьего пса прикончил я. Остальные сразу же разбежались.

С этими псами всегда легче, чем с псевдогигантами. Они меньше, да и трусливее.

Подойдя к воде, я эффектно поставил правую ногу на задницу поверженного голиафа (его грудь и морда были утоплены в озере) и посмотрел на парочку экзаменующе.

Нет, вблизи они тоже не казались опасными.

Классические туристы, отбившиеся от стада и попавшие в переплет. В крайнем случае чьи-то, еще не успевшие набраться опыта, отмычки.

Парень и девушка смотрели на меня со смесью интереса и недоверия.

Вероятно, точно такими же квадратными глазами я намеренно рассматривал свою Мисс-86 среди затканых мхом кочек Касьяновых топей.

Вдоволь насмотревшись на меня, они переводили взгляды на мертвого монстра. А затем опять на меня.

– Здравия желаю, молодежь! – сказал я. – Может, выйдете на берег? Вода-то холодная.

Суставы можно застудить.

– Да... Все правильно... Сейчас выйдем.

Я протянул парню руку, помогая ему, на вид полуживому от усталости, выбраться из вязкого прибрежного ила.

Затем подал руку девушке – ладонь у нее была узкой и холодной, как у покойницы.

– Что это было? – спросил парень, присаживаясь на корточки у ступней убитого монстра. – Точнее, кто?

Лишь на самый поверхностный взгляд парень производил впечатление спокойного. Вблизи же было видно – его бьет нервная дрожь.

– Псевдогигант. Абориген Зоны, – ответил я.

На склоне показался Тополь. Я махнул ему, чтобы спускался. Мол, знакомиться будем и все такое.

– И что, много тут таких? – озабоченно спросил парень.

– Думаю, сотен пять наберется, – усмехнулся я. – А то и больше.

Парень выругался. Затем еще раз – громче и злее.

Я понимал – у парня шок.

– Меня зовут Комбат. По профессии – вольный стрелок, – представился я, перебросив «Грозу» в левую руку и протягивая блондину ладонь для рукопожатия. – Но многие предпочитают называть меня сталкером.

Поглядев на мою пятерню безумными глазами, блондин все же пожал ее. И в свою очередь представился:

– А я Иван. Иван Мартынов, телохранитель этой... девушки. – Блондин взглядом указал на брюнетку.

– Меня зафут Ильзе. Мне... есть принцессин... княжество Лихтенштейн.

Видно было, что девушка сильно волнуется.

– Она из Прибалтики? – спросил я у парня. – По-русски ни бум-бум?

– Нет, из Лихтенштейна. Она принцесса.

И тут меня – признаю, совершенно некстати, – перегнуло пополам от хохота.

– Уа-ха-ха! Бва-ха-ха-ха-ха!

– Вы чего смеетесь?

– Не могу-у-у...

– В смысле? – не понял парень, испуганно отпрянув.

– Вы хотите сказать, я шел по лесу и встретил принцессу?

– Зачем нам врать?! – горячо сказал парень, назвавшийся Иваном.

– А можно... я этот человек... документы покажу? – не меняясь в лице, произнесла Ильза, нащупывая что-то в заднем кармане своих понтовых кожаных брюк. Не было похоже, чтобы мое недоверие ее задело или уязвило.

– Ну покажи!

И она показала.

Паспорт княжества Лихтенштейн. Так, золотым по синему, и написано: *Furstentum Liechtensteine*. В графе «особые отметки» указано: член правящей династии, младшая дочь ныне здравствующего князя такого-то. Я-то немецкий в школе учил, хоть и плохо. В общем, разобрал без труда. И охренел еще раз. Чудеса!

– Так это что, тебя теперь надо звать «ваше высочество»? Так?

– Можно нет. Я разрешаю, – бросила Ильза с умильной величавостью.

Тем временем подтянулся Тополь. Точнее, он уже с минуту стоял поодаль, но только молча.

– Пока вы препирались, я стишок сочинил:

Я шел по лесу,
Нашел принцессу.
А шел бы рощей,

Нашел бы... хм... девушку попроще, —

продекламировал Тополь с ангельской улыбкой.

Блондин с внешностью громилы, назвавшийся Иваном, вымученно улыбнулся.

Улыбнулась, этак по-своему, печально, и принцесса Ильза — не то разобрала смысл стишка, не то просто за компанию со своим телохранителем.

Улыбнулся и я. Вот что Тополь умеет — так это разрядить обстановку. Сколько драк в баре «Лейка» окончились, толком не начавшись, только потому, что рядом случайно оказался Костя!

В общем, не сговариваясь мы решили, что накормим ребят из своих запасов и немножечко обогреем. Не бросать же принцессу посреди чащи?

Ну а куда будет длиться привальная суета, я искренне рассчитывал умыкнуть аквариумный контейнер. Умыкнуть или честно выпросить — мне было без разницы. Надеюсь, моя искренность извиняет меня в глазах читателей?

Глава 20. О том, как мы усыновили двух сироток

*We can make a new start
Never say never
We can fall apart
Or we can fall together.
«Fall Together», Aerosmith*

Пока я готовил пожрать («И как только эта беспомощная парочка умудрилась протянуть в Зоне три дня?»), Ильза суетилась, приводя себя и Ивана в божеский вид.

Расчесывала волосы, омывала руки, отирала с лица грязь, кровь и пот носовым платком, смоченным из фляги. Отряхивала с одежды мусор, снимала цепкие головки чертополоха и колючие катыши лопуха. В общем, как-то очень по-женски суетилась.

Глядя на ее выверенные движения, я думал о том, что она совсем не похожа на принцессу (ведь в расхожем обывательском понимании принцессы какие? Как куклы Барби, только с титулами!). А похожа на доярку с зажиточного хутора.

Ильза не была худенькой, о нет. Ее печальные глаза, уже кое-как воспетые мной, подчеркивали наливные бело-розовые щеки с ямочками, высокий благородный лоб, расчерченный соболиными бровями. Она была упитанной, эта принцесса. Веса никак не меньше шестидесяти пяти. Ее грудь уверенного третьего размера, украшенная массивным серебряным медальоном в виде безукоризненно выполненной не то из серебра, не то из белого золота фигурки лесного оленя на черной веревочке, была... очень даже зовущей на подвиги.

В общем, на роль Дюймовочки я ее не взял бы. Зато взял бы на роль... ну да, на роль королевы!

Встреть я такую на улице, ни за что не догадался бы, что в жилах этой крепкой грудастой девицы kloкочут крови, лимфы и желчи со всей Европы, что это ее предки ходили в Крестовые походы и освещали родные, вымощенные брусчаткой города кострами Инквизиции.

Ни кокаиновой бледности, ни салонной экзальтированности, ни вырожденческого тщедушия, якобы свойственных аристократам!

Иное дело Иван — Иван был типичным телохранителем. На его лице я читал как в открытой книге: завсегдатай тренажерного зала, заядлый болельщик «Спартака», читатель мужских журналов и ценитель примитивных компьютерных игр, которые в продвинутых кругах зовутся «спиномозговиками» — в соответствии с тем органом, который активен в процессе. По субботам у него пиво и боулинг, в будние дни — телевизор с проблемными ток-шоу на политические темы. Скуловоротно скучный тип! И что аристократка Ильза в нем

нашла?

Пока я обо всем этом размышлял, Ильза нежно расчесывала льняные волосы Ивана, сидящего на бревне, приговаривая что-то ласковое. Судя по ее бормотанию, она очень сильно жалела атлета и переживала насчет состояния его здоровья. Нашла о чем переживать! Да этот амбал еще спляшет на наших могилах!

– Вы любовники? – неожиданно для себя самого спросил я. Не имею интереса копаться в чужом белье, но люблю во всем и всегда иметь ясность.

– Нет. С чего вы взяли? – вытаращил на меня свои голубые глаза Иван.

– Так просто. Точно-точно нет?

– Да нет же, я тебе говорю! – Лицо Ивана озарилось праведным гневом. Да вот только слишком нарочито озарилось. – У нас чисто платонические отношения! Год назад ее отец, Бертран Адам Третий, нанял меня и еще одного датчанина по имени Свен, чтобы мы охраняли Ильзу. Потому что Ильзе начал строчить анонимные письма с сексуальными угрозами какой-то сумасшедший из Дюссельдорфа... За год мы, конечно, подружились. Но ни о чем таком нет и речи!

Но чем больше он заверял меня, тем меньше мне верилось. Оправдывающиеся неубедительны, говорил один страшно древний китаец.

– Понимаешь, Иван... Я это спрашиваю не потому, что я такой любопытный. А потому, что мне надо четко это знать. В Зоне важна правда.

Иван приготовился повторить свою легенду про «платонические отношения», когда принцесса выступила из-за спины своего защитника и дерзко посмотрела в мои глаза.

– Ты говоришь правильное. Ты имеешь много ума. Я с Иваном делать любовь вместе. Потому что у нас вместе красивый любовь шесть месяцев.

– А чего шифруетесь тогда?

Ильза посмотрела на меня вопросительно, затем поглядела на Ивана, как бы ища поддержки.

– Не понимаю! – сказала она с трогательным животным отчаянием в голосе.

– Он хочет знать, почему мы скрываем наши... отношения, – медленно «перевел» для принцессы Иван.

Телохранитель скрестил руки на груди. На его нешироком лбу залегли борозды озабоченных морщин.

Видно было, что он зол, как три тысячи голодных снайперов. И что сейчас в разговоре со мной ему очень трудно будет удержаться от использования непечатной лексики, а дальше как Зона на душу положит... Может, и со своим охотничьим ножом на меня поперет, если я на правде настаивать буду...

Видимо, это поняла и Ильза. По крайней мере она положила руку на плечо Ивана в интернациональном примирительном жесте.

– Можно я еще скажу? – Глаза Ильзы загорелись.

– Говорите, ваше высочество, – поощрил ее я.

Ее русский был забавным. По крайней мере мне трудно было удержаться от растроганной улыбки, когда я слышал ее милый иностранный лепет – спутанные нити падежей, рваные пунктиры склонений.

Приходилось признать, что Иван оказался превосходным учителем. За шесть месяцев постельных утех принцесса овладела языком Достоевского и Пелевина в объемах, достаточных для объяснения с русскими сталкерами в условиях, предельно приближенных к боевым!

Ильза, должно быть, к языкам способная. Взять хоть, например, меня – дураком меня никто не назовет. Но за шесть лет уроков иностранного языка в средней школе и за полтора года в универе я продвинулся в немецком разговорном (родном языке Ильзы) не намного дальше идиотского «их бин безухен унд безносен». (Хотя читать всякую полезную фигню вроде маркировок на ящиках с оружием и боеприпасами я вполне могу, какой-нибудь «швере машиненгеве» меня в тупик не ставит.)

Почему? А потому что способностей к языкам у меня нету. А может, и потому, что с немками романов я никогда не крутил...

Тем временем Ильза объясняла.

– Мой отец, его зовут... Бертран... думать, я... выйду замуж с Максимилиан.

– ?

– Принц Макс... есть... потомок... король Баварии Людвиг. – Видно, эти редкие русские слова девушке приходится буквально выковыривать из глубин памяти. – Прямой линия! Прямой потомок!

Несмотря на своеобразие речи Ильзы, я начал понимать коллизию.

– Короче, Макс – родовитый. Знатный. И богатый.

– Макс имеет банк денег. Еще имеет большой кусок в такой фирме... название «Майбах».

– «Майбах»? «Майбах» ист толль! – Я показал Ильзе выставленный в жесте искреннего восхищения большой палец.

Оно конечно. Трудно будет деточке убедить папу-князя в том, что выходить замуж надо не за Макса этого, прямого потомка баварского короля, у которого свой банк и доля в «Майбахе», а за Ваню Мартынова, пацана из Южно-Саха-линска, на карточке которого лежит три тысячи единиц, скопленных на черный день (небось с каждой зарплаты на «Фольксваген» откладывал). И все имущество которого умещается в чемоданчике величиной с тот аквамариновый контейнер, что по-прежнему отдыхает под сенью раскидистой череды...

– Если мой отец сказать... что мы с Иван любить... отец кричать!

– Да ладно! Покричит и перестанет, – попробовал подбодрить девчонку я. Ильза мне нравилась. Что-то в ней было правильное, настоящее. Как в самых лучших из наших соотечественниц.

– Отец кричать. А Максимилиан может другое делать. Еще хуже! Нанять много человек. Человек стрелять Иван. Иван умирать. – Ильза трагически всхлипнула.

Я понимающе кивнул.

Всуперечь сказкам о врожденной интеллигентности европейцев, я не сомневался в том, что этот самый потомок Максимилиан (который сам, возможно, не кушает мяса животных и не способен зашибить тапком таракана) располагает всеми средствами и достаточным желанием, чтобы сделать из русского гастарбайтера Вани бефстроганов по-лихтенштейнски.

– И что вы будете делать? – спросил я.

Не то чтобы это имело какое-то отношение к нашему с Тополем путешествию. Просто любопытно стало.

– Сначала мы будем молчать. А потом... я буду такая... здоровая. И деньги мой отец мне будут насрать.

Как ни старался я удерживать серьезное выражение лица, но когда Ильза дошла до денег отца, на которые «насрать», меня уже в который раз за день взорвало хохотом.

– Плохо сказала?

Я и слова не мог вымолвить, мною словно бес какой-то овладел.

– Неправильно слова? – трагически заломив брови, переспросила Ильза и обернулась к Ивану.

Но Иван... тоже хохотал, в изнеможении присев на корточки.

Тополь тот вообще лег на спину и задрал ноги, мотыляя ими в воздухе, будто крутил педали велосипеда... Эх, какое счастье, что мимо не пробежало десятка зомбей или пары псевдогигантов. Бдительности у нашего коллектива было ноль!

Ильза беспомощно хлопала своими голубыми глазами, глядя на нас как на врагов. Так продолжалось минуты три. Пока до меня не дошло, что за хиханьками и хаханьками я едва не упустил из виду главное.

– Ты сказала, что будешь здоровая. А сейчас ты какая? Больная?

Некоторое время Ильза стояла передо мной молча, сосредоточенно покусывая губу. Как видно, решала, стоит ли говорить мне правду или нет.

– Я больная.

– Диагноз?

– Болезнь Милна.

– Извини, но я в медицине профан полнейший.

– Это как болезнь Паркинсона, только еще опаснее, – прокомментировал Иван, насупившись. – Что-то там делается с клетками мозга. Деградируют они, что ли. В общем, сами себя атакуют. И умирают.

– Это лечится?

– Вообще-то болезнь неизлечима. – Иван опустил голову и стиснул виски пальцами.

– Но... доктор Севарен... он давать... нам... надежду! – взволнованно заявила Ильза.

Лицо ее сияло светом не вечерним. Видно было, что в душе у нее действительно светло. Одухотворенное лицо принцессы Лихтенштейнской выглядело особенно выразительным на фоне мрачного ельника, который конвоем стоял вокруг нашей поляны. Если же дополнить картину рубиновым сиянием, которое Каменное Небо вдыхает, казалось, в каждую частичку воздуха, то вы поймете, что в Зону людей зовут не только деньги.

Есть в Зоне свое волшебство. И в такие редкие мгновения ты понимаешь, что оно – дороже золота.

– Когда я... садиться вертолет... Севарен говорить, что интуиция... у него интуиция про мой... про моя... голова! Что голова будет хороший, здоровый!

– Постой-ка. «Садиться вертолет»... Это было давно? Я имею в виду, эта ваша посадка в вертолет?

– Три дня назад, – сказал Иван. – Собственно, раз уж мы решили рассказать вам все начистоту, то это самое важное. Доктор Севарен – лучший специалист по редким патологиям мозга. Те два случая излечения от болезни Милна, которые на сегодняшний день известны науке, произошли у людей, которых Севарен курировал лично. У него есть установка «Цирцея», облучающая мозг. От нее весь эффект. Вот к нему-то мы и летали...

– Ты хочешь сказать, у этого твоего доктора клиника где-то здесь?

– Да. Я это хочу сказать.

– И что он тут сидит, как доктор Айболит из детского стишка, а к нему со всей Зоны приходят лечиться и коровы, и волчицы, а из людишек-калек прямо очередь стоит?

– Может, это новый псевдоним Болотного Доктора? – хмыкнул Тополь. Я кивнул ему, улыбнувшись – дескать, слышу, шутку оценил, – и выжидательно поглядел на Ивана.

– Сомневаюсь насчет очереди, – ответил тот. – Севарен вообще-то лечением не занимается. Он ученый.

– А почему этот ученый лечит вас, будто он – врач с практикой?

– Севарен сделал исключение для дочери здравствующего люксембургского монарха господина Бертрана Адама Третьего.

– Какой популярностью, оказывается, пользуются в Зоне центральноевропейские монархии! – заметил я.

С каждым новым поворотом сюжета история, которую рассказывали Иван и Ильза, все больше походила на сценарий слезливого японского мультика, какие с утра до ночи крутят по этому идиотскому каналу «Feeling». Все шлюхи в «Лейке» и ее окрестностях от этого канала без ума. Отстрочила смену – и смотреть про идеальную любовь на райском острове, среди цветов, птиц и тропических фруктов, похожих на интимные женские органы...

Так вот Ильза и Иван будто вывалились в Зону из какого-то мультика в стиле аниме. Он – бедный воин. Она – богатая принцесса. Но любовь выше сословных различий. Влюбленные собираются бежать. Но тут выясняется, что она смертельно, неизлечимо больна. Излечиться же она может, лишь если ее отец, который категорически против брака с голодранцем, даст бедняжке денег (а ведь наверняка одного телефонного звонка мало для того, чтобы задобрить этого загадочного доктора Севарена, тут надобно еще мешок

наличмана крупными купюрами!). Зрители рыдают, наблюдая за злоключениями наших героев... Сталкер Комбат практически тоже... хм... рыдает.

Я не успел облечь свой сарказм в упрек. Но, как видно, мое недоверие было написано у меня на лице.

Потому что Ильза подошла ко мне на расстояние вытянутой руки, наклонила голову, вцепилась пятерней в свои шикарные волосы цвета воронова крыла и... одним махом сдернула их со своей головы!

Абанамат!

Под париком розовел такой незащитный, такой нежный девчоночий череп, покрытый редкой стерней трехдневной небритости.

Но главное... череп рассекал длинный уродливый шрам, который шел почти от самого лба и до самого затылка. Шрам был свежим, розовым, чуток припухшим.

Одного взгляда на него мне было достаточно, чтобы больше не цепляться к Ивану и Ильзе со своим фирменным скепсисом.

Похоже, ребята не врал. А если и врал, то в малозначительных мелочах.

– Послушайте! – вдруг осенило меня. – А что, если мы сейчас вернемся в ту лабораторию, из которой вы вылетели несколько дней назад? Пойдем к этому доктору Севарену. Попросим его связаться с отцом Ильзы, с этим... Бертраном Адамом Третьим. Пусть бы выслал за доченькой какой-ника-кой вертолет. Ведь это гораздо проще, чем тащиться до самого Периметра, через поля аномалий, между делом воюя со снорками, кровососами и псевдогигантами! Как вам моя идея?

– Это... не есть идея. Это есть... фантастика, – угрюмо произнесла Ильза.

– Почему?

– Нам никогда не найти ту подземную лабораторию. И Севарена не найти, – пояснил Иван.

– Постойте, но вы же один раз их уже нашли!

– С нами был один человек. Его фамилия Вуч-Бордзян-ковский. Он, кажется, поляк. А может, и немец. Хрен разберешь, на обоих языках он говорил очень бегло. Когда мы прилетели, он велел пилоту посадить вертолет на замаскированную площадку. Я бы никак не отличил ее от обычной поляны! Мы сели. Затем люди доктора Севарена приехали за нами на бронетранспортере. Вуч-Бордзянковский представил нас. Мы влезли в салон, и нас куда-то повезли. Ехали мы довольно долго, вероятно, лаборатория располагалась вдалеке от вертолетной площадки. Впрочем, непонятно, каково на самом деле это расстояние. Возможно, мы ехали с очень невысокой скоростью. Да к тому же два раза имели место... боестолкновения. – Иван примолк, как бы припоминая подробности. Я знал это состояние – когда воспоминания словно гипнотизируют тебя.

– Что еще за боестолкновения? Ты сам-то в бою участвовал?

– Нет. Мне же нельзя было. Я должен был охранять Ильзу.

– А люди Севарена? Много их погибло?

– Не знаю. Может, один человек. Может, десять. Они же на броне ехали. А мы внутри...

– Ну а где находится лаборатория, ты хоть рассмотрел? – Меня сжирало любопытство. Мне нравилось думать о себе как о человеке, который знает о Зоне все.

– Нам завязали глаза. И мне, и Ильзе.

– Серьезные ребята. – Я покачал головой. – Ну а где теперь ваш проводник? Этот... Вуч? Поляк?

– Да где-где... Где и все. Погиб, когда вертолет упал. Выжили только мы двое. И то чудом.

«Ясно, что ничего не ясно».

Тополь, сидящий рядом со мной, меланхолически насвистывал.

Ильза и Иван сидели напротив – мы дали им по кружке с гороховым супом (каждый второй остряк в баре «Лейка» называет этот суп «музыкальным») и по пирожку с капустой. Все это они с большим аппетитом схарчили – видно было, что в предыдущие дни судьба их дармовым супчиком не баловала.

Я раздумывал, чем бы таким подсластить жизнь бедняжке Ильзе, которая была вынуждена сушить мокрую одежду прямо на себе (небось не тому учили ее мамки и няньки княжеского дома Лихтенштейнского!), когда Иван решительно встал со своего бревна и, волнительно глядя на меня из-под насупленных бровей соломенного цвета, заявил:

– Константин... Комбат... Вы должны нас спасти!

Мы с Тополем переглянулись. Чего-то такого и следовало, конечно, ожидать.

– Ну, во-первых, ничего мы никому не должны... – спокойно начал я.

– Конечно, нет! «Должны» я сказал по привычке. Эта привычка очень легко приобретается, когда говоришь от имени принцессы... В общем, мы с Ильзой... просим вас нас спасти!

– Но мы вас уже спасли от псевдогиганта, – сказал я тоном наивной студентки-первокурсницы. – Разве нет?

– Я имел в виду, что вы должны... то есть, извините, что мы просим вас вывести нас отсюда! – В голосе Ивана слышалась мольба.

– За пределы Зоны? – уточнил я.

– Именно!

– И куда же вас вывести?

– В любой ближайший аэропорт... В Киев... Можно в какой-нибудь райцентр... Да куда угодно, где нет этих... аномалий и не слоняются мутанты! – Голос мужественного Ивана дрожал очень немужественно.

– Мой отец Бертран... имеет большие деньги... Он будет заплатить... Много заплатить! Сколько вы скажете! – встряла Ильза. Говоря так, она неотрывно смотрела на меня, будто решения принимал я единолично.

– А если мы скажем «миллион»? – ехидно поинтересовался Тополь.

– Нет, миллион он не будет заплатить, – серьезно сказала Ильза. – Когда-то давно плохие люди меня украдут... из школы... Просили миллион... Отец не давал... Плохие люди меня бросать в гараже... Вертки везде... В руках, в ногах... Рот закрытый с тряпками... Но мне повезло! Потому что они... могли убивать меня! Но полиция нашла. Через два дня.

«Да... Пришлось девчонке в жизни натерпеться. То киднепперы, то сексуальный маньяк со своими письмами... Если, конечно, верить легенде появления Вани в ее жизни... А какие основания не верить? Потом еще эта болезнь неизлечимая. А теперь Зона... Книгу можно писать: «Фройляйн Ильза – принцесса трагической судьбы»... Будет пользоваться спросом. Или по крайней мере гарантирует посмертную народную любовь».

– А сколько, по-твоему, твой фатер заплатит?

– Сто тысяч. Это заплатит.

Мысленно я сказал «ого», но виду не подал. В принципе неплохие деньги. За них можно чуток и поработать. Особенно если...

– Сто тысяч – неплохо. Но я бы хотел чуть-чуть подстраховаться.

– Что это... значит... «подстраховаться»? – встревоженно спросила Ильза.

– А вдруг мы выведем вас за Периметр, пойдем вместе в ближайшее кафе пить чай... И пока будем ждать официантку, вы с Иваном отпроситесь как бы в туалет, а сами сядете в такси – и поминай как звали! Ни денег, ни принцессы с ее русским телохранителем Иваном. И буду я потом полжизни интервью для желтой прессы давать на тему «Как я вывел из Зоны принцессу Лихтенштейнскую и получил за это мужской половой член».

Тополь одобрительно хмыкнул. Иван тоже улыбнулся вполрта.

Одна Ильза, похоже, не разобрала, в чем соль этой грубой шутки. А может, как это у них, у аристократов, водится, сделала вид, что не разобрала, дабы не уронить свое

высочайшее достоинство.

– И как ты собираешься подстраховаться? – спросил Иван.

– А ты пообещай мне во-он тот контейнер, который в очереди лежит. – Я указал пальцем в сторону аквариумного чемоданчика.

– Контейнер? Зачем он вам? – спросил Иван испуганно. Он явно был в непонятках.

– Про этот контейнер мне говорил один постоянный клиент, его зовут Хуарес, – темпераментно врал я. – Он говорил, если я, случайно прогуливаясь по Зоне, увижу такой контейнер и принесу этот контейнер ему, то его благодарность будет настолько велика, что он подарит мне свой старенький «Харлей-Дэвидсон», на котором я смогу ездить в ближайший поселок Хорошево, чтобы навещать любимую бабушку... Так ты не против?

Иван ответил с запозданием, словно бы решая сложную моральную дилемму.

– Помнишь я тебе говорил про поляка Вуч-Бордзян-ковского, который был нашим проводником?

Я пожал плечами. В том смысле, что помнить-то помню, да только при чем здесь он?

– Так вот он не сразу умер, когда вертолет разбился. – Иван опустил глаза. – После катастрофы я его из вертолета выволок. Первую помощь оказал. Пытался что-то для него сделать... В общем, перед тем, как умереть, Вуч-Бордзян-ковский открыл наручники, которыми этот контейнер был пристегнут к его левой руке. И взял с меня обещание, что я никому, никому этот контейнер не отдам до самого Вадуца...

– Вадуц? Это где-то возле Житомира?

– Вадуц есть такой столица... столица мое княжество, – сердито объяснила Ильза.

– По географии у меня всегда была тройка с вожжами. Ну а в Вадуце с контейнером будет что?

– В Вадуце я должен буду позвонить человеку по имени... кажется... Смит. Да, его зовут Джон Смит, и он этот контейнер заберет.

– И взамен этот самый придуманный Смит даст тебе денег!

– Нет же! Клянусь, ни о каких деньгах речь не шла! Речь шла о том, чтобы оказать услугу умирающему человеку, Вуч-Бордзянковскому!

– Ф-фух... Ну раз так, раз о деньгах речь не шла, раз этот контейнер вообще не твой... и его настоящий владелец или курьер трагически погиб... ты имеешь все моральные основания отдать этот контейнер своему спасителю Комбату! Который распорядится с ним самым наилучшим образом!

– Но как-то неудобно...

– А тебе удобно оставить меня без «Харлей-Дэвидсона»? Ты думаешь, нам с Тополем будет легко провести двух лишних взрослых людей через леса и поля, кишящие псами, зомби, химерами, снайками, полтергейстами, псевдоплотями и вашими любимцами – псевдогигантами? А ведь нам придется не только охранять вас! Не только следить за тем, чтобы вас не смял в говно гравиконцентрат и чтобы насмерть не укатала каруселька! Но и кормить вас! Не доедая, между прочим, самим! И устраивать на ночлег в этих веселых местах, присматривая, как бы вас ночью кровососы не высосали до самого донца!

Я украдкой бросил взгляд на Ильзу. Ее глаза светились незапамятным ужасом – подействовало перечисление несчетных опасностей Зоны.

Иван молчал. Было понятно: он еще не принял решения.

Я посмотрел на часы – из-за этих сирот мы с Тополем потеряли уже полчаса. Скоро, пожалуй, и смеркаться начнет, а мы еще не дошли до места ночевки. И идти до него еще долго!

Можно было, конечно, заявиться в лагерь ученых... Они люди добрые, пустят. Но я видел минимум семь причин, по которым этого в сложившихся условиях лучше не делать.

Я понял, что пора поднажать. Тем более что Тополь, все это время изображавший моего смиренного подчиненного, подавал мне глазами красноречивые знаки.

– Ну что?

– Да что-что! – раздраженно буркнул Иван. – Что непонятного-то? Последняя воля

покойного! Покойный велел...

– Что ты заладил: «Покойный, покойный...» Ты же взрослый человек! Должен понимать, что покойный – это по определению тот, которому с прибором положить на все, кроме покоя. В том числе на свою собственную последнюю волю!

– Что ты имеешь в виду?

– Нормальных покойных за гробом такая фигня, как какие-то контейнеры, интересоваться не должна.

– А что их, по-твоему, должно интересоваться?

– Если они попали в рай, то должны думать, где бы раздобыть самоучитель игры на арфе и тексты псалмов на греческом, которые им придется исполнять во славу Господа на подпевках у хора ангелов.

– А если в ад?

– Тогда должны думать, сколько денег надо занести ближайшему надзирателю с рогами и вилами, чтобы он переставил твой котел с кипящим маслом поближе к кондиционеру...

Иван вымученно улыбнулся.

Это был обнадеживающий признак. Я усилил натиск.

– А если твой покойный вдруг объявится, чтобы предъявы тебе предъявлять, посылай его прямиком ко мне. Я такое количество нежити на своем веку угандошил, что одним меньше, одним больше...

Иван улыбнулся уже смелее, и мы ударили по рукам.

Ильза кивком благословила сделку. Что там ни говори про равноправие влюбленных в свободном союзе, на деле никакого равноправия нет и в помине. В союзе Ивана с Ильзой главной была, конечно, Ильза.

– Только... Только имей в виду, ты получишь контейнер, когда мы вместе выйдем из Зоны! И не раньше! – попробовал проявить твердость Иван. – Мне это надо для надежности!

– Да пожалуйста. Буду только признателен, если три дня до Периметра нести эту дуру будешь ты!

На том и порешили.

Глава 21. Охотники за удачей

*Ooh, it's cold gin time again
You know it'll always win
Cold gin time again
You know it's the only thing
That keeps us together...
«Cold Gin», Kiss*

Мы вышли к Бару, когда была уже глухая ночь.

Последний отрезок пути нам с Тополем пришлось проделать с фонариками в руках.

Тополь шел первым. Я – замыкающим. Иван и Ильза уныло тащились между нами.

«Ослов и ученых в середину!» – требовал Наполеон во время своего египетского похода. Иван и Ильза были нашими учеными осликами.

Изредка мы с Тополем переговаривались – не только тихонько по рации, но и в голос. В основном для того, чтобы подбодрить наших спутников.

Иван, несмотря на свои литые, будто украденные с картинки в бодибилдерском журнале мускулы и квадратную челюсть супергероя, был истощен – и нервно, и физически.

Выносливости ему явно не хватало, как, кстати, и многим красавцам-качкам. Но если не судить строго (а я всегда был снисходителен к людям, почти как какой-нибудь Франциск Ассизский), истощение Ивана можно было понять. Уж очень много дерьма вылилось на их с Ильзой головы в последние дни.

Принцесса держалась молодцом. Не ныла, не канючила, не просила сделать привал через каждые двадцать минут. Диковинное дело! Уж я-то знаю, что такое бабы-туристки. Эти доведут до помешательства самого твердолобого проводника – своими жеманными страхами, идиотскими просьбами, соображениями и мнениями по поводу того, куда сворачивать, как действовать, с какой частотой дышать.

Так вот ничего такого Ильза нам не предъявляла. Хотя принцессе вроде как положено.

– Ты там это... смотри... повнимательней, – наставлял я Тополя. – А то у меня датчик аномалий что-то барахлит. Надо бы элемент питания сменить.

Насчет барахлящего элемента питания я немножечко лукавил. С моим датчиком аномалий можно было сбегать до ЧАЭС и обратно. Однако в данном случае лукавство было необходимым. Не то чтобы я не верил в Тополя. Просто боялся, что от усталости он что-нибудь ненароком пролюбит. В конце-то концов, кто из нас был ранен в голову на Речном Кордоне?

По счастливой случайности (хотя допускаю, что так специально устроили Хозяева Зоны) плотность аномалий к западу от Бара была сравнительно низкой. Скажем, если не быть совсем уж вороной, напороться на что-то по-настоящему-му серьезное довольно трудно.

Вдобавок в начале года добрые люди провесили от Бара вешками тропы аж по километру каждая. И очень даже неплохо за ними следят. В смысле, после каждого Выброса переставляют вешки, сообразуясь с дрейфом аномалий.

Но в том-то и опасность. Ведь ничто так не расслабляет, как ощущение безопасности.

А когда ты расслаблен и забываешь о смерти, которая крадется за тобой по Зоне на цыпочках, выключив свой портативный фонарик, жди беды в любую минуту. Тут даже самая махонькая аномалька убить может.

Поэтому, когда мы оказались возле ворот Бара, у меня гора упала с плеч.

– Ух-х... Сейчас как подлечимся пивцом! – мечтательно воскликнул я, глядя прямо в ближайшую камеру наблюдения. – Темненьким... Ирландским... Бархатным...

– Ты как хочешь, а я, пожалуй, возьму себе «Кровавую Мэри».

– Какая пошлость, Константин Алексеич! – притворно скривился я. – Нет бы заказать новомодный какой-нибудь коктейлище вроде «Сладкий и гадкий» или «Ночи в стиле буги». Вот это я понимаю!

– Не-е, мне с водкой чего-нибудь хочется. И чтобы табаско на языке полыхал. Как сказал неизвестный классик:

Солнце светит ярче
И веселей пейзаж,
Когда плещется в желудке
Це два аш пять о аш!

Я ослабился.

– Сам сочинил?

– Куда мне! На стене сортира в баре «Шти» когда-то прочитал, – ответил Тополь.

– Да-а... Целая эпоха с этими «Штями» ушла. Эпоха героев! Эпоха по-настоящему безбашенных пацанов и их верных, без промаха стреляющих подруг!

Я с удовольствием погрузился бы в воспоминания юности (пока аппаратура наши рожи отсканирует, пока система наши рожи идентифицирует, пока, главное, охрана эту идентификацию утвердит – пройдет минут пять, не меньше), если бы Ильза, которая стояла позади меня, вдруг не тронула меня за плечо.

Я обернулся.

Лицо принцессы Лихтенштейнской было взволнованным.

– Куда... мы... приходите теперь? – спросила она низким охрипшим голосом.

– Это бар, Ильза. Заодно и как бы... мотель. Гостиница для своих. Мы там переночуем.

– Там... живут... плохие люди? – поинтересовалась Ильза.

Ильза хлюпнула носом и сделала правой рукой этакий скругляюще-обобщающий жест.

Она явно желала привлечь мое внимание к спиральям колючей проволоки, к трехметровому забору и хищным мордкам пулеметов. Ко всему тому, что создавало неповторимое очарование здешнего архитектурного ансамбля.

Я кивнул. Ее мысль я понял. Она всего лишь хотела сказать, что хорошие люди живут обычно не так. А как? Наверное, так, как в ее родном княжестве Лихтенштейнском.

Вместо концертно – живые изгороди из лавровишни, стриженные как-нибудь этак, по-особенному, с верхушками в форме набегающих волн. Вместо пулеметов – расписные и глазуренные горшочки с красной геранью. Вместо оборудованных огневых точек – скамеечки, садово-парко-вая скульптура, всякие гномы с кирками, всюду тесно вымощенные камнем дорожки, фонарики и прочий шоколад-мармелад. Не бойницы, но опрятные, до тревожащей прозрачности вымытые альпийские окна, высокие, с закругленным верхом. Вместо уходящего вниз бетонного пандуса – опрятные крылечки... В общем, я там у них бывал однажды, еще студентом. И все это видел.

– Они не плохие, эти люди, – наконец-то пояснил я для Ильзы. – Нормальные. По местным меркам.

Я был уверен, что из моего объяснения она разберет в лучшем случае только слово «нормальные», а про «местные мерки» не разберет.

Так и произошло. Принцесса улыбнулась, приободренная моими словами. И всем своим видом выразила готовность налаживать партнерские отношения с нормальными по местным меркам людьми.

С той стороны Периметра, если верить поговоркам, все дороги ведут в Рим, а в Риме – к шлюхам.

А в Зоне все дороги ведут к Бару на Дикой Территории.

Хотя шлюх в Баре, считай, и нету.

Ну, то есть они, конечно, были. Когда-то. Давно.

Но теперь носят, как сказал бы какой-нибудь профессор Добровольцев, не систематический, а случайный характер.

Начать с того, что официанток, которых когда-то отбирали исключительно по двум критериям – величина бюста и сговорчивость, – уже давно заменили официанты мужского пола. Логика хозяев проста: меньше доступных баб – меньше пьяных драк.

С другой стороны, в Баре и прилегающих к нему комнатах часто останавливались туристы, а значит, и туристки.

Ясен пень, в первые же часы в Зоне туристам и туристкам наглухо сносило башню. А потому, едва только добравшись до безопасного места, они не жалели денег на то, чтобы избавиться от всего, что осталось в них святого после сноса этой самой башни, я имею в виду – от ума, чести и совести.

На практике это значило, что кое у кого из мужчин в Баре появлялась надежда на свой маленький кусочек страсти. А значит, вместе с надеждой появлялась почва для пьяных драк.

Я лично уже давно не наблюдал в Баре никаких разборок. Так, пару раз за месяц в табло кому-нибудь поднесут – и тишина.

Разве это драки? Вот в «Штях» после финальной игры Чемпионата мира по футболу, когда Россия с Украиной сыграли в основное время 3:3, сломали шесть челюстей и десять ребер!

Между тем мы вчетвером вошли в так называемый предбанник.

Там нас долго обыскивали, повторно сканировали, расспрашивали какие-то совершенно незнакомые мне (Мне! Завсегдатаю этого места с двести тысяч лет!) люди.

Но затем нас все-таки пропустили, хотя и, как мне показалось, с неохотой.

Сказать, что в общем зале был аншлаг, – значит ничего не сказать.

Народ сидел так тесно, что за некоторые столы не втиснулся бы даже смазанный вазелином дистрофик.

Многим выпивохам вообще не хватило сидячих мест, и они стояли, поставив бокалы с пивом на квазиподоконник (в общем зале имелись и квазиокна, нарисованные на стене художником по имени Сеня Питерский).

У барной стойки народу было столько, что сомкнутые спины сидящих образовывали нечто вроде живой изгороди, не имеющей разрывов.

За стойкой стоял мой приятель Неразлучник, всегда идеально подстриженный и выбритый молодой человек в белой рубашке и галстук-бабочке, похожий на ведущего молодежной передачи с провинциального телеканала.

Хозяин Бара взял Неразлучника совсем недавно – полгода назад. Переманил из табуна отмычек знатного наставника молодежи по кличке Тимур. И я сразу понял, парень он неплохой – не трус, не подлец и не стукач.

Неразлучник тоже питал ко мне нечто вроде симпатии. Особенно после того, как я помог ему отмазаться от одного гнилого дельца – его обвинили в мелкой краже, а я был единственным, кто подтвердил его алиби (это было легко, у меня была видеозапись).

Меня вообще бармены почему-то любят – как видно, чувствуют постоянного клиента.

Вот в чем он, негодяй, не признавался, так это в том, кто и при каких обстоятельствах опредметил его таким оригинальным прозвищем, в котором мне мерещилось что-то утиное, ведь есть же, кажется, в природе утки-неразлучницы?

Поймав усталый взгляд Неразлучника, я помахал ему рукой.

Тот тоже поприветствовал меня. И сделал извинительный жест – мол, видишь, что творится, просто физически не могу уделить тебе внимание!

Я – тоже жестами – показал ему в ответ «вижу, скорблю вместе с тобой».

В общем, я принялся искать глазами свободный столик. Мне-то что. Я, в конце концов, и стоя выпить могу. А вот Ильза...

Не то чтобы целый столик, но один свободный квазиподоконник рядом с окном, на котором была нарисована улица современного индустриального города, плотно уставленная малолитражками, я заметил.

Уже кое-что.

На подоконник можно будет поставить и тарелки, и бокалы. На него можно будет навалиться всей тушей, поочередно давая отдых то левой, то правой ноге – да-да, в точности так, как делает стоящий за соседним столиком вполоборота ко мне сталкер Кабул. Не первый сорт, но что делать? Может, потом кто-нибудь отправится баиньки и мы всей честной компанией наконец усядемся...

Кстати, насчет «баиньки». Тему ночлега, с усталым вздохом подумал я, тоже надо будет обсудить с Неразлучником.

Ночлег в комнатах, прилегающих к Бару, стоил нереально дорого.

Мне говорили, люкс в семизвездочной гостинице в Объединенных Арабских Эмиратах – с мини-баром, тапками-халатами, дуроскопом во всю стену, который можно выбросить из окна, и это входит в стоимость номера, с массажным креслом и прилагающейся ко всему этому горничной с солнечных Филиппин, которую можно отодрать прямо на ее пылесосе, и это тоже входит в стоимость номера, – и тот стоил дешевле, нежели конура по величине чуть большая, чем гроб, в подвалах нашего дорогого Бара.

Впрочем, то в каких-то там Эмиратах.

А это – в Зоне. В самом ее сердце.

Кому такое статус-кво не нравится, может бежать вприпрыжку за билетами Киев—Дубай...

– Идемте, пожалуй, вон к тому окну, – опередил меня Тополь, который, как обычно, просто прочел мои мысли.

– Неужели придется ужинать стоя? Я, честно говоря, с ног падаю! – со странной

смесью заносчивости и острой жалости к себе заявил Иван.

– Да уж придется. По крайней мере пока кто-нибудь не отправится на боковую и не освободит нам столик.

Пока мы шли через весь зал к нашему подоконнику, все, кому было не лень, пялились на Ильзину задницу, туго обтянутую кожаными штанами. Ну и, ясное дело, на ее изрядный бюст, ничем особенным не обтянутый, но все же явственно контурирующийся под бесформенной армейской курткой (снятой, как видно, с кого-то из погибших при крушении вертолета).

Как ни странно, Ильза была в Баре не единственной женщиной.

За столиком под старинными часами, который мы с Тополем обычно предпочитали для своих возлияний, щелкала клювом американская туристка лет этак пятидесяти пяти.

По виду типичная разведенная тетка-феминистка, решившая доказать всем, начиная со своего бывшего мужа-сейлсмана, что он потерял натуральное сокровище и что на нем белый свет клином не сошелся.

Судя по бицепсам (американ вумен была в безрукавке желтого цвета), тетка была в отличной спортивной форме. Причем тренировалась явно по мужскому типу. Я так и видел ее таскающей гантели, толкающей штангу и приседающей с утяжелениями. Тетка строила глазки сидящему напротив нее дедку лет шестидесяти, такому же спортивно состоятельному туристу и такому же американцу. Оба были на кочерге, в бокалах у обоих плескался скотч. И я готов был поставить тысячу единиц на то, что этой ночью они будут «делать любовь» в стиле женщина-ковбой на старом коне, том самом, что борозды не испортит.

В плане красоты вульгарная и немолодая американская тетка не могла составить никакой конкуренции нашей центральноевропейской крале Ильзе – свежей, пухлявой и невыразимо печальной. В целом мужчин-завсегдатаев Бара, похотливо пялящихся на Ильзу, можно было понять.

Я окинул взглядом помещение. Батюшки! Еще одна баба оказалась в моем поле зрения!

Возле барной стойки маячила сердцеобразная попа профессиональной красавицы Снежаны, бывшей девушки (читай – содержанки) отличного сталкера Шляпы, а до этого бывшей девушки так себе сталкера Центуриона, а до этого бывшей девушки недосталкера Балбеса, а до этого с ней одновременно встречались сталкеры-новаторы Фриц и Журба, изобретатели Самого Безопасного Маршрута Через Уровни (в существование которого я лично не верю). Поговаривали, Снежану успел познать – в библейском смысле – даже Дима Шухов. А после того – еще и легендарный Семенчик.

Снежана выглядела на двадцать пять. Хотя на самом деле ей было не меньше сорока. Подвыпивший Шляпа как-то клялся, что Снежана, мол, всегда носит с собой артефакт «мамины бусы», добытый для нее когда-то кем-то из классиков жанра – не то Лесником, не то Хемулем, еще до его знакомства с той самой Динкой, звездой отечественного телевизионного стриптиза. А эти самые бусы, как известно, замедляют течение времени, а значит, и процессы естественного биологического старения. Не знаю, кому как, а мне было совершенно все равно, что и как Снежана себе там замедляет. И вообще мне было плевать, как она выглядит! Хоть бы даже и на шестнадцать!

Главное, я знал, знал, что ей сорок пять. И даже не в цифирьках дело. Важнее вот что: в постели Снежаны пребывали все, ну просто все мои знакомые, и это давно уже не постель, а привокзальная забегаловка с хлопающей на ветру входной дверью. Это снижало мой интерес к Снежане практически до нуля. Членствовать в клубе «Мужчины Снежаны Николаенко» – что может быть тупее?

К счастью для Снежаны, не все мужчины были такими привередами.

Рядом с ней сидел молодой кент по прозвищу Финн (иногда его называли Фиником) – невероятно худой, вертлявый и острый на язык парнишка лет двадцати трех.

Финн приобнимал Снежану рукой за талию и рассказывал ей на ушко анекдоты.

Он играл ее пергидрольными локонами, время от времени просил Неразлучника подбавить ликера в ее рюмку и вообще выглядел как классический влюбленный идиот.

Мне, кстати, было не совсем понятно, как Снежана оказалась в баре. То ли Финна посетила классная идея показать своей новой девушке, как размножаются снорки, то ли Снежана закадрила или решила закадрить кого-то из группировки «Долг» (это им, крутым ребятам из «Долга», принадлежал Бар) и для того напросилась «в гости», а тут случайно подвернулся этот малолетний Финн. Зная Снежану, я мог поверить во что угодно, в том числе и во все это сразу.

Я оставил всю свою компанию возле подоконника и, улучив момент, когда возле Неразлучника образовалось что-то вроде разреженной области, опрометью бросился к барной стойке. Я хотел сделать заказ и договориться о ночлеге.

– Для меня литр моего любимого «Гиннеса»... Нет, сразу два. Для Тополя сегодня «Кровавую Мэри». Лучше тоже сразу две, знаю я его... Для рамочки-блондина «Крушовице», хватит с него и пол-литра. А для девчонки – стакан красного французского вина, налей-ка в самый лучший бокал, если можно.

– Я не ослышался, брат? Красного французского вина? – переспросил Неразлучник, тараща на меня свои живые глаза. – На моей памяти через Бар ни одной бутылки красного французского вина еще не прошло.

– Ну давай тогда обычного красного вина. Какое тут есть? Чилийское, может? – Я заинтересованно сощурился на батарею призывно мерцающих бутылок за спиной Неразлучника.

– Чилийское? Не смей меня. Ты еще австралийского попроси, гурман хренов. Красного вина вообще нету никакого. И не было. Так что будь проще. И тогда бармены в моем лице потянутся к тебе. Имеется вот ликер. Кофейный. Я его специально для телок держу...

– Тогда давай ликер, если других вариантов нет. Может, хоть шампанское?

Я уже представлял потерянную гримаску, которую скроит Ильза, когда я принесу ей эту бурдень под названием «ликер», пахнущую химией и дешевым борделем.

– Шампанское? Где-то была бутылочка... – Неразлучник порывлся под стойкой и наконец выудил оттуда затянутую пылью бутылку классического «Советского», полусухого.

Я не поклонник этого пузырящегося соломенно-желтого пойла. Но все же готов признать за ним и некое благородство, и некую советскую чувственность в духе моей ненаглядной Мисс-86, и заслуженное десятилетиями реноме Отечественного Бабоукладчика Номер Один.

В общем, я заказал шампанское. Про цену этой бутылки я, как обычно, у Неразлучника не спросил, верный своему собственному амплуа мужика, который денег не считает.

Но про себя подумал, что коллекционные бургундские вина наверняка стоят в десятки раз меньше, чем этот вот шедевр полудохлого крымского виноделия. Что ж, в таких местах, как Бар, трудно рассчитывать на умеренные цены.

Неразлучник как следует протер бутылку полотенцем и поставил передо мной.

Я просиял ему в ответ.

Затем я заказал нашей потрепанной банде сытный ужин – каждому по салату оливье, фаршированному черносливом куриному бедру и по миске куриного супа. Готовили в Баре неважно, меню было куцым, и я приготовился к худшему.

Ну а когда я расплатился за заказ, оставив Неразлучнику отменно щедрые даже по здешним меркам чаевые (тут ведь и самые жадные из суеверия суют бармену лишние купюры, пусть Зона и ее Хозяева видят, какие мы на самом деле щедрые и бескорыстные!), я перешел к главному.

Я перегнулся через барную стойку, пальцем подзывая Неразлучника наклониться – мол, музыка мешает, – и сказал:

– Нам бы две комнаты на сегодня.

– Веришь, Комбат, ни-че-го. Как другу тебе говорю.

– А если хорошо подумать? – Я сделал в воздухе потирающий жест большим и указательным пальцами правой руки, словно бы невидимую купюру помусолил.

– Даже если хорошо подумать, брат. Ты видишь вообще, что творится?

– Вижу. И все-таки.

Всем своим видом я показывал, что от намеченного не отступлю. И не сдвинусь с места, пока мой вопрос не решится положительно.

– Все занято, брат. Ну пойми же ты! Склад и тот занят... Его зарезервировали ученые, они последними пришли – видишь, возле окна, где пруд нарисован, стоят? Так там, на складе, даже отопления нет. Как в склепе холодно. Вон, вон, туда гляди!

– Вижу, не слепой. Но я ведь не хуже ученых, правда, Федор? – Я назвал Неразлучника его настоящим именем, чтобы напомнить: когда-то я ему сильно помог, и вообще, теперь мы почти настоящие друзья, а не какие-нибудь там «контрагенты».

– Ну, Комбат... Ну, это... – Неразлучник наконец усовестился и опустил глаза. – Если хочешь, можешь тут переночевать. В общем зале. Когда веселье закончится... Тут уже вон и американские туристы ночуют, которых Шляпа привел. И Кабул со своими отмычками. Так что скучно вам не будет. Завтра утром Тинто сделает вам всем двойной кофе по-турецки, яишенку забалабеним...

– Спасибо за любезное предложение. Но мне бы комнатку. А лучше – две.

– Про две сразу забудь, Вован, – переходя на полусшепот, сказал Неразлучник.

– Тогда дай одну.

– Насчет одной... В общем... я еще подумаю... Видишь ли, – он уже шептал мне в самое ухо, – я сегодня уже двадцати человекам отказал. И тут если я тебе дам... В общем, может выйти международный скандал. С переходом на личности и рукоприкладство. Понимаешь?

– Да я понимаю, Федя. Но и ты пойми. Со мной девчонка. Ее нельзя в общем зале укладывать. Нежная она, как цветок. И больная к тому же.

– Если больная, зачем в Зону поперлась? Нашла место! Тут и здоровые-то канают.

– Обстоятельства заставили, – уклончиво ответил я. Не рассказывать же ему про болезнь Милна!

– Кстати, а что это за телочка? – спросил меня бармен, придирчиво оглядывая Ильзу, которая как раз вытирала салфеткой разводы копоты на шее Ивана. – Откуда такая?

– Туристка. Из Прибалтики, – соврал я.

– А-а, из Прибалтики... То-то, я смотрю, у нее рожа такая... маленько отмороженная. – И Неразлучник гнусно усмехнулся.

Я не стал заступаться за Ильзу. Да, в сущности, Неразлучник ничего оскорбительного и не сказал. Особенно по местным меркам. Отмороженная – и отмороженная. Не трипперная же!

Но я с удивлением поймал себя на желании Неразлучнику возразить – мол, не отмороженная она, а усталая и смертельно больная.

Мои возражения нужны были Неразлучнику, достаивающему на ногах двенадцатичасовую смену, как зайцу пятая нога. И я, конечно, не собирался произносить их вслух. Но само желание эти возражения высказать меня удивило и даже, не буду врать, испугало. Еще не хватало мне влюбиться в эту крысу расписную, принцессу Лихтенштейнскую!

Я стоял рядом с баром, вертя в руках зубочистку.

Напротив Неразлучник смешивал в шейкере термоядерный коктейль «Гуантанамера». Делал он это для верного своим вкусам Кабула, сталкера-одиночки, что, далеко выставив задницу, обтянутую грязными джинсами, напивался у дальнего окна в обществе прирученной молодежи.

К слову, на том окне был нарисован зеленый лужок с барашками. Морды баранов Сеня Питерский сделал зачем-то похожими на человеческие лица, и не просто какие-то абстрактно-человеческие, но на лица первых персон правящей Либеральной Авторитарической партии нашего богоспасаемого Отечества. От чего при пристальном взгляде на картинку делалось немного не по себе. То ли звери, то ли люди... Хоть бы кто-

нибудь запретил наконец художникам курить шмаль перед работой!

Кабул поблагодарил официанта за свежепринесенную «Гуантанамеру» и заказал что-то еще. Думаю, заказал он куриные крылышки в соусе карри. И готов поспорить с кем угодно на сто единиц, что именно их!

Когда-то мы с Кабулом приятельствовали почти так же тесно, как сейчас с Тополем, и часто вместе выпивали. Я успел изучить его немудрящие вкусы. Вряд ли они изменились за эти годы...

К нашему с Тополем, Иваном и Ильзой подоконнику уже принесли все радости жизни – пиво, шампанское, «Кровавую Мэри», – но я не торопился уходить от барной стойки. Ведь про ночлег-то мы все еще не договорились! Я упорно надеялся, что сумею взять Неразлучника измором. И я был уверен, что Федя уже начал всерьез прикидывать, как организовать для меня и моей троицы нормальный вариант. Главное – проявить настойчивость.

Наконец Неразлучник сдался.

Улучив минутку, он с самым непринужденным видом наклонился к моему уху и сказал:

– Вот что, брат. Я придумал: отдам тебе свою комнату!

– Свою? Вот это номер! А сам-то как?

– Обо мне не волнуйся. Перетопчусь.

Я кивнул. Долг платежом красен – хорошо, что Неразлучник об этом помнит.

– И где она, твоя комната?

– Да на втором подземном этаже. Следующая после двери с черепом и костями. Помнишь такую? За той дверью запасной генератор стоит. Так вот после генераторной следующая дверь – моя.

– Найду как-нибудь, – заверил бармена я. И добавил: – Ты мировой мужик, Федя. За мной, если что, не заржавеет. Давай, что ли, ключ?

– Тс-с-с! – Лицо Неразлучника исказила гримаса крайней настороженности. – Потихе, пожалуйста! Если кто-то из... хм... – Неразлучник запнулся, подыскивая выражение одновременно емкое и неругательное, – из посетителей нашего Бара узнает, что для тебя и твоих отмороженных из Прибалтики у меня местечко нашлось, а для них, таких сувенирных, нет, – жди неприятностей. Кто-нибудь обязательно разобьет бутылку о мою башку. Может, даже не здесь, не в Зоне. Но по ту сторону Периметра – точно.

– Да кому не лень... – начал было я, мне хотелось успокоить Неразлучника. Но он перебил меня:

– Да хоть бы и те трое из «Свободы», видишь? Зеленый у них главный... Когда они узнали сегодня, что в мотеле у нас мест нет, орали так, что пришлось охрану вызывать. Убранные все трое вусмерть – не то герычем, не то винтом... В общем, все эти свары мне на фиг не нужны. У меня и так лысина уже лезет. – Неразлучник наклонил голову и показал затылок, волосы на котором действительно были вовсе не такими густыми.

Я кивнул. Дескать, понимаю, сочувствую.

– Я вот что придумал, брат. Когда вам ужин приготовят, я официанта отзову. Мол, самолично вашу компанию обслуживаю, потому что вы мои друзья и все такое. Я поставлю поднос на ваш подоконник и скажу «приятного аппетита». Под тарелкой с хлебом будет лежать ключ от моей комнаты. Ты его так незаметненько из-под тарелки вытащи и в карман положи, чтобы никто не видел. На кольцо с ключом, кстати, медный брелок висит с надписью «Генератор-3». Так ты написанному не верь. И в генераторную не лезь, – наставлял меня Неразлучник.

– Не переживай. У меня на сарае тоже большими буквами «ХЕР» написано, а в сарае том дрова лежат...

Бармен улыбнулся. Присказка эта была возрастом как мой дедушка, Иннокентий

Иванович. А вот Неразлучник ее, оказывается, не знал.

– Да ты иди хоть пивка попей со своими... А то дежуришь тут будто стойкий оловянный солдатик, – поощрил меня бармен.

И я подумал, что ведь он прав.

Я застал своих друзей в состоянии легкой прострации.

Тополь курил одну за одной сигареты, бычкую их в баночку из-под пива с художественно закрученными краями. Я ему уже сто раз говорил, чтобы он, зомбированный мафией торговцев табаком придурок, что-то решал. Ну, скажем, бросил или вроде того. А он? А он со мной согласен, между прочим.

Иван вдумчиво всматривался в свой пивной бокал, словно там показывали хоккейный матч, а Ильза – та, облокотившись локтем о подоконник, полуприкрыв глаза ладонью, рассматривала зал.

Во взгляде принцессы Лихтенштейнской мне помешалось нечто вроде антропологического интереса. Пожалуй, ей не хватало только бронированной видеокамеры, с какими расхаживают по Зоне всякие ученые.

Встав слева от нее, я невольно последовал ее примеру.

Так-с... Кто тут у нас?

«Там собиралась компания блатная», как сказал классик.

За подоконником, пристыкованным к нарисованному окну справа (у них за окошком белела нарядная березовая роща, на одной из берез краснели наливные яблочки), пировали господа бандиты.

Бандосы по-нашему, по-сталкерски.

Уж я этих гомосексов традиционной ориентации чую шестым чувством. И вроде бы с виду обычные граждане вроде вольных сталкеров. Никакого особенного зверства или подлости на лицах не написано, движения сдержанные, головы стриженные, одежда обычная, как у всех.

И все-таки нутром я чуял: не за знаниями пришли эти четверо пацанов с бритыми висками в Зону. И не за артефактами, как наш брат сталкер. И вовсе даже не за новыми впечатлениями, отвлекающими от удушающей рутины повседневности, – как идиоты-туристы. И даже не потому, что их зовет на подвиги что-то высокое и страшное внутри них самих, – как пацаны из «Долга» или фанатики из «Монолита». А потому что им на трупах попировать хочется. С убитых контейнеры поснимать. Дурачка-одиночку прижать в темном уголке и как следует пощекотать, а потом распотрошить. И все такое прочее, за что в военное время расстреливают без суда и следствия.

А какие мои доказательства? – спросите вы.

А никаких у меня доказательств.

Потому что если бы у меня доказательства были, я бы встал вот прямо там, в Баре, и всю эту сволочь, что растаскивала пестрые клинья пиццы, голыми руками передушил бы.

И, уверен, все присутствующие мне помогли бы, еще и в очередь построились. Помогать.

Но «не пойман – не вор». На юридическом языке эта байда называется «презумпция невиновности». Хрен ее еще выговоришь, эту презумпцию, язык как на трамплине на этом «эм» подскакивает...

В общем, никаких доказательств, кроме интуиции, которая оживлялась при виде хищных харь и вороватых движений соседей по Бару, у меня не было. Я оставил бандосов – или, точнее, лиц, подозреваемых в бандитизме, – в покое и принялся глазеть дальше.

За длинным деревянным столом в центре общего зала, тесно сгрудившись, пировали «долговцы».

Как видно, у одного из них, обладателя окладистой каштановой бороды, был день рождения.

Все по очереди говорили тосты. Ну, там, чтобы, значит, у чувачка с бородой прибывало бабла и здоровья (хотя какое здоровье у завсегдатаев Бара на Дикой Территории?), чтобы к нему девчонки в очередь строились, чтобы «сколько взлетов – столько посадок». Ну, это я шучу малость, за такое летчики пьют, а у сталкеров говорят «сколько заходов – столько выходов». Из Зоны, в смысле.

Потом, само собой, за эти тосты всей гурьбой хлебали пиво и горькую.

«До дна, мля!» – неслось время от времени от их стола.

Ребята из «Долга» чувствовали себя в Баре как дома – говорили громко, не особенно стеснялись в выражениях, били посуду и, откровенно говоря, вели себя как пацаны, от которых все зависит. Иные даже блевали, не доходя до туалета, что лично я считаю поведением, не красящим радиоактивное мясо.

Конечно, «долговцы» имели на эти непотребства некоторое моральное право. Ведь это им принадлежал Бар. Это они нашли под него место и построили его с нуля.

Не будь их – и нас здесь сейчас не было бы. Ночевали бы по своим неотопливаемым схрамам, а вместо «Гиннессов» пили бы спирт из фляжек.

Прозвучала очередная здравица в честь бородатого, и все «долговцы» вскочили со своих стульев, сомкнув пивные бокалы.

Гулко зазвенело стекло. Над помещением понесся запах пота, смешанный с перегаром, табачным дымом и запахом жареного лука.

И это бы еще ладно, но тут вся компания, уже изрядно пьяная, затянула:

Парня в Зону тyani, рискни,
Не бросай одного его,
Пусть в пси-поле одном с тобой —
Там поймешь, кто такой...

– О чем поют эти мужчины? – спросила меня Ильза, наклонившись совсем близко ко мне. Я почувствовал слабый запах, исходивший от ее поддельных волос. Запах цветов. Точнее, первоцветов. Запах гиацинтов в апрельском саду. Или этот запах почудился мне? Ведь минуту назад пахло только пивом, луком и подмышками!

– Они поют про то, что в Зоне главное – дружба... Дружба, понимаешь?

– Дружба... Да... – кивнула Ильза с самым серьезным выражением лица.

Я хотел сказать еще что-то умное. Сострить, может быть, этак в своем духе, с эффектным выходом на комплимент – ну хотя бы Ильзину русскому. Но тут Иван бросил на меня ревнивый взгляд поверх своего пол-литра «Крушовице». И я счел за лучшее всем своим видом показать Ильзе, что я от нее устал, что разговор с ней для меня безумно скучен и что разглядывать присутствующих в баре в сто раз интересней, чем нюхать ее пахнущий гиацинтом парик.

Я отвел раздраженный взгляд и уставился в стену. Она же по совместительству окно.

Ох уж эти нарисованные окна с их нарисованным оптимизмом!

Все эти сады, березки и тучные здоровые звери!

А ведь я помню: раньше в Баре были нормальные окна. Со стеклами. Пусть и броне-, пусть и утолщенными. И хотя были они грязными и сквозь них ничего было не увидеть, кроме внутреннего двора с двумя скрюченными грушами, они мне нравились. Но потом какой-то идиот (хотя мы знаем, что это был малолетний фанатик из «Монолита») выстрелил в окно из гранатомета, стоя на улице.

Кумулятивная струя, конечно же, с легкостью прошла оба утолщенных бронестекла. Начался пожар. Восемь человек погибли. А ведь если бы это был вечер по-настоящему людного дня, какой-нибудь пятницы, например, или субботы, в ловушке общего зала могли погибнуть не восемь, не десять, а все тридцать посетителей, среди которых, возможно, был бы и я...

В общем, когда окна заложили кирпичами, а кирпичи оштукатурили и зарисовали

картинками, я не плакал.

У окна, на котором Сеней Питерским был изображен луг с барашками, беспечно пасущимися на нем, стояли старички: уже упоминавшийся Кабул, негодяй Быстров, везунчик Сержант и нытик Цыпа.

Все они дули вискарик и травили байки, как и положено бывалым.

Поймав мой взгляд, бригадир Кабул, наставник половины отмычек в Зоне, приподнял свой стакан.

Сделали это и остальные.

Мы с Тополем тоже подняли свои – мол, наше вам. Всего наилучшего и денег побольше!

Эх, люблю вольных сталкеров!

Никогда не лезут с лишними разговорами.

На все и на всех им положить.

Ни к кому и никогда нет у них претензий.

Каждую минуту покоя они смакуют как драгоценный напиток, потому что знают: этого напитка много не бывает.

Подходить к Кабулу и компании не было никакой необходимости. И без лишних расшаркиваний было ясно: если что случится, мы поможем друг другу.

Возле следующего за этим окна пировали ученые. Официант то и дело таскал им целые подносы душистых хрустящих чебуреков и графины с мексиканской текилой «Лос Нуэвос Видентес». Чебуреки они жадно рвали зубами, а текилу быстро-быстро разливали по стопкам и употребляли. Употребляли, надо сказать, по всем правилам. По моей любимой схеме «кусни-лизни-опрокинь».

Лица у ученых были праздничные, чуть ли не восторженные.

Небось нашли какую-нибудь гадость, доселе неведомую, и теперь обмывают денежки, которые им очередной «Фонд Исследований Аномальных Феноменов имени Дрочибальда Пупкинса» за это дело отчинит. Кто-нибудь еще и научную степень отхватит, я не я буду.

«Ученые – хрены моченые», – говорил по их поводу Тополь. Вот кто ученых ненавидел!

К сожалению, у Кости имелась причина для такой ненависти.

Когда-то у него была жена. Жену звали Надя. Надя поехала к маме в стольный град Киев, чтобы помочь старушке продать кое-какую недвижимость, оставшуюся после смерти бабушки. Недвижимость Надя с мамой так и не продали, зато Надя часто ходила в ресторан «Тет-а-тет», что располагался на Крещатике.

В ресторане работала поваром Надина мама. Там же Надя встретила молодого кандидата наук в отутюженных брючках. Кандидата звали Витей, и был он светилом какого-то киевского закрытого института. Витя упал в обморок, когда случайно вместо туалета зашел на кухню, где Надина мама занималась птицей. (Его угораздило ввалиться ровно в тот миг, когда та сносила живой курице голову остро наточенным тесаком.)

Надя поднесла к носу нервного светила науки ватку, воняющую нашатырем. И первым, что увидело светило, придя в себя, было нависающее сверху крысиное Надино рыльце с густо наведенными помадой губами. В общем, Витя и Надя полюбили друг друга с первого взгляда. А вот Тополь пошел лесом. Такие примерно расклады.

И как было после этого Тополю любить ученых?

Судя по некоторым деталям одежды, ученые пришли в Бар в защитных костюмах. Причем в костюмах немалой цены. Вот у кого деньги всегда водятся! Не то что у сталкеров!

Неприязнь Тополя мне не передалась. И лично я к ученым относился нейтрально (кажется, я уже об этом говорил, когда рассказывал про некробиотика Трофима и его веселую команду). Не за что их особо любить, не за что их не любить...

Тут у меня была целая философия.

С одной стороны, если бы не ученые с их ядерной энергетикой, не было бы никакой Чернобыльской АЭС. А значит, не было бы той Первой катастрофы, многочисленные

отголоски которой, вроде той же Мисс-86, до сих пор можно встретить на окрестных болотах. А значит, не было бы у меня ни источника дохода, ни сталкерской моей жизни.

А с другой стороны, ну и отлично! Не стал бы я, ваш Комбат, сталкером. Но кем-то другим ведь все равно стал! Может, учителем физики, как хотел мой отец, сам учитель физики. Может, банкиром, как хотела мама. А может, капитаном дальнего плавания, как хотел я сам!

А что? Только представить себе! Не придумай ученые мирный атом, я бы, ваш Комбат, водил через Тихий океан белые океанские лайнеры. Это я, несостоявшийся сталкер Комбат, стоя у штурвала, огибал бы мыс Горн, обходил рифы Океании, говорил не што́ рмы, а шторма́. Меня звали бы исключительно «Владимир Сергееч», «господин Пушкарев» или, на крайняк, «сэр», и никаких кличек у меня со школы не было бы...

– Эй, с тобой все хорошо? – спросил Тополь, теребя меня за рукав.

– Да нормально... А что? – Я нехотя вынырнул из тумана своих морских грез.

– Мне показалось, тебе пиво вставило как-то... нездорово, – честно признался Тополь. – Как давеча эмпатический тушкан. Еду вон пять минут как принесли, она уже остыть успела, а ты сидишь мечтаешь, будто барышня перед первым свиданием. И рожа красная вся. Не заболел?

– День просто тяжелый был.

Я навел на резкость.

И действительно, Иван уже успел доесть свой оливье и слопать свой суп, а Тополь, который всегда ест быстро и с аппетитом, как голодный пес, тот и вовсе уже глодал куриное бедро, давно покончив с остальным! Даже Ильза – и та сёрбала куриный суп со вполне счастливым видом.

Я придвинул к себе свою супную пиалу. Взял ложку. И лишь потянувшись за хлебом, вспомнил, о чем просил меня бармен Неразлучник. Вспомнил про ключи.

Тарелка стояла вровень с локтем Ивана. И я, понизив голос, сказал:

– Иван, будь добр, сделай мне одолжение. Но только так, чтобы никто не видел...

– Говори...

– Подними сейчас тарелочку с хлебом. Только так... непринужденно!

– Сейчас. О, тут какой-то... клю...

– Тс-с. Вот теперь возьми аккуратненько этот ключ, зажми его в кулаке и положи в карман своей куртки. Старайся сделать это так, чтобы никто не обратил внимания на то, что ты делаешь. Будто ты только и делаешь, что прячешь ключи по карманам.

– Понял. Сейчас.

Иван сделал все, что я просил, и воззрился на меня с немым вопросом.

– Это ключ от нашего номера люкс, – не удержался я.

– Очень хорошо. А розетка там будет? – вскинулся Иван.

– Будет, конечно, – сказал я. А сам подумал: «Зачем ему розетка? Можно подумать, у него электробритва в кармане брюк припрятана».

– Радостные слова! Я... неужели я сегодня... мыть прическа?! – Глаза Ильзы радостно вспыхнули.

– А вот это вряд ли. В нашем номере люкс не будет горячей воды. И холодной воды тоже не будет. Удобства тут для всех в одном месте – в конце коридора. Знает ли принцесса Лихтенштейнская, что такое «в конце коридора»?

Ильза отрицательно повела головой.

– Не знаешь? Тогда объясняю. Максимум, что можно при удобствах в конце коридора, – это умыть лицо под краном. Никакого душа там и в помине нет. Не забывайте, друзья, что мы в Зоне. И нормальная вода здесь продается по цене этого вот пива. – Я потряс своей кружкой, на дне которой еще кое-что плескалось.

– Сказать честно, я... в этом кафе... начать забывать, что мы на этот... Зона! – призналась Ильза. – Из-за того... что тут есть... уют. И из-за этот... шампанский!

– Затем же и пьем, милая. Чтобы обо всем забывать, – сказал я, приобнимая Ильзу за

плечи. Мне было приятно, что она оценила купленное специально для нее шампанское. Правда, поглядев на агрессивно насупленного Ивана, я быстро отстранился. Чтобы не усугублять. – Настоятельно советую всем делать вид, что нам с вами никакой комнаты не досталось. И обращаю ваше внимание на то, что половина из выпивающих в этом зале здесь же и лягут спать.

– Как так? – не поняла Ильза.

– Да вот так. Столы отодвинут к стене. Поставят один на другой. Сверху закинут стулья. Бросят свои спальники на пол. И спаточки!

– Понятно... Они спать на пол... – угрюмо резюмировала Ильза. – И эта женщина? – Она указала на американскую туристку, что с ожесточением заманивала престарелого кавалера в свою феминистскую секту.

– А эта женщина – так вообще наверняка! Из принципа! – заверил ее я. – В общем, мне пришлось выказать дьявольскую изворотливость, чтобы добыть для нас эту комнату. Бармен уступил нам свою собственную. Потому что он мой друг. И очень мне обязан.

– Да тебе пол-Зоны обязано, – подмигнул мне Тополь. – Дон Карлеоне ты наш...

Нос и щеки Константина покраснели – это значило, «Кровавая Мэри» уже начала свой реабилитационный курс.

– Мы есть... ценить. И мы вам... сильно благодарные, – сообщила Ильза.

Но по упаднической полуживой роже ее телохранителя Ивана я видел: он-то, конечно, благодарен. Но не сильно.

Видать, уже начал жалеть, что аквамариновый контейнер мне пообещал. Как говорил мой прадедушка, витебский крестьянин: «Тонет – топор сулит. Вытащишь – топорища жаль...»

Глава 22. Драка!

*I'm not a worker,
I'm not a joker,
I'm a man who is dropin',
Dropin', is dropin' a Hammer
Down on you!
«Hammer», Offspring*

К счастью для наших усталых задниц, спустя пятнадцать минут освободился стол, за которым дули перуанский писко шестеро мордovorотов-наемников. Прилизанные, шустрые, тихие, как и все люди из их племени.

«Наемничество не порок. Но большое свинство», – так гласит неписанный кодекс сталкера.

Наши наемников не уважали. А иные так и вовсе не держали за людей. Если на ПДА приходил сигнал бедствия от группы наемников, никто и в ус не дул. Пропадаете? И пропадайте.

Все дело в том, что наемники подписывались обычно на самые неприглядные работы.

Одного завалить. Другого отловить. А третьего прищучить за долги и трясти, трясти...

Поговаривали, в стародавние времена, когда порядка в Зоне и ее окрестностях было значительно меньше, а хаоса и беспределщины в десятки раз больше, случалось, что наемники уничтожали целые сталкерские кланы. Из захудалых, конечно. Так вот приезжали, входили в Зону, брали членов клана в клешни и расстреливали по одному. Как тетеревов. Или гнали на аномалии, стреляя в спину. Случалось, заманивали в заведомо опасное, гиблое место, чтобы там сама мать-природа их прикончила. Ну или Хозяева Зоны, если угодно.

Вы спросите, а почему же мы, сталкеры, пускаем в свои бары наемников?

Тут то же самое, что с бандосами.

Пока тебя не уличили – ты как бы чист.

А вот когда уличили...

В общем, после того, как тебя на наемничестве поймали, в Бар можешь не соваться. Могут и башку отстрелить ненароком. Или поглумиться в особо извращенной форме. Или хабар выкрасть. Вместе с бумажником, противогазом и защитным костюмом...

Итак, наемники или лица, подозреваемые в наемничестве, ушли спать. А мы, проявив примечательную прыть, быстро заняли их столик, все еще заставленный грязной посудой, пепельницами с грудками окурков, рюмками и бокалами.

Короче, за вот этот их грязный стол мы уселись и... заулыбались все четверо!

Как приятно, думали мы, будет выпить пива сидя. Сидя! А не стоя у подоконника, черт возьми!

На радостях я сразу же подозвал официанта – чтобы прибрался. Конечно, я хотел повторить заказ, раз такое дело.

– Ты с ума сошел! – прошипел Тополь, к слову, записной жмот.

– Спа-акойно! Все под контролем! – заверил друга я.

О величине счета я не думал еще более старательно, чем час назад, вдохновленный словами Ивана о том, что богатенький папа Ильзы, князь Бертран Адам Третий (я даже имя нашего потенциального благодетеля выучил!) покроет нам все путевые расходы. (О том, чтобы попросить у Неразлучника чек, я, простофиля этакий, совершенно не подумал.)

Как ни странно, официант довольно шустро все принес, разлил и даже осклабился, желая нам приятного аппетита, как приличный.

Казалось бы, нам принесли еды и питья. Мы живы, и у нас есть ночлег. Живи и радуйся!

Но тут я заметил, что личико у нашей принцессы стало каким-то кислым. И глаза опять на мокром месте.

– В чем дело, ваше высочество? – поинтересовался я.

– Хочу... мыть лицо! И шею. И живот... – с обезоруживающей прямоотой заявила Ильза.

– Херцлих вилькоммен!

Я проводил ее до сортира.

И даже вызвался галантно подождать под дверью, пока она закончит.

Увы, Ильза настаивала на том, чтобы я вернулся за столик: дескать, мытье – дело небystрое.

В общем, я вернулся. Хотя видит Черный Сталкер, лучше бы я этого не делал!

Я как раз успел всосать четверть кружки новопринесенного «Гиннеса» (если кто не знает, по правилам «Гиннес» следует пить, пока не осела пена), когда со стороны туалета раздался пронзительный женский визг. А затем еще один короткий взвизг.

Ильза.

Это она! Больше некому!

Весь бар в едином порыве обернулся на звуки. Даже Константин поднял голову, которую он, по своему барному обыкновению, всегда упирал в ладонь. Запахло бесплатным шоу.

Сквозь плотные клубы сигаретного дыма я метнулся к выходу.

Что же я увидел в тусклом свете коридорных ламп?

Ильза стояла, прижавшись спиной к стене. На ее лице застыло выражение крайнего недовольства.

Перед Ильзой перетапывались трое из клана «Свобода» – плюгавые, длинноволосые, в этих своих своеобразных комбезах.

Кажется, я уже пел вам песню о том, как ненавижу этих свихнутых на всю голову кретинов из «Свободы», когда рассказывал о встрече с Барановым и Молотком. Не пел? Сейчас спою!

Собственно, это были трое из той компании, что, игнорируя тяжелые взгляды пацанов из «Долга», наливалась водярой у стены с настенными часами, невдалеке от сексуально

озабоченной американки и ее кавалера-перестарка.

Краем глаза я наблюдал, как несколько минут назад эта троица, пошатываясь, отправилась не то в туалет, не то покурить, не то вообще погулять перед сном по Зоне – с больных станется.

Одного из них я немного знал. Его звали Зеленый. Когда-то он занимался скупкой хабара, был подручным у знаменитого Ашота. Потом подался в сталкеры, как видно, жадность замучила – сам артефакт добыл, сам же его толкнул по хорошей цене, ни с кем не поделился! Зеленый курил трубку и лицом походил на вмазанного колесами бобра – передние его зубы сильно выдавались вперед, а маленькие шаловливые глаза были всегда прищурены.

– Здоров, Зеленый! Чего к девушке пристал? Жениться, что ли, хочешь? – сказал я миролюбивым тоном, приближаясь к компании с притворной неспешностью.

На самом деле внутри у меня все клокотало от лютой ярости.

Но я знал: во что бы то ни стало эту ярость надо удержать внутри. По крайней мере удержать до поры до времени. Я был уверен: если есть хотя бы минимальная возможность покончить дело миром, значит, за эту возможность надо уцепиться. Потому что плохой мир лучше доброй ссоры.

– Кто пристал? Я, что ли? – хохотнул Зеленый, оборачиваясь ко мне и с трудом наводя на резкость. – Пацаны знают, я к девушкам не пристаю. Это девушки пристаю к мне. Потому что денег хотят и замуж! Только вот проблема – жениться мне уже лет пять как надоело. Женилка устала – не железная!

Двое товарищей Зеленого заржали над его шуткой. Как видно, по статусу в группировке Зеленый был старшим самцом. Ведь в шутке ничего особенно смешного, на мой вкус, не было.

– Но если ты к ней не пристаешь, брат, то почему она визжит так, что слышно даже за моим столом? – с мягкой иронией спросил я, незаметно подмигивая обмирающей Ильзе: мол, все в порядке, не бойся.

– Это ты у нее спроси. Я что – я ничего! – Зеленый поднял руки в жесте шуточной капитуляции.

– Ильза, что он сделал, милая? – отчетливо выговаривая каждый слог, спросил я.

– Щипать... Он делал щипать! Вот здесь! – пояснила Ильза, показывая взглядом на свое крутое бедро.

– Ну ущипнул разок за тухес. Так она сама виновата! Я ее спросил, как ее зовут, а она молчит! Я ее спросил, можно ли ее ущипнуть, а она опять молчит!

– А молчание – знак согласия! – вставил безымянный товарищ Зеленого по группировке, низенький шкет, росту в котором было от силы метр шестьдесят.

Все трое снова заржали.

Еще секунду я прокручивал в уме какую-то жутко мудрую реплику, которую моя гортань почти начала произносить.

Я очень, очень хотел решить дело миром. Как давеча с Молотком и Барановым.

Я всегда за мир и дружбу – между людьми, между кланами, между странами и континентами...

Но в следующий миг меня, что называется, закоротило.

Моя рука ужом скользнула в карман куртки. Пальцы ловко нырнули в отверстия кастета, который я всегда ношу с собой, поскольку где-то в глубине себя верю, что в нем живет душа того сломанного траншейного ножа, из которого он сделан.

А спустя еще одну секунду мой правый кулак, стремительно набрав разгон, уже вогнал кастет в несимметричную харю Зеленого.

Я метил в переносицу. Судя по хрусту, в нее-то я и попал.

Зеленый ударился спиной о стену и начал медленно оседать на пол, бормоча бессильные проклятия в мой адрес.

Из его носа хлестала кровь.

Ильза снова взвизгнула, отшатнулась и закрыла лицо руками.

Двое товарищей Зеленого – как видно, Неразлучник не ошибался, и они действительно были убраны какой-то стремной химией, – смотрели на то, что я проделал с их вожаком, как-то очень отстраненно. Будто то, что они видели, происходило не в их единственной жизни, а на экране дуроскопа, в передаче «Стильная клубешня».

Наконец обмякшая задница Зеленого доползла до грязного кафеля пола. Он закрыл глаза, прошептал одними губами «с-сука» и... отключился.

Я удовлетворенно хмыкнул. Вырубить противника с одного удара – такого мне давно не удавалось. Вот оно, мастерство безупречного воина!

Однако вместо того, чтобы предаваться самоупоению, мне следовало нейтрализовать оставшихся двух.

Я привлек к себе того, что стоял справа от меня. Шкета.

Схватив его за шиворот и уперев ему в живот носок армейского ботинка, благо его грудь находилась на уровне моего живота, я что было дури отпихнул мерзавца от себя по коридору назад, в сторону ярко освещенного общего зала.

Ярость моя была столь неукротима, что с силой толчка я слегка переборщил. Вместо того чтобы рухнуть кулем в коридоре, малорослик, комично размахивая руками, кометой выкатился в общий зал, перецепился ботинком о ножку стола, потерял равновесие и стукнулся затылком о сердцеобразный круп вечно молодой Снежаны, которая сидела за барной стойкой.

При этом он, борясь с земным тяготением, успел схватить Снежану за пояс джинсов и лишь затем начал окончательно и бесповоротно падать.

Снежана вскрикнула и громко матюгнулась. Однако малорослик не ослабил хватку. Спустя секунду Снежана вместе со своим барным стулом рухнула на пол рядом с ним. Падение сопровождалось жизнеутверждающим раскатистым грохотом.

Финн, который лишь на минуту отвлекся от Снежаны, конечно, помог несчастной дуре подняться. Однако же он истолковал ситуацию в том духе, что честь его возлюбленной задета дружкой Зеленого, притом пьяным в дым!

Финн с плохо сыгранным достоинством поставил на барную стойку свой стакан с В-52, медленно встал со своей табуреточки и, словно бы только ждал повода, принялся метельничать несчастного идиота, корчащегося на полу, с яростью, ситуацией несколько не подразумеваемой. Стало ясно, что это надолго – Финн был молод и неугомон.

«По поводу шкета можно тоже не беспокоиться», – пронеслось в моей голове.

Тем временем третий товарищ Зеленого начал что-то подозревать.

Он напрыгнул на меня сзади и повис на моей многострадальной сталкерской шее.

Я не мог поверить! Этот наглец пытался душить меня своими кривыми грязными пальцами!

Он впился в мой кадык и одновременно с этим принялся орать что-то оскорбительное. Наверное, так у них, в группировке «Свобода», учат обращаться с заслуженными ветеранами Зоны. А может, он пытался меня деморализовать, насмотревшись обучающих рукопашному бою видеокурсов вроде «Стань авторитетом в своем рабочем поселке»?

Надо сказать, освобождение от этого захвата я проходил еще в средней школе, когда посещал бесплатную секцию самбо. Ее вел отставной спецназовец Игнатий Иванович Когтев, человек, сделанный из кремня и стали...

Мысленно послав Когтеву лучик благодарности, я что было мочи лягнул дебила в пах. А когда тот взвыл и ослабил хватку, я вывернулся, отскочил, обернулся, бросился на него и, боднув негодяя головой в лицо, свалил с ног.

Когда же противник оказался на полу, тут уже я отмудохал его по первое число, чтоб другим не повадно было...

Прижав руки к груди в молитвенном жесте, Ильза смотрела на эту экзекуцию из самого темного и дальнего угла туалетного коридора.

По сиянию ее прекрасных глаз я понял: принцесса всецело на моей стороне!

Наконец противник униженно запросил пощады. И я, удовлетворенный полученной сатисфакцией, милосердно отступил. Еще не хватало убить кого-нибудь в Баре! Замаешься потом лавэ ребятам из «Долга» заносить.

Пожалуй, этот несчастный малолетка, имени которого я даже не удосужился узнать, получил не только за неосмотрительный щипок Зеленого. Но и за хамство Молотка, и за наезды Баранова. В общем, огреб за всю свою родную «Свободу» оптом.

Надо сказать, в те минуты мне было абсолютно плевать на то, чего мне и моему клану может стоить эта драка. Я ощущал какую-то переполняющую все мое естество абсолютную свободу.

И абсолютную правоту.

Пока я муссировал в уме тему «Комбат и обуревающий от наглости клан «Свобода»», в общем зале началось то, чего я совсем не ожидал, – драка.

И не просто драка, а настоящая Драка – с большой буквы.

Такое я видел всего один раз. И то в кино. Кино было про жизнь в пустынном штате Техас времен Дикого Запада.

Тот эпизод – назовем его «Разборка в салуне», – где смешались в кучу кони, люди, фермеры, индейцы, ковбойцы, сутенеры, официанты и стражи порядка во главе с усатым шерифом, я запомнил навсегда. И уж конечно, не думал не гадал, что нечто подобное мне доведется увидеть и наяву. Чтобы так массово и так безоглядно...

Как видно, неразрешимые вежливостью и иронией противоречия накопились не только в наших с ребятами из клана «Свобода» биографиях.

Как видно, каждому второму в Баре было за что вмазать по сусалам ближнему своему.

Как видно, алкоголя в тот вечер было выпито слишком много и сам он был слишком, что ли, злокачественным...

С громким боевым кличем бродяги «Долга» сцепились с оставшимися за своим столиком пацанами «Свободы».

Бац! – и кто-то зажал ладонью расквашенную губу.

Бац! – и кто-то сложился пополам, потому что, когда бьют в живот, это всегда очень больно.

Мать моя женщина! Кабул и Цыпа, уже изрядно косые, отважно бросились в самоубийственном угаре на тех самых бандосов (или лиц, подозреваемых в бандитизме)!

А здесь у нас что? И кто?

Черный Сталкер свидетель! Среди наемников тоже вспыхнуло пламя пьяной разборки – они сцепились между собой! Трое на трое!

«Забавно, – подумал я, – что это только для случайного взгляда со стороны другие кланы – нечто единое и неделимое, намертво скрепленное общими целями и интересами, а на самом же деле все они снедаемы страстями и уязвимы для внутренних противоречий даже в большей степени, нежели для внешних опасностей».

Даже группа иностранных туристов под водительством старика Шляпы не осталась в стороне от всеобщего боевого безумия. Двое шустрых жилистых мужичков лет сорока пяти прижали к стеночке двух других мужичков, чуть помладше, в клетчатых рубашках и черных бейсболках с одинаковыми надписям «I love NY».

– Fuck you! – неслось из-за столика с туристами.

– Fuck you, you fucking fuck! – отвечали оттуда же.

Американская тетушка-феминистка растянула в фарфоровой улыбке свою загорелую морщинистую физиономию. Ее глаза сияли торжеством. Наконец-то она живет так, как надо! На гребне волны! У бездны мрачной на краю! Среди ополоумевших от ярости самцов! Это так возбуждает, подруги!

Лишь ученые оставались трезвыми среди всеобщего опьянения. Словно ничего не происходит, они сидели за своим угловым столом, трескали чебуреки, прихлебывали текилу

и беседовали о своем, о нобелевском.

– Так вот я тогда напряжение пси-поля возле того разлома померил... И намерил целых пятьдесят грофов!

– Хорош заливать!

– На что поспорим?

– На твой горный велосипед!

– Идет!

– Тогда довожу до твоего сведения, Григорий, что ты проиграл свой замечательный горный велосипед. Потому что мой ПДА все логи тех измерений благополучно засейвил. Вот, погляди-ка!

...Примерно в таком духе, да.

А вокруг них летали стулья.

Лопались шрапнельными бомбами бутылки и пивные кружки.

Стонали и ругались матом, вздыхали и попискивали дерущиеся люди.

Разлетались в мелкое крошево сервировочные блюда.

Выворачивали внутренности в неожиданном рвотном позыве изможденные пьянством тела.

Трещали по швам брюки.

И так далее...

Драться мне расхотелось так же внезапно, как и захотелось.

Вот будто просто взяли – и где-то глубоко внутри меня вырубили напряжение.

Я вдруг стал кроткий, как ягненок. И миролюбивый, как буддийский монах в оранжевой хламиде.

Я нашел взглядом Ивана и Тополя – все это время они сидели за нашим столиком, потребляли недопотребленное и, уподобляясь ученым, делали вид, что все пучком и происходящее их не касается.

Я помахал им рукой – мол, пробирайтесь к выходу, бродяги.

Иван, конечно, смысла моих пантомим не разобрал. А вот понятливый Тополь – очень даже.

Улучив момент, когда между барной стойкой, под которой спрятался благоразумный Неразлучник, и общим залом Бара, теперь более походящим на спортзал, где проходят спарринги по рукопашному бою, образовалось нечто вроде безопасного коридора, они поставили свои кружки на стол и метнулись к нам с Ильзой.

Забыл сказать, что после того, как ее обидчики были уничтожены морально и физически, принцесса Лихтенштейнская, пользуясь тем, что нас никто не видит в узком и темном туалетном аппендиксе, чмокнула меня в небритую сталкерскую щеку. Это был первый поцелуй венценосной особы в моей нелегкой жизни.

– Ну как вы? Живы? – спросил Иван. Похоже, он не на шутку перетрухнул.

Спрашивал он, конечно, не столько у меня, сколько у Ильзы, но я сделал вид, что об этом не подозреваю. И что тронут его заботой.

– Да живы... – отвечал я, потирая указательным пальцем ушибленную скулу. – Полечил тут троих из «Свободы»... Чтобы учились вести себя с приличными женщинами, – пояснил я.

– Надо бы льда попросить у Неразлучника, – заметил Тополь, указывая на розовую шишку, которая неумолимо напухала у меня на лбу.

– Обойдусь и так, – вздохнул я. – А то неудобно как-то... Я же всю эту драку вроде как затеял. А теперь еще и льда прошу. Мы вот спать пойдем. А Неразлучнику потом все это дело убирать. Осколки подметать. Блевотину отмывать. И все такое прочее.

– Не бери дурного в голову, брат. Ну заработают они сегодня на сто единиц меньше, чем обычно... Ты думаешь, эти бокалы дорого стоят? Стекло, штамповка среднеазиатская.

Или, может, лавки эти, из бревен выстроганные, достались им за бешеные деньги? Вот именно что нет. Их глухонемые тут недалеко, возле Луцка, на закрытом заводе производят. А государство их продает почти по себестоимости. Так что пусть терпят наши дебоши. Уплочено! – обнадежил меня Тополь.

Под грохот падающих стульев и звон посуды, бьющейся о керамогранитный пол Бара, мы четверо спускались в подвал, где располагались сдающиеся комнаты, по грубо сработанной винтовой лестнице.

Я приблизительно знал, что дальше будет.

Как джентльмены мы уступим Ильзе единственную кровать – ту самую, на которой видит свои серые сны бармен Неразлучник.

Сами же мы раскатаем спальники и ляжем на полу.

Точнее, это мы с Тополем раскатаем свои спальники и ляжем. А Ивану мы сделаем что-то вроде подстилки из второго одеяла (если их два), или снимем с кровати матрас (если этот матрас есть). На всем этом жидком хозяйстве спать нашему избалованному Ивану будет холодно. Поэтому, поворочавшись, он среди ночи встанет и тихонечко прикорнет на кровати рядом с Ильзой. И всю ночь от сырых стен комнаты бармена будет отражаться его гулкий богатырский храп.

Утром я, как всегда, встану первым.

Потянусь. Оденусь. Причешусь.

Проверю, на месте ли контейнер цвета аквамарин (ведь я уже считаю его своим, хотя с точки зрения суеверий это неправильно).

Потом посмотрю сонным взглядом на Костю. Лицо у него всегда такое умное, когда он спит, – будто во сне он дифференциальные уравнения решает.

Затем я переведу взгляд на парочку наших найденышей. Они будут лежать на кровати, трогательно обнявшись. Большое лицо Ильзы будет кротким и бледным. А лицо Ивана – простоватым и высокомерным, таким же, как в жизни.

Несколько минут я буду смотреть на них и размышлять о том, почему некоторым людям в жизни везет, а некоторым – не очень.

А потом гаркну этак грубовато: «Подъем, братва! Нас ждет Темная Долина!»

Глава 23. Через Темную Долину

Come on!
Gonna kill you, gonna send you to the grave tonight, oh yea that's
right!
«Death Of The Prodigy Dancers», Prodigy

Ненавижу Темную Долину! Лютой ненавистью!

И будь я Тем, От Которого Всё Зависит, или хотя бы Отвечающим Чувачком, У Которого Есть Маленькая Атомная Бомба, я бы вполне ответственно эту маленькую атомную бомбу на Темную Долину уронил.

Потому что лично я был бы рад, если бы ее не было на карте Зоны.

Пусть будет Радар, от одного вида которого у меня шарики за ролики закатываются. Пусть будет даже ЧАЭС с ее бесконечными коридорами, шахтами, лазами, расширителями. А вот Темной Долины, пожалуйста, не надо.

Начать с того, что когда-то давно, кажется, что сто лет назад, а на самом деле всего десять, в Темной Долине я потерял и напарника, и наставника, у которого ходил в отмычках.

Я был еще молодым салагой, недоноском. И кличка у меня была другой – тогда меня звали не Комбатом, а Сэнсэем, мне почему-то казалось это страшно круто – прозываться Сэнсэем, вспоминались восточные боевики с их задорным ногодрыжеством, рукомашеством, кувырками в обезьяна-стайл и прочими буддийскими монастырями.

Моего тогдашнего напарника звали Кнопкой. Вопреки беспонтовой кличке он был рассудительным пацаном со смуглым лицом и умным, живым взглядом. Не таким рассудительным, как зануда Тополь. Но все же.

Кнопка был моим земляком. Мы вместе учились в школе, а потом на физфаке, когда, с треском провалив третью по счету сессию (у меня лично было два «несрубаемых» хвоста – по программированию и, конечно, по иностранному языку), мы решили сдернуть в Зону, где никаких сессий нет, где физика, так сказать, живая, весомо-грубо-зримая, где двойкой называется не оценка в зачетке, а блуждающая парная жадинка, где над тобой нету никого – ни мамы с папой, ни декана, ни милиционера. Никого, кроме, конечно, Бога, в которого мы с Кнопкой тогда не верили.

В общем, было бы сказано, сделать недолго.

И мы, бросив универ и даже не уведомив родителей (которым нам так сильно хотелось отомстить за их якобы черствость и их якобы тупость), поперлись искать счастья на берега Припяти. Черствые и тупые родители тут же заявили в милицию, мол, пропали дети, возможно, похищены... Но это уже совсем другая история.

И вот мы сходим с поезда (никогда не забуду тот плацкартный вагон) на вокзале в Киеве.

Январь. Минус десять. В четыре – темно. Погода такая, что хочется немедленно купить веревку, мыло и тут же, в общественном сортире с запекшейся вокруг очка левой экскрементов, удавиться.

Помню, из вещей у меня был только пластиковый пакет со сменой белья, станком для бритья и телефоном, у которого коротил аккумулятор.

На банковском счету у меня было сорок единиц – подарок тети на мой семнадцатый день рождения (она подарила деньги вместе с карточкой). У Кнопки денег было чуть побольше – единиц триста. Он, оказывается, копил на какой-то супер-бупер-компьютер. На эти триста единиц мы пили и ели первое время. На них же мы наняли машину, это был допотопный «газон» с колесами, обмотанными цепями. Машина довезла нас до самого Периметра...

Вначале мы с Кнопкой ходили в отмычках у Дайвера – был тогда такой деятель среди радиоактивного мяса.

Дайвер был дьявольски осторожен и мог просидеть в Баре трое суток кряду, дожидаясь «вдохновения».

Мы с Кнопкой за глаза частенько называли его «ссыкуном» и «алкашней». Да и вообще охотно самоутверждались за его счет, всячески понося его, благо Дайвер действительно слишком много пил, был слишком неопрятен, слишком редко «поднимал перископ» и вообще являл собой идеальную мишень для издевательств «молодежи».

Кругозор у Дайвера был узенький.

Он охотился почти исключительно за «лунным светом» – на этот артефакт у него был налажен свой эксклюзивный канал сбыта, в обход скупщиков. Поговаривали, что Дайвер продает «лунный свет» какой-то мутной южноамериканской конторе – не то химлаборатории, не то и вовсе космическому агентству. Контора называлась «Мачу-Пикчу» – значительно позднее я узнал, что есть такой город в Перу. Древний, построенный южноамериканскими индейцами.

Не знаю, как там насчет космического агентства, но в обществе индейца по имени Эмилито, очень мало походящего на индейца с трубкой мира и в головном уборе из перьев, я его видел часто.

Отмычек у Дайвера было много – человек восемь.

И в целом, невзирая на свой затрапезный вид и вечный запах перегара изо рта, он был добросовестным педагогом. Никогда нас специально не подставлял, за спины наши не прятался и вообще делал что мог.

Случалось Дайверу даже читать нам нечто вроде лекций. Голос у него был низкий, пропитый. Интонации отрывистые, словно он говорил, преодолевая крайнее презрение и

вселенскую усталость. Он обращался к нам «дети» – хотя старший среди отмычек, Фредди, был младше его от силы лет на пять.

«А это, дети, слепой пес. Он ходит стаей. В каждой стае, значится, по десять-пятнадцать тварей. Шустрые они – жуть. И до жратвы жадные. Постарайтесь сразу попасть твари в глаз – сэкономите себе время».

«А главное, дети, помните: первым делом труп убитого врага надо тщательно обыскать. При нем могут обнаружиться патроны и лекарства!»

Или: «Дети, имейте в виду: без антидотов в лабораторию Х-18 лучше не соваться!»

Помимо жадности – а Дайвер был жаден – и избыточной осторожности, которую я и к недостаткам-то причислить не могу, ибо в Зоне все не так, как вне ее, Дайвер обладал ярко выраженным упрямством.

Какой он был упрямый! Однажды, помню, посеял свой полевой бинокль, да не где-нибудь, а на Свалке. А мы уже в пяти часах ходьбы от этой Свалки находились, время было позднее. Другой бы плюнул на этот бинокль. А Дайвер – не плюнул. Уверял, ему этот бинокль сам Шухов когда-то подарил. В общем, вернулся за ним. Ночь не спал, геморройных узлов себе нажил – но вернулся! К счастью, ходил он один, нас не стал гонять – мы все это время вшестером в его схроне прятались, поскольку совсем малоопытные были.

Зато сколько радости было, когда Дайвер за нами вернулся!

И вот однажды пошли мы с Дайвером и Кнопкой, тогда мы уже втроем ходили, в эту самую Темную Долину, за очередной порцией «лунного света». После очень сильного Выброса. В сезон, стало быть. Аномалии в очередной раз сдвинулись, новых артефактовросло – как грибов после дождя!

Так-то оно так, но ведь и монстров с мутантами сколько разбегалось!

Добыли, помню, целых две «кристальные колючки» (это так, между делом) и одну «ведьмину косу». Для нас тогда эта «коса» была как сейчас «звезда Полярная» – чудо чудное, диво дивное цены немереной!

Устроились в надежном месте пообедать. Не успели достать бутерброды, как откуда ни возьмись на нашу поляну наскочила дюжина снарков!

Снарк, конечно, серьезный противник. Но мне и в голову не могло прийти, что мы не отобьемся! Молодость, задор, насыщенная адреналином кровь лупит в виски.

Кнопка, горячая голова, тут же принял позицию «Сдохните, твари». Выгнул спину, грозно оскалился. И принялся поливать снарков свинцом.

Я взялся защищать Кнопкин тыл.

Один Дайвер талдычил: «Дети, идти надо! Прибор говорит, еще мутанты на подходе!»

А мы ему: не дрейфь, папаша! Мы тогда как раз в силу входили. А это самое опасное – когда тебе кажется, что тебе все можно, что на тебя управы нету.

В общем, устал Дайвер нас уговаривать, разозлился, бросил пару гранат – и дернул своей дорогой. Это я теперь знаю, что далеко он не ушел. А тогда я думал, что мы остались вдвоем. Но это меня нисколько не пугало!

Тем временем подтянулись те снарки, которых обещал Дайвер. Оказалось, что их шестеро.

А ПДА нарисовал еще одну бригаду. Из девяти тварей. Я поделился своими опасениями с Кнопкой – мол, силы неравны, рука устанет всех мочить! Да и патронов не так чтобы до хрена!

Но в Кнопку будто демон какой вселился.

– Чтобы я да перед снарками отступал? – бросил он спесиво.

В общем, так мы и строчили на обе стороны, пока у нас не стали кончаться патроны. Ствол моего автомата повело. Ствол Кнопкиного – тоже.

Конечно, этого скорее всего не случилось бы, будь у нас нормальные автоматы, оригинального российского производства... Но мы по бедности своей бежали с румынским барахлом.

И тут явился Дайвер.

Удивительно точными очередями он распугал нападающую нежить. И крикнул:
– Братва, последний раз говорю, пойдёмте! Тут недалеко схрон моего кореша Жука. Там пересидим!

Но Кнопка был непреклонен.

Я, говорит, себе зарок дал. Если всех снарков на этой поляне перестреляю, стану удачливым сталкером и вообще все у меня в жизни сложится шоколадно. А если не перестреляю, тогда негодным я сталкером буду. А негодным сталкером мне и быть-то не хочется. В общем, стою до последнего патрона и прочее героическое ля-ля.

Но у нас-то с Дайвером очко конкретно играло.

В общем, под прикрытием Кнопки мы ушли.

А потом мне на ПДА грохнулось сообщение о гибели друга.

Среди этих вот мрачных деревьев, на этих вот давящих на мозг полянах Темной Долины, в виду ржавого остова ЗИЛа и задрали снарки отличного пацана Кнопку...

Мы же с Дайвером матюгнулись про себя и дальше пошли, к схрону Жука.

А через восемь дней после того случая погиб и сам Дайвер. Правда, погиб не в Темной Долине, а в подземельях Агропрома. Но многие говорили, да я и сам видел, что после гибели Кнопки, которого Дайвер всегда выделял и которого любил как родного сына, что-то в Дайвере надломилось. Так что можно сказать, что Темная Долина унесла не одну, а две близкие мне жизни...

Впрочем, приходилось мне слышать и другое: мол, это перуанские партнеры нашего Дайвера завалили. Наемникам заплатили – и те его замуровали возле выхода из Гнилого Коридора. Мол, наш Дайвер слишком много знал.

Может, и так. Какая теперь разница? Главное, после того, как Кнопка погиб в Темной Долине, я два месяца в Зону – ни ногой. Сидел в «Штях», паялился на девок-стриптизерш, пил горькую и плакал, плакал, как дошкольник.

Мне было очень горько. По ночам мне являлся Кнопка, который укорял меня за то, что я его от героических глупостей не отговорил. Что не проявил твердости. Что за шиворот его с той роковой поляны не уволок (хотя, конечно, если по справедливости, такую рамочку – а Кнопка весил сто двадцать кило – я куда бы не уволок против его воли). А еще мне снился Дайвер. И тоже что-то такое мне в мозги наливал – горькое и обидное. И каждую ночь я спорил, спорил с ними, что-то такое самому себе доказывая. Вставал утром с перекошенной рожей и проклинал все на свете. В первую голову – Темную Долину.

Но потом прошло.

Почему я вспомнил про Кнопку и Дайвера?

Да потому, что, если бы не Ильза с Иваном, никакой Тополь со всем его талантом людей вот так запросто убалтывать не заставил бы меня на этот уровень сунуться.

А так...

– Ну, посмотрим, что там на Свалке у нас! – бодро сказал я. – Может, чего нового свалили?

– Ага, пару свеженьких «меринов», прямо вчера приехавших из Берлина, Федеративная Республика Германия, и три-четыре новые «бэхи», только сегодня из Мюнхена, та же ФРГ. Специально для тебя. Выбирай, не хочу! – гнусно скривившись, процедил Тополь. – И главное, все бесплатно! Как пишут в газетах, «условие поставки – самовывоз»!

Только что мы щедро расплатились с Неразлучником за приют и питание и теперь стояли возле въезда на территорию Бара. Считай – стояли на крыльце.

Оставив Ильзу и Ивана непосредственно возле будки охраны, мы с Тополем отошли посовещаться. Конечно, это запросто можно (и нужно!) было сделать еще на территории Бара, за бокалом темного. Ну или хотя бы за завтраком с пережаренными тостами и прогорклым кофе. Но! Но... В общем, в сталкеры идут по преимуществу всякие романтически настроенные разгильдяи. Мы с Тополем не были исключением. И ненавидели

обсуждения «заранее».

– Сдается мне, через Свалку ты идти не хочешь, – проявил догадливость я.

– Верно, не хочу, – кивнул Тополь. – Мне эта твоя Свалка вот где. – Мой товарищ провел ребром ладони возле горла. Дескать, достала.

– А как ты идти хочешь?

– Через Темную Долину. Как все нормальные люди.

Я молчал. Мое отношение к Темной Долине он прекрасно знал.

Историю Кнопки и Дайвера я ему, конечно, рассказывал. И не один раз.

– Я не пойду через Темную Долину. Не пойду – и все, – упрямо сказал я.

– А я через Свалку не пойду, – пожал плечами Тополь.

Ситуация эта в шахматах называется словом «пат». Ни наши вашим, ни ваши – нашим. Но я не сдавался.

– Ты что, боишься? – спросил я, пытаюсь взять Тополя «на слабо».

– Да, боюсь. У меня каждый раз какая-нибудь мелкая неприятность на этой Свалке происходит – то на гвозде ржавом дорогой комбинезон порву, то ногу подверну, то контейнер потеряю, то еще что-нибудь похуже... Вроде ты не знаешь!

– Знаю, – кивнул я. – Но у меня та же история с Темной Долиной.

– Нет, у тебя не та же история. У тебя просто воспоминания плохие. Призраки прошлого! А у меня еще бедро не зажило с тех пор, как мы там в мае с тобой шастали. До сих пор гноится, представляешь?

– Представляю. И все же через Темную Долину не пойду!

– Конечно, не пойду! Лучше я потеряю два дня, руку, ногу или чью-нибудь там жизнь на Свалке, где сейчас, вот именно сейчас, по сообщениям Синоптика, кишмя кишит всякая нечисть и аномалии! – перекидывая меня Тополь.

Я отвел глаза. По здравому размышлению Тополь был, конечно, прав.

Думаю, в ту минуту он уже в тридцать второй раз за прошедшие дни пожалел, что ушел с Речного Кордона ради сомнительного счастья проводить время с остохреневшим радиоактивным мясом по имени Комбат.

– Послушай... А давай пойдем на компромисс, – задумчиво предложил Костя.

– Знаешь определение компромисса? Компромисс – это когда всем плохо.

– Так вот, компромисс, – продолжал Тополь, словно бы не расслышавший моей последней реплики. – Разделим отряд на две части. Я и принцесса Лихтенштейнская вдвоем пойдем через Темную Долину, потому что так безопасней и для меня, и для нее, и здесь не о чем спорить. А ты и потенциальный принц Лихтенштейнский, ха-ха, пойдете через Свалку. Тебе ведь так хочется на Свалку, а идти туда одному тебе неудобно с морально-этической точки зрения. Вот так, по двое, мы спокойно пройдем через Зону и пересечем Периметр. Мы – севернее, вы – южнее. Встретимся в «Лейке». Там же и обсудим, какой маршрут по факту веселее и в какой пропорции делить деньги, которые отчинит папенька нашей Ильзы. Как тебе такой компромисс?

Тополь смотрел на меня своими спокойными глазами и ждал ответа.

Ильза и Иван, крепко взявшись за руки, тоже смотрели на меня с расстояния в двадцать метров. И тоже ждали ответа. Хотя услышать его, в силу расстояния между нами, они не могли.

Я посмотрел на них, оценивая. Иван казался отдохнувшим и порозовевшим. Слово бы с курорта десять минут назад прилетел. Разве что лицо его не в меру порозовело и стало еще более похоже на поросычью морду. Не хватало, пожалуй, только мокрого пятака.

Ильза – и та после ночевки в комнате Неразлучника построжела и даже вроде как похорошела (хотя закрути меня птичья карусель, если в Зоне хорошеют!). Я провел взглядом по блестящим черным волосам принцессы и понял: если бы не Ильза, а точнее, если бы Ильза не была Ильзой, я бы принял предложение Тополя разделиться на два отряда. А так – так нет. Не отпущу я Ильзу с этим раззявой Тополем!

– Твоя взяла, Костя. Пойдем через Долину, – сдался я.

– Я так и знал, что в тебе ревность разыграется! – пошутил Тополь.
То есть это ему казалось, что он пошутил.
А мне казалось, что я влюбляюсь. В самый неподходящий для этого момент.

– И вот там, возле горы... забыла, как она по-русски... Драй Швестерн.
– Три Сестры, – подсказал Иван.
– Да... Правильно! На гора... Три Сестры стоит мой замок... – продолжала Ильза с обезоруживающей улыбкой. – Наш замок, то есть замок мой семья... Он такой... очень красивый... наш замок. Крыша мой замок сделать из... из... – Ильза посмотрела на меня, словно я наверняка должен был знать, из чего у них крыша.

– Из черепицы, – подсказал Иван. Этот точно знал, потому что видел.
– Да. Сделан из черепиц. Коричневый цвет такой. И у нас еще есть квадратный... большой баш... баш... башка?

– Башня, – обреченно подсказал Иван.
– Да. Башня. И крепостной стена. С зубами.
– С зубцами, – поправил Иван.

Я улыбнулся «стене с зубами».

Мы шли по Темной Долине уже два с половиной часа. Ильза развлекала нас легендами и мифами родного Лихтенштейна.

Я узнал много нового – как ее папашка прижил от танцовщицы кабаре четверых бастардов, как ее дедуган чуть не утонул в бочке с крепленным вином, куда он свалился, потому что наблюдал за свиданием своей горничной и китайского посла по имени Сунь Гуй, как ее прапрадедущка едва не застрелил хрустального оленя и как ее прабабушку прокляла нищенка, которой та не пожелала подать монету после Пасхальной службы... Пожалуй, если бы все эти конфитюрные истории рассказывала какая-нибудь претенциозная дура, я бы не стал вникать. Подумаешь, враки наполовину с полуправдой, какие всюду в Европе сочиняют для того, чтобы содрать с туристов побольше бабла за обед в том или ином жутко историческом ресторане. Но так как все это рассказывала Ильза своим чарующим, с легкой хрипотцой, голосом, очаровательно путая падежи и склонения, изобретая новые выражения и без колебаний кастрируя старые...

– И на этой стене... мой мать и мой отец один раз... петь дуэт Зигфрида и... и... Брунгильда... Из... Гёттердаммерунг...

– Из оперы «Гибель Богов», – помог с переводом Иван.
– А потом мой отец... наделал моей маме... предложение!

Я посмотрел на Ильзу умиленно. Ах, как это рафинированно прекрасно! «Наделал предложение»! После того, как они исполнили дуэтом отрывок из оперы!

В общем-то это было довольно крезово – слушать милое птичье еврочириканье здесь, в Зоне. В неослабном ожидании заплутавшего зомби, оголодавшего снорка, с ума сбесившейся псевдоплоти или твердо решившего пошалить, засрав чужие мозги, контролера.

– А чем, кстати, занимается твой отец? – спросил Тополь.
– Он... собирает, – отвечала Ильза.
– Ягоды?
– Нет. Не ягоды.
– А что?
– Картинки... Собирает картинки.
– С бабами?
– Да. Картинки фламандских мастеров.
– Ты хотела сказать – картины? – уточнил Тополь.
– Да! Да! Картины! У нас две... тысяч... картин! В нашей галерее! Их собирает мой фати!

– Вот это занятие для солидного папика. – В голосе Тополя звучала убийственная

ирония. Однако иронии Ильза, конечно, не заметила.

– Да-да. Папе нравится! – согласилась она и просияла.

Ну и жизнь у них, у князей! Ни фиги не делаешь, только исполняешь оперы и собираешь картины. Впрочем, оно и понятно. Помню, кореш у меня был, звали его Сомов, скупщиком хабара работал. Так он когда-то бухгалтером в Европах по контракту вкалывал, пока не сел за мошенничество в особо крупных. А когда вышел, решил, что в Зоне оно спокойней и веселее, чем в Европах...

Так вот этот Сомов, помнится, рассказывал, что Лихтенштейн – это место, где весь цивилизованный мир – и Америка, и Азия, и, уж конечно, старушка-Европа – отмывает шальное бабло и складывает награбленное. Что кроме банков, где процветают всяческие полуполигальные махинации, в этом самом Лихтенштейне ничего и нет. Точнее, есть: это кафешки, где обедают служащие банков, и пивные, где служащие банков надираются в хлам по пятницам.

Еще Сомов объяснял, какое удобное в этом их Лихтенштейне законодательство – в плане налогов и уголовной ответственности. Жаль, подробностей я уже не помню. Не то всенепременно принцессу своей эрудицией поразил бы! Так что у князя Лихтенштейнского, который весь этот банковский беспредел крышует, наверняка с лавандосом все в порядке. А когда денежки есть – и интересы соответствующие, респектабельные. И яхта у старикана – мое почтение. Сколько я, дурак, ни копи, а на такую ни в жисть не наскребу!

Дойдя до этой жизнеутверждающей мысли, я вдруг понял, что зверски хочу в туалет. Ибо не слишком обильный завтрак, который приготовил нам своей немой рукой повар Тинто, совершенно не хочет держаться у меня в животе и перевариваться, снабжая мой организм жирами, белками и углеводами.

– Эй, товарищи... – позвал я.

Все остановились и обернулись ко мне – Тополь, шедший первым, Ильза, шедшая за ним, и Иван, сутулый, похожий на великана, обпившегося браги.

– Чего?

– Я отойду... минуток на пять.

– Далеко? – насторожился Тополь.

– Километра на три, – отвечал я, глядя на Тополя с укоризной. Дескать, ты бы еще спросил, есть ли у меня туалетная бумага.

– Далеко не ходи. А то нехорошо как-то... Что-то мой ПДА пошаливает... И датчик аномалий...

– Не хлюзди, Костя, – заявил я, ныряя в ближайшие кусты орешника. – Кстати, вы пока можете чайку погонять, у Тополя в рюкзаке термос. А желающие – так те и вовсе могут сделать друг другу массаж ножных протезов...

Ближайшие десять минут я был занят, да простит меня читатель за подробности, исключительно своим желудочно-кишечным трактом, который моя мама, терапевт захудалой районной поликлиники, называла всегда и только лаконичной аббревиатурой ЖКТ.

Чтобы случайно не смутить невинность ее высочества запахами и неблагозвучием, я отошел достаточно далеко от поляны, где остались гонять чай мои спутники. Ну точно как в свое время Мисс-86!

А когда я вернулся...

Что-то пошло по звезде – это я понял еще в пятидесяти метрах от той самой поляны с хилыми осинами.

Начать с того, что я услышал мужские голоса, ни один из которых не принадлежал ни Тополю, ни Ивану.

И закончить тем, что Ильза вновь пронзительно завизжала – как давеча в Баре.

Я упал на брюхо, тщательно изучил карту местности на датчике аномалий и полез, полез по-пластунски туда, где оставались Тополь и Ко.

– Где Комбат? – спрашивал невежливый плечистый мужчина, тыча в спину Тополю дулом автомата. – Тополь, я тебя спрашиваю, где Комбат?

«Ого!» – встревожился я.

– Да шел бы он к монахам, этот твой Комбат! – в сердцах рявкнул Тополь, пытаясь повернуть голову к плечистому с автоматом.

Я насторожился. Рявкующий Тополь – это большая редкость. Обычно Костя сама сдержанность. Пока трезвый, конечно.

– Я тебя спросил, где Комбат! – повторил плечистый. Его голос показался мне смутно знакомым. Неужели я знаю эту падлу? Мои пальцы самопроизвольно сжались в кулаки.

– А мне откуда знать, где твой Комбат? Я ему что, нянька? Поссорились мы, не слышал, что ли?

– Что поссорился – слышал. Что помирились – сам видел, – спокойно возразил плечистый.

– И что ты видел, интересно?

– Как вы сидели в Баре и пиво дудлили. Будто старые кореша. Типа не ссорились никогда. И сам Неразлучник вам закусон подносил.

– Ну и что?

– Как что? Мне Комбат нужен.

– Если он тебе и впрямь нужен, ты не в ту сторону пошел. Мы от Бара пошли сюда, в Темную Долину. А Комбат – тот двинул на Свалку. Ты разве не знаешь, что Комбат уже десять лет в Темную Долину ни ногой? Что у него здесь лучший друг погиб, Кнопка. А потом еще и Дайвер, у которого он в отмычках ходил, кони двинул.

– Да вроде слышал что-то... И какие выводы?

– За Комбатом на Свалку отправляйтесь. Потому что у Комбата принципы.

– Принципы? Ну-ну. А это кто? Телка Комбата? – спросил плечистый, указывая подбородком на Ильзу.

Принцесса Лихтенштейнская смотрела на всю эту сцену исподлобья, прищурив свои бездонные глаза, взгляд которых теперь казался беспощадным и яростным, как у затравленной волчицы.

Казалось, будь ее воля... уж эта правнучка жестоких герцогов Лихтенштейнских устроила бы пацанам вырванные годы!

Что-то подсказывало мне, что в замке на горе Три Сестры, о котором только что так красиво рассказывала нам Ильза, имеет место прекрасная пыточная комната, где собраны жутко древние и офигенно исторические орудия дознания, которыми еще прапрапрадедушка Ильзы, какой-нибудь Франциск Лисья Морда, вызнавал у проштрафившихся должников, где они зарыли свои соцнакопления, а у политических противников – где прячутся ассасины...

– С чего ты взял, что это телка Комбата? – глуповато спросил Тополь. Его удивление показалось мне неподдельным.

– Да видел я, как они с ней в углу миловались, когда Комбат Зеленому и его пацанам в табло засветил, – усмехнулся плечистый.

– Да брось заливать!

– Пантелей говорил. Он видел.

«У-у, твари глазастые!» – удивился я.

– Это не телка Комбата. Она туристка. Из Прибалтики. По-русски понимает плохо. Дура редкая, – последние слова Тополь произнес вполголоса, с доверительной интонацией предателя, разворачивающего перед вражеским полководцем план осажденного города.

– Из Прибалтики? – с недоверчивой усмешкой спросил тот.

– Из Прибалтики, – не моргнув глазом подтвердил Тополь.

– А мужик кто? – Он указал на Ивана.

– А мужик – жених ейный. Ваня. С ним, пожалуйста, поосторожней. Он с ФСБ какие-то дела мутные мутит... Может, и работает там...

Я знал, что Тополь... хм... фантазирует. Проще говоря, врет в надежде отпугнуть неожиданных гостей. Или, по крайней мере заронить в их души сомнения в том, что им нужна такая добыча.

– Да нам по фиг, ФСБ или хоть вообще ЦРУ! Мы же в Зоне. А в Зоне свои законы.

Эту фразу произнес парень, который держал на мушке Ильзу (я чуть не написал «мою Ильзу»).

Его голос тоже показался мне знакомым. Я по-черепашьи вытянул шею, чтобы разглядеть говорящего.

И разглядел. Я узнал его – это был пацан, который отирался возле соседнего «подоконника» в Баре. Голова коротко стрижена под ежик. На лбу – ссадина. На шее – татуировка: тигр, разинувший зубастую пасть. Один из тех, кого я принял вчера за бандитов, но, вспомнив о «презумпции невиновности», переименовал в «лиц, подозреваемых в причастности в бандитизму»...

Все же права поговорка: «Чем хуже о людях судишь, тем правее будешь!»

«Они что же, шли за нами от самого Бара? А я их клювом прощелкал! – ужаснулся я. – Эх, теряю квалификацию...»

Интересно мне было знать, с какой целью шли. Зачем им Комбат?

И, главное, если им действительно понадобился Комбат, зачем они медлили так долго? Ведь все вопросы можно было полюбовно решить и в Баре!

Но это если у них «вопросы».

А если у них приказ Комбата поймать, застрелить и тушку зарыть – то тогда, конечно, в Баре следует к Комбату как следует присмотреться, а затем...

«Но кто мог меня заказать? Кому я мог перебежать дорогу?»

Как ни странно, в качестве потенциальных заказчиков, способных заплатить пацанам вроде этих минимум три тысячи единиц за поимку и ликвидацию Комбата, мне на ум приходили лишь двое – армянин по имени Автандил, законный муж женщины, которую я когда-то беззастенчиво трахал, и... господин Рыбин, заказчик аквариумного контейнера. Не то чтобы у Рыбина были причины меня заказывать. Но у него по крайней мере были три тысячи единиц...

– Ну так что, мужики? Может, отпустите нас? Мы же безвредные совсем. И на фиг никому не нужны...

Трое бандосов переглянулись. У них было совсем другое мнение насчет безвредности. Наконец тот, что был за главного, плечистый, выдавил ответ:

– Ну, это... Ты, Тополь, и правда нам даром не сдался. То есть нам, конечно, сказано было тебя вместе с Комбатом вальнуть... Но мы ограничимся тем, что твои контейнеры с хабаром заберем. У тебя ведь их три, и все полные! А тебя самого тут к дереву какому-нибудь наручниками пристегнем. – В левой руке плечистого (правой он держал автомат) блеснули стальные браслеты. – Посидишь, подумаешь о смысле жизни, а там, глядишь, тебя кто-нибудь освободит. Вот будет какой-нибудь гребанный контролер мимо проходить со свитой, увидит тебя, сжалится и поможет тебе освободиться, просто потому что он добрый и любит помогать людям...

Чувство юмора у плечистого, конечно, было.

Своеобразное такое чувство юмора.

Оставить человека в Зоне прикованным наручниками к стволу дерева значит обречь его на мучительную смерть от когтей и зубов мерзостных мутантов.

– Ваню из ФСБ мы к тебе в компанию определим... Будете сидеть тут вместе, песни военсталкерские петь. «Пушки из ДОТа торчат... Гаснет фугас за горой... Вот и кончается гон... Скоро нам ехать домой...» Мы возьмем себе только девчонку. Как, ты говоришь, ее зовут?

– Лиза.

– Лиза... А не Ильза? Ильза – мне больше нравится! – Плечистый похабно гоготнул.

В этот момент во мне словно бы струна оборвалась. Так уже было накануне вечером – в Баре.

И, что характерно, речь снова шла об Ильзе.

На что они намекают, когда дают понять Тополью, что знают ее настоящее имя и не

желают называть ее Лизой, как предлагает кроткий враль Костя?

Да на то, что знают про нее не меньше, чем мы с Тополем!

Что знают про вертолет, про его крушение, возможно, знают даже о ценности аквариумного контейнера.

И что им хорошо заплатили за то, чтобы они ввязались во все это. Ибо на чистой импровизации «во все это» ввязываются только такие идиоты, как мы с Тополем.

Была, конечно, и еще одна версия. Между нами, девочками, даже более вероятная, чем та, которую я только что озвучил. Что ни фигя эти джигиты не знают – ни про вертолет, ни про Ильзу. Но просто случайно услышали ее имя, когда перетапывались в Баре рядом с нами. И теперь хотят ее выкрасть, чтобы потом потребовать за нее выкуп.

А что? Прекрасный улов. Три контейнера – мой, Тополя, аквариумный Рыбина – плюс выкуп за девчонку. Они, конечно, не побрезговали бы и Иваном (а вдруг и за него выкуп дадут!), да не хотят возиться со взрослым мужчиной. Мужик – это всегда непредвиденные опасности. А вдруг он на привале на лицо кому-нибудь задом сядет и тем самым этого кого-нибудь насмерть удушит? (Шутки шутками, а я сам слышал про такой случай, стоивший жизни одному из головорезов Аллигатора.)

На самом деле все в этой, второй, версии было хорошо, кроме одного – мне не нравилось слово «случайно». Почему-то раздражало меня оно. Может, потому, что как опытный сталкер я на своем практическом опыте знал: случайность – это почти всегда часть пока неразгаданной тобой закономерности?

Но главное, вот они услышали – этак случайно, – что девчонку зовут Ильза.

И зачем им после этого переться за нашим отрядом? Зачем подкарауливать нас на привале? Почему бы сразу не расстрелять нас всех, благо мы совершенно утратили бдительность за этими Ильзиными рассказами про лихтенштейнский замок, про предков и живопись, а потом попросту забрать наш хабар и пойти своей дорогой?

Все эти содержательные размышления заняли, ясное дело, считанные секунды, которые я провел под защитой кустов бересклета.

Когда третий бандит достал браслеты, чтобы надеть их на Ильзу, я понял: пора действовать.

«Стечкин» сам оказался в моих руках.

Веса оружия я не почувствовал – только холодящую ладонь сталь и выпуклую советскую звездочку в центре рукояти.

К сожалению, совсем бесшумно снять пистолет с предохранителя не получилось – на щелчок повернули головы все трое.

И в тот же миг моя пуля вошла в горло тому, который держал под прицелом Ильзу. У него был огненно-рыжий «конский хвост» на затылке и конопатая кожа.

Брызнула кровь. Бандит захрипел и, схватившись руками за горло, откуда со свистом выходил воздух напололам с алой кровью, упал на колени.

Ильза зажмурилась и оглушительно – на пол-леса – заверещала.

Два уцелевших бандита, продемонстрировав неплохую реакцию и умение уверенно ориентироваться на слух, прошли очередями место, где я только что стоял. Естественно, мне хватило ума убраться оттуда перекатом.

Продолжая движение, я бегло выпустил четыре пули – две в одного, две в другого.

Безупречно выполнить это спецназовское огневое упражнение мог бы только настоящий спецназовец с хорошим стажем.

Ваш Комбат, любитель коктейлей и женщин, к ним, увы, не относится. Одного я все-таки уронил – хотя и грязно. Обе мои пули вошли в титановые пластины бронежилета – который я, к сожалению, не видел под его бесформенной маскировочной накидкой, не то целился бы пониже.

Второму, плечистому, только оцарапало руку.

Тут, хвала Черному Сталкеру, наконец одуплился Тополь. Воспользовавшись тем, что смертоносное дуло уже не смотрит ему между лопаток, а заливает свинцом метровый радиус

вокруг атлетической фигуры его лучшего друга, он вступил в бой.

Левой рукой Тополь заключил могучую шею плечистого в борцовский захват.

А правой – «погасил» в землю ствол его автомата, так что новая очередь мощно взрыла устланную палую листву.

– Ильза, ложись! – заорал я, проклиная все на свете и, в частности, ее телохранителя Ивана, который стоял, как стоеросовая дубина, глядя на происходящее квадратными глазами случайного свидетеля.

Ильза послушалась. Хорошая девочка!

Да и Иван зачем-то последовал за ней – как видно, не желал принимать участие в обороне нашего отряда от бандитов, ведь лихтенштейнским папенькой уже как бы «уплочено» за наши услуги. И кто набирает таких рохлей в телохранители? В общем, он шмякнулся рядом с Ильзой и трогательно закрыл макушку ладонями, словно эти ладони могли уберечь его черепушку от шальной пули.

Между тем встал на ноги второй бандит.

И не просто встал, но и, выпрямляясь, шустро швырнул в меня две гранаты одну за другой – ну не скотина ли?

От такой наглости я просто осатанел.

Мой АПС застрекотал своим смертельным стрекотом.

Наконец-то я смог попасть в мерзавца – как я обнаружил позднее, пуля вошла ему ровно в левый глаз.

Однако в ту секунду мое сознание не зафиксировало результаты стрельбы. Ибо в длинном прыжке, которому позавидовал бы и молодой мексиканский ягуар, я уходил от обеих брошенных в меня гранат. И, конечно, не ушел бы от них, не окажись на моем пути слабенький трамплин – его местоположение, между прочим, я держал в уме уже четверть часа, с того самого момента, как удалился в кусты.

Трамплин, едва не переломав мне половину ценных ребер, упруго подбросил меня на высоту третьего этажа. И именно благодаря этому я вышел из радианта разлета осколков невредимым. Конечно, я получил изрядные контузии – одну от трамплина, другую – от взрывной волны. (Насколько сильно я отхватил по голове и по барабанным перепонкам, я понял лишь спустя полчаса, когда естественное обезболивающее под названием «адреналин» немножечко отпустило.)

Спасибо Косте – он тоже не дремал.

Пока я летал на трамплине, он успел получить от плечистого пару основательных ударов в нух, но в конце концов все же овладел ситуацией и, свалив противника с ног, хладнокровно сломал ему шею. Я слышал, как хрустнули шейные позвонки. Чего-чего, а это Тополь умеет, в горячих точках руку набил.

Когда обмякший труп врага осел наземь, Тополь обернулся ко мне и сделал приглашающий жест рукой. Мол, все чисто, бояться нечего.

Я вышел на поляну и сделал по ней круг почета.

Итого имеем: три трупа, один перепуганный до смерти придурок – я имею в виду, конечно, Ивана – и принцесса Лихтенштейнская, айн штюк.

– А не слишком ли это мы... круто? Трех за минуту завалили... – спросил Тополь, отряхиваясь от осиновых листьев.

– Наверное, и впрямь крутовато... – сказал я, неуверенно почесывая затылок. – Вообще нервные мы с тобой стали – страшное дело.

Я помог Ильзе подняться. Поделится с Иваном содержимым своей фляги. Пора было продолжать путь.

Глава 24. Побоище на реке Бечевке

*In my time of dying,
Want nobody to moan.*

*All I want for you to do,
Is take my body home.*
«In my time of dying», Led Zeppeling

Последнее, что я сделал вечером накануне, – отправил Рыбину лаконичное, но исполненное надежд сообщение: «Чемодан со мной. Завтра буду. Готовьте деньги».

Долго ждал ответа. Не дождался. Впрочем, в Зоне такое сплошь и рядом.

Вообще-то нам повезло. Засветло мы успели дотянуть до моего схрона в Ёлкином Лесу. Поскольку в кевларовой берлоге места хватало только на одного, внутрь мы определили нашу принцессу. Сами же, расстелив спальные мешки, залегли снаружи. Разумеется, предварительно мы выставили мои любимые «монки» и оговорили очередность ночных дежурств.

Вообще-то я был против дежурств. Мне хотелось, чтобы все выспались как можно лучше – и лично я в первую очередь. Но то ли Тополем овладели дурные предчувствия, то ли на Речном Кордоне ему успели подсадить в голову маленького сержанта, алкавшего неукоснительного исполнения Устава гарнизонной и караульной службы... Так или иначе, мой друг настаивал, а я не стал спорить. У меня тоже на душе было мутно.

Но, несмотря на все наши предчувствия, ночь прошла спокойно. Грибы-мутанты не покусились на наши «монки», кровососы – как бесхозные, так и одомашненные контролерами – обошли наш бивуак десятой дорогой.

Когда я проснулся, часы показывали ровно 6:00. Эх, заспался... По крайней мере по своим меркам. А все потому, что пришлось просидеть с двух до четырех на посту. Вот если бы я спал нормально, всю ночь, то, конечно, встал бы на час раньше.

С четырех на стражу заступил Тополь, но он почему-то не разбудил меня в 5:00, как я просил.

– Что же ты, брат? – укоризненно спросил я.

– Да ладно тебе, Володя, не гони коней. Пусть наша принцесса еще немного посопит.

– Кто рано встает, тому Зона дает, – проскрипел я. И громко возвестил: – По лагерю «Ёлочный» объявляется подъем!

Тополя, непрерывно трущего глаза костяшками пальцев, я отправил снимать «монки». А Ивана поставил дежурным по кухне – намазывать на бутерброды шоколадное масло, резать колбаску и вскрывать неизменные банки «Завтрака туриста». Принцессе же ничего не оставалось, как, сидя на корточках перед берлогой, варить этим грубым русским мужланам (то есть нам) кофе в грязном кофейнике, водруженном на горелку. Видел бы это князь Бертран Адам Третий!

– А с кем вы там, в Лихтенштейне, враждуете? Ведь есть же у вас враги, а? – спросил я, активно пережевывая огромный кусище бутерброда с докторской колбасой.

– Наш враг – Чехия, – серьезно сказала Ильза.

Я поперхнулся.

– Кто?!

– Чехия. Это враг!

– А чем они... заслужили? Что они сделали-то?

– Украла у нас землю!

– И много?

– Тысячу шестьсот километров. Квадратных, – мрачно пояснил Иван. – Это сразу после Второй мировой войны было. Чехи прирезали к себе симпатичный лесок в Моравии. И с тех пор не отдают!

«Нормальный лесок, – прикинул я. – Полторы тыщи квадратных километров – едва ли не половина нашей Зоны! Немало».

– Скажите на милость, какие гады! – с наигранным драматизмом провозгласил Тополь.

– Да! Да! – горячо поддержала его Ильза. – Наши дипломаты стараться!.. Хитрить!.. Но Чехия не отдавать земля!

– Ну и как, воевать с ними будете? – поинтересовался я.

Ильза спрянула глаза и замолчала. Видно, для нее, как для патриотки своей страны, это была болезненная тема. Вроде Ольстера для ирландцев.

– Воевать нехорошо... Пацифизм – хорошо, – наконец сказала принцесса.

«Знаем мы ваш пацифизм, – подумал я. – Небось, могли бы вы в своем Лихтенштейне поставить под ружье тысяч этак сто пацанов призывного возраста, сразу бы начали права качать. А так... По сравнению с такой крохой, как Лихтенштейн, Чехия – настоящая сверхдержава. Ну а Польша какая-нибудь так вообще Империя Зла».

Утро выдалось свежим, даже слишком.

Зябко поеживаясь, мы шли через Ёлкин Лес на северо-восток.

Нашей целью была Бечевка, приток Припяти, образовавшийся по геологическим меркам вчера – шесть лет назад.

Причиной его образования стали те же самые катаклизмы, которые изменили русло Припяти, породили Пылающий Остров и Речной Кордон.

Бечевка славилась глинисто-красной водой, стремительным течением и ничем не объяснимым отсутствием аномалий. Из-за этой особенности, кстати, в сталкерском фольклоре возникло поверье, что если обмазать этой самой красной глиной из истоков Бечевки все тело, то никакая аномалия тебе страшна не будет. Мне кажется, это полная чушь. Впрочем, я лично не знаю никого, кто отважился бы это проверить на себе...

На берегу Бечевки у нас с Тополем была припрятана лодка – добротная алюминиевая плоскодонка, способная при необходимости поднять не только четверых, но и шестерых. Мы давным-давно уговорились не использовать ее без крайней надобности. Почему? Да потому, что сплавиться на ней вниз по стремительной Бечевке – одно удовольствие. А вот кто и как поперет ее вверх по течению на прежнее место?

Мы-то с Тополем в свое время использовали знакомство со славными мужиками из клана «Долг», которые наловчились кататься по Зоне на самопально бронированном «Патриоте». Эти мужики нашу лодку на крыше своего вездехода и подвезли. Но уже года два как об этих «долговцах» не было ни слуху ни духу, и «Патриота» их никто не видел...

Как решили мы с Тополем еще вчера, крайняя надобность сейчас как раз настала. Чем быстрее мы оттарабаним принцессу и ее бесплатное мясное приложение в «Лейку», тем лучше. А лодку... Я успокаивал себя тем, что она, возможно, больше никогда не понадобится.

А что? Будущее виделось мне в самом что ни на есть шоколаде. Денег рисовались форменные горы!

Во-первых, гонорар от Рыбина за КМПЗ.

Во-вторых – гонорар за спасение принцессы. Вдруг князь Лихтенштейнский окажется добряком и накинет тыщенок сто на чай?

На этом фоне вознаграждение за «колокол» и «ведьмину косу», которое бессовестно зажал Хуарес, уже не выглядело таким эпическим, как давеча. И все же деньги лишними не бывают. А я умею радоваться каждой копейке!

Между прочим, именно по этой причине я уговорил Тополя забрать с собой все мины МОН-5МС, распределив их между нашими рюкзаками. Все равно их гарантийный срок подходил к концу, и я, что греха таить, намеревался толкнуть их какой-нибудь отмычке, возмнившей себя бывалым сталкером.

Ну а в-третьих, конечно, гонорар за «звезду Полынь»! Предварительные оценки, основанные на банковском курсе платины, давали двести тысяч единиц. А расчеты по научным таблицам статистической редкости артефактов обещали увеличение этой суммы в полтора раза.

Итого. Миллионерами нам с Костей, конечно, не стать. Но сделать шаг в следующий имущественный класс мы вполне могли! При желании мы сможем оставить сталкерство и

заняться чем-то более респектабельным. И более спокойным, само собой.

– Ты чего насуспенный такой? – спросил меня Тополь.

– О вечном думаю, – соврал я.

Мы шли по отличной, надежной тропе. Лучшей в Ёлкином Лесу просто не было.

Я хорошо знал тропу и без карты. Вначале она вьется по траверзам между низинами, затем взбирается на оплывший холм, поросший корабельной сосной, а затем спускается к Бечевке, отбитой от опушки Ёлкина Леса пойменным лугом.

Конечно, мы с Тополем как опытные сталкеры ни на секунду не прекращали отслеживать аномалии. Даже на этой проверенной тропе можно было вляпаться и в зыбь, и в мясорубку. А уж в зарослях вокруг тропы аномалии стояли стеной.

Плотные цепи трамплинов выдавали себя дешевенькими артефактами типа «медузы», сгенерированными за последнюю ночь. Птичьи карусели – «кровью камня». Все эти дары Зоны мерцали в ломкой белесой траве фальшивыми драгоценностями. Если бы только мы не спешили, если бы наши финансовые перспективы не были столь обворожительны, мы бы с Тополем наверняка не удержались и занялись сбором всей этой приятной мелочевки. Все-таки страсть к собирательству, которую приобретает каждый сталкер после первого же «своего», найденного и принесенного из Зоны артефакта, – она посильнее полового инстинкта и чувства самосохранения, вместе взятых!

Лишь в одном месте я обнаружил коридор, который мог с гарантией, без лишнего риска, вывести из скопищ аномалий, окружающих тропу. Вход в коридор, как по заказу, был четко обозначен двумя изрядными птичьими каруселями.

В тот момент информация о наличии такого коридора для нас была лишней. Но кто знает, как завтра жизнь сложится? И, между прочим, Синоптик, который поведен на картографировании Зоны, за каждый квант достоверной информации о расположении аномалий охотно платит по десятке.

– Вон гляди, какие птичьи карусели здоровенные. Видишь? – Я обратил внимание Ильзы на пару аномалий, обозначенных отчетливыми пылевыми вихрями.

– А какой... птица катается на этой... карусели? – спросила Ильза. – Курица? Или дятел?

Как видно, других птиц принцесса Лихтенштейнская по-русски не знала.

– Какая попадется, такая и катается, – мрачно заметил Тополь, известный жизнелюб. – Но недолго.

Я криво улыбнулся. В словах Тополя было слишком много правды.

Мы удалились от каруселей шагов на пятьдесят. Там тропа упиралась в мощную воронку и делала вынужденный поворот.

Я машинально сообщил Тополю точные координаты эпицентра воронки. Тополь машинально подтвердил.

Я уже хотел было рассказать анекдот, чтобы развлечь Ильзу, когда взгляд мой упал на огромные, блестящие, как коллекционные рубли, глазища... крысиного волка!

Зверек сидел на задних лапах. Сидел прямо на тропе, как-то очень по-человечески вытянув передние лапки нам навстречу и выставив вверх чувствительный нос-локатор.

Это был матерый крысиный волчара с шестью оранжевыми полосками на спине.

Моя рука бездумно потянулась за «стечкиным» – мало ли, что у твари на уме, – когда меня осенило.

«Шесть полосок! Шесть! Да это же крысиный волк из клетки Трофима! Тот самый, которого я отпустил возле девятой скважины, в Заозерье!»

На душе у меня потеплело. Я исполнился сентиментальных чувств и вернул «стечкин» на предохранитель.

– Чего встал? – спросил Тополь встревоженно. – Опять тетки в белых халатах мерещатся?

– Старого знакомого встретил.

– Не понял. Комбат, ты в порядке? Что за знакомый?

– Да крысиный волк этот. Ну помнишь, которого мы отпустили? Он на тропе сидит!
– Ну, волк и волк. У тебя что, «хай пауэр» заклинило? Патроны экономишь?
– Да нет, ты не понял! Он не только сидит, он словно что-то хочет этим сказать! Понимаешь? Важное сказать!

– Вроде чего?
– Ну, вроде предостережения... Чтобы мы туда не шли... Мы ведь его спасли один раз! Вот и он нас теперь хочет спасти!

– Комбат, у тебя «морской еж» на месте? – тоном психиатра буйного отделения справился Тополь.

– Да на месте, на месте! Но это и правда очень странно! Сам посмотри!
Чтобы оказаться рядом со мной, Тополю требовалось пройти двенадцать шагов.

Он успел сделать одиннадцать, когда я отчетливо услышал оружейный «кланг-кланг». С таким звуком патрон досылается в ствол перед первым выстрелом из снайперок типа СВУ и ей подобных.

По-видимому, услышал этот «кланг» и Тополь, поскольку он резко обернулся к Ивану и спросил:

– Ты взвел пистолет?

– Нет...

В руках у Ивана и впрямь ничего не было.

«Что же мы слышали?» – подумал я, чувствуя, как неприятный холодок побежал по моему хребту.

И тут меня осенило. Это же атмосферный звуковод! Вполне заурядное (хотя и редкое, особенно за пределами Зоны) физическое явление, благодаря которому звуки переносятся почти невредимыми на весьма заметные расстояния.

А как только меня осенило, я услышал еще один «кланг». Нет, точно не мерещится!

Ну и где же прячутся те, кто досылает в ствол патроны? И зачем они это делают?

Я посмотрел на ПДА. Поблизости вроде бы никого.

Перевел взгляд на крысиного волка – в его глазах стояла мольба. Мол, ни-ни-ни! Ни шагу дальше!

Ну, чем гадать, так лучше проверить.

Я загнал в подствольник «Грозы» дымовой выстрел и нажал на спусковой крючок.

Граната улетела за ближайшие ели и там, метрах в сорока от нас, взорвалась, расплескав на уровне макушек деревьев кляксу ярко-зеленого маркерного дыма.

Я рассчитывал на то, что у наших пока невидимых «кланг-клангов» не выдержат нервы.

И, как оказалось, правильно рассчитывал!

Ёлкин Лес взорвался сразу несколькими истерическими очередями. Минимум один ствол был мощнейшей гауссовкой последнего поколения. Слева от нас гиперзвуковые пули безжалостно разорвали ствол дородной ели, и она с протяжным скрипом рухнула наземь.

– Ну что, побежали? – спросил я.

– Без вопросов! – сказал Тополь.

Иван вдруг ловко подхватил Ильзу на руки. И, как будто принцесса весила не больше плюшевого зайца, побежал вслед за Тополем.

«Ого! – впечатлился я. – Он что, в Баре стимуляторов себе прикупил новейших, пока мы кофеи гоняли?»

Каковы бы ни были причины этого преображения, и легкоатлетическая прыть, и тяжелоатлетическая грузоподъемность Ивана оказались очень кстати. Ведь всякому известно, что скорость эскадры определяется скоростью самого медленного корабля. В нашем случае обузой обещала служить, конечно же, Ильза.

Нам ничего не оставалось, как опрометью броситься по тропе назад – туда, откуда мы пришли.

За считанные секунды я мысленно реконструировал приблизительную тактическую

картину происходящего. Впереди на тропе нас ждала засада. Кто попало с гауссовками по Зоне не ходит. Поэтому следовало предположить, что мы имеем дело с серьезным кланом – «Монолитом» или «Свободой».

Серьезный клан – это очень плохо. Наверняка на тропе был устроен классический огневой мешок, а это никак не меньше десяти стволов (зная пристрастие «Монолита» к перерасходу сил и средств, можно предположить и все двадцать).

Но самое главное – это то, что стрелками, включенными в систему огневого мешка, весь отряд наверняка не исчерпывается. Должна быть еще и группа отсечения – четыре-восемь бойцов, которые выйдут на тропу позади, перерезая все пути отступления. И «Монолит», и «Свободу» не пацаны ведь сколачивали, а отставные офицеры... Как и «Долг», само собой. Идейки, правда, у всех этих кланов были разные, но тактическая подготовка – одна на всех.

Стоило мне об этом подумать, как ход событий подтвердил мою правоту.

Впереди на тропе мелькнул пятнистый силуэт. Мы с Тополем выстрелили одновременно.

Незадачливый боевик из группы отсечения улетел с тропы ровнехонько в фокус жарки. На несчастного тут же обрушился испепеляющий жар в полторы тысячи Кельвинов. Тот истошно заорал.

Одним меньше... Но всего лишь одним! Расслабляться было ни в коем случае нельзя.

– Падай! – крикнул я Ивану и сам рухнул на землю.

Очень вовремя!

Стоило нам упасть, как со стороны только что позавтракавшей жарки в нашу сторону ринулся шквал пуль. Это били в шесть стволов бойцы группы отсечения, успевшие, как и мы, попадать среди высохших папоротников.

Хуже всего было то, что автоматы и оба ручных пулемета этих мерзавцев были оборудованы приборами бесшумной и беспламенной стрельбы.

Из-за этого засечь их огневые позиции по характерной «сварке» выстрелов было невозможно.

Но глазастый Тополь вычислил одного пулеметчика по столбику пыли и немедленно отправил туда две осколочных гранаты из подствольника.

Что будет, когда враг ответит нам тем же, я старался не думать. А чтобы эффективней не думать о грустном, я перекатом сменил огневую позицию и взялся костерить Рыбина.

«Ну скотина, ну тварь! И какой бес меня попутал вчера ему сообщение послать? Кто меня торопил? Вот пришел бы в «Лейку» – и послал уже по-нормальному... Нет же, все меня тянет КПД увеличивать! Всё заранее распланировать, как учат всякие мудаки в книжках «Стань хозяином своей говножизни»... Ведь этих молодцев наверняка Рыбин прислал. Чтобы контейнер забрать, а меня – пришить. Сразу две выгоды рисуются – и платить ничего не надо этому Комбату, и свидетелей лишних нет. А что вместе с Комбатом еще три человека прижмурятся – так подобные мелочи солидные организации никогда не волнуют. Подумаешь, принцесса Лихтенштейнская! Тамошний князь еще молодой, новых настрогает!»

Короче, мне стало стыдно. И я решил сделать все от меня зависящее, чтобы вытащить принцессу живой из этой передраги.

Я снова поменял позицию, короткой перебежкой переместившись из-за своего бугра за поваленный ствол красавца-дуба, за которым затаились Ильза с Иваном.

Я хотел возглавить спасение принцессы.

Но стоило мне улечься на брюхо рядом с ними, как я заметил, что Иван, наш простофиля Иван, занят чем-то в высшей степени странным.

Иван вооружался.

Его пальцы порхали со скоростью челноков ткацкой машины.

Словно из воздуха он выхватывал одну за другой всё новые детали. Он вращал их с бешеной скоростью, придавая им верную пространственную ориентацию, и почти беззвучно

сопрягал друг с другом.

Спустя несколько секунд первая пушка была готова. Иван положил ее рядом с собой на землю, после чего сразу же взялся за изготовление второй – с той же самой нечеловеческой четкостью и ловкостью в пальцах.

Я никогда не видел ничего подобного. Его оружие отдаленно напоминало шестиствольные пистолеты позапрошлого века. По крайней мере стволов у него тоже было шесть. И расположены они были кругом.

На этом, впрочем, сходство заканчивалось и начинались различия. Например, этот монстр был изготовлен не из железа, а, по-видимому, из неизвестных мне сортов линейного трансфуллере́на – высокопрочного карбидного полимера. Что же до калибра, то было ясно, что эта штука, снаряженная скорее всего керамическими пулями, оторвет жопу и бегемоту.

Вторая пушка тоже удалась Ивану на славу.

Это была единственная в своем роде неметаллическая реплика малокалиберного пистолета-пулемета «Tsunami», воплотившего концепцию «Metal Storm 2». Кургузый двухствольный агрегат был призван засыпать противника градом коротких бронебойных стрел с темпом три тысячи выстрелов в минуту. Вдумайтесь! Три тысячи выстрелов в минуту!

Ваш Комбат никогда не узнал бы об этой прожорливой фигне, если бы не Любомир, который еще зимой пробовал втюхать мне серийный сингапурский «Tsunami» за бешеные деньги. Ага, держи карман шире, братка. Мне и со «стечкиным» хорошо. Старый друг лучше новых двух, и притом в разы.

Больше всего меня интересовало вот что: где Иван намерен взять два литра гелеобразного гидробутана – жидкого пороха для своего самопального «Tsunami»?

Как бы отвечая на мой невысказанный вопрос, Иван расстегнул куртку, затем задрал футболку, оголяя живот, и после серии едва заметных манипуляций в районе пупка вырвал из своего чрева что-то вроде катетера с розовым наконечником! Я знаю, звучит глупо – «вырвал из чрева». Но, поверьте, со стороны это так и выглядело!

Затем Иван воткнул наконечник в казенную часть «Tsu-nami». Раздалось шипение – таким макаром он, по-види-мому, заправил баллон. Из некоего резервуара, находящегося у него... в животе.

«Слава Богу, Тополь этого не видит. Его бы точно стошнило».

А вот Ильза взира́ла на все эти приготовления с хладнокровием патологоанатома. Как видно, ей было не впервой.

«А я, наивный, еще размышлял, как эти сиротки три дня в Зоне продержались, такие беззащитные... Как же! Сиротки! В левой руке – шестиствольный пистолет. В правой – «Tsunami»... Интересно, Ильза тоже такая? Или все-таки обычная?»

Однако события не оставляли мне времени на размышления.

– Пойду почищу сектор. – Иван обратил ко мне свое бесстрастное лицо. – Их там семеро. Два пулеметчика, гранатометчик, снайпер, три стрелка.

Я почти не удивился. Иван был сигомом – это было уже совершенно очевидно, – а у сигомов, в числе прочего, при необходимости включается цифровая обработка всей входной информации.

В частности, звуки стрельбы мозговые сопроцессоры Ивана наверняка подвергали точному спектральному анализу и, сличая их с зашитой библиотекой звуков, делали выводы. Приборы бесшумной стрельбы, имевшиеся у наших врагов, картину не меняли, потому что органы чувств у сигомов развиты на порядок выше, чем у нас, простых смертных.

Тем временем Иван продолжал:

– Прикройте меня сосредоточенным огнем сюда. – Иван ткнул пальцем в экран моего ПДА. – Через пятнадцать секунд перенесите огонь на тридцать градусов правее. Ждите, не высовывайтесь, пока я не подам сигнал.

«Смотри, как раскомандовался! Ну прям выпускник Академии Генштаба!»

Впрочем, спорить с Иваном не было никаких резонов. Человек (точнее, сигом – человек

с синтетическими элементами) дело говорил.

– Понял, – ответил я.

– Мне пора, – сказал Иван.

С этими словами он наградил Ильзу многозначительным взглядом и пружинисто вскочил на ствол дуба, испещренный отметинами от пуль. Там он застыл ненадолго и, не двигаясь с места, открыл беглый огонь с двух рук, по-македонски.

Шестиствольный пистолет ухал, как заправская гаубица. Один выстрел, второй, третий, четвертый... Когда он собрался перенести огонь на пятую цель, я наконец-то опомнился и, крикнув Тополю: «Делай как я!», выпустил полный магазин в кусты жимолости, которые служили ориентиром для первой прицельной точки, указанной Иваном.

Иван между тем скатился со ствола вниз, с нечеловеческой быстротой перезарядил пистолет и рванул вперед по тропинке.

Неподавленный пулеметчик боевиков показал великолепную реакцию. Тропа перед Иваном вспухла метровыми фонтанами грунта. Три пули превратили левую ступню Ивана в крошево, но он как будто не замечал этого. Как видно, в тот миг все человеческое в нем было выключено.

Увы, новый, преображенный Иван властвовал над законами биохимии и физиологии, но перед законами механики даже он был бессилен.

Еще две пули вошли ему в бедро. Полученный импульс закрутил сигома юлой. Падая, Иван успел выставить вперед правую руку и следующие три метра преодолел в головокружительном сальто-мортале. При этом левую руку с «Tsunami» он ометающим движением перебросил на линию огня и перерезал очередью тонкую осину перед собой.

Видимо, он сделал это с умыслом. Ветви упавшего дерева накрыли его, спрятав от наблюдения, и сигом получил возможность перезарядить оружие, а также провести экспресс-ремонт повреждений.

Я так засмотрелся на былинные подвиги Ивана, что не сразу расслышал обращенный ко мне крик Тополя.

– Комбат! Сзади! – крикнул Костя и выпустил несколько одиночных пуль в восточном направлении – туда, где мы встретили крысиного волка и откуда мы бежали, спасаясь из огневого мешка.

Я все же обернулся. С запозданием в секунду, но обернулся.

Что же я увидел? На землю оседал боевик с архаическим гранатометом РПГ-7 за спиной. Одет он был в комбинезон «Ветер», какие обожают носить ребята из «Свободы» и, пожалуй, только они. Живот боевика был щедро запятнан кровью. Было ясно, что Тополь попал.

Черт, что же делать? Сзади насаждают, надо уходить, но там эта проклятая группа отсечения...

Я понимал, что без моей помощи Ивану скорее всего не справиться. Он, конечно, сигом, но отнюдь не настоящий боевой робот, каким был, например, Авель. Любая пуля наносит ему вполне действенное ранение. Другой вопрос, что он может позволить себе не замечать ранений, но лишь какое-то время.

В общем, надо Ивану срочно помогать... С другой стороны, незащищенный тыл – это тоже никуда не годится.

– Костя, держи восточное направление! – крикнул я Тополю. – Будет передышка – сразу выставляй «монки», не жалея! А ты, пожалуйста, лежи тут и не рыпайся, – это я сказал Ильзе, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно нежнее и убедительнее.

– Рыпаться... нихт, – бескровными губами произнесла Ильза.

Раздав указания, я бросился вперед – поддержать Ивана в его трудных пробах на главную роль в фильме «Терминатор наносит ответный удар».

Тремя короткими перебежками-змейками я достиг лежащей поперек тропы осины – той самой, которую Иван перерубил очередью из своего самопального «Tsunami». Оттуда, из-под прикрытия ее ветвей, я выпустил две осколочные гранаты по-минометному – то есть

уперев приклад «Грозы» в землю, а ствол задрал круто вверх.

Гранаты, похоже, упали куда надо. По крайней мере назойливое кудахтанье РПК оборвалось.

Следующие полминуты я вслушивался в хаотическую стрельбу впереди, пытаюсь вычленивать уханье Иванова шестиствольника (самого Ивана я нигде не видел).

Когда я накачался адреналином под завязку и уже готов был взорваться, я «на психе» перекатился через осинку и ужом пополз вперед. Мне хотелось знать, куда подевался Иван и, главное, в кого стрелять. То, что не все боевики перебиты, было очевидно. То и дело татакали два «калашников» и гулко бахал минимум один «ремингтон».

Наконец мне на глаза попался окровавленный полусапог, торчащий из кустов. Поодаль валялась беспризорная «беретта» с отстрелянным магазином и сдвинутой назад затворной рамой.

Вдруг я услышал, как впереди ударил пистолет Ивана. Кто-то истошно завопил. Растресался очередью и вдруг захлебнулся «калашников».

Я пополз вперед с удвоенной прытью.

Но повоевать мне было не суждено – впереди воцарилась зловещая тишина. Я замер, вглядываясь в переплетение стеблей, веток, теней. И вдруг, небрежным движением отгоняя от лица зловерное облачко жгучего пуха, на тропу выступил Иван. Он был смертельно бледен. Он шел медленно, будто каждое движение причиняло ему смертельную боль. Как выяснилось вскоре, так оно и было.

Иван жестом увлек меня под защиту ствола гигантского граба, сел на землю (его лицо исказилось мучительной гримасой) и сказал:

– Я смертельно ранен, Владимир. Разрушены печень и сердце. Мозг отключится через две минуты двадцать четыре секунды.

«Ну и точность!» – ужаснулся я, кивая ему.

– Поэтому слушай меня внимательно и не перебивай.

«А ведь раньше один лишь я позволял себе подобный тон в нашем маленьком отряде...»

– Говори.

– Во-первых, Ильза. Позаботься о ней. Если она потеряет сознание от боли или страха, у нее на поясе есть аптечка. Вколешь ей препарат номер 4.

– Понял.

– Теперь о контейнере...

– Ты обещал отдать его мне, – напомнил я.

– А ты обещал не перебивать.

– Извини.

– Так вот, контейнер отдашь магистру.

– Кому?

– Человеку, который назовет пароль.

– Что за пароль?

Надо признаться, я не собирался отдавать контейнер какому-то там магистру. Но и спорить с умирающим, пусть даже этот умирающий – сигом, я совершенно не имел охоты. Поэтому я делал вид, что полностью подавлен ситуацией и загипнотизирован терминаторской харизмой.

– Пароль: «Меркурий светит белым на закате». Запомнил?

«Чего тут запоминать-то?»

– Запомнил.

– Отдашь контейнер тому, кто произнесет эту фразу. И не пожалеешь.

– А что в контейнере? Ты сам хоть знаешь?

– Философский камень.

– Это бриллиант, что ли?

– Нет.

– Артефакт?
– Ни в коем случае.
– А что?
– Философский камень, повторяю. Для тех, кто не умеет с ним обращаться, он не имеет никакой ценности.

Мне было что спросить у него, первого в моей жизни живого сигома. Но две минуты и все приложенные к ним секунды вышли.

– Прощай, – сказал Иван и закрыл глаза.
– Эй, ты что... всё? – Я потрепал его за плечо.

Иван не ответил. Он лежал передо мной недвижимый и величественный, немного похожий на куклу. Словно кто-то там наверху вдруг нажал кнопку «выкл».

Следующие пятнадцать минут были заполнены спасительной суетой, одышливым бегом и сумбуром в мыслях.

Хотя Ивану удалось расправиться с группой отсечения, отходить на запад, к моему схрону, мы не решились. Это значило бы самим себя загнать в ловушку.

Вместо этого мы выскользнули с тропы на примеченный мною загодя боковой коридор между аномалиями, обозначенный двумя птичьими каруселями.

Мы уходили в направлении холма, покрытого рыжей выгоревшей травой, за которым, мы знали, должен открыться вид на реку Бечевку.

Наши преследователи напоролись на выставленные Тополем «монки». Страшная смерть нескольких временно остудила пыл остальных, и мы вроде как оторвались.

Кстати, кто же они, эти преследователи? Об этом мы спорили с Тополем прямо на бегу. (Впрочем, бежать удавалось ровно в той мере, в какой это нам позволяла Ильза, а бегунья из нее была никудышная.)

– Думаю, «Свобода», – утверждал Костя.
– Но зачем?! Что мы им сделали?
– Как это что? Ты же сам начистил репу Зеленому! В Баре!
– Ну так и что? Из-за такой малости целый взвод за нами посылать?
– А кто их знает, этих психов!
– Не верю. Это кто-то покруче.
– Да куда круче-то?! «Монолитовцы»? Так они все были бы в экзоскелетах поголовно. Военные сталкеры вообще не так экипированы, поверь знатоку. Для бандосов – чересчур хорошая организация. Да и нет уже таких многочисленных шаек. А наемники – те против нас не напружинили бы хвост. Слишком дорогие деньги для них. Они только пададь рвут. Или верняк... Тоже ведь профи своего рода.

Все это было верно.

– Может, весь сыр-бор из-за Ильзы? – вдруг осенило меня при виде жалко ковыляющей принцессы Лихтенштейнской. – Сначала вертолет с ней на борту завалили. Потом группу наемников выслали на поиски. Ту самую, которую Авель в Заозерье нашинковал! Ну а теперь вот это... А что, если, предположим, папенька ейный преставился и она – наследница престола?

– А чем Ильза может кого-то не устраивать? – недоуменно спросил Тополь. – Ей вон любой сигом в состоянии так мозги засрать, что она его полюбит как человека и замуж за него захочет!

При Ильзе мы говорили так, будто ее с нами не было. Это было невежливо и некрасиво. Единственное, что нас извиняло, так это наша совместная уверенность: следить за нашей беглой, напичканной сленгом речью она со своим зачаточным русским не сможет. Однако мы ошиблись.

– Сигом – это человек... наполовину! – громко сказала Ильза. – Я... любить... эту половину! – В глазах у принцессы стояли слезы, но она не плакала. Что значит европейское

воспитание.

Да, она была совершенно права. Сигом – человек, *в частности* человек. Скажем, сигом совершенно спокойно может иметь детей и все такое.

– Скажи мне, дорогая, а как вы смогли спастись при крушении вертолета? – спросил я, ласково улыбаясь.

– Иван... меня спасти... Когда вертолет начинать падать... Иван взять меня в руки... И прыгнуть из кабины! – объяснила Ильза.

– У него был парашют? – спросил въедливый Тополь.

– Нет. – Ильза отвела глаза – наверное не хотела, чтобы мы видели ее слезы. – Я... Мы... Не могу объяснить... Не имею слов.

Я решил спасти принцессу от языковых затруднений.

– Да не нужен ему парашют, дурачина! – сказал я Тополу. – Это же сигом! У него кинематика скелета такая, и мышцы полимерные такие, что он смог погасить корпусом всю энергию удара. На этом-то у него наверняка батарейки на фиг и разрядились, – посетило меня еще одно прозрение.

– Да, да. Батарейки! – горячо закивала Ильза. – Батарейки были нет... Но в Баре... Источник энергии... Электричество...

– Да ясно, ясно, розетка, – закончил за нее я.

Картина потихоньку прояснялась. Наконец-то исчезла нестыковка, мучившая меня с той минуты, когда Иван, выхватывая прямо из своего тела фуллереновые детали, начал собирать шестиствольный пистолет. А именно: почему могучий сигом Иван не смог завалить несчастного псевдогиганта тогда, на берегу озера? Да потому он не смог его завалить, что все его сверхчеловеческие способности были выключены за полным исчерпанием энергии! А его человеческие способности, за исключением разве что актерских, были очень даже умеренными. Да здравствует Бар – место, где могут подкрепиться не только люди, но и сигомы!

Тем временем мы достигли своей промежуточной цели – макушки рыжего холма.

Там сам Бог велел залечь и оглядеться. Что мы и сделали.

Тополь по моей просьбе взялся уточнять карту аномалий при помощи датчика. А я достал бинокль и принялся за визуальную рекогносцировку.

Внизу петляла юркой змеей Бечевка. Я сразу заметил наше дерево – его сильно изуродовала молния или какая-то аномалия типа жарки. Но по крайней мере оно по-прежнему служило превосходным ориентиром!

На правом, высоком берегу, как и раньше, волновалась мертвенная зелень заметно мутировавших кустов боярышника. Дальше простиралась неприветливая пустошь с темной кляксой, которую оставил невесть когда взорвавшийся БТР. Уж сколько лет прошло, а гарь была свежая, как вчерашняя!

А еще дальше... сука!

– Костя, их еще больше, чем мы думали, – сказал я ровным тихим голосом.

Боевики из «Свободы» двигались гуськом, след в след. Их было двенадцать человек.

От Бечевки их отделяло метров четыреста. От нашего холма, стало быть, девятьсот.

Я перебрал бинокль на полгоризонта – то бишь в сторону Ёлкина Леса. Увы, чуда не произошло, и наши преследователи не провалились сквозь землю, прямо в ад, истошно вопящей оравой. Крадущиеся фигуры в комбинезонах «Ветер» мелькали между стволами деревьев, двигались по тропе, медлили на приметной полянке, определяясь с количеством и качеством аномалий.

– На том берегу Бечевки их двенадцать, – отпартовал я. – В лесу – никак не меньше десяти. И это только те, кто попался на глаза.

– Начинаю нами гордиться, – сказал Тополь. – Столько народу на наши потертые задницы!

– А может, и на Ильзину. В смысле – задницу, – сказал я, продолжая настаивать на своей «лихтенштейнской» версии с неугодной наследницей трона.

– Что делать будем? – Тополь посмотрел на меня своими глазами грустного сенбернара.

– Я тебе сейчас скажу, что мы будем делать, – пробормотал я, с интересом изучая индикатор заряда гауссовки. Как и следовало ожидать, он показывал сто процентов. – Дело в том, брат, – я поднял гауссовку, приладил ее к плечу и прицелился в ведущего «свободовцев» на пустоши за рекой, – что эти бандерлоги выйдут к реке быстрее, чем мы спустимся к нашей лодке. А чтобы этого не произошло, кто-то из нас должен остаться здесь. Например, я.

Я плавно нажал на спуск.

– Что? – Тополь, похоже, меня недослышал.

Пятнадцатиграммовая пуля из обедненного урана, развив космическую скорость четыре километра в секунду, вонзилась в грунт рядом со «свободовцами». Эффект был такой, будто рядом с ними упал небольшой метеорит. Тугие фонтаны жидкой земли и пара окатили их с ног до головы, все попадали, как сбитые кегли.

– Что ты сказал? – переспросил Тополь.

– Вы с Ильзой идете. А я остаюсь здесь. Иначе всем троим труба.

– Согласен.

Я улыбнулся. Люблю Тополя за конструктивность. Другой бы затеял полчасовую дискуссию «Почему ты остаешься, а не я?».

– Ну и отлично. На счет «три» ты берешь Ильзу и ведешь вниз, к Бечевке.

– погоди. Я тебе кое-что хотел оставить. – Тополь принялся колдовать с застежкой своего рюкзака и, раскрыв его, вытащил на свет контейнер.

– Нашел время хабар делить.

– Да при чем здесь?! Я просто хочу... Чтобы «звезда Полюнь» была с тобой, – сказал Тополь, глядя мне в глаза для вящей убедительности. Задолбал он меня в тот день своими проникновенными взглядами!

– Это еще зачем? Думаешь, она пули отводит?

– Мне так Ньютон велел. Понимаешь?

– Ну, если Ньютон, тогда давай. Я с друзьями Хозяев Зоны спорить не привык.

– То-то же!

Я переложил «звезду» в свой контейнер, и мы с Тополем обнялись.

– Я тоже... хочу, – сказала Ильза и шагнула ко мне.

Я обнял и ее. От белой щеки принцессы шел жар. Волосы пахли гвоздикой и порохом.

– Ну, с Богом! – бодренько сказал я и принялся выкладывать на землю перед собой оружие и боеприпасы.

На языке прапорщиков это называется «инвентаризация».

В моем распоряжении имелись четыре ствола – «стечкин», «хай пауэр», «Гроза» и винтовка системы Гаусса G-15. Отличный арсенал. Многие из моих коллег отвалили бы за него серьезные бабки...

А вот с боеприпасами было худо. К «стечкину» оставалось всего двадцать маслят. К «хай пауэру» – две обоймы. К «Грозе» – полтора магазина и две гранаты. Ну а к гвоздю программы – гауссовке – имелось и всего-то полмагазина. Одиннадцать пуль... Так мало, что в пору было давать каждой имя. Это Джон-Мщю-За-Всех. Это Ванюшка-Пущу-Вам-Юшку... А это Ляля. Просто Ляля... мля.

Моих любимых эргэдэшек имелось три штуки.

Была еще «монка». Одна. Прочие Тополь выставил в лесу, близ тропы, пока я приглядывал за Иваном в роли Терминатора. И правильно, на кой ляд мне эти «монки» теперь?..

Наконец, надкалиберная граната «Wiper»... Что на языке родных осин означает «Чистильщик». Или, если угодно, «Стиратель», не все ли равно...

Внешне эта граната напоминает маленькую саперную лопатку. (Ну или морского ската – это кому какое сравнение больше нравится.) «Черенком лопаты» заряжаем гранату в подствольник, при этом ее расширенная и уплощенная часть остается торчать снаружи. Ну и выстреливаем ее, как обычную гранату для подствольника, – у нее в хвостовике для этого соответствующий заряд имеется.

После чего «Чистильщик» немножко летит и множко взрывается. И взрывом своим весьма радикально чистит местность в радиусе десяти метров. Вот если бы в пределах этого радиуса собрались все мои враги!

Но этого нет и не будет. Остается надеяться, что «Чистильщиком» удастся их хотя бы как следует пугнуть...

И вдруг я, размышляющий над вариантами применения своего самого мощного боеприпаса, обнаружил, что граната – прострелена. Надо думать, еще во время боя в Ёлкином Лесу. Одна пуля пробила ее боевую часть... О-о, только не это!

Я изо всех сил отшвырнул «Wireg» прочь. Граната, вращаясь, пролетела полтора десятка метров и бесследно сгинула в ближайшей воронке.

Перевел дух. Ну и ну! А если бы взорвалась?

Впрочем, если трезво рассудить, аэрозоль, который ответственен за объемный взрыв в этом боеприпасе, наверняка бинарный, а то и трехкомпонентный. Стало быть, вероятность подрыва гранаты «Wireg» пулей ничтожна...

Вот так. Таскался с этим проклятым «Чистильщиком» по всей Зоне, из конца в конец, а в итоге что? Тьфу.

Ну и, заканчивая обзор моих вооружений, надо вспомнить моего любимца родом из начала прошлого века, траншейный нож. Им я рассчитывал продырявить минимум одного врага. Вот так, да.

Надо ли говорить, что против взвода вооруженных до зубов парней из «Свободы» всего этого было категорически недостаточно?

Артефакты, которые при мне оставались, картины не меняли.

Некоторые виды «морских ежей» наш брат-сталкер умеет использовать как достаточно эффективные прыгающие мины. А «золотые рыбки» при апгрейде, который умел делать покойный Лодочник, превращаются в отличные одноразовые мортирки. Рвут любую тварь в клочья!

У меня всего этого не было и в помине. Имелась только «звезда Полынь». Наш, так сказать, мирный атом. Демутатор.

И зачем мне, по мнению Ньютона, демутатор? Он что думает, у меня тут от натуги хвост вырастет? Рога и копыта? Так я тогда к больному месту сразу же «звезду» приложу и снова в Комбата демотирую! Так, что ли?

Или все же есть у этой платиновой штуковины какое-то боевое применение? Может, если ее к мине скотчем примотать, такая «вспышка слева» образуется, что в Берлине стекла в окнах повывают?!?

Жаль, что на эксперименты такого рода у меня не было времени. А то, глядишь, моя физиономия красовалась бы в одном ряду с портретами Хирама Максима, Роберта Оппенгеймера и Михаила Калашникова.

Описание моего положения будет неполным, если не упомянуть особенности позиции.

На вершине холма имелись три ложбинки, каждая из которых худо-бедно могла служить окопом для стрельбы лежа.

Центральная ложбинка предоставляла наибольшие удобства для обстрела борзой группы «свободовцев» на пустоши за рекой Бечевка. Крайняя западная – для огневого боя с мерзавцами, засевшими в Ёлкином Лесу.

Оба фланговых ската холма – и западный, и восточный – были наглухо запечатаны аномалиями. Мой детектор показывал и жарки, и электры, и карусели. Два роскошных, пышущих жаром разлома наблюдались визуально. Как, кстати, и гигантская воронка. Листья и былинки кружились над эпицентром воронки, гонимые ленивым до времени штопорным

возмущением гравитационного поля.

«Крупная... Не дай Бог такую возбудить! Она в себя и «Титаник» запрессует. А выплюнет такой смерч железной шрапнели, что иссечет весь лес в мелкую щепу».

Конечно, мне было наплевать на всю эту аномалистику. Точнее, меня интересовал лишь тактический аспект, а он был крайне благоприятен для обороняющегося. Конфигурация аномальных зон была такова, что я был надежно прикрыт ими с флангов и чувствовал себя царем Леонидом в Фермопильском ущелье. Не ясно было, правда, куда задевались триста долбанных спартанцев...

Кстати о спартанцах. Я осторожно высунулся из укрытия, чтобы глянуть, как там Тополь с Ильзой.

Неплохо, неплохо... Они уже были на полпути к дереву с опаленной верхушкой. Тут же я обнаружил и нездоровое оживление в отряде за рекой.

Потеряв всякий страх, «свободовцы» приткими перебежками приближались к Бечевке. Требовалось немедленно их проучить.

Я не пожалел четырех пуль гауссовки, чтобы разорвать надвое их снайпера с узнаваемым веслом винтовки СВД за плечами. После такого аргумента у них поубавилось прыти, и остальные «свободовцы», мгновенно попадая на землю, прикинулись ветошью.

К сожалению, врагов было много. И снайперов у них тоже хватало.

Двое вильгельмов теллей из Ёлкина Леса смогли занять удобные огневые позиции и открыли охоту за моим левым ботинком – единственной видимой им частью сталкера Комбата. Ботинок быстро остался без каблука. К счастью, ступню не задели.

Я сразу же перекатился в другую ложбинку, извернулся ужом и, подавляя дрожь в руках, подключил бинокль к ПДА при помощи мини-коннектора USB.

Выставив бинокль на бруствер, я жадно впился в экранчик ПДА, на который пошло изображение.

Полминуты напряженного ожидания – и снайперы-«сво-бодовцы», нервно открыв беглый огонь по бликам моего бинокля, раскрыли свои позиции.

«Так-так-так... Развел, как лохов... Отличненько!»

Запомнив ориентиры, я подтянул к себе гауссовку и привел к молчанию одного за другим обоих снайперов.

Это была редкая удача, но я не радовался. Мне было глубоко по фигу, сколько именно боевиков клана «Свобода» я изничтожу. Важно было лишь, чтобы Тополь с Ильзой благополучно достигли лодки.

Меж тем у них все вроде бы складывалось.

На пару минут они исчезли в зеленке. Тополь искал наш тайник и отвязывал лодку.

Когда на стремнину быстрого потока выскользнула алюминиевая красавица, я понял: удалось.

И Тополь, и Ильза лежали на дне – чтобы не схлопотать шальную пулю. Правильное решение! Я сам поступил бы так же.

Чувствуя, что добыча ускользает от них, «свободовцы» будто утратили инстинкт самосохранения.

Отряд с дальнего берега Бечевки бегом бросился к реке, к уже близким, спасительным для них зарослям боярышника.

Одновременно с этим второй отряд разделился на две группы. Одна группа, не меняя позиций, открыла ураганный огонь по вершине, а вторая цепью бросилась к южному скату холма. Это я успел увидеть на экранчике своего ПДА, прежде чем ураганный огонь разбил мой бинокль вдребезги.

Пора было уходить с гребня холма, пока моя удобная ложбинка-окоп не превратилась в удобную могилу.

Я скатился вниз по северному скату метров на пять, волоча за собой рюкзак. Из положения полулежа я выпустил в бегущих к Бечевке «свободовцев» все остававшиеся у меня пули к гауссовке.

Затем, методично снабжая каждую РГД осколочной рубашкой, перебросил все три гранаты через вершину холма, адресуя их той группе камикадзе, которая решила пойти на открытый штурм моей позиции.

Я надеялся, что эргэдэшки задержат атакующих хотя бы на полминуты. И, похоже, мне это удалось.

Эти полминуты я потратил с толком. Выставив прицел «Грозы» на четыреста метров, я отстрелял короткими очередями оба магазина по «свободовцам» за Бечевкой.

Если гауссовка предоставляла какие-то шансы, то попасть на такой дистанции из «Грозы» было совершенно невозможно. Разве что случайно.

Да, я ни в кого не попал. Но, вновь заставив «свободовцев» залечь, мне удалось выиграть у судьбы те самые несколько мгновений, которые требовались быстрому течению, чтобы вынести лодку с Тополем и Ильзой далеко за возможный сектор огня преследователей.

Лодка полностью скрылась из глаз.

«Прощайте, друзья».

Неожиданно накатила волна горячей сентиментальности.

Я вдруг понял, что друзья мои ушли насовсем. Что я остался один на этом изгрызенном аномалиями холме. Что лишь одна смерть ищет теперь моего общества. И что жизнь – дерьмо, а умирать все равно не хочется...

«Последний бой – он трудный самый», – всплыла в голове неопознанная цитата.

Положение мое было абсолютно безвыходным.

Боеприпасы – почти на нуле.

Помощи ждать – неоткуда.

Бежать? Куда? Как? Бежать быстро означает, что рано или поздно по недосмотру попадешь в мясорубку. А если не в мясорубку, то в жарку. Если же «бежать медленно», то это уже не бег, а ходьба. И тогда очень быстро станешь добычей вражеских пуль. В какую бы сторону ты ни двигался.

Вот если бы под землю провалиться!

Кстати о земле...

Мой рассеянный взгляд упал на гигантскую воронку, над которой теперь, помимо листьев, кружились полтора десятка перехваченных пуль и облачко словно бы сигаретного дыма.

Это облачко напомнило мне радон, который выделяется на Касьяновых топях. Он тоже такими вот призрачными вуалями повисает – их в сумерках видно, фосфоресцируют они между кочек. Вспомнилась мне и Мисс-86, которая, прежде чем исчезнуть, сделала круг почета вокруг эпицентра одной из гравитационных аномалий, а потом вдруг показалась из совсем другой воронки...

Погодите, господа. Это что же получается, воронки на Огородах связаны между собой? Если она в одну нырнула, а из другой вынырнула, значит, связаны?! Или я ничего не понимаю в законах физики! А точнее даже – логики!

И тут меня осенило.

Осенило так, что даже пальцы на ногах занемели. Я даже вспотел, такой у меня был приход.

Я вдруг вспомнил легенду о «звезде Полыни», которую совсем недавно считал чистым бредом. О сталкере, который со «звездой» в руках угодил в воронку, но потом спустя пару дней появился в «Шти» целым и невредимым, хотя и изрядно потрепанным. И плел какую-то околесицу о том, что выскочил из-под земли на Агропроме, словно пробка из бутылки...

Решение созрело во мне быстрее, чем мой мозг успел прокрутить все аргументы против. Неудивительно, ведь «свободовцы» не оставляли мне времени на дискуссии с внутренним голосом! Бандерлоги были уже достаточно близко, чтобы подвергнуть меня обстрелу через холм из подствольников по-минометному.

Гранаты падали не так точно, чтобы оторвать мне голову. И все-таки их было вполне

достаточно, чтобы вероятность быть наспигованным осколками быстро стремилась к ста процентам.

Я надел на себя рюкзак.

Взял в левую руку «звезду Полынь», крепко прижав ее к груди, как щит. Ох, тяжелая!

В правую руку я взял «хай пауэр» (в нем последнем еще оставался полный магазин).

И с криком «Мама!» бросился в воронку, выдерживая направление на темное пятно, обозначающее ее эпицентр...

Запомнилось мне немного, но запомнившегося достанет на пять диагнозов из архива старого доброго дурдома.

С каждым шагом к эпицентру воронки всё вокруг меня меняло цвет, приобретало вначале синий, а затем фиолетовый оттенок. Я очень быстро бежал. Мне казалось, бег мой затянулся уже на несколько минут, я выбивался из сил, а черное пятно, к которому я стремился, было по-прежнему столь же далеко, как и в начале.

В меня наверняка стреляли боевики «Свободы», вышедшие на гребень холма. По крайней мере с какого-то момента я обнаружил, что слева и справа от меня движутся металлические прутья длиной сантиметров по тридцать. Полагаю, это были пули.

Возможно, вместе с аномальным изменением метрики пространства пули действительно вытянулись в направлении эпицентра гравитационного катаклизма. Или, что скорее, это был всего лишь один из эффектов моего исказившегося субъективного восприятия. Например, из-за изменения течения времени я мог начать воспринимать как слитное целое множество последовательных положений пуль в пространстве.

Потом я вдруг обнаружил, что нахожусь уже по ту сторону темного пятна на земле. Весь микрокосмос аномальной зоны словно бы вывернулся наизнанку вокруг полюса катаклизма!

А по ту сторону полюса я увидел... себя!

Сталкер Комбат бежал мне навстречу, прижимая к груди «звезду Полынь» и энергично отмахивая правой рукой, в которой чернел вороненый ствол «хай пауэра».

Комбат – то есть я, хотя я-то был по ту сторону эпицентра, поэтому буду говорить «он», – озарился вдруг металлическим белым блеском.

Спустя секунду я понял, что невидимый, потусторонний ветер невероятной силы – излучение? мощный поток частиц?! – бьет в грудь Комбату, прямо в «звезду Полынь», которую он прижимал к себе. И, ударяясь о «звезду Полынь», этот невероятный ветер рвет ее на частички, на крошечные кусочки, разбирает материю артефакта на ниточки и струйки. Они змеились под напором квантового ветра по туловищу, по рукам и ногам Комбата, растекались по его лицу, покрывая его тончайшим металлическим покровом.

И когда вдруг ударил из эпицентра воронки страшный черный свет, *антисвет* взрывного гравитационного коллапса, он ничего не смог поделать с Комбатов. Человек с «хай пауэром» в руке был защищен тончайшим, но сверхпрочным коконом, в который превратился вдруг слепок надмирных энергий, известный нам, невежественным смертным, как «звезда Полынь».

Глава 25. Здравствуйте, крупные суммы!

*New car, caviar, four star daydream,
Think I'll buy me a football team.
«Money», Pink Floyd*

Шел дождь и рота красноармейцев ...

Я решил, что если моей повести суждено иметь эпилог, то пусть он начнется именно

этой дурацкой фразой .это не эпилог

Ваш Комбат брел через Касьяновы топи, опираясь на посох, наскоро изваянный при помощи смекалки и траншейного ножа. В его ботинках хлюпала противная болотная жижа. Фосфоресцирующий радоновый туман стелился над землей. В горле у Комбата першило – будто накануне он выпил, не закусывая, литр водки.

Из-за этого чертова радона Комбату еще предстояло обколоться антидотами до потери пульса.

И все же я был счастлив. Ведь я вышел из воронки. Живым!

Подвиньтесь, великие сталкеры – Шухов, Семеновский, Хемуль! Теперь легенды сложат и обо мне! О том счастливце, которого засосала воронка, но благодаря чудесному и редчайшему артефакту тот остался жив!

Не зря фотограф Ньютон нас снимал.

Он, приближенный Хозяев Зоны, знал: будет что-то чудесное! И не зря велел он Тополлю отдать мне «звезду Полюнь»! Если бы не «звезда», гнить мне сейчас на том холме над Бечевкой с двумя десятками пулевых ранений...

О том, что было внутри воронки после того, как я пронаблюдал «эффект близнецов» и она меня все же втянула, я помню мало.

Помню, было темно и темнота казалась какой-то, что ли, одушевленной...

Помню покалывание на поверхности кожи, давление в подвздошье. Но это было не больно. Максимум неприятно. Словно бы скользишь во сне по наполненному тяжелой жидкостью тоннелю в направлении выхода. Ни желаний, ни страхов, ничего.

Зато когда воронка меня выплюнула (да-да, как бутылка шампанского пробку!) и я обнаружил себя на твердой земле, стоящим на четвереньках, мои ощущения вдруг зашкалили за максимум.

Я начал чувствовать боль: заныло ушибленное колено, адски заболела голова, раскаленной печкой запылала рваная рана на плече от касательного пулевого ранения...

Я сидел на корточках посреди Касьяновых топей и озирался. Дело шло к закату. Над топиями поднимался туман.

Моего верного «хай пауэра» при мне больше не было – как видно, странствуя по гравитационному тоннелю, я выпустил его из рук.

ПДА – тоже сорвало, похоже, лопнул потертый ремешок...

Фляга, подарок старого друга Кнопки, – даже она потерялась на дорогах судьбы...

Ну а «звезда Полюнь» – та просто аннигилировала, пожертвовав мне свое иномирное свечение. Впрочем, если бы «звезда» осталась цела-целехонька – это была бы совсем не научная фантастика.

Прямо передо мной устремлялась ввысь растроянным стволом-трезубцем густо обросшая лишайником береза. Справа желтел ствол мертвой ветлы.

Я знал это место!

Я находился совсем недалеко от Поляны, где мы с Тополем обычно обедаем, той самой, где я встретил Мисс-86.

«А что, если между тем днем, когда воронка меня засосала, и днем сегодняшним прошел месяц? Год? Двадцать лет? И я теперь такой же электромагнитный феномен, как Мисс-86, и обречен скитаться в чужом времени?»

Но думать об этом было страшно. А страхов, пожалуй, на ближайшее время с меня хватит.

Пора было топать домой!

Я представил себе весь маршрут через Периметр. Вспомнил месторасположение своих тайников – тут можно разжиться более-менее приличной «цивильной» одеждой взамен окровавленной рванины, там запрятана запаянная бутылка с хорошей питьевой водой. В это время суток анфоровцы обычно собираются на ужин, а на ужин у них какие-нибудь котлеты из индейки с пюрешечкой, компот из сухофруктов и ватрушки...

В это время суток выходить из Зоны – одно удовольствие. Никому ты, такой борзой, и

даром не нужен.

В окошке моей избушки на бетонных ножках горел свет – это я заметил еще метров за сто.

В животе у меня начало бурчать – стоило мне отойти от Периметра на триста метров, как я вдруг осознал, что зверски оголодал (последним, что я съел, был «Завтрак туриста» – мы по-братски делили его с Ильзой, тогда еще живым Иваном и Тополем, у моего схрона в Ёлкином Лесу, ежась от утренней прохлады).

Однако свет...

«Интересно, кого занесло ко мне в гости?»

На самом деле вариантов ответа было много. От самых приятных (Тополь и Ильза) до нейтральных (Мариша) и самых неприятных (пацаны из «Свободы», бандосы и тэдэ).

Могли быть также варианты сумасшедшие и экзотические – например, пришли судебные исполнители. Вот, например, продал мне Хуарес этот дом. А вдруг он ему и не принадлежал совсем, а являлся священной недвижимой собственностью какого-нибудь Фернандеса или Лопеса? А Хуарес только документы подделал, чтобы нажиться? И теперь истинный хозяин дома подал на меня, оболваненного покупателя, в суд, а суд вынес решение: Комбата из чужого дома выселить! А что, не надо было клювом клацать, а надо – по ментовским базам данных покупаемую недвижимость пробивать! Да... гхм... кажется, крыша у меня все же слегка подъехала после этой воронки...

Я не верил в судебных исполнителей.

И в бандосов в общем-то тоже.

Но все же я решил не обнаруживать себя раньше времени. И оттого не пошел через калитку, как все нормальные люди. А двинул я через крохотный садик (если этим милым словом можно назвать совокупность из десяти траченных паршой смородиновых кустов, неплодоносящей вишни-шпанки и груши-дичка).

Возле кухонного окна я замер.

В щель между кружевными занавесками я заметил мужское плечо, туго обтянутое рукавом шелковой рубашки насыщенного зеленого цвета.

Есть ли у Тополя зеленая рубашка?

А хрен его знает.

Есть ли у меня в шкафу зеленая рубашка? Аналогично. Может, кто и подарил. Это кем же надо быть, чтобы все свои рубашки помнить? Девчонкой! А у меня к вещам носильным отношение такое... несколько детское, несерьезное. То есть нормальное, мужское, ну, вы поняли.

Вот в просвете мелькнула лысая башка.

Это уж точно не Тополь. И не Ильза.

Впрочем... Мужская башка или женская?

Э-э... Да ведь голова-то женская. Женская! Это Ильза! Слава Богу! Видать, шальной пулей ее черный парик сорвало. Или просто сушит его после того, как он в глинистой Бечевке искупался.

Я шморгнул носом. При виде Ильзы с голым черепом я вдруг растрогался. Бедная, бедная девочка...

С минуту я простоял неподвижно, упершись лбом в оконную раму. Я собирался с мыслями. И радовался тому, что вообще дошел.

Но вот дождь усилился, превратившись в настоящий ливень. Я встал на цыпочки и постучал в стекло костяшкой безымянного пальца.

– В итоге... я... оказался посреди топей, – скруглил я свой сбивчивый рассказ.

Передо мной стояла чашка кофе (пустая), стакан с двумя грейпфрутовыми зернышками

(он уже два раза за этот вечер наполнялся свежавыжатым соком, но теперь снова пустовал) и чашка со спитым пакетиком из-под черного чая. Я хотел всего и побольше. Ильза не успевала подносить! Кстати об Ильзе. За те три часа, что они с Тополем провели в моей берлоге, она успела прекрасно обвыкнуться в роли хозяйки.

На ней были мои (мои!) спортивные штаны «Адидас» с тремя фирменными полосами по бокам. Моя же футболка с надписью «It must suck to be you». И мой полосатый фартук для кулинарно-гастрономических увеселений (парик ее, как выяснилось, и впрямь утонул, только не в Бечевке, а уже в Припяти, когда лодка, наскочив на корягу, предательски перевернулась, обеспечив своим пассажирам бодрящее осеннее купание.)

Когда я постучал в окно, Ильза как раз заканчивала тушить в пиве свинину. За несколько минут до моего появления она обжарила мясо до золотистой корочки и теперь собралась порадовать нас немецким национальным блюдом.

В общем, жизнь налаживалась. Напротив меня, ссутулившись, сидел Тополь – изможденный и невыразимо печальный.

Он слушал мой рассказ почти не перебивая.

– А «звезда Полюнь» спасла мне жизнь и растаяла...

– Растаяла? Ну и хрен с ней! – Тополь легкомысленно махнул рукой. – Главное, что с тобой все в порядке!

У меня камень упал с души. Я опасался, что Тополь будет смертельно расстроен аннигиляцией артефакта своей мечты.

– Вот ваше мясо... друзья! – провозвестила Ильза, приветливо улыбаясь.

В следующее мгновение на скатерти передо мной возникла тарелка с аппетитными кусками свинины, пахнущими... да-да, тем самым темным «Пауланером», что еще недавно скучал у меня в холодильнике!

– Ух ты! – обрадовался Тополь, придвигая к себе свою порцию.

– Гутен аппетит! – пожелала нам Ильза и, сложив ладони на груди... принялась молиться.

Неожиданно! Я был умилен. Я расправил на коленях тряпичную салфетку и...

Увы, атмосфера уютного вечера в семейном кругу переменилась в одно мгновение.

В окно ударил ослепительный свет башенной фары бэтээра. Весь мой домик затрясся от сочного вертолетного рокота. Вмиг захотелось припасть к прицелу зенитного пулемета.

Я сглотнул слюну. Отложил столовые приборы. И, полнясь самыми недобрыми предчувствиями, крикнул:

– К окнам не приближаться!

«Ну что у нас за счастье такое малобюджетное? Только от одних спасся, как тут же другие к тебе готовятся вломиться...»

Думая так, я быстро метнулся к лестнице и вылез на чердак. Припал к слуховому окошку.

В рот мне ноги!

Похоже, из-за моей скромной персоны подняли в ружье ближайшую дежурную роту Анфора. В полном составе.

Не меньше четырех «Лухсов» деловито разъезжали взад-вперед перед покосившейся калиткой, протягивая к моему бунгалу хищные хоботки своих тридцатимиллиметровок. Над ними виражила пара «Скайфоксов». А прямо на уровне моих глаз роились несколько дронов – беспилотных разведчиков.

Ну и живая сила, конечно же. Как без нее?

Прикрываясь броней, за каждым «Лухсом» семенила огневая секция из пяти бойцов.

Снайперов я нигде не видел, но хребтом чувал, что без них не обойдется.

Наконец к свету башенных фар бэтээров прибавились запредельно яркие посадочные прожектора вертолетов, и суровый голос из громкоговорителя провозвестил:

– Пушкирев Владимир Сергеевич, тысяча девятьсот девяносто восьмого года рождения! Вы полностью окружены! Сопротивление бесполезно! Выходите из дома с поднятыми

руками!

Пока голос повторял все это для тупых и непонятливых, я успел спуститься к Тополю и Ильзе.

– Вот так и поужинаешь, бывало... – досадливо процедил я.

– Что делать будем? – вполголоса спросил Тополь.

– Да что делать? Буду делать то, что они требуют. А именно – сдаваться.

– Гм...

– Почему нет? Я закон не нарушаю. Ну то есть нарушаю, но только по мелочи. Скорее всего больше двух лет условно мне не дадут, особенно если адвоката хорошего нанять. Потому что «самовольное проникновение в Зону Отчуждения» – это вам не малолетних огуливать и не старушек топором по черепу. Это так, ерунда... Ну а касательно мокрых наших дел, так не было их, это же ясно как дважды два четыре.

– Ну... тебе виднее.

– В любом случае воевать с такой ордой – без мазы... – развел руками я. – Да и не в Зоне мы, чтобы воевать...

Тополь грустно кивнул. По этому кивку я понял, что если бы не смертельная усталость, которая навалилась на него своей тысячетонной тушей, он бы со мной, возможно, и поспорил. А так...

Тем временем голос из громкоговорителя повторил призывы к негодяйскому Владимиру Пушкареву, то есть ко мне, в третий раз.

– Это из-за меня, – сказала Ильза.

– Из-за тебя? Это вряд ли... – отмахнулся Тополь.

Продолжить этот интересный разговор мы никак не успевали – мне пора было сдаваться силам правопорядка. Не то раскатают избушку по бревнышкам...

Я вышел на покосившееся крыльцо своего неприглядного для внешнего наблюдателя жилища как был – в грязной, заляпанной ржавыми пятнами крови армейской майке и штанах-камуфляжах. На ногах у меня были стоптанные домашние тапочки с мордами собачек-далматинов – подарок предшественницы Мариши по имени Ася на какой-то из дней святого Валентина.

Вкупе со всклокоченными волосами и двухдневной небритостью все это давало феерическую картину: уголовник Пушкарев, не выдержав морального давления, является с повинной.

– Эй, вот он я! Я сдаюсь! – крикнул я, прикрывая глаза тыльной стороной ладони от слепящего света. – И я не вооружен! Что мне делать теперь?

Мне довольно долго не отвечали. Я даже успел подмерзнуть – в одной майке-то!

– Очень хорошо... – наконец сказал громкоговоритель, как мне показалось, сказал несколько обескураженно. Похоже, они не ожидали, что я сдамся так быстро и буду выглядеть таким жалким. – С вами хочет поговорить князь Лихтенштейнский Бертран Адам Третий! Стойте на месте, не двигайтесь!

«Хренасе! Вот это называется демократия! Мы в двадцать первом веке или в четырнадцатом? Это что же выходит, они военный парад перед моей халабудой развели, чтобы со мной, ничтожным смердом, поговорил этот самый князь, сияющий как небо?»

Тем временем по ту сторону от моей калитки совершил посадку понтный вертолет R-77 «Aries».

Из него шустро выскочили шестеро безукоризненно одетых и отменно постриженных холуйков.

Один из них выдвинул раскладную лестницу, соединяющую с землей салон вертолета.

Остальные раскатали... красную ковровую дорожку. От вертолета к моему крыльцу. Церемония Оскара, мля.

Надо сказать, ковровая дорожка очень даже смотрелась на пыльных листьях загаженного воробьями и бродячими кабыздохами спорыша!

На эту-то ковровую дорожку и ступил высокий господин лет этак за шестьдесят, с

орлиным профилем, бледным морщинистым лицом и седой, но достаточно густой шевелюрой. На господине был дорогой кашемировый костюм, неопределенного цвета галстук и идеально чистые туфли. Убейте меня, если я представлял себя князя Лихтенштейнского как-то иначе!

Рядом с князем шли еще три человека. По звериному блеску в глазах я признал в двух из них телохранителей. По интеллигентным очочкам – переводчика.

Движения князя были торопливыми и нервными. Как видно, он был доведен обстоятельствами до точки кипения.

– Где моя дочь? – громко спросил князь вместо «здрасьте».

Спросил, конечно, на немецком. Но переводчик тут же перегнал этот вопрос на мой родной язык – язык бесконечного сериала «Семья Пугачевых» и девчачьей рок-группы «Миннетки».

Поначалу я хотел напомнить старичку, что поздороваться неплохо бы. Но потом решил – перебьется.

– Ильза ист хиэр, – отчеканил я на немецком, удивляя себя самого. Это означало «Ильза здесь».

– Зи ист о'кей. Ихь руфе зи ан! – продолжал я, пользуясь всеобщим замешательством. Что означало: «Она в порядке. Я сейчас ее позову!»

И чтобы добить врага окончательно, я добавил:

– Юбригенс майн намэ ист Владимир. («Кстати, меня зовут Вова».)

– Ви Путин? – спросил ошарашенный князь. («Как Путина?»)

– Йа. («Да».)

– Битте... Их... Их либе зи зо... зо зэр... («Пожалуйста... Я так сильно ее люблю...») –

И, произнеся эти слова, гонористый старик вдруг разрыдался, спрятав лицо на плече телохранителя.

Обслуга, военные и неопознанные гражданские лица, ставшие свидетелями этой сцены, смотрели на меня квадратными глазами, будто я был медведем, вышедшим из чащи и вдруг заговорившим человеческим голосом! Надо же, русский унтерменш – и говорит по-немецки!

Князь тем временем продолжал по-бабьи громко всхлипывать и причитать что-то неразборчивое.

А чего причитать, спрашивается?! Можно подумать, я украл эту Ильзу! Да я ей жизнь, между прочим, спас! Раз двадцать подряд! Но на то, чтобы объяснить это князю Лихтенштейнскому, запаса моего немецкого уже не доставало. Ничего, Ильза ему потом объяснит. Хочет, не хочет, а объяснить ей придется. Потому что папеньке нам деньги еще платить обещанные...

– Стойте здесь... Я сейчас ее приведу, – пообещал я.

Стоило мне захлопнуть за собой входную дверь, как настроение у меня начало портиться. И притом стремительно. Я вдруг понял, что сейчас эти суетливые люди из вертолетов возьмут, да и увезут куда-то принцессу Ильзу. Мою Ильзу.

Да-да, я уже привык думать о ней как о своей Ильзе. Привык, что она всегда рядом, что есть кого спасать. И парик ее совсем не портил... Говоря по правде, ей было неплохо даже без парика. «Весна в тифозном бараке» – это тоже в общем-то стиль, не хуже других. Ну то есть был еще шрам, пугающий, розовый. А с другой стороны – что в нем пугающего, ну подумаешь, какой-то шрам! В общем, лучше Ильза без волос и со шрамом. Чем Мариша кудрявая и здоровая. Да, я влюбился в немецкую принцессу. Нужно ли за это меня презирать? Или нужно жалеть?

Ильза и Тополь сидели за столом с каменными рожами истуканов с острова Пасхи.

Перед ними стояли тарелки с нетронутой свининой, тушенной в пиве «Пауланер». Мясо небось уже успело остыть...

– Там приехал твой папа, Ильза, – замогильным тоном сообщил я. – Понятия не имею, откуда он узнал, что ты здесь...

– Я думаю... он узнал из-за этого, – сказала Ильза, указательным пальцем поднимая со

своей изрядной груди массивную подвеску в виде серебряного оленя, ту самую, что запомнилась мне с первой нашей встречи, когда я обнаружил их с «разрядившимся» сигомом Иваном на берегу Янтарного. – Тут такая штука... радио...

– Передатчик? – подсказал я.

Ильза кивнула.

– Ну, я бы на месте любого папаши так сделал, – проворчал Тополь. – Чтобы всегда знать, в каком именно клубе дочурка дергает по ноздре... Если бы не Каменное Небо, которое полностью отгородило их вместе со всеми радиосигналами от внешнего мира, они бы нашли Ильзу с Иваном еще в день крушения вертолета!

– В общем, собирайся, они ждут, – сказал я, хотя не совсем понятно, что именно Ильзе надо было собирать, вещей-то у нее не было!

И в этот момент Ильза... бросилась мне на шею и расплакалась.

– Комбат! Комбат! – бессмысленно повторяла она, очень по-крестьянски хлюпая своим аристократическим носом. – Владимир! Ты такой... ты... самый лучший!

Прозвище «Комбат» она произносила как «Комбать». А имя Владимир – как Владимі́р Р...

– Ну что ты ревешь... Мы же не навсегда расстанемся! – утешал ее я.

«Или навсегда?»

– Скоро увидимся, принцесса ты моя на горошине! Ты себе парик новый купишь, лучше прежнего...

– Правда увидимся?

– Да правда, правда, на вот, высморкайся...

Тополь смотрел на нас как на двух умственно отсталых. Выражаясь деликатно, он не слишком верил в любовь. Тем более – в любовь между принцессой и сталкером.

Дальнейшее не представляет особого художественного интереса. Ильзу увезли домой. А нам с Тополем выдали деньги. В спортивной сумке. Как выяснилось чуть позднее, деньги у них были приготовлены загодя, они думали, мы будем удерживать Ильзу в заложниках...

Итак, деньги. По сто тонн на брата. Некисло, да?

Выглядело все это так, будто мы с Тополем поймали в Зоне мегаценного живого зверя. И выгодно продали его в иноземный зверинец.

Деньги, конечно, подсластили пилюлю. Но все равно мне было грустно. Той ночью мы с Тополем нахреначились вдрабадан, благо у меня в баре обнаружилась непочатая литровая бутылка первой классной ирландской отравы «Тулламор Дью». Оно, конечно, если по уму, то надо было бы схватить лихтенштейнские денежки в охапку и бежать куда подальше. Но разве мы с Комбатом делаем что-нибудь «по уму»?

«Доброе утро, господин Комбат! Готов выдать причитающуюся вам сумму в любое удобное вам время в любом удобном вам месте. Пишите, жду с нетерпением. Рыбин».

Это сообщение пришло мне на телефон, когда на часах было 7:00.

Вообще-то я ранняя пташка. Но в тот день в 7:00 я еще спал (см. «Тулламор Дью»). Поэтому сообщение Рыбина я прочел в 9:00.

И если до прочтения этого сообщения я был сонным и похмельным, то после него начал чувствовать себя похмельным и на взводе.

– Костя, вставай. – Я потормошил Тополя за плечо. – Труба зовет нах...

– А? Кому?

– Рыбин пишет.

– Кто?

– Рыбин. Мой друг из Организации. Объявился наконец. И жаждет встречи, – пояснил я.

Костя вскочил с дивана как ужаленный и уставился на меня бессмысленными красными глазами.

– Как ты думаешь, он по-прежнему хочет нас пристрелить?
– Если бы он хотел нас пристрелить, он бы нас уже пристрелил. Например, этой ночью. Пока мы тут бухие лежали, как два бревна.

– То есть ты думаешь, эти пацаны из «Свободы» работали не на него?
– Да я не знаю... Но, откровенно говоря, вряд ли... Я тут поразмыслил – а зачем, собственно, Рыбину «свободовцы»? Если он и впрямь из ФСБ, а мне кажется, чутье меня не обманывает, неясно, зачем ему нанимать чужих мудаков, если у него полно своих... И зачем устраивать разборки прямо в Зоне, если по вполне легальным каналам нас с контейнером можно прижопить в какой-нибудь «Лейке» без всякого шума и пыли...

– Резонно... И какая мораль?
– Если он хочет встретиться, надо встретиться. И побыстрее отдать ему этот контейнер.
– Ты хочешь, чтобы я пошел с тобой? – спросил Тополь, зевая во весь рот.
– Да. Пока мы будем говорить с Рыбиным, держи нас, так сказать, под прицелом. Вряд ли в случае чего это спасет мою молодую жизнь. Но мне определенно будет приятней сдохнуть, если я буду знать, что мой братан Тополь сделал для спасения моей ценной тушки все, что мог.

– Шутишь? – неуверенно спросил Тополь. Я давно заметил: с похмелья у него всегда проблемы с восприятием моих искрометных шуток, иронических историй и саркастических замечаний.

– Нет, не шучу. Ну, то есть я шучу по форме. А по содержанию я очень серьезно хочу, чтобы мы пошли вместе.

– Тогда я сбегаю домой, переоденусь, а? Душ приму...
– Ни в коем случае. Пойдешь в моем. А душ примешь, когда сделаем дело. Чай, не в стриптизе работаем, за запах пота не уволят... Между прочим, в наших интересах поскорее избавиться от этого ёкарного контейнера. От греха подальше. Мы-то с тобой без контейнера точно никому не нужны, чтобы за нами охоты устраивать!

– В таком случае напиши ему, чтобы через час приходил в «Лейку». А Любомиру скажи, чтобы положил в гриль-машину двух цыплят, да пожирнее.

– Ишь, как ты командовать привык на своем Речном Кордоне! – возмутился я. – Командир Уткин, понимаешь! Рыбину я, так и быть, напишу. А вот Любомира завтраком озадачить – это тебе поручается. Телефонная трубка лежит в кухне на подоконнике, если что.

Ровно через час я сидел за моим любимым столиком возле окна, а Тополь – в полуосвещенном углу общего зала нашей горячо любимой «Лейки».

Расписанная под хохлому Мариша шустро носила нам обоим закуски и напитки, а Любомир травил свежие байки из сталкерской жизни.

Одна была про Паганеля, который ездил в Москву и там побывал на выставке редких грызунов. На выставке Паганель приобрел себе пару элитных никарагуанских хомяков по пятьсот единиц за голову, посадил их в трехлитровую банку и пригласил гостей, в основном сталкеров, чтобы обмыть свое возвращение. Наутро Паганель обнаружил, что хомяки утонули в рвоте Ватсона, который в эту банку случайно наблевал со свойственной себе щедростью...

Вторая была про Цыпу, который встретил ораву зомбей. И вот в одном из несчастных узнал он своего бывшего напарника Берию, кинувшего его на хабар. Цыпа сфотографировал его, фотографию распечатал, размножил и расклеил ее во всех барах по эту сторону Периметра, сопроводив подписью «Так будет с каждым, кто предал Дружбу!».

Третья же была посвящена сталкеру Никчему, который обнаружил невдалеке от Армейских складов родник с водой, по химсоставу идентичной армянской воде «Джермук», и попробовал наладить сбыт целебной водички за пределы Зоны, и что из этого вышло (а вышел из этого астрономический штраф от недремлющей санэпидемки)...

Мы с Тополем преувеличенно громко смеялись – я за своим столом, Тополь за своим, – сказывалось нарастающее нервное напряжение, ведь Рыбин опаздывал.

Наконец возле бара остановилась неказистая машина – не то какой-то из последних

сверхэкономичных «фордов», не то что-то корейское, для людей с очень средним достатком.

Из машины вышел... скромняга Рыбин. Да, это был он. И он был один.

На этот раз одет он был в стиле «кэжуал» – джинсы, футболка с длинным рукавом, тертая кожаная куртка. Плюс – неизменный бриллиант в правом ухе.

Мне показалось, по сравнению с прошлым разом он выглядел старше лет на десять. Под глазами – серые тени, морщины – углубились. Волосы – и те, казалось, стали реже. Уж не знаю, что было причиной – может, здоровье, может, семья. А может, утреннее мглистое освещение – на улице было пасмурно и погано.

Мы пожали друг другу руки. Я предложил ему выпить. Он отказался.

– Видите ли, Владимир... Я два дня не спал... В глаза будто песка насыпали, – виновато произнес он.

– Ваша любовница – горячая штучка? – Я похабно подмигнул ему. (Я, как уже говорилось, обожал изображать из себя дурачка во время всяких странных сделок.)

– Если бы! Всё работа... Когда я получил ваше сообщение, я был в Гаване. Нас посылали отдать дань памяти великому Фиделю. В составе делегации, конечно...

– Ну и как, отдали?

– Что?

– Дань памяти.

– Да, конечно, да... Если вы не возражаете, я хотел бы перейти сразу к делу.

Как я ни приглядывался, Рыбин был мало похож на агента «Свободы» или на грозную, никому не подчиняющуюся силу. Даже на человека, от которого исходит опасность, он в то утро толком был не похож.

Скажем, в прошлый раз Рыбин походил на все это гораздо больше. Теперь же каждым мимическим движением, каждым словом он подчеркивал: я всего лишь чиновник, я всего лишь безвольная ложноножка своей Организации. Я – винтик большой машины.

Я поймал напряженный взгляд Тополя и почесал надгубье указательным пальцем – этот условный знак говорил «все в порядке».

Вслед за этим я достал контейнер и поставил его на стол. Дескать, открывайте, проверяйте комплектность. Если знаете, как его открыть.

К слову, пару раз за время нашей совместной с Ильзой и Иваном экспедиции сквозь Зону меня мучило любопытство на предмет «а что же там, собственно, внутри?». И пару раз я жестоко обламывался. Потому что было совсем неясно, как его открывать. Кроме ручки, у чемодана не было ничего. Ни экранчика с сенсорной клавиатурой для ввода пароля. Ни колесиков с цифирьками – для ввода пароля механическими средствами. Ни архаической замочной скважины. Ни даже щели, которая отмечала бы собой место соединения дна контейнера с его крышкой. Какой-то сферический конь в вакууме, честное слово.

Однако Рыбин вел себя так, будто всю жизнь только и делал, что открывал такие контейнеры.

Первым делом он поставил КМПЗ на попа.

Затем положил все свои десять пальцев на неприметные бороздки, которые я принимал за своеобразные ребра жесткости.

Через несколько секунд из боковины КМПЗ с жужжанием выскочил экранчик на ножке. Сбоку экранчика имелось тоненькое стило. Этим стилем Рыбин написал на экранчике какую-то абракадабру.

Затем экранчик подался еще на десять сантиметров вперед, вытянулся чуть вверх и с тем же милым жужжанием трансформировался в нечто вроде монокуляра. Монокуляр сверкнул радужной линзой величиной с пятак и встал под углом в сорок пять градусов к плоскости контейнера.

К этому монокуляру Рыбин приложил правый глаз, предварительно зажмурив левый.

С этим мне тоже все было понятно – Рыбин проходил идентификацию по радужке глаза, которая, как известно, еще уникальнее отпечатков пальцев.

Наконец идентификация окончилась.

– Система «Немезис» приветствует вас, господин Рыбин! – пропел из динамиков чемоданчика приветливый женский голос.

Постойте, господа... Если КМПЗ Рыбина знает, значит, КМПЗ везли Рыбину. Так? И если бы вертолет не упал, он бы и получил этот свой КМПЗ целым и невредимым. А так как вертолет упал, за этим контейнером пришлось ходить в Зону мне. Значит, Рыбин – кто? Законный владелец контейнера. Которому за скромный гонорар я возвращаю его вещь. А вовсе не какой-то там подозрительный разбойник, чьи поручения я выполняю, поддавшись неистовой жажде наживы!

Все это несколько успокаивало.

Но ведь был еще Иван Сигомович Сигомский...

Хоть он и был человеком только наполовину, но его предсмертная просьба («Отдай контейнер магистру!») все же не давала мне покоя. Где-то на уровне подсознания я все время к ней возвращался.

Начать с того, что я понятия не имел, какому такому магистру я должен отдавать чемоданчик, несколько раз едва не стоивший мне жизни.

А во-вторых, с этим же самым Иваном мы, еще тогда, на берегу озера, договорились, что контейнер – мой. Ведь Иван лично давал мне слово, что отдаст мне КМПЗ, если я выведу их с Ильзой из Зоны. Ильзу я вывел, а что не вывел его, Ивана, – так не моя вина. А слово не воробей. И это значит, что теперь я могу делать с КМПЗ что угодно, не обращая внимания ни на какие предсмертные просьбы умирающего сигома (который вдобавок шесть месяцев трахал девушку, которая мне нравится). Во-от...

Но почему же я беспокоился?

Да потому, что ожидал появления того самого загадочного магистра, о котором упоминал Иван. Вот он с минуты на минуту сюда заявится, и начнется... да что угодно, вплоть до перестрелки!

А нужны ли нам перестрелки?

Я вопросительно посмотрел на Тополя. «Нет! Нет! Нет!» – читалось на его крупном лице.

Правильно. Ваш Комбат себе уже мозоль на указательном пальце натер спусковым крючком...

– Что-то не так? – спросил Рыбин, глядя на меня своими холодными водянистыми глазами.

– Да нет, все хорошо... Просто... задумался...

Тем временем чемодан продолжал ворковать:

– Содержимое контейнера сохранно. Никаких повреждений содержимого не зафиксировано. Вы можете убедиться в сохранности содержимого, если посмотрите в окно номер один. Включаю внутреннюю подсветку содержимого.

Снова немножко жужжания. И на передней поверхности контейнера образовалось... окошко величиной с ладонь. Рыбин прильнул к окошку.

С полминуты он осматривал неведомое что-то в глубинах контейнера и наконец, удовлетворено крякнув, распрямился.

– Что ж, господин Комбат... Претензий по сохранности содержимого контейнера у меня к вам нет. Поэтому мы можем переходить ко второй части нашего взаимовыгодного общения...

«Слава Богу, что у него претензий нет. Хороши бы мы были, если бы сейчас выяснилось, что, пока то да сё, содержимое кто-то взял – и стибрил!»

– Я не против – насчет второй части!

Я случайно заметил свое отражение в оконном стекле – лицо у меня было несколько разочарованным. Впрочем, логично. Я был уверен, что, когда Рыбин будет осматривать внутренности контейнера, он позволит и мне взглянуть на то, что сигом Иван назвал загадочным словосочетанием «философский камень». Но – не позволил. Вот я и чувствовал себя несколько фрустрированным.

Я уже собирался без обиняков попросить Рыбина дать и мне взглянуть в окошечко КМПЗ, когда тот одним движением заставил контейнер принять исходный вид сферического коня в вакууме и энергично вскочил со своего стула.

– Погодите минуточку! – сказал Рыбин. – Я сейчас вернусь!

И он, оставив КМПЗ на столе, опрометью бросился к выходу из «Лейки».

В окно я видел – вот наш работник невидимого фронта подскочил к своей малолитражке, вот он бибикнул сигнализацией и наконец извлек из узенького багажника белый кожаный чемодан с хромированной ручкой.

Я не смог сдержать хмельную улыбку. Неужто вот она – сбывча мечт?!

«Небось наш с Костей гонорар...»

Я угадал. В чемоданчике лежали...

– Вот. Как договорились – банковское золото, – сказал Рыбин, тяжело дыша.

На бархатной подкладке чемоданчика, в специальных пазиках, покоились... да-да, настоящие слитки. Золотые слитки!

Судя по клеймам – пятисотграммовые.

Сколько их здесь? Двадцать? Двадцать пять?

– Ну как? – нетерпеливо спросил Рыбин.

– Зашибись... Как говорил великий Карл Маркс, «Золото и серебро по своей природе не деньги, но деньги по своей природе – золото и серебро», – процитировал я.

Рыбин, впервые за все наше общение, воззрился на меня с неподдельным уважением.

– То есть вы удовлетворены?

– Ну... практически.

Я чувствовал, что надо что-нибудь спросить, чтобы не казаться Рыбину конченым простофилей.

– А как у них с качеством? У слитков?

– Качество полностью соответствует стандарту, принятому Лондонской ассоциацией рынка драгоценных металлов. Так называемому London Good Delivery Standard.

Я заткнулся. Что еще спросить?

– В общем... с вами приятно было работать, – сказал я и протянул Рыбину руку.

– Взаимообразно, Владимир Сергеевич.

– Кстати, тут Хуарес тебе денег велел передать – за «косу» и за «колокол», – сказал Любомир, когда Рыбин скрылся из виду.

Я допил свой кофе и подошел поближе к барной стойке, зазывно блестящей отполированным темным деревом.

– Сказали передать – так передавай!

Бармен протянул мне черный мусорный пакет, в котором лежали несколько денежных пачек, перетянутых красной резинкой.

– Скажи Хуаресу спасибо! – улыбнулся я. – Он славный мужик!

– Что, даже пересчитывать не будешь? – удивился Любомир, знающий мой фирменный педантизм и страсть к точности в финансовых расчетах. – Сумма-то большая!

– Не буду... Что-то нет сегодня настроения! – сказал я, небрежно засовывая сверток во внутренний карман джинсовой куртки. А про себя подумал: «Разве это сумма?»

– А что в чемодане-то, Володя?

– Да золото в слитках! – сказал я.

– А-а, золото в слитках! Это дело, – сказал Любомир, широко улыбаясь в седые усы.

Он не поверил, конечно.

А зря.

Потом мы еще долго сидели с Тополем в полутьме самого уютного барного закутка.

Демонстрировать Косте золото в слитках прямо в баре я не стал. Да он и не просил. Он доверчивый, этот Тополь.

Мариша принесла нам наших цыплят. И мы долго ели их жирными скользкими руками. Все это время белый чемоданчик лежал на столе чуть левее локтя Тополя – убрать его с глаз долой мы почему-то не решались, тем более что стол был длинный и места на нем было предостаточно.

Наконец я прикончил своего цыпленка. Отодвинул от себя тарелку. Вытер губы салфеткой.

И, мазнув рассеянным взглядом по чемоданчику, вдруг обратил внимание, что на его верхней крышке имеется некое неприметное тиснение.

Буквы. Не то кириллица, не то латиница. Целая фраза. Девиз фирмы-производителя?

Я перетащил чемоданчик себе на колени.

Кириллица. Какая-то длинная фраза, написанная вычурными вихлястыми буквами, стилизованными под рукописные. Не разобрать.

Я приподнял чемоданчик (ох и тяжелый!), поднес его поближе к лампе. И прочел:

«Меркурий светит белым на закате».

Потер глаза кулаками.

«Чего-чего Меркурий?»

– Что там такое? – в свою очередь насторожился Тополь, не забывая, впрочем, энергично работать челюстями.

– Да на чемодане надпись: «Меркурий светит белым на закате».

– Ну и что?

– А то, что это пароль... Мне Иван говорил, пусть ему хорошо ложится, что, когда ко мне за этим КМПЗ придет какой-то магистр, он скажет пароль: «Меркурий светит белым на закате».

– Выходит, этот Рыбин и был магистром? – Тополь посмотрел на меня глазами любопытного сенбернара.

– Выходит, да... Или не да... Черт! Я уже вообще ни в чем не уверен! – Я стукнул кулаком об стол.

Любомир, Мариша, Черри Торпеда и еще три официантки разом обернулись в нашу сторону.

Я извинительно улынулся им всем – мол, все в порядке, просто нервишки шалят.

– А какая же мораль?

– Не знаю. Наверное, такая, что не только у людей, но и у вещей судьбы есть. И что у КМПЗ судьба попасть к Рыбину, который магистр, что бы ни случилось. А еще такая мораль, что магистр этот очень хитрый. И подстраховался, чтобы наверняка.

– Жизнь – забавная штука, – произнес Тополь, отправляя в рот половинку цыплячьего крыла.

– Угу, – согласился я.

Эпилог

Прошел месяц.

Я наконец-то починил Маришин чайник (вот-вот, пусть видит, я мужик, и руки у меня растут откуда надо, я даже гвоздь могу забить, особенно если его надо забить кому-нибудь в голову!). И купил ей бриллиантовое кольцо.

Я наконец-то приобрел себе новый походный ПДА взамен старого, сгинувшего в воронке (как видно, не суждено было мне доискаться до правды и узнать, был ли у меня в ПДА червяк-стукач или все же мне померещилось?).

Я даже сделал подарок родителям – послал им с шофером в Витебск новенький минивэн с прицепом для путешествий (в нем две кровати, стол, биотуалет и многое прочее, что нужно человеку, живущему в дороге). Они всегда мечтали поехать – так пусть, черт возьми, поедят!

Но даже после приобретения бриллиантового кольца и минивэна денег оставалось так

много, что я даже боялся заглядывать в спортивную сумку, где они лежали (не говоря уже про белый чемодан с хромированной ручкой). Каждый день я рассматривал каталоги яхт, выставленных на продажу. Но никак не мог сделать Главный Выбор Своей Жизни...

Однажды, неожиданно погожим октябрьским утром, на мой ПДА упало письмо от Ильзы. Письмо было написано на русском языке и, судя по количеству опечаток, было напечатано принцессой собственноручно. Если опечатки опустить, получится вот что:

«Дорогой Владимир! Мое здоровье идет к хорошему. Быстро, быстро идет! Мой врач сказал, что в ноябре я обязательно должна отдыхать возле моря. Я решила, что я хочу курорт Сочи. Ты любишь курорт Сочи, Владимир? Если любишь, давай ехать туда вместе. Ты покажешь мне русский стиль. Я читать тебе стихи. Я сочиняю их недавно для тебя. Надеюсь на встречу! Твой женский друг Ильза».

Я расплылся в дебильной улыбке.

Сочи в ноябре. Что может быть глупее? Море – холодное. Воздух – тоже. То и дело срывается дождь... Дует кусачий северо-западный ветер... С другой стороны, не мог же я, патриот, написать Ильзе: «Сочи – отстойный город, в котором нечего делать в ноябре!»

Придется ехать и делать вид, что мы, русские медведи, кушающие мороженое на сорокаградусном морозе, именно так представляем себе идеальный отдых...

Я как раз набирал ответ Ильзе, когда в дверь позвонили.

На пороге стоял Тополь. Он лучился гордостью и держал в руках пухленький конверт.

– Вот, гляди чего пришло! От Ньютона! Фотки!

В конверте и впрямь были фотографии – штук семь-восемь. Глянцевитые, красивые, контрастные. Никому из нас не снять нашими тупыми цифровыми пукалками ничего подобного, как мы ни старайся.

На одной из карточек отыскался ваш покорный слуга, лихой и придурковатый. На остальных был Тополь соло. Портрет: мужественное лицо с волевым подбородком, брови вразлет, цепкий взгляд профессионального героя, три четверти. Вот Тополь с «Грозой» – поясной портрет. Вот Тополь чистит нож, взгляд сбоку. Не хватало, пожалуй, только Тополя с нунчаками.

– Круто, да... Такое и на обложку журнала «Спецназ» не стыдно поставить, – сказал я. – Подари мне одну, а?

– Да бери любую!

Я выбрал себе ту, где Тополь был снят на фоне лагеря ученых, в котором работает некробиотик Трофим. Непринужденная поза древнегреческого Аполлона, только вместо лука и стрел – автомат.

– Хотелось бы Ньютону спасибо сказать... И за фотографии, и за то, что про «звезду Полынь» посоветовал, – задумчиво заметил Тополь.

– Да что же... Как-нибудь встретим его в Зоне – и скажем это самое спасибо.

– Или не встретим, – тихо обронил Тополь. – И не скажем.

Я понимающе кивнул. Лучше не строить планов, когда дело касается Зоны.

Потом мы с Тополем пили чай и кушали сочные люля-кебабы, изготовленные моей опытной рукой из отменной парной баранины.

– А знаешь, – вдруг спросил Тополь, – что такое философский камень? Ну, тот камень, который якобы в контейнере был, который мы Рыбину загнали?

– Конечно, нет!

– Философский камень – это камень, который способен превращать любой металл в золото. Его умели добывать средневековые алхимики. И я даже прочитал, что финансовое могущество некоторых аристократических родов Европы зиждется на незаконном использовании этого самого нехристианского камешка...

– Металлы? В золото? – с набитым ртом переспросил я. – Любые?

– Пишут, что любые...

– Типа, прикоснулся – и сталь превратилась в золото, так?

– Вроде так, – кивнул Тополь.

– Честно говоря, на враки похоже... – сказал я, вываливая себе на тарелку еще одну ароматную котлетку.

– Вот и я так подумал, – отозвался Тополь.

В ближайшие десять минут ни один из нас не проронил ни слова.

Уверен, в те мгновения мы оба думали об одном и том же. А именно о том, что если прочитанное Тополем о философском камне правда... то лучше бы нам было не отдавать КМПЗ Рыбину.

Потому что... потому что потому! Неужели надо пояснять почему?

Но потом я представил себе секретные лаборатории, где на нужды Родины производятся тонны, десятки тонн отменного золота девятьсот девяносто девятой пробы, на которые Родина закупает за границей самое новейшее и самое лучшее, становясь с каждой минутой все краше и комфортнее, и мне полегчало.

Кстати о секретных лабораториях. Случилось мне повидать и некробиотика Трофима – он примчался в бар «Лейка» на заляпанном грязью джипе и затребовал с меня флэшку. Ту самую, с записью датчиков иридиевой клетки, в которой сидел крысиный волк. А также рассказа о моих злоключениях внутри воронки после того, как я бросился в нее со «звездой Полынь».

Наверное, я сильно разочаровал его своим мемуарами в духе «не помню», «не знаю», «как-то не обратил внимания». С другой стороны, что я мог сделать, если он сам слезно просил меня говорить ему правду и только правду, мол, он ученый, ему фантазии не нужны? Вот если бы он разрешил мне врать, я бы наврал ему про русалок с пятым размером бюста, которых я встретил во время своих «вороночных» блужданий. А так...

Потом Трофим сам взял слово. И не отдавал его долгих полчаса.

Он рассказал мне о гравитационном континууме. О том, что, согласно новейшей теории воронки, – это своего рода ворота в систему сообщающихся грависосудов. И что «звезда Полынь» благодаря излучаемым энергиям способна образовывать нечто вроде локальной зоны стабильности...

Я не особенно слушал. Зачем мне? Ведь возвращаться на физфак мне поздновато, вопреки заверениям профессора Добровольцева!

Вообще после одержанных побед я сильно разленился. И даже набрал два килограмма.

Каждый день я уговаривал себя закрыть последнюю скобку в этой истории. А именно – забраться наконец в город Припять, найти ту самую лабораторию средств оперативной диагностики имени академика Качалина, что на проспекте Ленина восемьдесят шесть. И выяснить наконец – а документации там наверняка валяется вагон и маленькая тележка, – действительно ли там работала лаборантка Лидочка Ротова? И если работала, найти эту самую Лидочку вживе, ведь имеются у меня средства, а теперь и деньги.

Что это мне даст, спросите вы? А фиг его знает... Может, ничего и не даст. За исключением ощущения, что последняя скобка закрыта, точка поставлена, и в конце рукописи можно смело печатать: «Конец».

Декабрь 2008 – март 2009